

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 2 (68) № 2. Ч. 2

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки»
является историческим правопреемником журнала
«Ученые записки Таврического университета»,
который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь
2016

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77 - 61821
от 18 мая 2015 года

**Печатается по решению Ученого совета
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
протокол № 11 от 30 ноября 2016 г.**

**Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Филологические науки»:**

Богданович Галина Юрьевна, д-р филол. наук, проф.
(главный редактор)

Александрова Ирина Викторовна – д-р филол. наук, проф.
Борисова Людмила Михайловна – д-р филол. наук, проф.
Гуменюк Виктор Иванович – д-р филол. наук, проф.
Ищенко Наталья Анатольевна – д-р филол. наук, проф.
Курьянов Сергей Олегович – д-р филол. наук, доц.
Меметов Айдер Меметович – д-р филол. наук, проф.
Новикова Марина Алексеевна – д-р филол. наук, проф.
Орехова Людмила Александровна – д-р филол. наук, проф.
Петренко Александр Демьянович – д-р филол. наук, проф.
Савченко Любовь Васильевна – д-р филол. наук, проф.
Титаренко Елена Яковлевна – д-р филол. наук, проф.
Шилина Анжела Григорьевна – д-р филол. наук, проф.
Яблоновская Наталья Всеволодовна – д-р филол. наук, проф.
Ященко Татьяна Антоновна – д-р филол. наук, проф.

Егорова Людмила Геннадьевна – канд. филол. наук, доц.
(ответственный секретарь)

Подписано в печать _____ Формат 70x100 1/16

23 усл. п. л. Заказ № НП / 33

Отпечатано в отделе редакционно-издательской деятельности КФУ
295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

<http://sn-philol.cfuv.ru>

Тираж 50 экз.

Цена свободная

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК: 821.14'06.1

ВЛИЯНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СЮРРЕАЛИЗМА НА ТВОРЧЕСТВО ОДИССЕАСА ЭЛИТИСА

Александрова О. Н.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: zahaleks@mail.ru*

В статье рассматриваются проблемы влияния на становление творческого метода Одиссеаса Элитиса (Οδυσσεάς Ελύτης, 1911-1996) поэзии европейского, преимущественно французского сюрреализма, а также новаторство и традиционность его техники сюрреалистического письма.

Ключевые слова: греческая литература, поэзия греческого сюрреализма, Одиссеас Элитис (Οδυσσεάς Ελύτης).

ВВЕДЕНИЕ

Современный греческий поэт, первый лауреат Национальной поэтической премии Греции 1960 года, лауреат Нобелевской премии 1979 года, дипломат и общественный деятель Одиссеас Алепуделис (Οδυσσεάς Αλεπουδέλλης, 1911-1996), вошедший в мировую литературу под псевдонимом Одиссеас Элитис (Οδυσσεάς Ελύτης), справедливо считается новатором поэзии и национальным поэтом. Кроме него Нобелевской премии из греков был удостоен только Йоргос Сеферис (Γιώργος Σεφέρης, 1900-1971), с которым Элитиса нередко сравнивают, подчеркивая, что каждый из поэтов стал родоначальником литературных направлений в литературе Греции XX века: Сеферис – символизма, а Элитис – сюрреализма.

Одиссеас Элитис – один из немногих современных греческих поэтов, любимых и признанных во всем мире. После вручения ему Нобелевской премии его стихи переводились и публиковались во всем мире: в Германии, Франции, Югославии, Испании, Румынии, Эстонии, Мексике, Венгрии, Аргентине, Италии, Финляндии, России. Ему вручают золотую медаль мэрии Афин, присуждают степень почетного доктора Сорбонны и Лондонского университета.

Традиционно греческие литературоведы относят его творчество к поколению писателей 30-х годов XX века и считают основоположником литературы сюрреализма в Греции.

Эволюция творчества греческого поэта всегда находилась под влиянием европейской поэзии, поэтому **целью** данной работы является выявление влияния на творчество О. Элитиса прежде всего французской и итальянской литератур, изучить связь его творчества с европейской культурой и литературой.

Поставленная цель предусматривает решение следующих **задач**: выявление национальных особенностей греческого сюрреализма, а также новаторство и традиционность творчества Одиссеаса Элитиса в контексте развития европейской и греческой поэзии.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Сюрреалистические тенденции творчества Одиссеаса Элитиса

Семья Одиссеаса Элитиса принадлежала к сторонникам политической партии Элефтериоса Венизелоса (Ελευθέριος Βενιζέλος, 1864-1936), известного греческого политика, сторонника «Великой идеи» в политике и не менее известного англомана. С самим Венизелосом Элитис познакомился в 1923 г. в Лозанне, куда известный политик был вынужден эмигрировать. Отца будущего поэта арестовали за поддержку потерявшего власть премьер-министра, и семья была вынуждена покинуть Грецию. Это изгнание позволило юному Одиссеасу познакомиться с культурами разных стран: Италии, Швейцарии, Германии, Югославии.

Двенадцатилетний подросток, выросший в семье, увлеченной политикой и историей Греции, не мог не сочувствовать революционному порыву граждан Югославии, которые на сто лет позже его родной Греции создавали на его глазах свое национальное государство, так называемую Первую Югославию – Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев. Распад Австро-Венгерской империи, гражданами которой были югославы, безусловно, должен был ему напомнить о национально-освободительной борьбе его Родины против Османской империи в начале XIX века.

Большинство греческих писателей постоянно находится под влиянием двух литератур: древнегреческой, трактуемой как источник национальной греческой культуры, и современной, европейской, воспринимаемой как источник новых литературных идей.

Элитис в своих теоретических работах неоднократно упоминал о противопоставлении и единстве западноевропейской и греческой культур. Он признавал, что геополитически современная Греция – часть Западной Европы. Но также он отмечал, что всегда существовала и восточная сторона, которая занимала не менее важное место в формировании греческого духа и которой нельзя пренебрегать.

Наиболее ярко эта двойственность проявилась в раннем творчестве поэта, в ученические годы, когда авторитет европейских авторов казался неоспоримым, когда верлибр воспринимался как революционное ниспровержение старых канонов, т.к. не сковывал поэтическую фантазию и не ограничивал творческие эксперименты традиционными формальными ограничениями в виде слогового метра, рифмы, регулярной строфики. Поэту, безусловно, импонировала свойственная французским сюрреалистам нарочитая бессвязность текста.

По общему мнению, увлечение Элитиса сюрреализмом начинается довольно поздно, после посещения в феврале 1935 года лекции Андреаса Эмберикоса (Ανδρέας Εμπειρίκος, 1901-1975) «Сюрреализм, новая поэтическая школа». Эта лекция стала очень важным событием в жизни греческой общественности, воспринимаемым как официальная презентация этого литературного направления в греческой литературе.

Но незадолго до этого на увлечение О. Элитисом свободным стихом как основой современной строфики повлиял один из самых ярких греческих интеллектуалов XX века, поклонник итальянской поэзии Йоргос Сарантарис (Γιώργος Σαραντάρης, 1908-1941). Сарантарис был сторонником «чистой поэзии» и одним из первых популяризаторов свободного стиха в Греции. Он не получил широкого признания на Родине, его теоретические работы в области поэзии были малоизвестны, но именно Сарантариса в своем эссе «Открытые карты» Элитис называет самым оригинальным поэтом Греции.

Они были почти сверстниками, их разделяло всего три года. Но именно Сарантарис познакомил Элитиса с новыми философскими и литературными течениями Европы. Они стали единомышленниками в поэзии. Может быть поэтому так часто в их стихах появляются похожие образы: любовь к женщине, одиночество столь всепоглощающее, сравнимое только с небом и морем.

Может быть, благодаря влиянию Сарантариса сюрреалистическая образность поэзии Элитиса стала так близка лирике итальянского сюрреалиста Джузеппе Унгаретти (1888-1970), родившегося в Египте и ставшего законодателем итальянской поэзии в начале XX века:

«Под волнами не замешкав надолго,
Снова заря пленяет,
Серебряным своим полетом
Щеки туманов воспламеняя» [6].

Для Элитиса истинная поэзия – тоже безграничная свобода, ничем не ограниченное творчество, сравнимое только с бесконечной стихией моря:

«Φλοῖστος φιλή στή χαϊδεμένη του ἄμμο – Ἔρωτας
Τῆ γαλανῆ του ἐλευθερία ὁ γλᾶρος
Δίνει στὸν ὀρίζοντα
Κύματα φεύγουν ἔρχονται
Ἀφρισμένη ἀλόκριση στ' αὐτιά τῶν κοχυλιῶν» [3].

«Плеск поцелуй на влажном песке побережья – Эрос
Волю свою лазурную легкая чайка
Дарит горизонту
Волн прилив и отлив
На ушко раковине шепчет пена морская» (пер. А. Кривошековой) [7].

В начале XX века греческая интеллектуальная элита находилась под влиянием европейской, и, прежде всего, французской поэзии. В литературных журналах печатались переводы стихов французских поэтов, в литературных спорах обсуждались французские литературные манифесты. Одним из самых популярных был журнал под редакцией Андреаса Карандониса (Ανδρέας Καραντώνης – псевдоним Перикла Яннопулу (Περικλή Γιαννόπουλου), 1910-1982) «Новое литературное обозрение» («Νέων Γραμματέων»), вокруг которого собралась почти вся будущая греческая литературная элита XX века – Йоргос Сеферис, Косма Политис, Йоргой Теотокис, Ангелос Сикельянос и Одиссеас Элитис.

Любовь ко французской поэзии заставляет Одиссеаса Элитиса вновь и вновь обращаться, например, к творчеству Поля Элюара, переводы стихов которого греческий поэт публикует в одиннадцатом номере журнала «Новое литературное обозрение» за 1935 год, предварив это издание предисловием, в котором отмечает невероятное впечатление, оказываемое на читателей стихами французского сюрреалиста.

Столица Франции навсегда останется для Элитиса центром сюрреалистической поэзии. В Париже греческий поэт наконец может посетить места, где собирались и спорили первые сюрреалисты. В Париже он лично встречается с представителями мировой литературной элиты: с Андре Бретоном, Полем Элюаром, Тристаном Тцара,

Альбером Камю. В Париже поэт становится одним из основателей Международной ассоциации критиков искусства.

Еще в 1925 году Одиссеас Элитис знакомится с основоположником и теоретиком французского сюрреализма Андре Бретоном, и продолжает знакомство с французскими сюрреалистами уже на Родине, когда вместо подготовки ко вступительным экзаменам в университет на факультет естественных наук, чтобы изучать химию, он штудирует теоретические труды Поля Элюара.

В эти годы греческий поэт экспериментирует со словарной структурой, с синтаксисом, что было характерной особенностью не только греческих поэтов поколения 30-х годов, но и всей литературы рубежа XIX-XX веков и первой половины XX века.

Возможно, во французском сюрреализме юного Элитиса привлекла эстетика бунта и экспериментаторства. И слова Бретона о том, что он и его единомышленники полны решимости свершить Революцию в поэзии, и, прежде всего, революцию в поэтической технике вдохновляли его творчество.

Но можно ли назвать Одиссеаса Элитиса ниспровергателем авторитетов? Сам поэт признался, что никогда не был ортодоксальным сюрреалистом.

2. Традиционность и новаторство поэзии Элитиса

Греческий поэт прекрасно понимал революционность сюрреалистического творчества и двойственность собственной позиции: «...с одной стороны, я был в русле поколения, которое склонялось к истокам греческого характера, а, с другой стороны, был первым из другого, склонного принять революционные теории современного движения» («από το ένα μέρος ήμουνα ο στερνός μιας γενιάς, που έσκυβε στις πηγές μιας ελληνικότητας, κι απ' την άλλη ήμουν ο πρώτος μιας άλλης που δέχονταν τις ελασστατικές θεωρίες ενός μοντέρνου κινήματος») [2, с. 14].

Отказ от старых поэтических форм, эксперименты со строфикой во многом стали отражением увлечения фрейдизмом и теорией бессознательного. И, хотя в греческой литературе эти явления воспринимались больше как инструмент интерпретации сюрреалистического сознания в поэзии и не получили широкого распространения, Одиссеас Элитис отдал дань психоанализу, который использовал в своем творчестве избирательно.

В «Первом манифесте» 1924 года, написанном признанным вождем всего направления французским поэтом и психиатром Андре Бретоном (1898 – 1966), говорится: «Сюрреализм представляет собой чистый психологический автоматизм, с помощью которого – словами, рисунком или любым другим способом – делается попытка выразить действительное движение мысли» [5, с. 57].

Греческие поэты воспринимали подобное экспериментаторство как путь достижения некоего синтеза культур, возможности стать своими в культуре современной Европы, создать интеллектуальный тип грека-европейца. Эти идеи должны были импонировать поэту Элитису, чей псевдоним мог восприниматься, например, французами как переделка на греческий лад имени оказавшего непосредственное влияние на творчество Одиссеаса Элитиса Поля Элюара

Нет никаких сведений о влиянии на лирику Элитиса поэзии английских сюрреалистов. Но ему должны быть известны теоретические труды самого популярного из них, Дэвида Эмери Гаскойна (Gascoyne, David Emery, 1916-2001) [4], автора

«Первого английского манифеста сюрреализма» и «Краткого обзора сюрреализма» (1935), в которых разрабатывалась техника реконструкции в стихах состояния сна и искаженной логики.

С другой стороны, Одиссеас Элитис, был истинным греком, патриотом своей Родины. Еще в начале своей творческой деятельности, в 1928 году, Элитис ощущал влияние самых романтических лирических поэтов Греции – Андреаса Кальваса (Ανδρέας Κάλβος, 1792-1869) и Константинаса Кавафиса (Κωνσταντίνος Π. Καβάφης, 1896-1933), в свою очередь, находившихся под сильным влиянием древнегреческой лирики.

Еще маленьким мальчиком (как он впоследствии вспоминал в своем эссе «Открытые карты» (Ανοιχτά χαρτιά), 1974)) он на последние деньги покупал книги и журналы, такие как «Очаг» («Εστία») и «Греческое литературное обозрение» («Ελληνικά Γράμματα»), в которых мог прочитать последние публикации греческих писателей. Эта почти болезненная любовь к родной Греции заставила его самого взяться за перо. И он принимает активное участие в работе детского журнала «Детское воспитание» («Η Διάπλασις των Παίδων»).

Критик и переводчик Эдмунд Кили отметил творческий рост Элитиса и постоянство его интересов: «Хотя его интересы остались в основном теми же, какими были в начале творческого пути... он ищет новые формы для выражения своих вечных тем» [1, с. 81]. Английский поэт и прозаик Лоренс Даррелл писал об Одиссеасе: «У него романтический и лирический ум, склонный к чувственной метафизике... Его стихи – это заклинание, они взывают к жизни тот нетленный греческий мир, который всегда ощущался в европейском сознании» [1, с. 83].

Многие стихи Элитиса были положены на музыку. В разное время поэт посылал композитору Микосу Теодоракису на выбор семь своих поэм. Самая известная поэма «Достойно Есть» стала торжественной ораторией, исполняемой на самых торжественных государственных мероприятиях в Греции. Мелодии Теодоракиса заставили по новому звучать стихи Элитиса «Μαγίνα» и «Небольшой северный ветер» в исполнении Доры Гианнакополоу в сопровождении гитары Нотиса Мавроудиса.

Непогрешимость поэтического вкуса Одиссеаса Элитиса в Греции никогда не подвергалась сомнению. Может быть поэтому в 1952 году он становится членом «Группы Двенадцати», своеобразного аналога французских академиков – «Бессмертных», обязанных следить за тем, чтобы не снижалось качество национальной литературы и назначающих присуждение ежегодных литературных премий лучшим писателям страны.

ВЫВОДЫ

Творчество греческого поэта Одиссеаса Элитиса находилось под значительным воздействием европейских сюрреалистов. Это влияние проявлялось в выборе тематики, в использовании сюрреалистической техники письма, в интерпретации сюжетов.

Одновременно творчество Одиссеаса Элитиса, в котором нередко использовалась традиционная для современной греческой поэзии строфика, оказало не меньшее влияние на развитие греческого сюрреализма

Список литературы

1. Εισαγωγή στην ποίηση του Ελύτη // Άξιον Εστί το τίμημα: εισαγωγή στην ποίηση του Οδυσσέα Ελύτη : [Επιλογή κριτικών κειμένων]. – Ηράκλειο : Πανεπιστημιακές Εκδόσεις Κρήτης, , 1999. – σ. 28-83.
2. Ελύτης Ο. Αυτοπροσωπογραφία σε λόγο ποφορικό / Οδυσσέας Ελύτης. – Αθήνα: Ύψιλον, 2000. – 35 σ.
3. Ελύτης Ο. Προσανατολισμοί // περιοδικό «Νέα Γράμματα», Αθήνα 1936 – Πυρσός, Αθήνα 1940 [Электронный ресурс] / Οδυσσέας Ελύτης. – Режим доступа: <http://kypselis.gr/af-elytis.html> (дата обращения: 20.04.2015).
4. Безносков Д. Обряды истерии. Сюрреализм Дэвида Гаскойна // Опустошитель, № 7, 2012 / [Электронный ресурс] / Денис Безносков. – Режим доступа: <http://litbook.ru/article/1916/> (дата обращения: 16.09.2012).
5. Бретон А. Манифест сюрреализма 1924 года / Андре Бретон // Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западноевропейской литературы. – М. : Прогресс, 1986. – С. 40-59.
6. Кошкина А. Унгаретти Джузеппе [Электронный ресурс] / Аделина Кошкина. – Режим доступа: https://vk.com/topic-16736048_26473610 (дата обращения: 25.01.2016).
7. Элитис О. Ориентиры [Электронный ресурс] // Журнал «Самиздат» [пер. Е.К. Канаки] [Электронный ресурс] / Одиссеас Элитис. – Режим доступа: http://samlib.ru/k/kanaki_e_n/prosanatolismoi.shtml (дата обращения: 16.09.2012).

THE IMPACT OF EUROPEAN SURREALISM ON THE WORK OF ODYSSEUS ELYTIS

Alexandrova O. N.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: zahaleks@mail.ru*

A modern Greek poet, the first laureate of the National poetry award of Greece in 1960, the winner of the Nobel prize in 1979, a diplomat and a public figure Odysseas Alepudelis (Οδυσσέας Αλεπουδέλλης, 1911-1996), who entered into the world literature with the name Odysseas Elytis (Οδυσσέας Ελύτης), is rightly considered to be an innovator of the Greek poetry and a national poet. Among the Greek poets except of him only George Seferis (Γιώργος Σεφέρης, 1900-1971), with whom Elytis is often compared, was awarded with the Nobel Prize. The poems, written by Elytis, were translated and published all over the world: in Germany, France, Yugoslavia, Spain, Romania, Estonia, Mexico, Hungary, Argentina, Italy, Finland, Russia.

The development of the Greek poet's work was always influenced by the European poetry, so the aim of this paper is to find out the influence of the French and Italian literatures on the works of O. Elytis, to investigate the relationships of his work with the European culture and literature.

This goal presupposes solving of the following tasks: to reveal the national peculiarities of the Greek surrealism, as well as the innovational and the traditional nature of the works of Odysseas Elytis in the context of European and Greek poetry development.

In his theoretical works Elytis has repeatedly mentioned the opposition and the unity of the Western European and Greek cultures. He admitted that geopolitically the modern Greece is a part of Western Europe. But he also pointed out that the eastern country had always existed and it occupied not less important place in the formation of the Greek spirit and this country cannot be neglected.

It's a widely known fact that the Elytis's passion of surrealism starts quite late, after his attending the lecture of Andreas Emberikos (Ανδρέας Εμπερίκος, 1901-1975) "Surrealism, a new poetic school" in February of 1935. It was a very important event for the Greek society, as it was perceived to be the official presentation of this literary movement in the Greek literature.

But shortly before one of the most prominent Greek intellectuals of the twentieth century, an admirer of Italian poetry Giorgos Sarantaris (Γιώργος Σαραντάρης, 1908-1941) had an influence on Elytis's passion for the free verse as the basis of the modern strophic. Sarantaris was a supporter of "pure poetry" and one of the first

ВЛИЯНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СЮРРЕАЛИЗМА НА ТВОРЧЕСТВО ОДИССЕАСА ЭЛИТИСА

popularizers of the free verse in Greece. He has not had the wide recognition in his homeland, his theoretical works in the field of poetry were little known, but it is Sarantaris whom Elytis called in his essay “Open maps” the most original poet in Greece.

In the early twentieth century the Greek intellectual elite was under the influence of European, and first of all, the French poetry. The literary magazines published translations of poems of French poets; in literary debates the French literary manifests were discussed. One of the most popular magazines was edited by Andreas Karandonis (Ανδρέας Καραντώνης, pseudonym of Pericles Yannopulu (Περικλή Γιαννόπουλου), 1910-1982), called “New Literary Review” (“Νέων Γραμμάτων”), around it there gathered almost all the representatives of the future Greek literary elite of the twentieth century – George Seferis, Kosmas Politis, George Theotokis, Angelos Sikelianos and Odysseas Elytis.

The love to the French poetry makes Odysseas Elytis turn again to the works of Paul Eluard, the Greek poet published the translation of Eluard’s poetry in the eleventh issue of the magazine “New Literary Review” in 1935, prefacing this edition with introduction, in which he points to the incredible impression made on the readers by the French surrealist poetry. During these years the Greek poet experiments with the word structure, with the syntax, that was a characteristic feature not only of the Greek poets of the 1930s generation, but of the whole literature of the XIX-XX centuries and the first half of the twentieth century.

Perhaps young Elytis was attracted by the aesthetics of rebellion and experimentation in the French surrealism. And Breton’s words that he and his supporters were determined to make the revolution in poetry, and, above all, the revolution in poetic technique inspired his work.

There is no information about the influence of the British surrealists on Elytis poetry. But he could be aware of the theoretical works of the most popular of them, David Emery Gascoigne (1916-2001), the author of the “First English Manifest of Surrealism” and the “Brief review of Surrealism” (1935), in which the techniques of reconstruction in verses of the state of sleep and of the distorted logic were developed.

Keywords: Greek literature, Greek surrealism poetry, Odysseas Elytis (Οδυσσεάς Ελύτης).

УДК 82.09

«ИДЕЯ ИСПАНИИ» В ТВОРЧЕСТВЕ АРТУРО ПЕРЕСА-РЕВЕРТЕ

Андрюхина С. В.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: Andrukhnasvetlana@rambler.ru*

Данная статья представляет собой анализ релевантности идеи Испании Мигеля Унамуно и его влияния на современного испанского автора Артуро Переса-Реврте. Тенденция повышенного интереса к проблеме национальной самобытности, возникшая в современной испанской литературе, заключается в поиске подлинной идентичности. В произведениях Артуро Переса-Реврте прослеживаются отголоски реальности, которую Унамуно запечатлел в конце XIX века через призму интраистории, направленную на разрушение трансцендентной нации, которую навязывала политика, применив метафизическую перспективу.

Ключевые слова: испанская литература, интраистория, национальная идентичность, «уоставшие герои».

ВВЕДЕНИЕ

Обращение к комплексному феномену «идеи Испании» в современном литературоведении и культурологии является актуальным в связи с всевозрастающим интересом к спору о национальной самобытности в современном культурно-историческом и геополитическом контексте. Испания как страна в XXI веке переживает повторяемость вековых биполярных и бесплодных конфликтов. По мнению Тома Барриджа, корреспондента Би-Би-Си в Барселоне, проявление заинтересованности к роли гражданского общества приводит к осуществлению децентрализованных программ [1, с. 1]. Доктор исторических наук, профессор Светлана Пожарская утверждает, что специфика дихотомии политической культуры испанского общества, отразившая узость социального спектра либеральной политической культуры, значительно уступавшей сфере культуры традиционной, сохранялась на протяжении всего XIX и первой трети XX вв. Путь модернизации испанского общества в XIX-XX вв. не смягчил грани противоборства двух тенденций в исторически обусловленном комплексе испанской политической культуры. Эти тенденции отразились в трудах писателей и философов в образе «Двух Испаний» – антиномии, поэтически выраженной поэтом Антонио Мачадо в 1913г., или даже «Испании» и «Анти-Испании» [2, с. 9.] Одним из этих писателей был Мигель де Унамуно-и-Хуго, идеи которого еще при его жизни были восприняты как знамя «поколения 98», по-новому артикулировавшего в национальной культурной традиции «проблему Испании», во многом определив тем самым базовые направления развития испанской культуры XX в. Антонио Мачадо так написал о Мигеле де Унамуно: «Из четырех Мигелей, этих четырех гигантов, которые воспринимают и выражают самую сущность Испании (Мигель Сервет, Мигель де Сервантес, Мигель де Молина и Мигель де Унамуно), Унамуно – последний по времени, но никоим образом не самый малый» [3, с. 1]. Как писал Мигель де Унамуно: «Я не знаю ничего омерзительнее того союза казарменного духа с церковным, который цементирует новую власть» [4, с. 1].

Анализируя политическую обстановку в Испании, современные исследователи и писатели все чаще задают вопрос: что такое Испания, и что определяет испанскую идентичность. Ответ на этот вопрос пересматривался не раз. Например, Том Барридж пишет о том, что Мадрид неоднократно пытался «испанизировать» молодых каталонцев [1, с. 1]. На фоне экономического кризиса и растущего недовольства политикой Мадрида, каталонские националисты встали на путь отделения от Испании. Пути решения кризиса идентичности в демократической Испании и поиск подлинной идентичности как альтернативы той, которую навязывает политика, содержатся в идеологическом наследии литературы конца XIX – начала XX вв.

Произведения современных авторов отражают важное наследие писателей прошлого века в подлинном личностном споре и обсуждении темы национальной самобытности. **Целью** данной статьи является анализ релевантности «идеи Испании» в творчестве Мигеля де Унамуно и его влияния на современного испанского автора Артуро Переса-Реверте. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**: проанализировать творчество Артуро Переса-Реверте в западном литературоведении, проанализировать творчество Мигеля де Унамуно и отражение его эстетики в произведениях Артуро Переса-Реверте.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Отражение «идеи Испании» Мигеля де Унамуно в творчестве Артуро Переса-Реверте

В течение последних лет в современной испанской литературе наблюдается повышенный интерес к спору о национальной самобытности, который неоднократно возникал за последние 200 лет. Эта тенденция включает в себе поиск подлинной идентичности как альтернативы той, которую навязывает политика. Для значительной части испанских писателей современная «идея Испании» является устаревшей и неэффективной. Так, Х.-М. Гарсия-Преседо своей докторской работой «Интраистория, регенерация и национальная идентичность, прошлое и настоящее: Отражение идей ницшеанства Мигеля Унамуно в творчестве Артуро Переса-Реверте и Луизы Кастро» («Intrahistory, regeneration and national identity, past and present: The reflection of Nietzschean Unamuno on Arturo Pérez-Reverte and Luisa Castro») [5, с. 1] вносит вклад в вечный спор в литературе и политике: что такое Испания, и что определяет испанскую идентичность. В дискурс этого спора исследователь включает Артуро Переса-Реверте, в творчестве которого прослеживаются отголоски идеологического наследия де Унамуно в наши дни, которое предлагает решение так называемой «вековой проблемы Испании» [5, с. 2].

Х.-М. Гарсия-Преседо пишет, что Артуро Перес-Реверте является ярким выразителем практики продвижения литературы в ключе личностной регенерации, которая демонстрирует философские и идеологические основы, и его творчество представляет собой неосознанное, но доскональное отражение идеологической эстетики Унамуно в реальности нашего времени. Существующая между этими авторами интертекстуальная связь отображает актуальность духа регенерации в конце прошлого столетия в наши дни. Произведения Артуро Переса-Реверте отражают интеллектуальную подоплеку и критику Унамуно партократии, считая ее ответственной за отклонение от курса установления национальной идентичности испанского общества [5, с. 104]. Испанский критик Хуан Крус Мендисабаль, автор статьи «Два профиля

Артуро Переса-Реверте: журналист и романист», убежден, что месседж Артуро Переса-Реверте понятен лишь на основании понимания эстетики Мигеля де Унамуну. В частности, месседж о национальной идентичности имеет прямое отношение к тому, который в свое время выразил Мигель де Унамуну [6, с. 101]. Испанский критик Педро Герреро Руис свидетельствует о том, что Испания, которую представляет Артуро Перес-Реверте, с ее трудностями и превратностями, впитала в себя описание той страны, которое представил в своих произведениях Мигель де Унамуну [7, с. 133]. Как считает Гарсия-Преседо, пессимизм, с которым интерпретировалась испанская реальность в конце XIX века, наблюдается и в наши дни. Этому пессимизму предшествовало долгое ощущение упадка, которое инициировали жесткие экономические условия в послевоенной Испании. Упрочнение правового государства в Испании позволило представителям интеллигенции участвовать в общественной жизни страны, так как неучастие и отсутствие влияния на сущность национальной идентичности привело к возникновению разочарования интеллигенции к идее о единой Испании и к тоске по тем временам борьбы с режимом Франко, в которой участие испанских интеллектуалов было ключевым. В творчестве современных писателей это разочарование находит свое проявление в описании жестокой страны, в которой зависть свидетельствует о правдивой саморазрушительной идиосинкразии политической Испании. В этом смысле идея Унамуну о Каине по отношению к Испании, которую он развил в своем романе «Авель Санчес» (1917), находит свое отражение в творчестве Артуро Переса-Реверте. Для Переса-Реверте установление национальной идентичности со стороны партократии побудило политический «каинизм» в испанском обществе. Сегодняшнее общество не способно укрепить свою национальную действительность, но оно направляет свои усилия на противостояние тем, кто защищает идею альтернативной нации. Если существуют две Испании в идеологическом смысле, то такое разделение становится необходимым из-за желания основной действующей политической силы, которая формирует партократию, гомогенизировать испанское общество. Согласно Пересу-Реверте, вековой «каинизм», который испытывает испанская социополитическая сфера, разрушает способность страны дать четкое выражение своей гетерогенности [5, с. 47-48].

К концу XIX века Мигель де Унамуну, который был не только испанским писателем, но и философом, представляет свою теорию интраистории, противоречащую модели нации, которую поддерживал политический строй в эпоху Реставрации. Автор считал, что власть навязывала обществу модель метафизической идеализации, искажая действительную национальную самобытность. По мнению Унамуну «интраистория оценивает субъективность отдельного индивида в рамках характеристики национальной самобытности индивида. Субъективность индивида формируется в его повседневной жизни, в его работе, в его взаимодействии с непосредственным окружением» [5, с. 28].

В своем исследовании Гарсия-Преседо пишет, что Перес-Реверте поддерживает идею Унамуну о том, что политическая власть придает идее нации метафизическое понимание. Данная перспектива приводит к убеждению, что существует идеальная нация, верная испанской историографической традиции. Эта идеализация нации, как и та, о которой заявлял Унамуну в конце XIX века, является возможной лишь в том случае, если она примет идеологические положения, которые навязывает политика. В произведениях Артуро Переса-Реверте отражаются идеи Унамуну об интраистории и

ее значимости в современной социополитической реальности, тем самым уничтожая данную идеализацию. Однако, Перес-Реверте едва ли ссылается на работы Унамуно в своих произведениях. И поэтому не следует утверждать, что существует связь между двумя этими авторами на основе нарочитой заинтересованности Переса-Реверте дать продолжение идеологическому наследию Унамуно в настоящее время. Можно лишь говорить об отголосках наследия Унамуно в творчестве Переса-Реверте, которые можно принять как отражение молчаливой значимости данного наследия в нашей реальности [5, с. 15-16].

Х.-М. Гарсия-Преседо предлагает рассматривать произведения А. Переса-Реверте как литературу регенерации, чтобы восстановить не только историческую память нации, но и «интраисторическую память». Он пишет, что единственная возможная альтернатива вырождению нации состоит в ассимиляции идеи Унамуно о субъективности с интраисторией. В текстах Артуро Переса-Реверте правдивая национальная самобытность строится на основании повседневной жизни индивида. Повседневная реальность индивида противопоставляется историческим событиям, в которых он ограничивается, в то время, как история создает инструмент, который используют различные политические течения, чтобы навязать свой личностный дискурс индивиду. Индивид, в свою очередь, борется с этим историческим дискурсом, и говорит в поддержку своего субъективного анализа реальности, спровоцированного «интраисторической нацией». Тем не менее, в произведениях Переса-Реверте обнаруживается, что эта «интраисторическая нация» является жертвой внедрения метафизического представления в отношении национальной самобытности. В противопоставление оптимизму Унамуно, который он вкладывает в молодое поколение, произведения Переса-Реверте наводят на мысль, что степень манипуляции, применимой по отношению к испанской национальной самобытности, в настоящее время делает невозможным понимание его подлинного «интраисторического характера». В следствие этого, содержательная сторона произведений Переса-Реверте заключается не только в защите интраисторического характера нации, но также и в действии, являясь тем самым отражением скрытого смысла, с которым Унамуно сформировал свою концепцию регенерации [5, с. 28].

По мнению испанского критика и автора книги «Испанский роман» Германа Гуллона, интригующие романы А. Переса-Реверте преследуют цель приблизить прошлое современному читателю путем очевидного, но надрывистого проявления дидактической воли, которым он ставит под сомнение подлинные основы испанской идиосинкразии [8, с. 18]. А. Перес-Реверте обращается к Унамуно, чтобы заявить о врожденном лицемерии испанского общества и безжалостном отношении капиталистического общества к индивиду. Об этом он говорит в статье «Дядя Хилито и его охвостье» (“El tío Gilito y sus secuaces”), анализируя банковские кредитные отношения, которые усиливают экономический и финансовый кризис, переживаемый Испанией: «Как говорил Унамуно, когда в Испании заходит речь о чести, мужчина должен испытывать дрожь. Кроме этого, он еще должен дрожать и в другом случае, когда слушает речь влиятельного банкира о том, что сейчас банки будут проявлять сострадание к своим клиентам. Доказанный факт, что ни у одному банкира, отсюда или извне, чужое банкротство не вызывает изжогу» [9, с. 6].

По мнению Гарсия-Преседо, свое глубокое разочарование политическим упадком и идентичностью, которую испытывает страна, А. Перес-Реверте экспонирует в

утонченной и очевидной манере, восстанавливая в своих исторических романах сценарии, в которых он борется с легендарной политической, идеологической и экономической коррупцией. Ярким примером выступает его серия романов об Алатристе, а также романы «Гусар» (“El Húsar”) (1986), «Мыс Трафальгар» (“Cabo Trafalgar”) (2004), «День гнева» (“Un día de Cólera”) (2007), «Осада, или шахматы со смертью» (“El Asedio”) (2010). Произведения А. Переса-Реверте являются отражением реальности, которую Унамуно запечатлел в конце XIX века через призму своей интраистории. Итогом является разрушение манипуляции политического строя испанской национальной самобытностью. Его произведения обнаруживают интраисторическое сближение с действительной реальностью, с учетом субъективности индивида в его повседневной жизни. Субъективность и мультиперспективизм составляют для Переса-Реверте суть необходимого эквилибриума, который страна должна достичь между своей национальной действительностью и политической ситуацией в государстве [5, с. 101].

2. «Уставшие герои» Артуро Переса-Реверте

Как считает Гарсия-Преседо, А. Перес-Реверте отображает в своих романах субъективность индивида в своем желании регенерировать идентичность. Эта тенденция индивидуализма развивается одновременно с тенденцией в современной испанской литературе. Главные герои романов Переса-Реверте, герои интраистории, борются за установление их «интраисторической» идентичности против политического манипулирования. Однако, кульминацией в произведениях Переса-Реверте является провал главных героев выполнить эту задачу, превращая их в «уставших героев» [5, с. 106] Термин «уставшие герои» представляет Хосе Бельмонте Серрано в своей работе «Уставшие герои: демон, мир, плоть» («Los héroes cansados: el demonio, el mundo, la carne»), определяя литературных героев А. Переса-Реверте как главных персонажей, которые отвергают будущее в пользу фатума, принимая детерминистское неудовольствие жизнью. Критик Бельмонте говорит, что уставшие герои, среди которых Фредерик Глюнтц (главный герой романа «Гусар»), Хайме Астарлоа (главный герой романа «Учитель фехтования»), Муньос (главный герой романа «Фламандская доска»), Корсо (главный герой романа «Клуб Дюма, или тень Ришелье») ищут с подоплекой покаяния внезапное падение, которое их освобождает от мира, к которому они принадлежат, но которым едва интересуются. Они знатоки человеческой души и короли королевства, которое прекратило свое существование; герои, которые не умирают в назначенный момент. Вследствие этого, этим героям ничего не остается, как решать проблемы, которые охватывает исторический контекст, в который они погружены [10, с. 221].

По мнению испанского критика Исабель Таунтон, «каталогизация литературных героев А. Переса-Реверте как «уставших героев» не является исключительным аспектом его произведений; моральные ценности героев плаща и шпаги, такие как мужество, честь, верность или солидарность по стечению обстоятельств приводят их к просветлению [11, с. 1033]. Шотландский исследователь Анна Уолш пишет, что среди наиболее примечательных «уставших героев» следует упомянуть о главном герое А. Переса-Реверте капитане Алатристе, парадигме героя, который борется за свое выживание. И именно неразлучный спутник и друг Алатристе, Иньиго де Бальбоа, в романе «Золото короля», одном из романов, входящих в знаменитую сагу об Алатри-

сте, дает точную характеристику идее «уставших героев», выражая глубокую печаль и постоянную усталость, которая господствует над героями Переса-Реверте. В этой же манере можно описать коллективный героизм испанских солдат в романе «Тень орла», в котором человеческая действительность борцов трансgressирует из исторического повествования, в рамки которого заключена история» [12, с. 18]. Испанский критик Хосе Мануэль Лопес де Абиада пишет, что неоспоримым фактом является очевидная подлинность между «уставшими героями», в частности, Диего Алатристе и внутренним состоянием самого Артуро Переса-Реверте, которая выступает способом выражения авторского месседжа через реплики и молчание своих героев [13, с. 16]. Герои А. Переса-Реверте воплощают в себе этические ценности того общества, которое описывает автор. Учитывая жестокость военных конфликтов в наше время, кровь и страдания, Артуро Перес-Реверте предлагает «искоренить романтический зародыш героизма» [14, с. 1]. Герой его романа Алатристе – это герой, который потерял свою отчизну, и это приводит к полному отчаянию и пессимизму в попытках решить проблему национальной идентичности.

ВЫВОДЫ

В современной испанской литературе прослеживается тенденция повышенной заинтересованности к роли гражданского общества в подлинном личностном споре и обсуждении темы национальной самобытности. В своем творчестве Артуро Переса-Реверте выражает свое мнение, в котором отражается наследие писателей прошлого века, в частности Мигеля де Унамуно, которое может стать ключом к решению «вековой проблемы Испании».

Список литературы

1. Голосование за независимость Каталонии. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/international/2015/09/150927_catalonia_independence_vote с. 1 (дата обращения: 15.04.2016)
2. Пожарская С. Франсиско Франко и его время. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/fransisko-franko-i-ego-vremya-read-194566-9.html>, с.9 (Дата обращения 12.04.2016)
3. Унамуно, Мигель. Мир среди войны. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/mir-sredi-vojny-read-259040-1.html>, с. 1 (дата обращения 15.04.2016)
4. Унамуно, Мигель. Мигель де Унамуно. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://predanie.ru/unamuno-migel-de-miguel-de-unamuno>, с. 1 (дата обращения 12.04.2016)
5. «Интраистория, регенерация и национальная идентичность, прошлое и настоящее: Отражение идей нищестанства Мигеля Унамуно в творчестве Артуро Переса-Реверте и Луизы Кастро». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ore.exeter.ac.uk/repository/bitstream/handle/10871/13792/GarciaPrecedoJ.pdf?sequence=1> (дата обращения 2.02.2016)
6. Mendizábal, Juan Cruz. ‘Dos perfiles de Arturo Pérez-Reverte: articulista y novelista’, Territorio Reverte. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.perezreverte.com/libro/60/territorio-reverte/p.101> (дата обращения 03.04.2016)
7. Guerrero, Pedro Ruiz. Grandeza literaria y miseria moral en la España de Alatriste (un análisis interdisciplinario e intertextual) en Territorio Reverte: ensayos sobre la obra de Arturo Pérez-Reverte. / Augusta López Bernasocchi y José Manuel López de Abiada. - Madrid: Editorial Verbum, 2000. – pp. 133–145.
8. Gullón, German. La novela española: 1980-2003. / Antonio Orejudo // En cuarentena: nuevos narradores y críticos a principios del siglo XXI. - Murcia: Universidad de Murcia, 2001. - p. 18.
9. Pérez-Reverte, Arturo. “El tío Gilito y sus secuaces”, XLSemanal, 1242 (14 de agosto de 2011). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.perezreverte.com/prensa/patentes-corso>, p. 6 (дата обращения 12.01.2016)

10. Belmonte, José Serrano. Los héroes cansados: el demonio, el mundo, la carne. - Madrid: España-Calpe, 1995. – p. 221.
11. Touton, Isabel El capitán Alatriste de Arturo Pérez-Reverte y la memoria nacional / Un siglo de Oro en escena: homenaje a Marc Vitse. - Toulouse: Presses Universitaires du Mirai, 2006. – pp. 1025– 1048.
12. Walsh, Anne L. Arturo Pérez-Reverte: Narrative Tricks and Narrative Strategies. - Rochester, NY: Tamesis, 2007. – p. 18.
13. López de Abiada, José Manuel. Serrano, José Belmonte. Alatriste: la sombra del héroe. - Madrid: Alfaguara, 2009. – p. 16.
14. Ballesta, Juan Cano. Las armas y las letras: El mundo de la cultura en las aventuras del Capitán Alatriste, Textos sobre Pérez-Reverte (21-11-2007). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.perezreverte.com/articulo/sobre-perez-reverte/295/las-armas-y-las-letras-el-mundo-de-la-cultura-en-las-aventuras-del-capitan-alatriste>, p.1 (дата обращения 02.03.2016)

THE «IDEA OF SPAIN» IN THE WORKS OF ARTURO PEREZ-REVERTE

Andrjukhina S. V.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: Andrjukhinasvetlana@rambler.ru*

This article introduces the analysis of the relevance of Miguel de Unamuno's idea of Spain and its influence in the modern Spanish author Arturo Perez-Reverte. The trend of the intense interest to the problem of the national identity, raised in the modern Spanish literature, involves the search of authentic identity. The works of Arturo Perez-Reverte trace back the echoes of the reality of the end of the XIX century that Unamuno printed through the prism of the intrahistory directed to destroy the transcendental nation imposed by the authorities applying the metaphysical perspective. In the situation of copying with the continuous repetitiveness of antagonistic discourses, which has been characterizing the ideological dispute in Spain for the decades, literature is the exponent of ideological heterogeneity permitting the authors to air their opinion about the bipolarization of political pattern. The works of the contemporary authors reflect the important heritage of the writers of the previous century in the genuine personal controversy and in the discussion of the idea of national identity. Arturo Perez-Reverte is a bright exponent of the promotion of the literature in the course of personal regeneration that disposes the philosophical and ideological canons, and his oeuvre comprises the reflexive expression of Unamuno's aesthetics in our reality.

The works of Arturo Perez-Reverte are to restore the historical and "intra-historical" memory of the nation. In his oeuvre, the true national identity is built on the everyday life of a person. Everyday life of a person counters with the historical events of his epoch; meanwhile the history creates the instrument that is used by different political movements to impose their personal discourse on the individual. The individual in his turn fights with this historical discourse and supports his subjective analysis of the reality provoked by the "intra-historical" nation. Nevertheless, the works of Arturo Perez-Reverte reveal that this "intra-historical" nation is a victim of the metaphysical implementation to the national identity. The works of the represent the action directed to defend the "intra-historical" character of the nation.

The analysis of the works of Arturo Perez-Reverte supposes the formation of the concept that is to help the understanding of the notions confirmed in the historical experience of the people. They correlate or counter other ideas closely connected with them combining the intellectual, spiritual and material spheres of the human existence. The protagonists of the Perez-Reverte's novels strive for the ascertainment of their "intra-historical" identity. However, they fail to implement this task and turn to be "the tired heroes". The "tired heroes" of Arturo Perez-Reverte combine the specific sense of honor and personal ethics that does not ensue from the religious and common morality, but from the marked necessity to survive in the frames of the hostile area. They break the norms and dispute the fundamental principles that the nation had negotiated.

Keywords: Spanish literature, intrahistory, national identity, "the tired heroes".

УДК 821.112.2

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ИГРЫ ПАТРИКА ЗЮСКИНДА: «ПАРФЮМЕР» КАК «РОМАН ВОСПИТАНИЯ»

Аникеева Е. А.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: elena.anikeeva.177@gmail.com*

Настоящая статья рассматривает проблему интертекстуальной игры, реализованной в «Парфюмере» как пародии на «роман воспитания». Уточняются и дополняются представления о жанровой специфике данного произведения и эстетических установках его автора. Прослеживаются этапы разрушения классической структуры романа воспитания. Доказывается, что в «Парфюмере» речь идет не просто о нарушении канонов жанра романа воспитания, а о его деконструкции. Патрик Зюскинд развенчивает поэтизированные в романе воспитания идеи, пародийно их переосмысляет и ставит вопрос о роли воспитания в становлении личности.

Ключевые слова: Патрик Зюскинд, роман воспитания, интертекст, пародия, деконструкция.

ВВЕДЕНИЕ

Культовый роман Патрика Зюскинда «Парфюмер» (1985) в полной мере воплощает основополагающие эстетические установки постмодернизма и является его первым подлинным образцом в немецкой литературе. Критики и исследователи называют его «программным» произведением постмодернизма [5]. Роман сознательно вторичен; по выражению Виттшток он является элегантно замаскированным путешествием по истории литературы. «Парфюмер» – это прощание с эпохой модерна и деконструкция симулякра гения, критика просвещения и представлений об идентичности и оригинальности. Это многослойный, многоуровневый роман-игра, читательские интерпретации которого бесконечны. Он сочетает в себе элементы высоких и низких жанров, занимательный сюжет и превосходный литературный язык. «Парфюмер», как истинно постмодернистское повествование, рассчитан на широкий круг читателей – от интеллектуальной публики до любителей массовой литературы.

Роман Патрика Зюскинда «Парфюмер», как и все его творчество, привлек внимание не только читающей общественности и критиков, но и литературоведов. Исследователей интересовал в первую очередь круг вопросов о месте данного произведения в творчестве автора и во всей немецкой литературе, о его поэтике, стилистике и жанровых особенностях. Не вызывает сомнения тот факт, что «Парфюмер» ставит перед современным литературоведением множество исследовательских задач, многие из которых успешно решаются как в немецких научных трудах (У. Виттшток, А. Рааб, В. Галлет, Э. Франк, У. Покерн, В. Фрицен, В. Шютте, В. Кнорр и др.), так и работах российских ученых (В. А. Пестерев, Н. В. Гладилин, Ю. С. Райнеке, М. В. Никитина, А. Б. Ботникова, Д. В. Затонский, А. М. Зверев, Г. А. Фролов, И. А. Черненко и др.). Многие исследователи обращаются к проблеме современного человека в творчестве Патрика Зюскинда (К. Готц, В. Дельзейт, Ф. Кришель, С. Фельдман, А. Финк и др.). Научно осмысляется и феномен интертекстуальности романа «Парфюмер», что зако-

номерно, ведь «как всякое явление постмодернистской культуры, роман П. Зюскинда характеризуется эстетическим плюрализмом: в нем фильтруются многообразные слои человеческой жизни и культуры, интегрируются известные сюжеты, мотивы, стили, поэтика многих иноязычных авторов» [6]. В «Парфюмере» прослеживается библейский и мифологический интертекст, связи с наследием Еврипида, Гете, Новалиса, Гофмана, Бодлера, Клейста, Лавкрафта, Рильке, Т. Мана, Грасса, Эко. Список авторов не претендует на завершенность. Те или иные пласты интертекста романа становились предметом литературоведческих исследований, однако данный вопрос в силу своей сложности и актуальности далек от того, чтобы быть решенным.

Настоящая статья продолжает исследование интертекстуальной игры, реализованной в «Парфюмере». Роман сочетает и пародийно осмысляет жанр «криминального романа», «романа воспитания» и «романа о художнике/гении». Первая статья данного цикла – «Интертекстуальные игры Патрика Зюскинда: «Парфюмер» как «роман о художнике»» – посвящена анализу данного произведения как «романа о художнике», созданного в постмодернистской парадигме, и изучению текстуальных интеракций в рамках очерченной проблематики [1]. **Цель** данной работы – исследование другого интертекстуального пласта романа; приоритет отдан интерпретации «Парфюмера» как «романа воспитания».

Теоретико-методологической базой исследования послужили труды С. С. Аверенцева, М. М. Бахтина, И. П. Ильина, а также работы У. Витштока, М. Шпанке, К. Либрант и ряда других зарубежных литературоведов.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

«Роман воспитания» представляет собой одну из трех жанровых разновидностей, традиционно выделяемых в немецком литературоведении (наряду с «романом образования» и «романом развития»). Для него характерна концентрация внимания на развитии героя, его совершенствовании, на поисках им собственного «Я», на процессе обретения им зрелости и интеграции в общество [4]. М. М. Бахтин более широко трактует этот жанр, называя его романом становления человека. В своем труде, посвященном роману воспитания, он отмечает: «Изменение самого героя приобретает сюжетное значение, а в связи с этим в корне переосмыслиется и перестраивается весь сюжет романа. Время вносится вовнутрь человека, входит в самый образ его, существенно изменяя значение всех моментов его судьбы и жизни» [2, с. 212].

Авторы постмодернистских произведений нередко эксплуатируют жанр романа воспитания, при этом создавая и развенчивая симулякр духовной эволюции, при помощи которой персонаж, преодолевая испытания, находит свое место в обществе. Постмодернистские герои не интегрируются в общество, их воспитание не говорит о наличии порядка в мире. В этом смысле роман Патрика Зюскинда – не исключение.

Первые три части «Парфюмера» по форме полностью соответствуют жанровому канону романа воспитания. В них описывается появление на свет, взросление, обучение и странствия героя, его совершенствование в ремесле. Однако концептуально на каждом этапе история Гренуя противоречит традиции романа воспитания. С самого рождения герой попадает во враждебный ему мир, отсутствие собственного запаха делает его изгоем без надежды влиться в общество. Среди зловонных

отбросов его покидает мать. Кормилица убеждена, что в младенце поселился дьявол. Патер Террье, пытается убедить ее в обратном, ведь немисливо, чтобы дьявол позволил обнаружить себя, «да еще нюхом! Самым примитивным, самым низменным из чувств!» [3, с. 18]. Однако, когда ребенок начинает обнюхивать его самого, он принимает решение как можно скорее избавиться от Гренуя. На протяжении всего повествования главный герой не встречается ни одного теплого порыва в свой адрес, ни друга, ни родственную душу, а лишь отвержение, враждебность, нечеловеческую эксплуатацию и даже попытки убийства. Вместо социальной интеграции ему уготовано одиночество.

Центральное место в «Парфюмере» занимает концепт «запах», о котором столь нелестно отзывается в самом начале произведения Террье. Запах выступает структурообразующим элементом романа. Вместо того, чтобы развиваться разносторонне, главный герой концентрирует все свои силы и возможности на обонянии. Другие грани человеческих чувств ему неведомы, так же, как и недоступны абстрактные концепты: «Со словами, которые не обозначали пахнущим предметов, то есть с абстрактными понятиями, прежде всего этическими и моральными, у него были самые большие затруднения. Он не мог их запомнить, путал их, употреблял их, даже будучи взрослым, неохотно и часто неправильно: право, совесть, Бог, радость, ответственность, смирение, благодарность и т. д. – то, что должно выражаться ими, было и оставалось для него туманным» [3, с. 31].

Гренуй совершенствует свое мастерство парфюмера, движимый идеей создать сперва «человеческий запах», а затем аромат, способный внушать обожание толпе, отвергающей его. То есть, герой стремится стать частью общества при помощи обмана. На пути к своей цели он становится серийным убийцей. Здесь подрываются каноны жанра, в котором идеализировалось гуманистическое образование, разрушается система ценностей романа воспитания.

Умертвив двадцать пять красавиц, Гренуй воплощает в жизнь идею о совершенном аромате, что внушает обожание. Вместо того, чтобы казнить его, люди начинают его боготворить: «Человек в голубой куртке предстал перед всеми самым прекрасным, самым привлекательным и самым совершенным существом, какое они могли только вообразить; монахиням он казался Спасителем во плоти, поклонникам сатаны – сияющим князем тьмы, людям просвещенным – Высшим существом, девицам – сказочным принцем, мужчинам – идеальным образом их самих» [3, с. 278]. Казалось, сбывается то, к чему герой стремился всю жизнь. Однако триумф не приносит ему ничего, кроме отвращения к этим людям. Сам он испытывать любовь не способен, не может видеть красоту, он – не более чем подделка, симулякр. Гренуй никогда не будет воспринят и принят в истинной своей сути. Осознав собственную неполноценность, он отдает себя на растерзание и съедение боготворящей его толпе.

Четвертая часть романа, где происходит апофеоз героя и его самоуничтожение, противоречит законам жанра романа воспитания. В классическом варианте персонаж, пройдя через испытания и подвергнувшись воспитательным воздействиям, находит себя и свое место в мире. Патрик Зюскинд действует в рамках интертекстуальной игры с традиционными элементами: его герой не только не занимает место в обществе, он предает себя, цель своей жизни и позволяет себя уничтожить.

ВЫВОДЫ

Итак, классическая структура романа разрушается, его концептуальная начинка пародируется. Такой эффект достигается при помощи интертекстуальной игры с литературными дискурсами, которую, как уже отмечалось, Патрик Зюскинд избирает как основу своего художественного метода. В «Парфюмере» речь идет не просто о нарушении канонов жанра романа воспитания, а о его деконструкции. Герой совершенствуется, но остается изгоем. Его развитие не приносит ему ни осознания самости, ни социальной интеграции. Его внутренний мир ограничен ароматами, все абстрактное, моральное и этическое ему чуждо. В полное противоречие с законом жанра вступает финал романа: гибель героя, причем сознательная. Патрик Зюскинд развенчивает поэтизированные в романе воспитания идеи, пародийно их переосмысляет и ставит вопрос о роли воспитания в становлении личности.

Список литературы

1. Аникеева Е. А. Интертекстуальные игры Патрика Зюскинда: «Парфюмер» как «роман о художнике» / Е. А. Аникеева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия : Филологические науки. – Симферополь, 2015. – Том 1 (67). – № 2. – С. 3–7.
2. Бахтин М. М. Роман воспитания и его значение в истории реализма / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – С. 199-249.
3. Зюскинд П. Парфюмер / П. Зюскинд. – СПб.: Азбука, 2000. – 300 с.
4. Никитина М. В. Роман «Парфюмер. История одного убийцы» в контексте творчества Патрика Зюскинда: Дис. ...канд. филол.наук: 10.01.03 / М. В. Никитина. – Тамбов, 2006. – 170 с.
5. Райнеке Ю. С. Роман «Парфюмер» как «программное» произведение постмодернизма [Электронный ресурс] / Ю. С. Райнеке. – Режим доступа: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=4391 (дата обращения: 25.01.2016).
6. Фролов Г. А. Романтическая интертекстуальность в немецком романе постмодернизма (Патрик Зюскинд «Парфюмер») [Электронный ресурс] / Г. А. Фролов. – Режим доступа: http://old.kpfu.ru/science/news/lingv_97/n232.htm (дата обращения: 25.01.2016).

PATRIC SUSKIND'S INTERTEXTUAL GAMES: "PERFUME AS A "NOVEL OF UPBRINGING (BILDUNGSROMAN)"

Anikeeva E. A.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: elena.anikeeva.177@gmail.com*

The present paper focuses on the problem of intertextual game embodied in *Perfume* as a parody to a "novel of upbringing". The ideas on the genre specificity of the given novel and the aesthetic principles of its author are supplemented and made more accurate.

Patric Suskind's cult novel fully represents the main aesthetic principles of postmodernism. It is considered to be its true first example in German literature.

Perfume as well as the author's other literary works attracted not only the reading community's but also literary critics and specialists' attention. It goes without saying that this novel sets a range of research tasks for the contemporary Literary Studies, some of which are being successfully solved by both foreign and Russian scholars. Intertextuality of the novel has also been in the spotlight of the studies. Biblical and mythological intertext can be manifestly traced in *Perfume* alongside the connection with numerous writers

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ИГРЫ ПАТРИКА ЗЮСКИНДА:
«ПАРФЮМЕР» КАК «РОМАН ВОСПИТАНИЯ»**

of different epochs. Nevertheless, this phenomenon due to its complexity and topicality is far from being fully investigated.

Perfume combines and parodies the genres of a criminal novel, a novel about an artist/genius and a novel of upbringing. The focus of the present work is the last one: it interpreters *Perfume* as a novel of upbringing.

A novel of upbringing is traditional for German literature and characterized by concentration the a character's development and perfection, a search of his identity and place in world, a process of his becoming mature and integrated into society.

The first three chapters of the novel in terms of form agree with the canon of a novel of upbringing. They describe character's birth, growing up, education, wandering and perfection in craftsmanship. Nevertheless conceptually the main character's story contradicts the canon in every stage. From the moment he was born, he found himself in a hostile world. The absence of a scent made him an outsider with no hope to become a part of the society. During all his life everything he faced was rejection, hostility, inhumane exploitation and even the attempts to kill him. He is bound to be lonely.

The main character perfected his skills as a perfumer, longing to create first a human scent and the perfume that inspires love. Moving toward his goal he became a serial killer. At this point a value system of a novel of upbringing is fully discriminated.

Having murdered twenty five beautiful ladies, the main character reached his goal to create a magical scent. A crowd started worshiping him. But the triumph brought nothing but disgust since he couldn't feel love or see beauty, he was no more than a fake with no hope to embrace his identity. Having realized that the main character allowed the crowd to tear him to pieces and eat him.

The forth part of the novel where the main characters triumph and end takes place contradicts the laws of the genre. According to the canon a character goes through trial, is educated and finally finds himself and where he belongs. Patric Suskind writes in terms of intertextual game with tradition: not only his character fails to integrate into the society; he betrays himself, the goal of his life and allows self-destruction.

To sum up, as a result of the research the destruction of Bildungsroman canons is traced. It is proved that in *Perfume* the author does not simply violates the laws of the genre, he deconstructs them. Patric Suskind uncrowns the ideas poeticized in novel of upbringing, parodies them and questions the role of upbringing in the identity formation.

Keywords: Patric Suskind, Novel of Upbringing, Intertext, Parody, Deconstruction.

УДК 821.14'06-3.09

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДНЕВНИК КАК КОМПОЗИЦИОННЫЙ ЦЕНТР В РОМАНАХ МАРО ДУКА

Банах Л. С.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: lilybanakh@mail.ru*

В статье раскрываются особенности интеграции формы художественного дневника в повествовательную канву романов современной греческой писательницы Маро Дука, определяется функциональная обусловленность создания дневников протагонистов и выявляются разновидности адресатов этих псевдодневников. Особое внимание уделяется вопросу становления и развития жанра художественного дневника в греческой литературе XX века, причинам обращения греческих прозаиков к жанру дневника.

Ключевые слова: художественный дневник, современная греческая литература, Маро Дука.

ВВЕДЕНИЕ

Греческие писатели последней трети 20 века обращаются к психологии индивида, к его внутренним психологическим проблемам, сломам психики, произошедшим под влиянием внешних исторических, социально-политических обстоятельств. Жанр литературного дневника является удобной формой для реализации общей тенденции психологизации прозы, поскольку он позволяет объединить субъективное системное описание мыслей, чувств и событий личной жизни человека с событиями общественной жизни, то есть с историческим контекстом.

Для Маро Дука, как и многих других писателей ее поколения (например, Георгоса Ятроманолакиса с его романом «История» («Ιστορία», 1982), Ариса Александру с его романом «Ящик» («Κιβώτιο», 1974)) важно не столько констатировать исторические факты, сколько показать их воздействие на судьбы и психику отдельных людей. Такой подход привёл писателей к поискам формы и в результате к созданию разных нарративных модификаций (дневник в письмах, роман в романе, киносценарий, интервью в романе).

В греческом литературоведении нами не было обнаружено научных работ, посвящённых исследованию художественных дневников в произведениях новейшей греческой литературы. Дневник как литературная форма в произведениях Маро Дука не становился предметом изучения ни в отечественном, ни в греческом литературоведении, что определяет новизну проводимого исследования. Наиболее изученными являются литературные дневники в произведениях так называемого «поколения 30-х». Так диссертация Самуил Александры посвящена исследованию влияния творчества французского писателя Андре Жида на становление жанра литературного дневника в Греции в 30-40 годы XX века. В отечественном литературоведении наиболее обширное исследование дневника как жанра осуществил О. Г. Егоров в докторской диссертации «Литературный дневник XIX века: История и теория жанра», 2003 [2]; О. В. Петешова исследовала «Особенности реализации языковой картины мира в тек-

стах литературной диаристики» (на материале дневников немецкоязычных писателей XX века) [4]. Однако дневник как литературная форма остаётся ещё мало изученным явлением в отечественном литературоведении, поскольку большая часть исследований посвящена дневникам писателей (С. В. Рудзиевская, А. М. Колядина, Е. М. Криволапова, Е. В. Богданова).

Целью данной статьи является исследование жанровой разновидности художественного дневника в творчестве современной греческой писательницы Маро Дука. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**: 1) раскрыть причины обращения к жанру дневника в греческой литературе XX века; 2) определить способы интеграции дневника в художественное целое романов Маро Дука; 3) раскрыть функциональную направленность художественных дневников в романах греческой писательницы, 4) выявить разновидности адресатов художественных дневников в романах Маро Дука.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Жанр литературного дневника в творчестве «поколения 30-х»

Жанр литературного дневника становится наиболее популярным в греческой литературе в эпоху расцвета модернизма среди писателей так называемого «поколения 30-х». Греческая исследовательница Александра Самуил (Σαμουήλ Αλεξάνδρα) отмечает, что причинами обращения к жанру дневника в 30-40 годы в Греции были «...поворот к внутреннему миру человека, курс на исследование сущности «я» («... η στροφή προς τον εσωτερικό άνθρωπο, η πορεία προς την εξερεύνηση του εγώ») [9, с. 178]. Форма литературного дневника позволяла писателям использовать модернистскую технику «внутреннего монолога», фрагментарное письмо, нелинейную композицию.

Наиболее известными произведениями «поколения 30-х», где целиком вымышленный дневник становится формой художественного повествования, являются романы «Тетради Павлоса Фотину» («Τα τετράδια του Παύλου Φωτεινού», 1930), «Внутренняя симфония» («Εσωτερική συμφωνία», 1932) Стелиоса Ксефлудаса (Στέλιος Ξεφλούδας), повесть «Лимонная роща» («Λεμονοδάσος», 1931) Козмаса Политиса (Κοσμάς Πολίτης), роман «Бродяга» («Αλήτης», 1935) Фемиса Корнароса (Θέμος Κορνάρος). В этих произведениях создаётся «роман-псевдодневник, когда автор конструирует дневник своего художественного героя» [5, с. 275]. В единственном романе Йоргоса Сефериса «Шесть ночей на Акрополе» («Εξι νύχτες στην Ακρόπολη», 1926-1954), где повествование ведётся от третьего лица, автобиографический персонаж Стратис Мореход одновременно ведёт дневник, в котором он повествует о своих попытках приспособиться к жизни Афин межвоенного периода, в чём ему помогают две влюблённые в него женщины. В книге «Судовой журнал» («Ημερολόγιο καταστρώματος») Сеферис от лица своего литературного alterego Стратиса Морехода пишет о том, с чем ему пришлось столкнуться в военные годы: о ничтожестве политиков, о безумии войны, о страданиях и смерти близких, об эмиграции, которую вместе с греческим правительством поэт-дипломат пережил в ЮАР и Египте. Йоргос Сеферис вёл и политический дневник, который вышел в двух томах и вобрал в себя многое из дипломатической деятельности автора. В романе Йоргоса Феотокаса (Γιώργος Θεοτοκάς) «Арго» («Αργώ», τόμος Α΄ 1933, τόμος Β΄ 1936) дневник является составной частью повествования, где автор описывает процесс создания этого произведения.

После Второй мировой войны («поколение 50-60-х») жанр литературного дневника не вызывал интереса у греческих писателей, поскольку на первый план вышли дневники очевидцев ужасов войны. Единственным исключением стала повесть «Дневник Пенелопы» («Το ημερολόγιο της Πηνελόπης», 1947) Костаса Варналиса, где литературный дневник выбран с целью сатирического представления буржуазного государства, с его уродствами и пороками, приведшими к человеконенавистнической сущности фашизма. В образе главной героини вместо привычной верной и покорной Пенелопы показана жестокая, алчная, деспотичная женщина, типичная представительница разложившихся и развращенных кругов буржуазного общества, а в облике Одиссея-самозванца воплощены типичные черты «сверхчеловека», то есть, черты фашистских диктаторов.

2. Способы интеграции дневника в композиционную структуру романов Маро Дука

Прозаики Греции последней трети XX века реконструируют не только традиционную композицию, но и сам канон повествования. Выбираются в основном ретроспективная и вольная (монтаж картин) композиционные формы; хронологическая форма практически отсутствует, так как последовательность изложения событий произвольная. В композиционной структуре все чаще используется постмодернистский принцип эклектичности, то есть смешиваются различные повествовательные виды, такие как автобиография, очерк, дневник, хроника, что приводит к переплетению исторических, научных, автобиографичных данных в одном произведении, и этот, практически невозможный в предыдущей литературной традиции Греции, симбиоз нарушает связность повествования.

Все вышеизложенное можно отнести и к композиционной структуре романов Маро Дука, добавив лишь то, что излюбленной формой построения произведений писательницы является форма «текст в тексте», создаваемая посредством кода, отличного от остального пространства произведения. Таким кодом становятся тексты анкеты в романе «Старая ржавчина» (1979), дневника в романе «Небесная механика» (1999), дневника-письма в романе «Невинные и виновные» (2004). В этих романах дневник главного персонажа становится композиционной доминантой, осью повествования, вокруг которой располагаются остальные части романа, представленные разножанровыми повествованиями, объясняющими, дополняющими, комментирующими дневник. Выбранная писательницей форма «дневника в романе» позволяет рассматривать вставные произведения как психодраматические представления имеющих психологических проблем. Так, Мирсини из романа «Старая ржавчина» свои переживания, эмоции, сомнения излагает в жанре дневника, построенного как ответы на вопросы анкеты. В процессе повествования девушка изображает частную и социальную стороны своей жизни в самые кризисные для становления ее личности годы (отрочество и студенчество).

В романе «Небесная механика» главный персонаж Иаковос записывает придумываемую историю о двух возможных вариантах своей судьбы в форме дневника. Создаваемая психодрама «субличностей» предоставляет возможность подростку, которому тяжело разобраться в своих внутренних ролях, попробовать себя в разных ам-

плуа. Роман «Небесная механика» представляет собой автобиографию главного героя с использованием его дневниковых записей (в форме дневника представлена психодрама протагониста).

Повествование в романе «Невинные и виновные» выстраивается на противопоставлении двух психодрам, ставших отражением культурных кодов главных персонажей: мусульманина Арифа и христиан Панариса и его сестры Элеоноры. Для Арифа дневник становится разновидностью психодрамы, при помощи написания которого он желает понять причины трагедии своей семьи. Ариф стал лучше понимать события прошлого (переезд его семьи в Турцию после присоединения Крита к Греции и бегство его тёти Айше с православным мужчиной Армодисом Фумисом), внимательно прочитав дневниковые записи своего деда и отца, переписав их по-гречески, детально изучив город Ханья (приводятся точные археологические данные, указываются названия улиц, дворцов, заводов, магазинов, продуктов местного производства), который вынуждена была покинуть его семья, изложив в форме дневника-письма свои мысли и ощущения от всего происходящего в современном ему городе. То есть, он создает свой метатекст, а расшифровка культурного кода в данном случае основывается на изучении интертекста и усвоении чужого языка, а затем его возвращении внутри собственной художественно речевой системы. Именно интерпретируя язык и мировосприятие деда и отца, Ариф конструирует собственную модель мира, представляя ее в своем дискурсе.

2. Функции художественных дневников в романах Маро Дука

О. Г. Егоров отмечает, что «функции дневника отличаются большим многообразием, но все они являются производными от общей функции замещения определенного психологического содержания, не нашедшего выхода в других формах самовыражения» [Цит. по: 4, с. 9].

Повышенное внимание Маро Дука к психологии индивида обуславливает функциональную направленность дневников, инкорпорированных в художественное пространство романов писательницы. Итак, дневник в романах Маро Дука выполняет следующие функции:

1) самопознавательную;

Как отмечает Е. В. Богданова «Ведение дневника предполагает пересечение двух сфер: сферы письменной речи и сферы внутренней речи. Их взаимодействие при художественной трансформации жанровой формы дневника приводит к усилению лирической экспрессии, появлению развернутого самоанализа [1, с. 29]. Так, изложенная на бумаге история взаимоотношений с окружающими людьми помогает Мирсини из романа «Старая ржавчина» разобраться в самой себе и побороть свои комплексы: «подсознательно я идентифицировала других людей со всем тем, что ненавижу. Словно при помощи масок, которые я на них надевала, я изгоняла свои страхи» («...ασυνείδητα ταύτιζα τους άλλους με όσα απεχθάνομαι. Σαν νά'ταν δηλαδή ότι με τις μάσκες που τους κολλούσα εξόρκιζα τους φόβους μου [6, с. 269]»). Иаковос из романа «Небесная механика» придумывает свою историю и записывает ее в форме дневника с целью самопознания, пытаясь избавиться от страха ложного выбора пути, от ряда комплексов.

2) катарсическую;

Ж. Лакан утверждал, что «любой невроз «выдыхается через язык», сам невротичный симптом – это язык, говорение которого должно быть высвобождено» [3, с. 12].

Так, для Иаковоса из романа «Небесная механика» письмо приобретает психотерапевтическое значение. Пытаясь раскрыться в самоанализе, он начинает отчуждаться от собственного «я», переносит свои признаки на образы создаваемых двойников, Иаковоса и Рихардоса. В романе «Невинные и виновные» цель, с которой главный персонаж романа обращается к помощи написания дневника близка к психотерапевтической: «Выговариваюсь и утешаюсь» («Φλυαρώ μόνο και παρηγοριέμαι [8, с. 424]»), «Только, когда мы поверяем кому-то все, что нас беспокоит, мы можем разглядеть реальные масштабы проблемы» («μόνο όταν εμπιστευόμαστε όσα μας απασχολούν μπορούμε να τα δούμε στις πραγματικές τους διαστάσεις [8, с. 185]»). То есть, Ариф переживает катарсис во время чтения дневников своего деда и отца (для которых ведение дневника было способом анализа происходящего, утешения и самоутверждения) и последующего создания собственного дневника.

3. Образ адресата дневников

Все дневники в романах Маро Дука нацелены на коммуникацию, причём адресатами дневниковых записей мужских персонажей всегда выступают женщины. По образу адресата дневники в романах Маро Дука можно разделить по следующим категориям:

1) обращение к себе;

Так, хотя дневник Арифа построен в форме открытого письма к его невесте Ванесе, ей отведена роль лишь терпеливого слушателя или внутреннего зрителя: «Я обращаюсь к тебе, словно хочу исповедоваться в моих мыслях, чувствах, с ложным ощущением того, что я делюсь с тобой своими впечатлениями и меланхолией» («Απευθύνομαι σ'εσένα, σαν να θέλω να σου εξομολογηθώ τις σκέψεις και τα συναισθήματά μου, με την ψευδαίσθηση ότι μοιράζομαι μαζί σου τις εντυπώσεις και τη μελαγχολία μου [8, с. 33]»). Но тут же он отмечает: «Я все это пишу на языке, которого ты не знаешь. Не исключено, следовательно, что я хочу поговорить только с самим собой» («Та γράφω σε μια γλώσσα που δεν γνωρίζεις. Δεν αποκλείεται, επομένως, να θέλω να μιλήσω μόνο στον εαυτό μου [8, с. 36]»).

2) псевдоадресат;

Так, в романе «Небесная механика» главный персонаж Иаковос придумывает себе слушательницу, молодую журналистку Долорес, характеристика которой выдает жизненные намерения самого Иаковоса: «Симпатичная журналистка, беспокойная, все время хочет приносить добро, расследовать темные дела, раскрывать несправедливости» («Είναι μια δημοσιογράφος νοστιμούλα και ανήσυχη, θέλει όλο να κάνει το καλό, να ερευνά εις τα σκοτεινά, να αποκαλύπτει τις αδικίες [7, с. 545]»). Беседа с воображаемой девушкой, выступающей персонификацией совести Иаковоса, становится поводом к написанию романа: «Рассказывая про свою жизнь Долорес, он придумает и других персонажей, взаимосвяжет их так, как придет ему в голову» («Καθώς θα εξιστορεί τη ζωή του στην Ντολόρες, θα επινοήσει και άλλα πρόσωπα, θα τα μπλέξει μεταξύ τους, άρες-μάρες, ό,τι του κατεβαίνει [7, с. 551]»).

3) условный адресат;

Так, в романе «Старая ржавчина» главная героиня обращается к абстрактному адресату, к возможным читателям её анкеты-дневника, вовлекая, тем самым, условного реципиента в процесс создания произведения.

ВЫВОДЫ

Таким образом, жанр литературного дневника, ставший довольно популярной жанровой формой в греческой модернистской литературе 30-х годов XX века, в творчестве постмодернистской писательницы стал составной частью романов, участвуя в межжанровом эксперименте Маро Дука, ищущей новые сюжетно-композиционные формы для выражения сложных и противоречивых проявлений человеческой натуры.

Все произведения греческой писательницы закодированы двойным кодом, то есть содержат вставные тексты (дневники), выполняющие функцию смыслового центра, вокруг которого объединены все другие составляющие части целостного произведения.

В романах Маро Дука дневник выполняет катарсическую, самопознавательную функции. Ведение дневника позволяет главным персонажам представить свои психологические проблемы «со стороны» и избавиться от них. Как правило, дневник в романах адресован либо самому себе, либо фиктивному персонажу, выступающему персонификацией совести или анимы протагониста, либо условному лицу, призванному принять исповедь персонажа и вынести свои суждения.

Список литературы

1. Богданова Е. В. Языковые особенности жанра дневника / Е. В. Богданова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2008. – № 1. Ч. 1. – С. 28-33.
2. Егоров, О. Г. Литературный дневник XX века: История и теория жанра: Дис... докт. филол. наук: 10.01.01 / О. Г. Егоров. - М. : Издательство Московского государственного областного университета, 2003. – 360 с.
3. Лакан Жак. Функция и поле речи и языка в психоанализе / Жак Лакан ; [Пер. с фр. А. К. Черноглазова]. – М. : Гносис, 1995. – 192 с.
4. Петешова О. В. Особенности реализации языковой картины мира в текстах литературной диалектики (на материале дневников немецкоязычных писателей XX века): автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.19 / О. В. Петешова. – Калининград, 2009. – 24 с.
5. Шарифова С. Ш. Типы документально-художественного романа / С. Ш. Шарифова // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. – 2011. – № 23. – С. 271-277.
6. Δούκα Μάρω. Η αρχαία σκουριά. – Αθήνα: Κέδρος, 1979. – 274σ.
7. Δούκα Μάρω. Η ουράνια μηχανική. – Αθήνα: Κέδρος, 1999. – 554 σ.
8. Δούκα Μάρω. Αθώοι και φταίχτες. - Αθήνα: Κέδρος, 2004. – 586 σ.
9. Σαμουήλ Αλεξάνδρα. Ο Gidè και το ημερολογιακό μυθιστόρημα στην Ελλάδα. Διδακτορική διατριβή. – Α.Π.Θ. : Θεσσαλονίκη, 1998. – 293 σ.

THE LITERARY DIARY AS A COMPOSITIONAL CENTER IN MARO DOUKA'S NOVELS

Banakh Liliya

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: lilybanakh@mail.ru*

The article describes the peculiarities of the integration of the form of the literary diary into the narrative outline of the novels of Modern Greek writer Maro Duka. The functions of the diaries created by protagonists are defined and the recipients of these literary diaries are identified. Particular attention is paid to the question of

formation and development of the genre of the literary diary in the Greek literature of the twentieth century; the reasons of appealing to the genre of the diary by Greek writers are examined.

Greek writers of the last third of the 20th century refer to an individual's psychology, internal psychological problems, to the break of the mentality that occurred under the influence of external historical, social and political circumstances. The genre of the literary diary is a convenient form for the implementation of the general tendency of writing the psychological fiction, because it allows to combine a subjective description of thoughts, feelings of personal life with the events of social life, that is, with the historical context.

The genre of the literary diary, which became rather popular in the Greek modernist literature in the 30-ies of the XXth century, became a component part of the novels of postmodern writer Maro Duka, participating in her intergenre experiment, dealing with the searches of the new compositional forms for the expression of the complex and contradictory manifestations of the human nature.

The Greek prose writers of the last third of the XXth century reconstruct not only traditional composition but also the canon of narration. Mainly retrospective and free composition forms prevail; a chronologic form is practically absent. Post-modernism principle of eclecticism is more often used in a compositional structure, so that different narrative kinds are mixed up, such as an autobiography, essay, diary, chronicle, that results in interlacing of historical, pseudo-historical, scientific, autobiographic data in one work, and this practically impossible in the previous literary tradition of Greece combination violates the connectedness of narration.

Maro Duka's favorite form of construction of her works is a form of "text in the text", created by a different code from the rest of the narration. The questionnaire in the novel "The Fool's Gold" 1979, the diary in the novel "Sky Mechanics" (1999), the diary-letter in the novel "The Innocent and the Guilty" (2004) become such a code. So, all the works of the Greek writer Maro Duka are coded with a dual code, that is, they contain inserted texts (diaries), which perform the function of the semantic center, around which all the other component parts are surrounded.

The form of "a diary in a novel" chosen by the writer helps to consider the inserted texts as the psychodramatic representation of existing psychological problems.

In Maro Duka's novels the diary performs cathartic and selfcognitive functions. Keeping a diary allows the main characters to present their psychological problems "from outside" and to get rid of them.

The diaries in the novels are addressed either to the diarist himself or to a fictitious character, who is a personification of the conscience of the protagonist or his anima or to the abstract recipient, called to accept the confession of the main character and to make the personal judgments.

Keywords: Literary diary, modern Greek literature, Maro Duka.

УДК 82/821

ЭТНИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ НАРРАТИВА В РОМАНЕ САЛМАНА РУШДИ «ДЕТИ ПОЛУНОЧИ»

Бондаренко Л. В.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: lidiaguide@gmail.com*

В данной статье рассматриваются этнические особенности повествования в романе английского писателя индийского происхождения С. Рушди «Дети полуночи». Этнические характеристики нарратива проявляются на уровне композиции и фонетического звучания текста, в виде интертекстуальных и мифологических аллюзий, на уровне персонажей и образов, тематики и проблем, поднятых в романе, а также на стилистическом и лингвистическом уровнях, что придает произведению национальный колорит и выделяет роман среди других художественных текстов современной литературы.

Ключевые слова: этнический нарратив, мифологическая интертекстуальность, магический реализм, цикличность, идентичность.

ВВЕДЕНИЕ

Данное исследование посвящено проблеме художественного своеобразия этнического нарратива в романе Салмана Рушди «Дети полуночи». Нарратология сегодня является самостоятельной наукой, которая изучает особенности повествовательных техник в различных жанрах литературы. Основы современной нарратологии были заложены русским ученым-филологом Михаилом Михайловичем Бахтиным в 1970 году [1]. В это же время в Западной Европе появляются работы Л. Долежала, Ж. Женетта, Дж. Принса, В. Шмида, посвященные особенностям современного нарратива. Жерар Женнет в 1972 году в разделе «Повествовательный дискурс», писал, что повествование «может существовать постольку, поскольку оно рассказывает некоторую историю, при отсутствии которой дискурс не является повествовательным <...> [3, с. 45], то есть он является *анаративным*. К анаративным речевым жанрам относят различные виды нарратива – магические заклинания, клятвы, присвоения имени, похвальба и брань, оскорбления или комплименты, а также декларации, воззвания и молитвы.

Целью данной работы является выявление основных художественных экспликаций этнического нарратива в романе «Дети Полуночи».

Заметим, что, несмотря на известность, роман «Дети полуночи» недостаточно изучен как в зарубежном, так и в отечественном литературоведении. Среди наиболее интересных работ на данную тему следует выделить статьи Марселя Терокса (Marcel Thereux) и Зое Хеллера (Zoe Heller), а также работы культурного критика С. Сандру (Sukhdev Sandru), в которых представлен общий анализ сюжетно-тематического своеобразия романа и поверхностно отмечены его художественные особенности. В отечественном литературоведении подобные исследования и вовсе отсутствуют. Таким образом, новизна данного исследования заключается в недостаточной изученности проблемы и новизне материала, а также в применении комплексного подхода, сочетающего в себе традиционные и новые методы литературоведческих исследований.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Особенности повествовательных техник в романе «Дети полуночи» в контексте постмодерна

Этническое своеобразие повествовательных техник в романе «Дети полуночи» можно проследить на различных уровнях – художественном, стилистическом, синтаксическом и лексическом, с учетом постмодернистского контекста, в котором принято воспринимать данное произведение.

Одними из наиболее ярко выраженных постмодернистских характеристик текста произведения являются *цикличность* и *фрагментарность* повествования. В данном контексте цикличность рассказа можно рассматривать как аллюзию на философскую основу индуизма, согласно которой причиной пребывания души в мире сансары считается незнание индивидом своей истинной природы, своего истинного «я» и отождествление себя с материальным телом и иллюзорным материальным миром майи.

Главный герой – рассказчик Салим Синай периодически возвращается к истории жизни доктора Азиза, своего дедушки, хотя и не родного, как мы узнаем впоследствии. Доктор Азиз олицетворяет трудности перехода от прошлого к будущему, сочетание традиционного и нового. Его попытки выйти из кругов сансары потерпели неудачу и Азизу не удастся стать Буддой, в то время как Салим Синай, не кровный внук Азиза, все же становится Буддой, справившись со своей кармой.

Вполне в духе постмодернистского взгляда на мир судьба Салима резонирует с жизнеописанием Христа, взявшего на себя грехи людей. Салим, в свою очередь, чувствует непомерный груз ответственности за судьбы других людей, окружающих его, как родственников, так и посторонних, на жизнь которых прямо или косвенно он оказывает влияние благодаря своим необычным способностям проникать в человеческий мозг и читать мысли. Герой также принимает на себя ответственность за судьбу своей страны – новой независимой Индии, с которой они ровесники.

В образе детей полуночи, которых упоминается всего 1001, родившихся в ночь обретения независимости от Великобритании, представлено новое поколение, появившееся на свет одновременно с новым государством. Это поколение обладает незаурядными способностями, некоторые из детей полуночи могут читать мысли других, как Салим, разрушать, как Шива, могут летать и колдовать, как ведьма Парвати, перемещаться во времени и совершать другие подобные чудеса. Эти элементы *магического реализма* в тексте напоминают о старой традиционной Индии, в которой есть место магии и колдовству. Во время практики доктора Азиза еще применяют методы традиционной национальной медицины, а в «новой Индии» колдуны и маги живут в гетто, где Салим встречает свою будущую жену – ведьму Парвати. Там же в гетто он знакомится с укротителем змей, известным на всю страну, и отправляется вместе с ним в дальнейшее путешествие, чтобы встретить другого такого же мастера, о котором говорят повсюду и победить его, продемонстрировав высшее мастерство магии укрощения змей. Для западного читателя, не знакомого с восточной культурой, это может показаться совсем незначительным событием, однако для индусов такое умение говорит о магических способностях человека, позволяющих ему обрести власть над змеями, а значит и над людьми.

2. Художественные экспликации этнического повествования в романе

В первых главах романа, когда Салим Синай рассказывает о судьбе доктора Азиза и судьбе народа в Кашмире, индийской провинции, в которой наиболее ярко была выражена традиционная культура востока, воспроизводится библейская картина мира, в которой Кашмир есть рай, Азис и Назим – Адам и Ева – вынуждены покинуть его и уехать в Пакистан, новую страну, в которой живут «правверные мусульмане». Как видим, в романе параллельно представлены несколько картин мира, отражающих постулаты всех основных мировых религий. Далее встречаются аллюзии и на иудаизм. С другой стороны, различные картины мира соприкасаются и взаимодействуют между собой на уровне личных судеб персонажей и их национальных идентичностей, что показывает отношение к жизни индусов – толерантность, понимание и миролюбие по отношению к другим религиям и народам. Рассказчик сравнивает себя с индуистским богом мудрости и благополучия Ганеша, мусульманским пророком Мухамедом и иудеем-христианином Моисеем в рамках одной главы. Большинство индусов исповедуют индуизм, семья Салима – мусульмане, а няня Мария – католичка.

В образе Салима Синая рефлегирует судьба Индии, за которую он берет на себя ответственность, как и за грех своего рождения, не зная еще, что его родители – не его кровные родители. Маленький Салим, обнаружив в себе магические способности общаться с другими, такими же как он «детьми полуночи», делится своим открытием с Ахмед Синаем, своим «отцом», от которого получает оплеуху и впоследствии, как результат, глухоту на одно ухо. Салим испытывает реальные физические страдания за судьбу своей страны и своего народа. После этого случая Салим больше не говорит об ангелах, голоса которых слышит у себя в голове, чтобы не вызывать гнев отца. Мальчик прячется в комод с грязным бельем, где, по его мнению, ему самое место, поскольку он считает себя грязным и недостойным. В романе «Дети полуночи» сакральное и профанное тесно переплетаются и взаимодействуют на различных нарративных уровнях.

Рассказ Салима – его книга, которую он читает Падме, своей подруге и слушателю, является сакральным текстом, как заявляет рассказчик, а читатель получает возможность прикоснуться к сакральному посредством прочтения истории жизни отдельного человека и истории страны. Рассказчик утверждает за собой право на представление своей собственной версии событий, независимо от того, совпадает ли она с общепринятой. Так, Салим по-своему излагает обстоятельства смерти госпожи Ганди, одновременно признаваясь во лжи и тут же утверждая, что он прав, потому что имеет право на свое мнение – аллюзия на правдоподобие истории как она изложена в Библии и других священных текстах.

Религиозные противоречия привели к разделению Индии и отделению Пакистана, а затем и Бангладеш, в то же время, сторонники общего для всех языка, устраивают «языковые марши» под девизом «единого языка» как основного фактора, определяющего *идентичность* личности, и отрицания всех других вариантов языкового общения.

Параллельно, Салим перебирается из комода в башню с часами, и время приобретает символический смысл в романе. Оппозиция единого и плюрального проявляется в противопоставлении борцов за единый язык и разнообразия голосов, зву-

чаших в голове рассказчика, символизируя многоязычную Индию, которая может оставаться единой, несмотря на многоязычие и многоголосье своего народа. И, словно в подтверждение этого, Салим путешествует из мозга водителя такси в мысли премьер-министра.

Яркой этнической особенностью нарратива в романе является *сенсуальность*, черта, характерная для восточной идентичности. В романе Адам Азис и его (не кровный) потомок Салим Синай обладают экстраординарным обонянием, а Салим посредством своего огромного носа обладает способностью «вызывать детей полуночи на конференцию» и управлять ими. Он конкурирует с Шивой, своим двойником, родившимся, как и Салим, ближе всего к полуночи, но награда была объявлена только для одного ребенка и несправедливо досталась Салиму. Мария Перьера, медсестра в роддоме меняет младенцев местами, и сын цыганки и хозяина поместья англичанина мистера Метволда становится сыном Амины и Ахмед Хана, в то время как Шива, их кровный ребенок попадает к бедному музыканту Вилли. Его «мать» умерла при родах. В духе постмодернистского *хаоса*, судьбы и идентичности героев перепутаны, что делает рассказ более запутанным и сложным.

Сенсуальность характерна для восточной культуры, что отражается в тексте в описании Бомбея через запахи, наполнявшие воздух города: “mélange of odors filled with unease” [4], “the odors of burgeoning romance” [4], “the aroma of temper lost” [4], “scent of success” [4], “reeked of Blanco” [4], “the smell of silence” [4].

На Востоке иное, не похожее на Западное, восприятие жизни. В частности, мотив борьбы, по-разному представлен в романе: например, борьба за жизнь, когда Салим и его сослуживцы попадают в джунгли на одинокий удаленный остров – аллюзия на воспитательный роман Даниэля Дефо «Робинзон Крузо», в котором герой не прекращал активных действий, стараясь сделать свою жизнь максимально похожей на прежнюю на материке. Индусы более полагаются на судьбу и проведение, которое обязательно поможет им выжить. Салим и его спутники находят в себе силы противостоять трудностям и выжить, несмотря на различные приключения и опасность. И, действительно, Салиму чудом удается спастись, словно в награду за терпение и надежду.

Аллюзии интертекстуальные и ассоциативные, метафорические сравнения и символика имен собственных романа также является отличительной чертой этнического повествования Салмана Рушди. Интересно отметить *мифологическую интертекстуальность* имен собственных: Азиз (Aziz) – одно из 99 имен Аллаха в исламе, Назим – свежий ветер, бриз, Салим – защищенный, в безопасности, добрый, свободный; Мумтаз лучшая или Амина – в Нигерии богиня войны, управляющая; Зульфикар – так назывался меч, который был дан Али его братом Мухамедом; Парвати-ведьма – индуистская богиня плодородия, любви и преданности, божественной и магической силы. Парвати – супруга бога разрушителя и созидателя Шивы.

Национальная и этническая *идентичность* героев выражается посредством особенностей этнического нарратива, таких как описание внешности, физического состояния (физической силы или, наоборот, слабости и болезни), манер, одежды, и использованием индийских реалий, то есть слов, референтами которых являются предметы или явления, характерные только для Индии. К таким реалиям отнесем названия элементов одежды: *kurta*, *pujau* кухни – *kichhri*, *chapatti*, *mongoose*, *charpoys*,

dhow, tamarind trees, budgerigar, saffron hue, hartal, goondas, hamsa (parahamsa), dhobi, catrack, penumbra, etc [4].

Полифония (многоголосье) как особенность современного художественного текста ярко просматривается в романе «Дети полуночи» и является также этнической особенностью повествования, поскольку выражает своеобразие жизненных взглядов индусов и право на существование каждого индивидуального мнения на события. Так, Салим говорит: *“Memory’s truth, because memory has its own special kind. It selects, eliminates, alters, exaggerates, minimizes, glorifies and vilifies also; but in the end it creates its own reality”* [4].

Этнический колорит проявляется в ритме звучания текста. Одна из глав романа («В Пионерском кафе») начинается следующим образом:

«No colours except green and black the walls are green the sky is black (there is no roof) the stars are green the Widow is green but her hair is black as black. The Widow sits on a high high chair the chair is green the seat is black the Widow’s hair has a centre-parting it is green on the left and on the right black. High as the sky the chair is green the seat is black the Widow’s arm is long as death its skin is green the fingernails are long and sharp and black. Between the walls the children green the walls are green the Widow’s arm comes snaking down the snake is green the children scream the fingernails are black they scratch the Widow’s arm is hunting see the children run and scream the Widow’s hand curls round them green and black. ...» [4, с. 345].

Звучание этого отрывка, в котором повторяются одни и те же сочетания слов: «is green, is black...green and black ...» – повторяются синтаксические конструкции, короткие предложения, присутствует аллитерация и создается ритм мантры, в котором теряется смысл слов и фраз, теряется смысл текста и сам текст растворяется в ритме звуков. Такой стилистический прием заставляет читателя забыть о логической иррациональности материального мира и погрузиться в ирреальный магический мир текста.

ВЫВОДЫ

Таким образом, по результатам комплексного анализа текста романа Салмана Рушди «Дети полуночи» заключаем, что национальная специфика повествования выражается на формальном и тематическом уровнях в виде таких художественных особенностей как цикличность повествования, фрагментарность, магический реализм, историзм, коллаж, сенсуальность, мифологическая интертекстуальность, стилистические особенности – ритм, а также – проблема национальной идентичности и хаоса.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1986. – 541 с.
2. Веселовский А. Н. Поэтики сюжетов // Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – М., 1989. – С.300 – 307.
3. Женнет Ж. Фигуры / Ж. Женнет. – в 2-х томах. – Т.2. – М.: изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 944с.
4. Пропп В. Я. Поэтика фольклора / В. Я. Пропп. – М., 1998. – 450 с.
5. Rushdie S. *Midnight’s Children* / S. Rushdie. – L., 2008. – 889 p.

ETHNIC NARRATIVE IN SALMAN RUSHDIE'S NOVEL "MIDNIGHT'S CHILDREN"

Bondarenko L. V.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: lidiaguide@gmail.com*

In modern literary studies much attention is paid to the kinds and means of narration, that is included into the scope of narratology, the basis of which were laid by M. Bakhtin, a Russian scholar and philologist. According to Bakhtin terminology, "polyphonic" narrative accounts for the most prominent tendency in modern literature viewed in postmodernist context, to which intertextuality, black humour, irony, fragmentation, cyclic narration and double coding.

Most of the most reputed English literary texts are viewed in postmodern context as well as the works of Salman Rushdie, a British author of the Indian origin. In "Midnight's Children" the attention is focused on the postmodernist narrative techniques and ethnic colouring of the story telling, that is very characteristic of the English post-colonial literature.

The article is devoted to the problem of the ethnic characteristics of the postmodern narrative in Salman Rushdie's novel "Midnight's Children". Ethnic narrative is revealed in the form of fragmentation, intertextual allusions, cycle narrative, the theme of the characters' national identity, and narrative sensuality. It can also be felt in the rhythm of the narrative, description of the characters' appearance, in the India realia as well as on the linguistic level of the novel.

Ethnic narration is characterized by the explication of the cultural – historical peculiarities of the nation, region, time of which the story is about, by means of the literary devices peculiar to a certain ethnic tradition. Such techniques are revealed in the works of different authors and need not to be unique for an author's style, but they are unique to a certain type of the ethnic narrative.

The image of the Midnight's children, born in the night of independence for India, symbolizes a new generation born together with their new country. That is a unique generation with extraordinary abilities: some of them can read other people's thoughts like Saleem, destroy like Shiva, fly and practice sorcery as Parvati does or travel in time. These elements of Magical Realism bring refer to the old traditional India with its magic and sorcery practiced in everyday life and medicine and the new India where magicians live in a ghetto.

Different world views represented the main world religions are juxtaposed in the text and brought together purposefully. On the other hand, different world views are represented in the individual lives of the characters of the book and their national identities. So it shows the Hindus' attitude to life, their tolerance, understanding pacifism towards other nations and religions. Religious controversies however lead to the departing of India and separation of Pakistan and later Bangladesh. But at the same time supporters of the common language march for the "common language" as the major factor setting personal identity.

One of the key factors of the Hindu national identity is sensuality that is revealed in the novel in the image of Saleem's nose and his extra ordinal smelling abilities. Sensual is the description of Bombay in which many sense words connected with smelling are used. Intertextual and associative allusions, metaphoric comparisons and symbolism of the proper names contribute to the ethnic narration in the novel.

Keywords: ethnic narrative, mythological intertextuality, magic realism, cyclic narration, identity.

УДК 82:316.3

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ РОМАНЕ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Гавришева Г. П.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: romanphil@crimea.edu*

Статья представляет сравнительную характеристику автобиографических произведений Шатобриана и Стендаля – крупнейших представителей французской художественной прозы первой половины XIX века, в частности, их отношение к категории времени в его философском, психологическом, историческом аспектах.

Ключевые слова: автобиография, категория времени, самоанализ, ретроспекция, идентифицировать, документальность.

ВВЕДЕНИЕ

Цель данной статьи: на материале компаративного анализа двух произведений автобиографического жанра – «Замогильные записки» («Mémoires d'outre-tombe») Франсуа-Рене де Шатобриана [5; 6] и «Жизнь Анри Брюлара» («La Vie de Henry Brulard») Стендаля [10] – показать своеобразие и различное отношение двух крупнейших представителей французской художественной прозы первой половины XIX века к жанру автобиографии и категории авторского «я», и, в связи с этим, выявить их отношение к категории времени в его философском, психологическом и историческом аспектах. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**: проанализировать жанровые особенности литературной автобиографии, сформулировать критерии исторического и психологического времени в двух анализируемых произведениях.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Актуальность компаративного анализа

Компаративный подход к изучению явлений художественной литературы является актуальным в области гуманитарной экспрессии. В рамках одной национальной литературы компаративное исследование может включать сравнительное изучение творчества одного или нескольких писателей, сопоставительный анализ особенностей развития некоторых жанровых форм, сравнительную характеристику определенного типа персонажей. Этот аспект изучения литературы представляется целесообразным и актуальным не только в плане теоретическом, но и практическом. Включение результатов сравнительных исследований в лекционный материал литературоведческих дисциплин способствует как расширению филологического кругозора студентов, так и позволяет более рационально спланировать чтение курса, когда при меньшем количестве аудиторных занятий увеличивается их информационный потенциал, что, в свою очередь, отвечает современным вузовским программам.

2. Обоснование выбора материала исследования

Выбор для сопоставления произведений этих двух писателей обусловлен, в первую очередь, тем, что оба они были современниками одной исторической эпохи, свидетелями одних и тех же исторических событий, связанных с французской революцией XVIII века и Империей Наполеона Бонапарта, но каждый художник слова, в силу своей индивидуальности и творческого своеобразия, по-разному отобразил данную историческую эпоху, данное время.

Проблемам изучения творчества Стендаля посвящены монографии профессора Б. Г. Реизова [4], научные труды Д. В. Затонского [2]. Во Франции о Стендале написано достаточно много, начиная с Бальзака, Сент-Бева, Мериме в XIX в., а в наше время его творчество отражено в работах Г. Пикона, К. Руа, Ф. Бертье, Ф. Кладона и др. [8]. Однако несмотря на большое количество исследований о Стендале, он до сих пор остается загадкой. Польский историк К. Стриенский так характеризует его: «Разум XVIII века, заблудившийся в героической эпохе Наполеона» [4, с. 357]. Действительно, Стендаль своим творчеством соединяет эти две исторические эпохи – век Просвещения и события нового, начинающегося XIX века, связанные с личностью Наполеона. Д. В. Затонский пишет о Стендале: «Стендаль жил в эпоху великого слома и обновления. На его глазах (а в какой-то мере и при его участии) менялся мир» [2, с. 185].

Биографы Стендаля нередко приводят один эпизод из его жизни: однажды во время светского приема некто спросил писателя, чем он интересуется, каков род его деятельности. Он ответил с наигранной скромностью: «Я наблюдатель человеческого сердца». В этом ответе, несомненно, была доля иронии. Но, в то же время, ответ был достаточно откровенным, поскольку Стендаль всю свою жизнь ничем другим не занимался столь старательно и целеустремленно, как наблюдением над жизнью человеческой души. И не было у него страсти большей, чем страсть «заглядывать в мозг людей», по его собственному выражению [4, с. 371].

Почти неизвестный для своих современников и, во всяком случае, не слишком ими оцененный, Стендаль, по выражению французского ученого литературоведа Г. Пикона, был «реабилитирован» следующим, XX веком [9, с. 992]. Еще при жизни Стендаль предвидел, что его произведения будут читать через столетие, то есть в середине XX века [9, с. 992]. Действительно, Стендаля воспринимают как очень современного, созвучного нашему времени писателя, творчество которого притягивает внимание и читателя, и исследователя. Некоторые произведения французского прозаика были опубликованы спустя много лет после его смерти, некоторые даже спустя несколько десятилетий. Именно к таким книгам относится автобиографический роман «Жизнь Анри Брюлара», а также «Записки эготиста», «Дневник», «Письма». Произведение «Жизнь Анри Брюлара» увидело свет лишь в 1890 году.

Что касается Франсуа-Рене де Шатобриана, ему принадлежит особое место во французской литературе. Родоначальник французского романтизма, он уже при жизни пользовался огромной популярностью и как литератор, и как государственный деятель и политик. Еще при жизни он был либо объектом иронии (А. де Мюссе), либо кумиром, предметом обожания (молодой В. Гюго), но безразлично к его творчеству и к его личности не относился никто. Известно, что Гете и Пушкин ценили Шатобриана, его стиль, его вклад в развитие французской литературы. Стендаль, напротив, не воспринимал его стиливую манеру, находя ее искусственной, высокопарной, театральной.

Во французской литературной критике и литературоведении Шатобриана единодушно считают «гением романтизма» (по аналогии с его произведением «Гений Христианства»), подчеркивая тем самым не только художественную изысканность, но и богатство философской и религиозной проблематики его произведений, которые заняли достойное место во всех антологиях, хрестоматиях, школьных учебниках.

В нашей стране, в частности в советской период, существовали определенные идеологические «табу», связанные с Шатобрианом, которые не позволяли дать объективную оценку его творчеству. Не все вузовские учебники содержали сведения о творчестве писателя, а если это все же имело место, Шатобриана квалифицировали как «реакционного писателя» по причине отрицательного отношения к революции и религиозной составляющей его произведений [1, с. 182-184]. Этим объясняется отсутствие объективных исследований и публикаций о писателе на постсоветском пространстве. В этом контексте интерес к анализу творчества Шатобриана не вызывает сомнений. Пришло время пересмотреть существующие оценки, касающиеся этого литературного имени. Издание в 1995 г. выдающегося произведения Шатобриана «Замогильные записки» на русском языке стало событием в литературном мире. Перевод осуществлен О. Гринберг и В. Мильчиной, вступительная статья и примечания написаны В. Мильчиной [3; 5].

В последние два десятилетия оживился интерес к писателю и во Франции, о чем свидетельствуют и некоторые публикации. Среди современных исследователей его творчества – Ж.-П. Клеман, И. Леклерк, Б. Дегу, М. Лавайян и ряд других [8].

3. Жанровые особенности литературной автобиографии

Не вызывает сомнения, что оба рассматриваемые произведения – «Замогильные записки» и «Жизнь Анри Брюлара» – относятся к жанру автобиографии, по мнению многих исследователей [7].

Интерес к изучению автобиографии как литературного жанра совпадает с развитием понятия личности, индивидуальности, то есть с конца XVIII в. и, в особенности, в период романтизма. Одно из определений жанра автобиографии подчеркивает, что это тип нарратива, в котором автор-повествователь и главный герой идентифицируются, сливаются в одно лицо [7, с. 5]. При этом имена собственные могут не совпадать. Известно, что в романе «Жизнь Анри Брюлара» Стендаль рассказывает историю собственной жизни. Писатель уже имеет свой литературный псевдоним автора, поэтому он предлагает псевдоним персонажа, в котором закодировано его настоящее имя собственное (Henry Brulard – Henry Beyle – Н.В.), в качестве названия своего автобиографического произведения. Этот факт ничего не меняет в данной идентичности. Идентичность или тождественность, о которой идет речь, не маскируется, а, наоборот, – автор о ней сообщает читателю. Таким образом, заключается своеобразный «договор», разновидность доверительного диалога, между автором-повествователем и читателем, – особенность, которая, собственно, и отличает жанр автобиографии от жанра автобиографического (исповедального) романа [7].

Литературная автобиография является жанровой разновидностью так называемой персональной индивидуальной литературы, которая включает мемуары, дневники, письма. Автобиография имеет ретроспективный характер, автор сообщает о

событиях своей жизни по прошествии многих лет. В отличие от других жанров персональной литературы, которые при написании не предназначались для публикации, автобиография, как правило, предназначена определенному читателю и бывает адресована друзьям, членам семьи или потомкам, будущему поколению. Таким образом, автобиография является открытым свидетельством своего времени или своей жизни, предназначенным для читателя. Поскольку автор хорошо знаком читателю, то он, как правило, составляет повествование своей жизни, окончив свои труды, достигнув успехов и почтенного возраста, – как определенный итог, который может иметь целью: рассказать следующему поколению об историческом времени, в котором жил; отобразить свой портрет для потомков; оставить себя в памяти людей.

В то же время, автобиография – это зеркало, в котором автор видит самого себя. Он считает этот портрет наиболее аутентичным, настоящим. Поскольку автобиография предусматривает психологическое самоуглубление, значительное место в этом жанре принадлежит медитации, интроспекции, самоанализу. Этот жанр может выявлять, подчеркивать следующие черты и особенности: ностальгию или чувство радости, удовольствия от воспоминаний детства, счастливых минут жизни; честолюбивые намерения преодолеть, остановить быстротечное время; желание лучше познать самого себя; понять смысл жизни, переосмысливая ее детали, анализируя противоречия.

Перед читателем автобиографии возникает вопрос: всегда ли автор является искренним, правдивым, точным; можно ли доверять достоверности его повествования, и т. п. Во всяком случае, исследователь творчества писателя не может и не должен быть простым читателем. С одной стороны, он должен хорошо знать широкий социокультурный и исторический контекст, связанный с произведением. С другой – не следует забывать, что художественная ценность автобиографического произведения заключается не в его документальности, а лежит за пределом этого документального интереса к его создателю.

4. Категория времени в произведении Шатобриана

Шатобриан дал своему автобиографическому произведению название «Замогильные записки» (в оригинале – «*Mémoires d'outre-tombe*» – «Замогильные мемуары» или «Замогильные воспоминания»). Тем самым автор ставит их в один ряд с известными мемуарными произведениями XVII и XVIII веков, в частности с мемуарами кардинала Реца и герцога Сен-Симона. Но эти мемуаристы представляют себя как свидетелей истории своего времени. Что касается Шатобриана, в отличие от них, он идентифицирует себя с историей эпохи, он хочет быть для потомков ее носителем, ее воплощением, уделяя особое внимание своей деятельности дипломата, политика, министра [3, с. 14]: оппозиция по отношению к Наполеону, государственная служба во время Реставрации монархии в качестве посла, участие в Конгрессе европейских держав в 1822 г. в Вероне, где Шатобриан представлял Францию, а сразу по окончании Конгресса был назначен министром иностранных дел, и проч. [5, с. 287-289].

Шатобриан настолько глубоко проникся своим историческим временем, что в конце концов воспринимает себя частью Истории – Истории Франции. В его книге имеются разделы, в которых речь идет о его взаимоотношениях с королем Людовиком XVIII [5, с. 287-289 и др.], с Наполеоном Бонапартом [5, с. 325-326] и др. Его произведение в этом контексте выходит за рамки автобиографии частной жизни.

В произведении Шатобриана происходит взаимообогащение двух жанров – мемуаров и автобиографии. История общества и история одного человека, история социума и история индивидуума переплетаются, становятся нераздельными одна от другой.

5. Категория времени в произведении Стендаля

В отличие от Шатобриана, Стендаль не имеет намерения показать масштабную картину своей исторической эпохи, хотя известно, что он также был дипломатом, участником военных кампаний Наполеона в Италии, Германии, Франции, России, присутствуя при всех боевых операциях. В самом начале XIX века, в 1800 г. юный Анри Бейль покидает родной Гренобль и отправляется в Париж, чтобы поступить в недавно открытую в столице, в 1794 г., Высшую Политехническую Школу. Столица полна динамики и кипучей жизни. Главный герой парижан этого времени – Наполеон Бонапарт, чьими подвигами гордится вся Франция, в особенности молодое поколение. Анри Бейль вступает в армию Наполеона. Вначале он служил сублейтенантом, а затем – интендантом, и сопровождал императорские войска при их вступлении в Берлин, Вену, в походе на Москву, как и в последней битве при Ватерлоо. И как бы ни менялась судьба Наполеона, для писателя он и в зрелом возрасте оставался кумиром. Энергия, победы, слава Наполеона увлекали Стендаля, как и в юности. Подобно многим современникам, он любил в Бонапарте республиканского генерала и осуждал самодержца. В Бонапарте ему импонировала страсть – свойство характера, которое он ставил превыше всего.

После падения Наполеона Стендаль выходит в отставку и уезжает в Милан, в Италию, страну, которой он всегда восхищался; музыку, живопись, скульптуру и архитектуру которой он прекрасно знал и посвятил итальянскому искусству целую серию книг. В Италии он сблизился с карбонариями, к которым относился с большой симпатией; встречался с Байроном, Россини, со многими писателями и людьми искусства; довольно часто посещал Миланскую оперу. Выйдя в отставку, он проводит жизнь между Италией и Парижем, совершая кратковременные поездки в Лондон, Германию, Швейцарию, а в 1831 г. поселяется в качестве французского консула в итальянском городке Чивитавеккья. Однако он часто бывает в Риме, много работает в библиотеках, изучает старинные рукописи, «Итальянские хроники», находя в них сюжеты для собственных сочинений. Десятилетие с 1830 по 1839 гг. является самым плодотворным периодом его творчества. За эти десять лет он создал самые совершенные свои произведения, принесшие ему мировую славу – «Красное и черное», «Люсьен Левен», «Пармская обитель» и все перечисленные выше автобиографические произведения, в том числе уникальную автобиографию «Жизнь Анри Брюлара». В этот период он пересматривает написанную ранее книгу «О любви». Об этом периоде жизни и творчества Стендаль говорит, что истинное счастье для него – писать романы, сидя где-нибудь на чердаке, чем красоваться в расшитом консульском мундире в своей конторе [9, с. 991].

Как можно заметить, жизнь Стендаля была не менее интенсивной и богатой событиями, связанными со своей исторической эпохой. Он встречался со многими выдающимися представителями этого времени. Но свою автобиографическую книгу он пишет легко, непринужденно, ему не чужда ирония по отношению к себе. Стен-

даль постоянно обращается к ретроспекции, радуется возможности углубиться в прошлое с целью самоанализа, стремится к психологической самохарактеристике. Если Шатобриан отдает предпочтение широким историческим картинам с очень подробными комментариями, для Стендаля характерны лаконичность, точность, отсутствие театральности, а главное для него – понимание внутреннего мира, познание души, работы сердца. В результате знакомства с его автобиографическими произведениями появился термин «бейлизм», который подразумевает все то, что было характерно для внутреннего мира Стендаля: помимо страстного увлечения литературой и искусством, – «эготизм» (культ собственного «Я»); чувство внутренней энергии; стремление к счастью; благородство души; искренность, честность по отношению к самому себе и другим; совмещение тихого спокойствия со страстной нежностью.

Не случайно Стендаль постоянно возвращается к своей книге «О любви». Эту книгу он писал в Милане в 1820 г. и посвятил ее Метильде Дембовской, которую страстно любил. Он трагически переживал разрыв с любимой женщиной. «Почти всегда я был несчастен в любви», – с горечью писал Стендаль. Как отмечал Проспер Мериме, он никогда не видел Стендаля иначе, как влюбленным и, к сожалению, всегда несчастливо влюбленным. В этой книге Стендаль изложил свою знаменитую теорию так называемой «кристаллизации» объекта любви, то есть идеализации, сублимации: влюбленный наделяет предмет любви самыми совершенными качествами, подобно тому, как если бросить ветку дерева в соляной колодец в Зальцбурге, а затем достать ее оттуда через несколько недель, то вся она покроется множеством сверкающих кристаллов, словно бриллиантами. Кроме того, Стендаль различает разновидности любви, в зависимости от темперамента, воспитания, состояния нравов в обществе, образа мыслей и др. [9, с. 990].

Рассказывая о себе, о людях, с которыми он жил, дружил, встречался; о событиях, свидетелем которых был, Стендаль себя не идентифицирует с Историей с большой буквы [10, с. 9]. Стендаль ни в коем случае не изображает себя актером этого театра и не имеет намерения в своем произведении презентовать себя как активного участника внешних событий своего времени. Главное для него – чувство, внутренний мир, жизнь человеческого сердца. Для Стендаля важнее всего представляется перцепция эффекта – поймать, удержать неуловимое, преходящее, быстротечное (события детства; картины природы; встречи с женщинами; эстетические переживания, связанные с музыкой, восприятием произведений живописи, искусства). Создавая свою книгу, Стендаль надеялся понять, каким образом все эти чудесные моменты, эти детали воздействуют на психологию, на характер и темперамент. Поэтому его автобиографическое произведение представляет собой сумму таких деталей, моментов жизни, впечатлений, переживаний.

ВЫВОДЫ

«Замогильные записки» (или «Мемуары») Шатобриана и «Жизнь Анри Брюллара» Стендаля отражают две противоположные концепции авторского «я», а также две противоположные стилевые манеры в рамках жанра автобиографии.

Таким образом, автобиография Шатобриана дает картину целой исторической эпохи, с которой автор себя отождествляет. Историю своей жизни, своих чувств и мыслей национальных катастроф, ее будущего.

Для Стендаля, напротив, рассказ о своей жизни имеет исключительно личный характер. Это – желание удержать внутренние импульсы, порывы души, переживания, которые остаются в памяти как самые лучшие, самые яркие моменты жизни.

Оба писателя трепетно относятся к категории времени. Оба приступают к написанию произведения после пятидесяти лет, хотя замысел написания завершающей книги собственной жизни возникал и раньше. При всем несходстве этих двух произведений, обе книги являются не только замечательными произведениями художественной литературы, но и имеют ценность исторических свидетельств своего времени. Главное в том, что каждый автор показывает, как работает индивидуальная человеческая память во взаимодействии с общечеловеческими ценностями – историей и культурой.

Список литературы

1. Елизарова М. Е. и др. История зарубежной литературы XIX века / М. Е. Елизарова. – М.: Просвещение, 1964.
2. Затонский Д. В. Стендаль / Д. В. Затонский // История всемирной литературы, Т. 6. – М.: Наука, 1969. – С. 185-196.
3. Мильчина В. А. Эпопея человеческого сознания / Шатобриан Ф. - Р. де Замогильные записки // В. А. Мильчина. – М., 1995. – С. 5-7.
4. Реизов Б. Г. Стендаль. Философия истории. Политика. Эстетика / Б. Г. Реизов. – Л., 1974.
5. Шатобриан Ф. - Р. де Замогильные записки / Ф.-Р. де Шатобриан. – М., 1995.
6. Chateaubriand F. - R. Mémoires d'outre-tombe / F.-R. Chateaubriand. – P., 1848.
7. Lejeune Ph. Le Pacte autobiographique / Ph. Lejeune. – P.: Ed. du Seuil, 1975.
8. Magazine littéraire. Chateaubriand – le genie du romantisme. – P., 1998. – № 366.
9. Picon G. Stendhal // Dictionnaire encyclopédique de la littérature française / G. Picon. – P.: Robert Laffont, 1999. – P. 989-993.
10. Stendhal. La Vie de Henry Brulard / Stendhal. – P., 1890.

THE CATEGORY OF TIME IN THE FRENCH AUTOBIOGRAPHICAL NOVEL: COMPARATIVE ANALYSIS

Gavrisheva G. P.

Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Crimea, Russian Federation

E-mail: romanphil@crimea.edu

In the article the author gives the general comparative characteristic of Chateaubriand's and Stendhal's (the greatest representatives of the first half of the XIX-th century French classic literature) attitude to the autobiography genre and besides to the category of time in its philosophical, psychological and historical aspects.

In the exposition one speaks of the actuality of the comparative approach for the analysis of the literature phenomena. The comparative factor broadens the students' outlook and makes the lecture material more informative. As the material for the article one has chosen the works which refer to the genre of the literary autobiography: «Les Mémoires d'outre-tombe» by Chateaubriand and «La Vie de Henri Brulard» by Stendhal. In the first part of the article there are specified the genre peculiarities of the literary biography, its difference from the confessional novel, memoirs, diaries.

The choice of works of these two writers for comparison is caused, first of all, by the fact that they were contemporaries of the same historical era, witnesses of the same historical events connected with the French Rev-

olution and Napoleon's Empire, but each literary artist, owing to the identity and creative originality, displayed this time in different ways.

Chateaubriand gave to his autobiographical work the title «Les Mémoires d'outre-tombe». Thereby the author puts them in one row with the known memoir works of XVII and XVIII centuries of the Cardinal Rets and the Duke Saint-Simon. Unlike Chateaubriand, Stendhal writes the book easily, freely, with the irony in relation to himself. Laconicism, accuracy, lack of theatricality are characteristic of him. Stendhal doesn't identify himself with History from the capital letter. He is interested in the inner world, personal experiences, work of soul and heart.

The main content of the article reveals the typical features of the authors being analyzed, different content of their literary works, idiocrasy of the style manner. Chateaubriand prefers broad historic pictures with very detailed commentaries. He is eager to identify himself with the history of the epoch, he wants to be its carrier for the descendants, paying attention to his activities of a diplomat, politician, minister. Stendhal was also a diplomat and participant of Napoleon's military campaigns, but he does not try to depict the historical time, Stendhal describes the psychological time, speaking of his own personal experiences and events, connected with the recollections of the childhood, youth, joyful moments of life, love.

Both writers are very careful with the category of time, both of them start writing their works after being fifty years old, as if summing up the result of their lives. But Chateaubriand represents at first turn the historical time, and Stendhal – the psychological one. Both books are valuable as historical evidence of their time, connected with the French Revolution and Napoleonic wars. Each author shows the mechanism of human memory in the context of the history.

Keywords: autobiography, category of time, introspection, flashback, identify, documentation.

УДК 811.111'373.74=111=161.1"19"

СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КАК ЗЕРКАЛО МЕНТАЛИТЕТА БРИТАНСКОГО И РУССКОГО НАРОДОВ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА У. ГОЛДИНГА «ПОВЕЛИТЕЛЬ МУХ»)

Гайдаш А. А.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: gaydash.ann@mail.ru*

В статье рассматриваются особенности места и роли фразеологических единиц с национально-культурным компонентом в определении облика британского и русского народов XX века в контексте концептуальной и языковой картин мира. Представлена семантическая классификация фразеологических единиц с национально-культурным компонентом в оригинале и русском переводе романа У. Голдинга «Повелитель мух». Установлены основные особенности мировосприятия обоих народов, получившие широкое распространение во фразеологии обоих языков.

Ключевые слова: фразеологические единицы с национально-культурным компонентом, семантика, менталитет, У. Голдинг «Повелитель мух».

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире информации и глобализации, благодаря инновационным технологиям, телекоммуникации и международным социальным сетям, границы между странами, культурами и языками являются уже не столь четкими. Более того, в современном мире именно английский язык играет роль языка международного общения, а статус русского языка возрастает в связи с меняющимся положением России на политической арене мира. В последние десятилетия английский приобретает статус универсального языка международного и межкультурного общения, общения представителей всех возрастов и социальных слоев общества, а также, наравне с международной интеграцией, возрастает необходимость этнического самоопределения русского человека и разграничения понятий родного языка и калькирования иностранного. Более того, возрастает важность рассмотрения идиоматической этничности языка в свете последних исследований человеческого и социального фактора в языке, а также отражения концептуальной картины мира в языковой картине мира определенного народа и рефлексии мироощущения определенного (британского и русского) менталитета в речевой коммуникации. Однако обращение к английскому и русскому языкам позволяет сделать выводы не только об изоморфных, но и об алломорфных чертах в восприятии мира представителями двух разных лингвокультур, которые воспринимают окружающую действительность и действуют в ней различным образом, что находит свое отображение именно во фразеологии.

Цель данной работы заключается в установлении и описании семантических особенностей фразеологических единиц с национально-культурным компонентом английского и русского языков на материале романа У. Голдинга «Повелитель мух». Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие **задачи**: определить статус национально-культурного компонента в семантике ФЕ; осуществить

семантическую классификацию ФЕ с национально-культурным компонентом значения в оригинале и русском переводе романа У. Голдинга «Повелитель мух»; раскрыть и описать лингвокультурологические особенности ФЕ с национально-культурным компонентом в контексте британской и русской языковых картин мира.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Место фразеологического значения в языковой картине мира

По утверждению В. фон Гумбольдта, человек не имеет ни физической, ни ментальной возможности непосредственно постичь находящуюся вокруг него реальность, «войти» в нее, постичь ее внутреннюю организацию, обнаружить ее наиболее важные стороны. Для собственного ориентирования и знания противостоящего ему мира человек нуждается в особенных опосредованных знаковых, условных структурах, и в первую очередь именно в языке. «Язык, как натуральная знаковая система, как интенсивное средство рефлексии и понимания мира, позволяет личностные заслуги в познании мира переводить в разряд общественных, общечеловеческих, а их, в свою очередь, собранные предыдущими и современными поколениями, – усваивать отдельной языковой личностью определенного общества» [2, с. 74]. Все это, по его определению, взаимодействует, обогащая сферу познаний человека в области окружающей его действительности

Поскольку язык находится на поверхности существования человека в культуре, то начиная с XIX в. и по сей день вопрос связи, взаимодействия языка и культуры считается открытым и одним из центральных в языкознании. Первые попытки разрешения данного вопроса обнаруживаются в трудах В. Гумбольдта, главные положения концепции которого заключаются в следующем: «1) вещественная и морально-духовная культура народа воплощаются в языке; 2) всякая культура национальна, ее национальный характер находит свою реализацию в языке при помощи особенного видения мира; языку присуща специфичная для любого народа внутренняя форма (ВФ); 3) ВФ языка – это репрезентация «народного духа», его культуры; 4) язык является опосредующим звеном взаимодействия человека с находящимся вокруг него миром» [2, с. 56].

Меняется реальность, изменяются и культурно-национальные стандарты, меняется и сам язык. Одна из попыток ответить на вопрос о воздействии отдельных фрагментов (или сфер) культуры на функционирование языка оформилась в функциональную стилистику Пражской школы и современную социолингвистику.

В современном языкознании в последние десятилетия получили широкое распространение такие науки как социолингвистика, социофонетика, психолингвистика, а также пристально исследуются такие социально-обусловленные явления как анолект, сексолект и идиолект. Такое пристальное внимание вызвано пониманием неделимости языка и социума, говорящего на данном языке, его культуры, традиций, региональных, профессиональных, гендерных и возрастных факторов, влияющих на формирование как национального языка – отражения облика народа, так и идиолекта – рефлексии личностного опыта говорящего. Большую значимость приобретает выбор той или иной языковой единицы в случае, если один из коммуникантов не является носителем целевого языка, а лишь находится на стадии овладения им, поскольку национально-культурная и социально-обусловленная специфика устойчивых выра-

жений требует высокой компетенции говорящего. Более того, вариативность отбора определенного выражения в полной мере раскрывает особенности мироощущения не только народа, говорящего на целевом языке, но и самого коммуниканта и его родного народа. Согласно мнению профессора А. Д. Петренко, «во всех случаях общающиеся производят социальный выбор одного из конкурирующих способов формулирования какого-либо высказывания» [1, с. 17]. В языке «от тончайших оттенков фонемы до тончайших оттенков стиля нет ничего, что не было бы общественно обусловленным» [1, с. 17], а, следовательно, истолкование вариативности в функциональном аспекте возможно только с опорой на социолингвистические и лингвокультурные категории.

Недаром В. В. Колесов подчеркивает, что «народ не мыслим без языка, а язык без народа» [7, с. 118], поскольку вся концептуальная картина мира определенного народа находит свое отражение через языковую картину мира, а значит, детально проанализировав семантику таких богатых на социальную и культурную окрашенность единиц как ФЕ, можно прийти к формулированию концептуального образа народа, говорящего на данном языке, отражающем в полной мере менталитет, уклад жизни и само- и мирознание.

2. Образно-смысловые особенности романа У. Голдинга «Повелитель мух»

В контексте все нарастающей милитаризации общества XXI века и потери осознания ценности жизни на фоне многочисленных войн, было решено принять за основу исследования фразеологических единиц (далее – ФЕ) именно романа-антиутопии У. Голдинга «Повелитель мух», рисующего на руинах Европы образ поствоенного общества. У. Голдинг в своем произведении поднимает вопрос нравственного выбора человека в опасной ситуации. Рассуждая о том, на что может опереться человек в этом шатком мире, автор приходит к горькому заключению, что надеяться можно разве что на Божью благосклонность или же счастливое стечение обстоятельств. Мир враждебен, душа человека темна. В произведении Голдинга «Повелитель мух» [8] доминирующим является мотив «тьмы», которая довлеет над человеком и окружает его извне и живет глубоко в его душе. Автор стремится представить наиболее объемную картину не только героев и повествования, но и всего послевоенного общества. Следовательно, посредством использования широкого многообразия ФЕ и сленгового вокабуляра, присущего подросткам того времени, автор внедряет идею образа послевоенной Британии, а перевод, следовательно, – Советского Союза: общество строго дисциплинированное войной, люди, жмущиеся к толпе, заглушающие внутренний голос и собственные чувства, если они не совпадают с общепринятыми, т.к. в одиночку не выжить, наиболее человеческие и мыслящие провозглашаются слабыми и опасными и преследуются большинством, жаждущим крови и уничтожения инакомыслия для обеспечения утверждения тотальной власти и самооправдания, которое возможно только при отсутствии осуждения и другого мнения.

Кроме того, представляется возможным поднять вопрос гендерного аспекта языка в романе, поскольку, недаром Голдинг, сам будучи мужчиной, выбирает героями своего романа мальчиков, ведь на острове нет ни одной девочки. Остров похож на арену войны, поле битвы, на котором происходит самое страшное сражение – за

человечность. Можно провести параллель с «Братьями Карамазовыми» Ф. М. Достоевского, где автор говорит не только о современной ему действительности, но и пророчески относительно XX века: «Дьявол борется с Богом, а поле битвы – сердца людей». Вот так и в антиутопии, небольшой отряд мальчишек-солдат борется за свою душу: кто-то старается сохранить свою и спасти другие ценой своей жизни, а кто-то старается погубить чужие, ведь своя уже давно загублена, а оставаться живым мертвецом в одиночестве страшно – нужен кто-то рядом.

Для более детального анализа обликов обоих народов обратимся к фразеологическим единицам с национально-культурным компонентом представленным в романе, поскольку, как отмечает О. Л. Бессонова, «основным представителем и хранителем всех перемен, которые происходили в языке и истории народа, считается фразеология [4, с. 213], что поясняет особую значимость и сложность овладения ФЕ, потому что фразеологическое значение имеет не одну только внешнюю, но и сложную внутреннюю форму.

3. Семантические группы фразеологических единиц с национально-культурным компонентом

Согласно О. А. Корнилову, семантическая структура ФЕ шире ее значения, потому что не исчерпывается только денотативным и коннотативным значением, а еще и «определяется внутренней формой, построением всего образования в целом, типом грамматического значения и системными языковыми и речевыми связями» [3, с. 54]. Таким образом, согласно мнению В. Д. Стариченка, различают архисему и дифференциальные семы в значении ФЕ. Если «архисема отражает признаки, свойственные всем ФЕ определенной семантической группы» [5, с. 94], то наличие дифференциальных сем позволяет конкретизировать общую архисему, выявляя отличия ФЕ внутри данной семантической группы (архисемы).

В результате семантической классификации были выделены такие группы ФЕ: «Эмоции» (279 ФЕ, 34%), «Характер» (221 ФЕ, 27%), «Внешность» (172 ФЕ, 21%), «Пространство» (98 ФЕ, 12%), «Время» (49 ФЕ, 5%) (см. Табл. 1).

Таблица 1

Классификация семантического состава ФЕ с национально-культурным значением

Название группы	Кол-во единиц	% от общего количества	Примеры
1. ФЕ, обозначающие «Эмоции»	279	34	<i>Be on the seventh heaven</i> - the final state of eternal bliss, esp according to Talmudic and Muslim eschatology; a state of supreme happiness 'быть на седьмом небе (от счастья)'

**СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КАК ЗЕРКАЛО
МЕНТАЛИТЕТА БРИТАНСКОГО И РУССКОГО НАРОДОВ XX ВЕКА
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА У. ГОЛДИНГА «ПОВЕЛИТЕЛЬ МУХ»)**

2. ФЕ, обозначающие «Характер»	221	27	<i>Grey mare</i> - is a part of a phrase the gray (или grey) mare is the better horse - a woman who is a chief for her husband, the female of a horse or other equine animal (Old English mearh 'horse,' mere 'mare,' from a Germanic base with cognates in Celtic languages meaning 'stallion' The sense 'male horse' died out at the end of the Middle English period, <u>Brit. inform. derogatory</u> a woman) 'женщина, которая держит своего мужа под каблуком'
3. ФЕ, обозначающие «Внешность»	172	21	<i>thin as a lath</i> – a person thin as a thin flat strip of wood, like one of a series forming a foundation for the plaster of a wall or the tiles of a roof, or made into a trellis or fence around a farm 'худой как палка'
4. ФЕ, обозначающие «Пространство»	98	12	<i>Bond Street</i> – a fashion center (one of the main trade streets in London; famous for its fashion shops, esp. jewelry shops and private art galleries; Viscount Horatio Nelson lived there [1758-1805]) 'центр дорогих изысканных магазинов'
5. ФЕ, обозначающие «Время»	49	5	<i>Till the cows come home</i> - for an indefinitely long time (it was widely used in England in XVII-XVIII cc. It was firstly used in 1601 . It can be easily understood by ending "if they walk alone") 'очень долго'
Всего:	819	100	

Исследование семантики фразеологических единиц в оригинале и переводе романа У. Голдинга «Повелитель мух» определило, что данные ФЕ в полной мере отражают национально-культурную специфику репрезентации самосознания и мироощущения обоих народов, в контексте антропоцентричности языковой картины мира, однако значительно отличаются в контексте религии и жизненных приоритетов носителей обоих языков.

Проведя анализ количественные и качественные показатели ФЕ романа У. Голдинга «Повелитель мух», разделенных на пять семантических групп, можно сделать следующие выводы: наиболее численными являются ФЕ, обозначающие «Эмоции» и отражающие различия в их выражении и коннотации у обоих народов и подтверждающие стереотип «сдержанного британца» и «рубахи-парня русского», поскольку для

выражения одних и тех же эмоций оба народа используют ФЕ, несущие различное семантическое значение. Так, например, «Радость» *bouts of laughter* - 'взрывы смеха' ассоциируется у британцев с приступом, болезнью, а у русских – с военными взрывами как результатом многочисленных боев народа. Судя по используемым языковым единицам, эмоции поглощают русского человека целиком, вырываясь наружу смехом, слезами или же детскими озорными кувырками, что проявляется в лексическом запасе Ральфа, как наиболее сходного по духу с русским народом. Как отмечает Е. В. Трофимова: «Британец же старается сохранить разум незамутненным, а сердце холодным» [6, с. 53], что видно на примере Джека, выходца из церковного хора и являющегося представителем крайностей британского народа: гендерное разделение при обучении в частных школах и массовое насаждение общепринятых постулатов морали с отречением от негативных эмоций, которые, не находя выхода, представляют собой бурлящий котел, готовый взорваться при малейшем удобном случае.

На втором месте по численности находятся ФЕ, обозначающие «Характер», которые являются оценочно окрашенными. Оценка может быть как негативная, например, *a slight, furtive boy* – 'тощий дичок': в английском варианте делается упор на скрытность и хитрость, потаенные мотивы, а в русском – на обособленность и необщительность, так и позитивная, например, *a sort of humble patience* – 'достойное смирение' – для британцев – это свойственное их характеру терпение, устойчивость, целеустремленность, национальное самосознание, а для православных русских – это однозначно добродетели смирения, покорности, отзывчивости, прощения.

Затем следуют ФЕ, обозначающие «Внешность» как стремление человека изучить и в мельчайших подробностях знать все о себе самом, начиная с того, как он выглядит, к примеру, *Fine feathers make fine birds* - 'аленький цветок бросается в глазок', 'на алый цветок летит мотылек'. Английский язык стремится описать внешность посредством описания одежды и мимики лица, в то время как русский язык уделяет особое внимание телосложению, жестам и выражению глаз человека, из чего следует, что британец считывает основную информацию о человеке по внешним признакам, а русский старается «проводить по уму» своего собеседника.

Следующая группа представлена ФЕ, обозначающими «Пространство», как рефлексию человеком окружающего мира, например, *father Thames* – 'мать Темза', а так же событий связанных в восприятии человека с определенной местностью: *Scarborough warning* 'расправа без суда, без предупреждения (предполагается, что выражение возникло в связи с частыми случаями расправы без суда над разбойниками в г. Скарборо, Норт-Йоркшир, Англия в XVI в.)'. Понятно, что местом действия романа является остров, который является аллегорией не только Британских островов, окруженных морями, но и всех континентов, населенных людьми и плывущими по просторам мирового океана, что и обуславливает наличие большого количества ФЕ, описывающих воду. Однако в русском языке для описания пространства и природы используются эквиваленты ФЕ, содержащие описание растительности, гор и земли, передавая характерный для русского человека пейзаж.

Наименьшую же группу представляют ФЕ, обозначающие «Время» и являющиеся весьма сходными в обоих языках. Это может быть обусловлено сходным отношением ко времени у обоих народов, прошедших горнило Второй мировой войны и знающих не понаслышке цену секундам и минутам в бою, при атаке танка

или смертельного газа, и, помимо этого, сохранившимся в менталитете и традиции общими для обоих народов Библейскими концептами времени как вечности, загробной жизни и дара, данного свыше, что находит свое проявление в речи автора и описании событий, чувств детей, их переживаний и сценах смерти. Совершенно противоположное отношение ко времени выражается через детей-героев романа – это отношение как к моменту, например, *to turn a hair* - ‘миг’, сиюминутной действительности, которая, однако, в детском сознании не имеет границ и будет длиться вечно как в своей радости, так и в своем ужасе и страхе: *till the cows come home* - ‘очень долго’.

Таким образом, перед читателем предстает образ двух совершенно разных народов, с различными менталитетами и мироощущением, которые по-разному пережили ужасы начала XX века, выработали и закрепили в языке исторически и данный, вновь приобретенный опыт, получивший антропоцентрическую окрашенность.

ВЫВОДЫ

В результате исследования мы пришли к выводу, что ФЕ, имеющие национально-культурную окрашенность, представляют наибольшую сложность в освоении, поскольку требуют дополнительных фоновых знаний и являются наиболее репрезентантами ментальности народа. ФЕ в оригинале и русском переводе романа У. Голдинга «Повелитель мух» в полной мере отражают различия и сходства этих двух народов в их мироощущении и являются антропоцентричными, т. е. ориентированными на самого человека, его чувства, желания, мироощущение и оценку окружающей его действительности.

Список литературы

1. Актуальные проблемы языковой вариативности в аспекте мировой интеграции и глобализации / А. Д. Петренко, Д. М. Храбскова, Д. А. Петренко, Э. Ш. Исаев. – Симферополь : Изд-во «Феникс», 2011. – 274 с.
2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / Вильгельм фон Гумбольдт ; Пер. с нем. под ред. и с предисл. Г. В. Рамишвили. – 2-е изд. – М. : Прогресс, 2000. – 398 с.
3. Корнилов О.А. Доминанты национальной ментальности в зеркале фразеологии // Вестник МГУ. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – №2. – С. 53-65.
4. Процедуры концептуального анализа в разноструктурных языках/ Бессонова О. Л., Сарбаш Е. С., Трофимова Е. В. / Под ред. Бессоновой О. Л. (Типологические, сопоставительные диахронические исследования. – Т.7). – Донецк : ДонНУ, 2012. – 360 с.
5. Стариченок В. Д. Большой лингвистический словарь [Текст] / В. Д. Стариченок. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2008. – 811 с.
6. Трофимова Е. В. Фразеологическая репрезентация негативных эмоций в английской и украинской национальных картинах мира [Текст] : дис. на получ. науч. степ. канд. филол. наук : 10.02.17 / Е. В. Трофимова ; Донецкий нац. ун-т. – Донецк, 2011. – 245 с.
7. Человек. Язык. Культура : сб. науч. статей посвященных 60-летию проф. В. И. Карасика : в 2-х ч. ; отв. соред. В. В. Колесов, М. Влад. Пименова, В. И. Теркулов. – К. : Изд. дом Д. Бурого, 2013. – изд. – 2-е, испр. – Ч. 1. – 800 с.
8. Golding W. Lord of the Flies. – New York: Macmillan Press, 2005. – 146 p.

**SEMANTICS OF THE PHRASEOLOGICAL UNITS AS A MIRROR
OF BRITISH AND RUSSIAN NATIONS OF THE XX CENTURY
(BASED ON W. GOLDING'S NOVEL "LORD OF THE FLIES")**

Gaidash A. A.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: gaydash.ann@mail.ru*

The article is based on the presupposition that all the layers of phraseology especially its semantics reflects its national-cultural orientation, and makes it easy to identify the general lingual and conceptual world images of definite nation. In the modern world of information and globalization, with innovative technology, telecommunications and international social networks, the boundaries between countries, cultures and languages are not so clear. Moreover, in the modern world the English language plays the role of the language of international communication, the role of the Russian language is increasing due to the changing position of Russia in world politics. In recent decades, English acquires the status of a universal language of international and intercultural communication, communication between representatives of all ages and social strata, and, along with international integration, the need of ethnic self-determination of the Russian people and distinguishing between their native language and the foreign replication are increasing. Moreover, the importance of considering ethnicity idiomatic language in the light of recent studies of human and social factor in language, as a reflection of a conceptual picture of the world in the linguistic picture of the world and a certain mentality in communication has been increased. However, an appeal to the English and Russian languages allows to draw conclusions not only about isomorphic, but also about allomorphic features in the perception of the world by representatives of two different linguistic cultures, which perceive their environment and act in it in different ways which finds its reflection in phraseology.

The article discusses the influence of national history, traditions and even environment of the nation on the formation of stable word combinations such as phraseological units. Changing reality, changing culture-national standards and changing language itself provoke the attempts to answer the question of impact of the individual fragments (or spheres) of culture on the functioning of the language.

In recent decades such disciplines as sociolinguistics, sociophonetics, psycholinguistics have received a wide spread, and they closely investigate such socially-conditioned phenomena as analect, sociolect and idiolect. Such attention is caused by the understanding of the indivisibility of language and society, its culture, traditions, regional, professional, gender and age factors affecting the formation of the national language as a reflection of the character of the people, and idiolect – reflection of the personal experience of the speaker.

The article provides the view that of great importance is the choice of certain language unit in the case that one of the communicants is not a fluent speaker of the target language, since the national-cultural and sociological factors require high competence of the speaker. Moreover, the variability of selection of a particular expression fully reveals the features of attitude not only to the people speaking the target language, but also the communicant and its native speakers.

In the context of the growing militarisation of society of the 21st century and the loss of awareness of the value of life against the background of numerous wars, it was decided to be based on the FU study, the dystopian novel by William Golding "Lord of the flies" drawing on the ruins of Europe the image of post-war society.

The author discusses productiveness of such semantic groups of phraseological units as "Emotions", "Character", "Appearance", "Space" and "Time" as the key parts of human's life playing the vital role in forming the lingual picture of the world of the nation. The main characteristic of the analyzed phraseological units is claimed to be anthropocentrism as the strongest human's willing to explore and understand the surrounding world and its facts through inner perception and experience.

While investigating semantics of phraseological units in the original and the Russian translation of William Golding's novel "Lord of the flies" it has been established that given phraseological units fully reflect national-cultural specificity of the representation of the consciousness and attitude of both peoples, in the context of anthropocentricity of the lingual picture of the world, however, they differ significantly in the context of religion and life priorities of native speakers of both languages.

*СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КАК ЗЕРКАЛО
МЕНТАЛИТЕТА БРИТАНСКОГО И РУССКОГО НАРОДОВ XX ВЕКА
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА У. ГОЛДИНГА «ПОВЕЛИТЕЛЬ МУХ»)*

The author maintains that phraseological units with national-cultural component present the greatest difficulty to master because they require more background knowledge and are the brightest and most interesting representatives of the mentality of the people. Phraseological units in the original and Russian translation of William Golding's novel "Lord of the flies" fully reflect the differences and similarities of these two nations in their attitude and are anthropocentric, i.e. focused on the human himself, his feelings, desires, attitudes and evaluation of the surrounding reality because they are created by human, about human, for human and about perceptions and attitudes of a human.

Keywords: phraseological units with national-cultural component, semantics, mentality, W. Golding "Lord of the Flies".

УДК 821.111-21-122

ПЬЕСА ВИЛЬЯМА ШЕКСПИРА «РИЧАРД III» НА КРЫМСКОЙ СЦЕНЕ

Гуменюк В. И.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: ukrlit_tnu@mail.ru*

Пьеса В. Шекспира «Ричард III», принадлежащая к циклу драматических хроник автора, является одной из наиболее популярных и репертуарных в его творческом наследии и в этом (впрочем не только в этом) смысле она не уступает его самым знаменитым комедиям и трагедиям. Художественно постигающая извечные, не утрачивающие острой актуальности нравственно-общественные проблема, эффектно сочетающая жанровые черты хроники и трагедии, действенную динамику и тонкий психологизм, она вызывает непреходящий интерес читающей и зрительской публики. Поэтому неизменную благосклонность к произведению проявляют деятели театра, а также кино. Неоднократно обращался к сценическому событиям в истории творческого коллектива являются постановки пьесы, осуществленные в середине 70-х и 90-х годов XX века, первого десятилетия XXI века. В статье отмечается своеобразие каждой из них, особое внимание уделяется спектаклю, поставленному режиссером А. Новиковым в середине последнего десятилетия XX века. Это спектакль не столько о демоническом злодее, сколько о несовершенстве общества, позволяющего творить зло. Исполненный постановочной изысканности, спектакль раскрывает в классическом произведении неожиданно актуальные грани.

Ключевые слова: Шекспир, «Ричард III», Крымский театр им. М. Горького, сценическое прочтение, актерская интерпретация.

ВВЕДЕНИЕ

Со сценическим воплощением мировой литературной классики, в том числе и драматургии В. Шекспира, связаны самые яркие страницы истории Крымского академического русского драматического театра им. М. Горького. Совсем недавно (причем не впервые) здесь поставлен «Гамлет», идущий на сей раз под более пространственным названием – «Однажды в Датском королевстве» (режиссер-постановщик Анатолий Новиков). Премьера состоялась 23 апреля 2016 года. Не раз обращался театр и к одной из самых популярных, самых воплощаемых пьес великого автора, каковой бесспорно является «Ричард III». Драматург в этом произведении не чужд исторической достоверности, но главное для него здесь явно не дотошное следование букве научно выверенных фактов и событий, для него важна прежде всего правда художественная. Он как бы ориентируется на отстаивающего право художника на вымысел Аристотеля, который в своей знаменитой «Поэтике» утверждал, что это обязанность историка описывать героя таким, каким этот герой был на самом деле, а поэт волен воспроизводить его таким, каким тот мог бы быть.

Хоть исследователи далеко не всегда ставят это относительно раннее произведение рядом с более поздними шедеврами английского классика, все же очевидно, что оно при всей своей тесной связи с первыми хрониками ощутимо отличается от них особым лаконизмом, монументальностью, структурной четкостью. Черты траге-

дии неоднократно отмечали в этой драматической хронике исследователи, например Юрий Шведов [4, с. 91]. Думается все же, что это произведение не просто по своим признакам приближается к трагедии, но и в определенной мере синтезирует в себе преимущества двух разных жанров, и в этом таится его взрывная сила, его популярность и сценичность, которая едва ли уступает более утонченным пьесам драматурга периода расцвета его творческих сил. Первейшая особенность этой хроники в том, что это не просто с той или иной степенью достоверности поданная канва определенных исторических событий, пусть художественно осмысленных, пусть и овеянных волшебством поэтического воображения. Это хроника, открытая в будущее.

Примечательно, что именно к концу взвихренного XX века появились спектакли, подтвердившие это с особой очевидностью. Едва ли не ярчайший из них – осуществленный режиссером Робертом Стуруа в Тбилисском театре имени Шота Руставели. Спектакль не перечеркивал ренессансного оптимизма пьесы (об этом своеобразно свидетельствовали выразительные юмористические штрихи, да и вся его целиком шекспировская гуманистическая концепция), но и вносил в ее понимание какую-то беспощадную трезвость. Это наиболее четко проявилось в финале. В то время, как вдоль сцены катилась корона, упавшая с головы побежденного Ричарда, Ричмонд не провозглашал велеречивой тирады. Хищный взгляд, каким он на миг прикипел к желанному атрибуту власти, стал красноречивой точкой, а точнее многоточием в этом спектакле. Смерть тирана не означала преодоления зла.

В середине семидесятых годов (приблизительно в то же время, когда появился знаменитый тбилисский спектакль), «Ричард III» привлек внимание не одного театра. Была тогда поставлена эта пьеса и в Крымском театре имени М. Горького. Симферопольским служителям Мельпомены удалось сказать пусть и не столь громкое, но свое слово в сценическом прочтении классического произведения (режиссер М. Владимиров, в главной роли А. Голобородько). В октябре 2006 года «Ричард III» был поставлен на крымской сцене А. Новиковым. О своеобразии тогдашней трактовки пьесы и образа титульного персонажа С. Ющюком размышляет рецензент С. Пальчиковский в статье «Сиятельный мерзавчик захапал все, но лошадку ему все-таки не дали»: «Да, именно мерзавчик. На мерзавца Ричарда герой нового спектакля... не тянет. Не тот масштаб, не та фактура. Слишком юн, слишком импульсивен. Однако именно в этом заключается соль трактовки театра, режиссерского решения последней по времени версии... Новому крымскому Ричарду мстить за уродство нет нужды – он миловиден, молод, открыт, я бы даже сказал, романтичен и похож на Щелкунчика из балета П. И. Чайковского... Он убивает не потому, что кровожаден и циничен, он просто играет в солдатики» [3]. Все же, думается, А. Новикову в спектакле 2006 года не удалось превзойти самого себя как автора постановки пьесы «Ричард III», осуществленной в 1994 году и вполне заслуженно удостоенной «Государственной премии Республики Крым».

Спектакль 2006 года – о заигравшемся сорванце, что вполне корреспондируется и с ренессансно-барокковым ощущением жизни как театра, и с тенденциями постмодерной компьютерной эпохи. Уже упомянутый спектакль середины 70-х годов – о неуемности и многоликости зла. Не отсутствует эта тема и в спектакле середины 90-х, который является основным **предметом исследования** в настоящей статье.

Главная **цель** статьи – раскрыть своеобразие этой постановки.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Основной акцент в спектакле А. Новикова середины последнего десятилетия XX века сделан на том, что сама окружающая действительность довольно хрупка и уязвима. Поэтому не обязательно обладать какими-то особыми качествами, чтобы неправдой утвердился в ней. Стоит лишь надлежащим образом ориентироваться в обстоятельствах и вовремя ударить в слабое место. Этот замысел прочитывается прежде всего в трактовке главной роли артистом Валерием Шитоваловым. Его Ричард чрезвычайно далек от того магического тирана-титана, каким его в основном принято представлять. Напротив, он удивительно будничен, может, даже задушевен и мил. Такой себе душка. Этот Ричард вроде как-то не вписывается ни в привычные представления о давних и не столь давних злодеяниях, ни в преобладающе тревожную и напряженную атмосферу спектакля. Эта атмосфера подчеркивается и тусклым, суровым колоритом сценического пространства, и своеобразным отрывистым ритмом смены света и тьмы, выходящим за пределы служебного освещения места действия. Весьма красноречива здесь лаконичная, но в то же время не лишенная тревожной возвышенности музыка С. Кортеса. Вполне соответствует ей и четкий, зрелищный, подчас даже ритуальный рисунок мизансцен, особенно групповых (не случайно к их разработке приобщен даже балетмейстер – В. Зак), и изысканные, но строгие костюмы. Мир этот не воспринимает Ричарда, отторгает его. Но Ричарда в исполнении В. Шитовалова это мало волнует, он загодя знает, как в этом не благоклонном к нему мире удобно устроится. Отсюда несколько картинная небрежность и циничная непринужденность манер, унятием или хотя бы прикрытием которых он почти никогда не утруждает себя. Даже тогда, когда обольщает Анну над гробом убитого им ее свекра. Бесцеремонность, с которой он садится на гроб, вполне выразительна. И оружие он протягивает Анне лишь с наигранным беспокойством, прекрасно зная, что она не найдет в себе сил убить его, но лишь в большей степени станет от него зависима. Поэтому и завершается эта сцена вовсе не удивлением по поводу одержанной победы, и не восхищением самим собой, провозглашаемым в тексте. В подтексте, в скупой ухмылке, в вялости скептических интонаций таится уверенность в возможности достижения любой цели, если пренебречь моральными препонами.

Характерна в этом смысле и сцена организованного общественного уговаривания Глостера быть королем. Если в постановке М. Владимирова в этой сцене разыгрывается тщательно продуманный персонажами, довольно яркий «спектакль в спектакле», то здесь вроде бы ничего необычного не происходит. Надлежащим образом обработанные горожане, пришедшие к Ричарду во главе с лордами, – это не народ, не демос, а охлос – послушная безликая толпа. Это и показано в спектакле вполне зримо – лица пришедших закутаны в черное (метафора не выглядит нарочитой, ибо выплывает из сути предыдущих событий, да и имеет бытовое оправдание – вечереет, каждый хочет плотнее укутаться от холода, а может и от стыда). Эту низменность толпы чудесно понимает и ощущает Ричард. И ему нет никакой необходимости особо усердствовать, чтобы снискать расположение пришедших. Несколько небрежно брошенных демагогических фраз, и дело сделано. Ричарда ждет корона, а каждого участника манифестации – определенное материальное вознаграждение: тому – венок лука, этому – два общипанных цыпленка, третьему – еще что-то...

Вне сомнения, это интересная трактовка роли, но все же, думается, даже в ее пределах можно было бы достичь большей психологической утонченности. Некоторое однообразие психологических ходов все-таки не на пользу спектаклю. Актер раскрывает перед нами разнообразие движений души персонажа, но глубины этой души часто остаются непостижимыми, очевидно, подразумевается, что и глубин-то особых нет. И здесь можно поспорить. Конечно, Шекспира можно трактовать по-разному, но есть определяющие вещи, отход от которых не совсем плодотворен. Мне кажется, в этой пьесе английский драматург доказывает, что ни одно злодеяние не проходит для самого злодея бесследно, что совесть, данная природой человеческому существу, рано или поздно не оставит никого а покое. Особо важная в связи с эти сцена сна Ричарда, одна из самых впечатляющих в пьесе. Собственно говоря, эта сцена знаменует поражение Ричарда перед самим собой, а дальнейшие поражения – это лишь продолжение этого, кульминационного фиаско. Не удивительно, что в спектакле эта сцена, как говорится, не прозвучала. Сам Ричард отошел в ней на второй план, а сценическое пространство заполнили какие-то бутафорские чудища, безвкусьность которых в условиях камерной сцены особо ощутима.

Кажется, именно недостаточная выразительность мотива неодолимости людской совести породила у режиссера ощущение незавершенности спектакля даже после того, как был побежден Ричард и корона была предложена Ричмонду. Поэтому был еще раз на сцену выведен с назидательной тирадой писец, который появлялся раньше и уже говорил справедливые слова о том, что зло все более распространяется, когда люди молча терпят его.

Что касается общего решения финальной сцены, то здесь, очевидно, использован опыт театра имени Шота Руставели. Но использован творчески. С победой Ричмонда в симферопольском спектакле своеобразно повторяется сцена уговоров нового кумира стать королем. Ричмонд поначалу отказывается, но чем все закончится – известно. Таким образом еще раз подчеркивается мысль о том, что тираны сильны прежде всего уязвимостью среды, в которой они утверждаются, несовершенством нашего мира. Все же в решении этой сцены утрачено чувство художественного такта. Когда герцоги и лорды, окружив нового властелина, склоняются перед ним и все по-собачьи виляют задками, то это уже выразительность несколько фарсового характера, выходящая за пределы предложенного драматургом и театром жанра.

Хрупкость и уязвимость мира прочитывается в трактовке большинства ролей. Уязвима леди Анна Александры Тищенко – несчастная женщина, не способная убить человека, пусть и злодея, не находящая в себе сил противостоять соблазну опять стать королевой и отбросить нечистые притязания убийцы ее мужа. Эта леди Анна презирает саму себя, но ничего не в состоянии предпринять и с ужасающим достоинством, как неотвратимый фатум, воспринимает неумолимый бег дальнейших событий. Уязвима герцогиня Йоркская С. Калгановой, мать Ричарда, горестно проклиная миг, когда родила его на свет (жаль, что эта сцена не возвысилась в спектакле к надлежащему символическому звучанию, оказалась излишне приземленной, не по-шекспировски бытовой). Уязвима королева Елизавета С. Вандлаковской, безутешная вдова, страдающая не только и не столько из-за утраты мужа, как от того, что лишилась высокого королевского сана. В предчувствии новых потерь она мечется, как муха в паутине, напрасно теряя всяческое королевское достоинство. Уязвим епископ Б. Халеева, всего

боящийся, готовый на все ради сохранения своего состояния. Такой же лорд-мэр Лондона в исполнении В. Злоковича, не преминувший распластаться перед новыми хозяевами и молниеносно, с демонстративным угодничеством принимающий навязанные ими правила игры. Уязвим сэр Ричард Ретклиф В. Юрченко, человек доверчивый и благородный, и именно поэтому оставшийся без головы.

Постановки «Ричарда III» часто воспринимаются как в определенной мере моноспектакли. Такова магия главного персонажа. Может, из-за того, что на этот раз магия не была запрограммирована, одной из особенностей сценического произведения стало появления рядом с Ричардом еще одной яркой фигуры, которая при этом отнюдь не затеняет образа, воплощаемого В. Шитоваловым. Речь идет о первейшем стороннике Ричарда, герцоге Бэкингеме в исполнении Виктора Навроцкого. Это своеобразный дуэт, сочетающийся по принципу контраста. Если Ричард подчеркнуто будничен, небрежен, то Бэкингом – стройный, ладный, внутренне собранный и сосредоточенный, в нем чувствуется непринужденное благородство и духовная сила. При этом актер не идеализирует своего персонажа, чудесно понимающего сложность общественных отношений и прикладывающего усилия к тому, чтобы, как говорится, остаться на плаву. Поэтому он тянется к Ричарду, предчувствуя, что власть будет за ним, и постепенно все больше и больше втягивается в омут злодеяний Глостера. Но Бэкингом, не лишенный нравственных качеств, в конце концов отваживается высказать сомнение в целесообразности кровавого беспредела, сомнение, впоследствии стоившее ему жизни. И все же этот кульминационный момент роли выглядит несколько неожиданным. Образ был бы еще более убедителен, если бы актер детальнее проследил, как неотступно, хотя и постепенно наряду со все большим приобщением к злодеяниям Ричарда в душе Бэкингема прорастает и нарастает отвращение к ним.

Тема власти и связанных с ней уродств звучит в спектакле А. Новикова выразительно и тревожно. Немаловажную роль в этом играет сценография Юрия Суракевича, художника редкого сценического дара, весьма изобретательного и по-настоящему театрального. Зал одного из помещений театра, где шел этот спектакль («Новая сцена»), расположен по амфитеатральному принципу. Над сценой, окруженной зрителями, как бы завершая ее структуру, висит громадная корона. Чем-то она напоминает Дамоклов меч и может внезапно опуститься вся целиком, не оставив под собой живого пространства, а может – лишь одним каким-то краем или зубцом, при этом походя кого-то отодвинув, а кого-то и раздавив... Глостер, царящий меж ее ребристых изгибов, подчас напоминает коварного паука, который лучше всех ориентируется в образующихся лабиринтах... Такова универсальная метафорическая организация сценического пространства.

ВЫВОДЫ

Пьеса В. Шекспира «Ричард III», принадлежащая к циклу драматических хроник автора, является одной из наиболее популярных, наиболее репертуарных в его творческом наследии и в этом (впрочем не только в этом) смысле не уступает его самым знаменитым комедиям и трагедиям. Художественно постигающая извечные, не утрачивающие острой актуальности нравственно-общественные проблемы, эффектно сочетающая жанровые черты хроники и трагедии, действенную динамику и тонкий психологизм, она вызывает непреходящий интерес читающей и зрительской публики.

Поэтому неизменную благосклонность к произведению проявляют деятели театра, а также кино. Неоднократно обращался к сценическому прочтению пьесы Крымский академический русский драматический театр им. М. Горького. Заметными событиями в истории творческого коллектива являются постановки пьесы «Ричард III», осуществленные в середине 70-х и 90-х годов XX века, первого десятилетия XXI века. Необходимо отметить своеобразие каждой этих постановок. Особый интерес вызывает спектакль, поставленный режиссером А. Новиковым в середине последнего десятилетия XX века. Это спектакль не столько о демоническом злодее, сколько о несовершенстве общества, позволяющего творить зло. Ничем особо не примечательный, первоначально даже располагающий к себе своеобразный персонаж крымского актера В. Шитовалова не затеряется среди соответствующих сценических образов, созданных даже самыми знаменитыми исполнителями, такими, например, как Лоуренс Оливье, Михаил Ульянов, Богдан Ступка. Исполненный постановочной изысканности, крымский спектакль 1994 года раскрывает в классическом произведении неожиданно актуальные грани.

Список литературы

1. Аристотель. Поэтика / Пер. с древнегреч. М. Л. Гаспаров // Аристотель. Сочинения : в 4 т. – М. : Мысль, 1983. – Т. 4. – С. 645–680.
2. Барт М. А. Шекспир и история / М. А. Барт. – М. : Наука, 1979. – 216 с.
3. Пальчиковский С. Сиятельный мерзавчик захапал все, но лошадку ему все-таки не дали / Сергей Пальчиковский // Первая Крымская. – 2006. – 20 окт. / Звездопад.
4. Шведов Ю. Ф. Вильям Шекспир. Исследования / Ю. Ф. Шведов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 394 с.
5. Шекспир. Энциклопедия / Автор-составитель В. Д. Николаев. – М. : Алгоритм, Эксмо; Харьков : Око, 2007. – 448 с.
6. Shakespeare W. The complete works by William Shakespeare, consisting of his plays and poems. With a critical preface by dr. Johnson; Life of the author; Commendatory verses on Shakespeare by contemporary poets; and a Glossary / William Shakespeare. – Halifax : Milner and Sowerby, 1862. – XXIV + 714 p.

WILLIAM SHAKESPEARE'S PLAY "RICHARD THE THIRD" ON CRIMEAN STAGE

Humeniuk V. I.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: ukrlit_tnu@mail.ru*

William Shakespeare's play 'Richard The Third', belonging to the cycle of author's drama chronicles, is one of the most popular, the most repertory in his creative heritage and this (although not only in that) sense, is not inferior to his most famous comedies and tragedies. It is artistically comprehend eternal, does not lose relevance acute moral and social problems, effectively combining the genre of chronicle and tragedy features, efficient dynamics and subtle psychology, it is imperishable interest in reading and viewing public. Therefore, personalities of stage and screen display invariable favour in the play. Repeatedly Crimean Academic Russian Drama M. Gorky Theater appealed to the stage interpretation of the play. Noticeable events in the history of the creative team are staging the play, carried out in the middle of the 70s and 90s of the twentieth century and the first decade of the twenty-first century. The article is bound with originality the each of them, pay special attention to the performance which is produced by stage director A. Novikov in the middle of the last decade of the

twentieth century. This play is not so much about the demonic villain, as the imperfection of society allowing for evil. It is remarkable that the Crimean actor V. Shitovlov doesn't get lost among the applicable stage images created by even the most famous performers. Filled with elegance staged, the play reveals suddenly urgent faces in a classic work.

The Actor V. Shitovlov, performing the main role, offers a very peculiar interpretation of it. His Richard is far from a magical tyrant-Titan, as it mostly tends to be. On the contrary, he is surprisingly commonplace, even sincere and sweet. This Richard doesn't fit into any conventional ideas about ancient and not so ancient atrocities, nor in a predominantly disturbing and tense atmosphere of the play. This atmosphere is emphasized by the dull, harsh flavor of the stage space and abrupt shifts of light and darkness. Laconic, but at the same time not deprived of the worrying elevation, music by S. Cortez is very eloquent here. It is consistent by clear, spectacular, sometimes even the ritual figure of the *mise-en-scène*, particularly the group ones (it is not accidentally that to their development even choreographer – V. Zach was attached), and refined, but conservative suits. This world does not perceive Richard, rejects him. But Richard in performance by V. Sitevalue is not worried about it, he knows ahead of time, how in this not favorable to him world he can get comfortable. Here a few picture of negligence and his cynical manner, repressing or at least the covering of which he is almost never bothered.

An important role in the disclosure of the artistic concept of the play has the scenography Yuri Sudakevich. A hall of one of the theatre rooms, where this performance ("New stage") took place, is built by the amphitheatrical principle. Above the stage surrounded by the audience, as if completing the structure, an enormous crown hangs. It reminds the sword of Damocles and can suddenly fall all over, not leaving under a living space, maybe only one in some region or teeth, while passing pushing someone, crushing someone... Richard III, reigning between her ribbed bends, sometimes reminding of the crafty spider that is better versed in all generated mazes... This is a universal metaphorical organization of the stage space.

Keywords: Shakespeare, 'Richard the Third', Crimean M. Gorky Theater, stage reading, actor's interpretation.

УДК 821.111

ЛИТЕРАТУРНАЯ СКАЗКА НИЛА ГЕЙМАНА: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ТРАДИЦИИ КАК ОСНОВА ТВОРЧЕСКОГО МЕТОДА ПИСАТЕЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ «ЗВЕЗДНАЯ ПЫЛЬ»)

Дещенко М. Г.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: marygold17@gmail.com*

Статья посвящена изучению своеобразия литературной сказки Нила Геймана. Обосновывается идея того, что современная литературная сказка использует фольклорно-мифологическую основу в качестве материала для постмодернистской игры. Автор приходит к выводу, что соотношение традиционного и новаторского характеризует творческую концепцию писателя.

Ключевые слова: литературная сказка, авторское переосмысление, интертекстуальность, постмодернизм, Нил Гейман.

ВВЕДЕНИЕ

Литературные произведения, создаваемые в эпоху постмодернизма, опираются на фольклорную и литературную традиции, одновременно подвергая их переосмыслению. Это особенно справедливо для современной литературной сказки, поскольку произведения этого типа генетически связаны с фольклорной традицией.

Целью настоящей работы является анализ своеобразия поэтики литературной сказки Нила Геймана. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**: установить связь жанровых компонентов авторской сказки с фольклорными прототипами, проанализировать их влияние на формирование творческого метода писателя, сформулировать основной принцип авторской поэтики Геймана.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Интертекстуальность как основа творческого метода Нила Геймана

Нельзя не отметить интерес к жанру сказки, возникший на рубеже тысячелетий. Этот процесс является закономерным следствием эпохи перехода, когда коллективное бессознательное ищет опоры в стремительно меняющемся мире – и находит ее в сказке, приспособивая ее фольклорный прототип к требованиям современного мира. Англичанин Нил Гейман, ныне живущий в США (род. 1960), снискал славу одного из самых талантливых сказочников нашего времени: в его работах «воплотились лучшие традиции английских литературных сказок, известных во всем мире благодаря своей оригинальности и выраженной дидактической функции» [5, с. 124].

Находясь в русле современного литературного процесса, Нил Гейман активно использует приемы, обеспечивающие высокую диалогичность его прозы. Прямые и завуалированные отсылки к образам английского и общеевропейского фольклорного и культурного наследия являются характерной особенностью авторского стиля Геймана. «Каждое высказывание ... полно отзвуками чужих высказываний» [1, с. 223] – это

замечание М. Бахтина как нельзя лучше иллюстрирует *modus operandi* Нила Геймана, возводящего заимствование в ранг стилиобразующего приема авторской поэтики.

Широкое использование аллюзий и заимствований, обращающее на себя внимание любого исследователя работ Геймана, имеет принципиальный характер, отражая авторскую позицию. Задействование в собственном тексте «чужих голосов», считает Гейман, нельзя рассматривать исключительно как свидетельство творческой незрелости писателя. Напротив, фольклорные мотивы и интонации знаменитых мастеров должны служить своеобразным трамплином для молодого автора, способствуя формированию его собственного стиля: «Большинство из нас обретает свой собственный голос только после того, как научится подражать голосам других людей. Но у всех, кому вы когда-либо подражали, не было одной важной детали: они не были вами. У каждого свой голос, свое видение, своя точка зрения и возможности» [3, с. 58].

2. Специфика авторского переосмысления традиции в произведении Нила Геймана «Звездная пыль»

Сказка, по мнению Нила Геймана, не должна являться исключительно предметом чтения взрослыми детям. Этот жанр необходим людям в любом возрасте, и именно взрослые, по мнению автора «Звездной пыли», являются «дискриминируемым большинством», тогда как современное общество испытывает дефицит качественных произведений сказочного жанра, аудиторией которых были бы не только дети. «Проблема не в том, что взрослые вырастают из сказок», – говорит Гейман в интервью книжному обозревателю канала CNN. «Сегодня не пишут сказок для взрослых, которые бы удовлетворяли их потребностям, были бы наполнены реалистичными персонажами и событиями, как это бывало в сказках, которые мы читали детьми». «Звездная пыль» по замыслу автора призвана предоставить вышедшим из детского возраста читателям «возможность испытать то же удивление, те же ощущения, ту же магию, как в детстве, когда они читали классические волшебные сказки» [6].

Таким образом, можно утверждать, что Нил Гейман сознательно отталкивается от сказочной традиции, тем самым способствуя возвращению в английскую литературную сказку мифологических мотивов, отошедших было к области жанра эпического фэнтези с его ярко выраженной тео- и космогонией. «Выстраивая все свои тексты в ключе одной и той же авторской мифологической системы, более или менее детализированной и узнаваемой в зависимости от конкретного жанра и адресата произведения, он постоянно исследует возможности литературного произведения, расширяя его в соответствии с требованиями современного мира» [4, с. 14].

Даже самый общий анализ романа «Звездная пыль» позволяет сделать вывод, что перед нами сказка, но сказка весьма необычная. Специфика авторского переосмысления традиционных фольклорно-мифологических мотивов проявляется прежде всего в явственном присутствии в ткани повествования «человека, который стоит за текстом» [7]. Сразу же за первым предложением «Жил однажды молодой человек, и хотел он обрести мечту своего сердца» [2, с. 7] следует авторская ремарка, предостерегающая читателя от формирования ошибочного мнения об этом повествовании как о традиционной сказке. Если первое предложение можно считать прямым заимствованием традиционного сказочного контекста, то явное вмешательство рассказчика

во втором же абзаце следует рассматривать, по нашему мнению, как стилистический прием контрастирования, вовлекающий читателя в постмодернистскую игру.

Мотив поиска возлюбленной считается традиционным для волшебной сказки, однако его значение в «Звездной пыли» подвергается переосмыслению. Истинной целью путешествия в волшебную страну является вовсе не исполнение данного в начале повествования обета принести девушке звезду, упавшую с небес. Хотя главный герой, а вместе с ним и читатель, еще не знают об этом, смысл путешествия заключается в том, чтобы найти самого себя в сказочной ипостаси, обрести настоящую любовь, ощутить органическую связь своего «Я» с волшебной страной. «В волшебную страну Тристран устремляется на поиски упавшей звезды, а находит самого себя» [9, с. 120]. Иными словами, фольклорный мотив инициации развивается до масштабов смыслообразующего принципа.

Данный пример авторского переосмысления традиционных мотивов первый, но не единственный в тексте сказки. Так, авторской трансформации подвергаются также такие традиционные фольклорные мотивы, как пересечение запретной черты, отделяющей мир обыденного от мира волшебного, выполнения данного невесте обета, волшебного подарка, обладающего неизвестными свойствами, и многие другие.

На сюжетно-образном уровне повествование характеризуется детективной остротой и неожиданностью, однако дидактическую нагрузку заимствует у жанра воспитательного романа. Множество сюжетных линий и граней их смысловых соответствий (линия связи отца героя с пленницей из волшебной страны, линия владык Штормхолда и их борьбы за власть, линия жизни звезды, упавшей на землю, линия трех сестер-ведьм и т.д.) демонстрирует родство произведения с приключенческим романом, исполняя, очевидно, сформулированный автором запрос публики на современную сказку, достаточно интересную для взрослых.

Иными словами, Нил Гейман обретает свой собственный авторский голос, обширно используя заимствования и аллюзии, которые он мастерски подвергает авторской трансформации. «Писатель не может просто стоять на плечах гигантов. Его задача – сотворить что-нибудь интересное, используя эту опору. Четку станцевать, например. Что-что, а это Гейман умеет», считает литературный критик Д. Швейцер [9, с. 121].

За творческими экспериментами Нила Геймана стоит стремление автора возродить английскую литературную сказку для современного общества, причем комплекс жанровых признаков произведения усложняется в соответствии с особенностями авторской поэтики, обусловленными влиянием фольклорно-мифологической традиции на творческий метод писателя.

ВЫВОДЫ

Прием контрастирования традиционных методов изложения и авторских способов повествования используется Гейманом на протяжении всего произведения и прослеживается на разных уровнях текста. Это свидетельствует о концептуальном характере такого противопоставления, характеризующего творческий метод Геймана как писателя-сказочника, творящего в эпоху постмодернизма.

Сочетание традиционно-сказочных черт и новаторских приемов, с помощью которых автор создает специфическую художественную ткань романа «Звездная пыль», доказывает генетическую связь авторской сказки Нила Геймана с английской фольклорно-мифологической и литературной традицией, а прием контрастирования, применяемый на всех уровнях текста, является постмодернистской игрой писателя. Соотношение традиционного и новаторского определяет специфику творческого метода Нила Геймана как современного сказочника.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Собрание сочинений в 7-ми томах. – М. : Русские словари, 1997. – Т.5. : Работы 1940 – начала 1960 гг. – 732 с.
2. Гейман Н. Звездная пыль / Н. Гейман [Пер. с англ. А. Дубининой, М. Мельниченко]. – М. : АСТ, 2014. – 256 с.
3. Гейман Н. Творите! / Н. Гейман [Пер. с англ. Ш. Мартыновой]. – М. : Livebook, 2015. – 184 с.
4. Лозовик Е. В. Современная английская литературная сказка в творчестве Нила Геймана : дисс. канд. фил. наук : 10.01.03 / Е. В. Лозовик. – М., 2015. – 189 с.
5. Лозовик Е. В. Миф и сказка в творчестве Нила Геймана / Е. В. Лозовик // Политематический журнал научных публикаций «Дискуссия», 2013. – № 4 (34). – С.124-132.
6. Austin J. D. Neil Gaiman : Adults deserve good fairy tales, too [Электронный ресурс] / J. D. Austin. – Режим доступа : <http://edition.cnn.com/books/news/9902/25/gaiman.neil/> (Дата обращения 22.04.2016)
7. Gaiman N. Mythcon 35 Guest of Honor Speech [Электронный ресурс] / N. Gaiman. – Режим доступа : <http://www.mythsoc.org/mythcon/mythcon-35/speech> (Дата обращения 22.04.2016)
8. Gaiman N. Stardust / N. Gaiman. – Harper Collins Publishers, 2015.
9. Schweitzer D. Tapdancing on the Shoulders of Giants : Gaiman's Stardust and its Antecedents / D. Schweitzer. – The Neil Gaiman Reader, 2007. – pp.115-121.

FAIRY TALE BY NEIL GAIMAN: COMBINING TRADITION WITH INNOVATION AS THE BASIS OF THE AUCTORIAL CREATIVE METHOD

Deschenko M. G.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: marygold17@gmail.com*

It is not rare that literary works of the postmodern age are based on folklore traditions, making use of their potential while rethinking their meaning. This is especially true for the modern fairy tale because it is genetically bound up with the folklore tradition that allocates a set of features defining the dominant genre. It is typical for the literary tale that a researcher has to determine the ratio of invariance and variation to characterize the author's creative style.

It should be noted that public interest in the genre of fairy tales arose at the turn of the millennium. This seems to be a natural consequence of the transitive nature of the time; the collective unconscious looking for support to find a waymark in the rapidly changing world, seeks and finds it in a fairy tale, adapting it to the requirements of the modern social environment. A writer of British origin Neil Gaiman, who now lives in the US (born 1960), has gained his fame as one of the most talented storytellers of our time, his works embodying the best traditions of English fairy tales, worldwide-known for their originality and expressed didactic function.

Quite in line with the contemporary literary process, Gaiman builds his tales on the traditional folklore motifs, thus facilitating the return of mythological background to the modern British fairy tale.

*ЛИТЕРАТУРНАЯ СКАЗКА НИЛА ГЕЙМАНА:
ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ТРАДИЦИИ КАК ОСНОВА ТВОРЧЕСКОГО МЕТОДА
ПИСАТЕЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ «ЗВЕЗДНАЯ ПЫЛЬ»)*

Analyzing the novel “Stardust” (1999) as to its folklore and mythological motifs and ways of their auctorial transformation, we have found the highly unusual character of this fairy tale due to its postmodern transformations. The traditional motif of a search for the beloved one, the main character wishing “to gain his Heart’s Desire” is enunciated in the very first sentence of the tale. However, the narrative about the formation of the hero’s personality in the course of the travel is interrupted by the author’s remark preventing a reader from developing an erroneous opinion about the tale as a usual one.

Many more of the folklore motifs are subject to the author’s transformation further in the text as well. Thus, the author also transforms the following traditional folk motives: crossing of the restricted border that separates the everyday world from the world of magic, the vow made to the bride, the motif of a magic gift that possesses mysterious properties, and many others.

On the plot level, the narrative is action-packed and suspenseful like that of a detective story, meanwhile, borrowing its didactic load from the genre of bildungsroman. Multiple storylines and complicated ways of their semantic correspondence shows the relation of the narrative to the genre of adventure novel, obviously, fulfilling the request of the public for the contemporary fairy tale, interesting enough for adults to read and enjoy.

The widespread use of allusions and borrowings in Gaiman’s works that unmistakably attracts the attention of any literary critic has a fundamental nature, therefore reflecting the author’s principles. According to Neil Gaiman, integrating some “borrowed voices” into the text of your own make should not be considered an evidence of immaturity of the writer’s creativity. In contrast, the folklore motifs and intonations adopted from the famous masters shall serve as a springboard for the young author, helping to create their unique style.

The method of contrasting folklore ways of presentation and innovative techniques of storytelling is used throughout the tale and can be traced at various levels of the text, from stylistic to chronotopical and plot-shaping ones. This shows the conceptual nature of this opposition, characterizing the creative method of Gaiman as a storyteller who works within the requirements of the postmodern era. The ratio of traditional and innovative traits in the author’s creative method determines the unique features of Neil Gaiman’s style.

Keywords: literary tale, auctorial transformation, intertextuality, postmodern, Neil Gaiman.

УДК [025:908] 303.833.5

ИТОГИ РЕСПУБЛИКАНСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ «КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ФОНДЫ КРЫМСКИХ БИБЛИОТЕК: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

Дружинина Т. А.

*Государственное бюджетное учреждение культуры Республики Крым «Крымская республиканская универсальная научная библиотека им. И. Я. Франко», Симферополь, Крым
E-mail: druzhinina@crimealib.ru*

Библиотечное краеведение – приоритетное направление деятельности библиотек по обеспечению полного и оперативного удовлетворения краеведческих информационных потребностей пользователей. Основным источником удовлетворения этих потребностей является библиотечный фонд краеведческих документов, формирование и использование которого зависят от того, насколько он изучен. С целью определения состояния и использования краеведческих фондов крымских библиотек Государственным бюджетным учреждением культуры Республики Крым «Крымская республиканская универсальная научная библиотека им. И. Я. Франко» проведено республиканское исследование «Краеведческие фонды крымских библиотек: проблемы, перспективы». В статье представлены материалы по результатам исследования.

Ключевые слова: краеведческие фонды, комплектование, периодические издания, библиографическая работа, популяризация краеведческой литературы.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время возрастает интерес к историческому и культурному наследию крымского региона. Библиотечное краеведение – приоритетное направление деятельности библиотек по обеспечению полного и оперативного удовлетворения краеведческих информационных потребностей пользователей. Основным источником удовлетворения этих потребностей является библиотечный фонд краеведческих документов, формирование и использование которого зависят от того, насколько он изучен. С целью изучения деятельности библиотек по популяризации краеведческих документов, выявления дифференцированных информационных реальных потребностей пользователей в краеведческой литературе, а также мониторинга качества комплектования крымских библиотек краеведческими изданиями Крымской республиканской универсальной научной библиотекой им. И. Я. Франко проведен ряд региональных исследований, которые показали, что краеведческие фонды крымских библиотек имеют лакуны и требуют обновления и систематического пополнения.

Согласно Плану мероприятий по подготовке и проведению в 2015 году в Республике Крым Года литературы (Приложение 2 к распоряжению Совета министров Республики Крым от «31» октября 2014 г. № 1133-р) Крымская республиканская универсальная научная библиотека им. И. Я. Франко осуществила республиканское исследование «Краеведческие фонды крымских библиотек: проблемы, перспективы» с целью изучения состояния и использования краеведческих фондов крымских библиотек. Участниками исследования стали 60 библиотек Республики Крым разных типов.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

По данным исследования на 01.01.2015 г. общее количество краеведческих документов в базовых библиотеках составило 80260 экз. (5,8 % от общего фонда), из них 10 % фонда – краеведческие документы, изданные до 1970 г., 47 % – изданные в 1971–2000 гг., 33 % – в 2001–2010 гг. и 10 % – в 2011–2014 гг.

Материалы исследования показали, что пополнение фондов базовых библиотек с каждым годом сокращается: если в 2012 году в фонды этих библиотек поступило 4972 экз. краеведческих документов, то в 2013 г. – 3757 экз. (что на 1215 экз. меньше, чем в 2012 г.), в 2014 г. – 2731 экз. (что на 1026 экз. документов меньше, чем в 2013 г.). Наибольшее количество новых поступлений краеведческих изданий отмечается в Советской центральной районной детской библиотеке (2012 г. – 1072 экз., 2013 г. – 1085 экз., 2014 г. – 736 экз.), Евпаторийской юношеской библиотеке-филиале № 14 им. И. Сельвинского (2012 г. – 1007 экз.) и Симферопольской центральной городской библиотеке им. А. С. Пушкина (2014 г. – 408 экз.).

Особую роль, как источник краеведческих знаний, особенно о текущих событиях, играют местные журналы и газеты. На страницах периодических изданий регулярно публикуются материалы краеведческой тематики, в том числе по истории, экономике, культуре, о событиях и жителях поселений, выдающихся деятелях и др. Библиотеки-респонденты в 2014 году оформили подписку на 238 названий периодических изданий, из них 67 (28 %) названий муниципальных газет: «Боспор» (г. Керчь), «Витрина Западного Крыма» (г. Евпатория), «Вперед» (пгт Первомайское), «Время вперед» (г. Саки), «Евпаторийская здравница» (г. Евпатория), «Заря Присивашья» (г. Джанкой), «Кафа» (г. Феодосия), «Сувдагъ сеси» (г. Судак) и др.

В рамках библиотечного краеведения ведется библиографическая краеведческая работа. Библиотеки выявляют краеведческие документы и местные издания, сосредотачивают их в фондах, составляют краеведческие библиографические списки, указатели и др. Осуществляя библиотечно-библиографическое обслуживание по запросам краеведческого характера, библиотеки предоставляют пользователям доступ к документам из своего фонда, при необходимости через систему межбиблиотечного абонементов (МБА), а также оказывают консультационную помощь в поиске необходимой информации и использовании краеведческого справочно-библиографического аппарата библиотеки.

За 2012–2014 гг. в базовые библиотеки поступило 25590 запросов краеведческой тематики, из них выполнено 24557 (96 %) запросов. Краеведческие запросы пользователей, поступающие в публичные библиотеки, не всегда удается удовлетворить краеведческим фондом своей библиотеки. Сельские библиотекари при выполнении некоторых справок обращаются к возможностям центральных городских/районных и республиканских библиотек.

Учитывая мнение работающих с краеведческой литературой библиотекарей, в ходе исследования было установлено соответствие между потребностями читателей в получении полной информации по интересующим их вопросам и возможностями библиотек. Результаты исследования показали, что литература различных тематических разделов затребована неравнозначно. Группу повышенного использования краеведческого фонда составили издания по истории городов, районов Крыма (92 %), природным ресурсам, экологии (72 %), этнографии (63 %) и др. Наиболее

низкие показатели востребованности и использования изданий в краеведческом фонде связаны с литературой в области науки и образования (3 %) и медицины (3 %). В ходе исследования были выделены приоритетные разделы краеведческого фонда с учетом его отраслевой структуры и востребованностью со стороны читателей (рис. 1). Тематическое соответствие краеведческой литературы, имеющейся в фондах базовых библиотек, интересам пользователей в среднем составляет около 50 % (разброс показателей 30-65%).

Рис. 1. Соответствие между краеведческими фондами библиотек и спросом на краеведческую литературу

Крымские общедоступные библиотеки аккумулируют и создают новые краеведческие знания, систематизируя выявленную информацию, в том числе библиографическую. Следует отметить, что в результате этой работы появляются уникальные материалы о регионе обобщающего и справочного характера, что помогает в обеспечении удовлетворенности спроса пользователей по данной тематике.

По результатам исследования более половины библиотек (57 %) осуществляют издательскую деятельность. В 2014 году библиотеками-участницами исследования были подготовлены и изданы более 120 краеведческих документов, из них 7 % от общего числа изданий составляют библиографические указатели, 8 % – рекомендательные списки, 27 % – буклеты, 47 % – информационные листки, списки, листовки,

памятки читателю, информационные бюллетени, в том числе по периодическим изданиям. Сакская центральная районная библиотека ежеквартально издает профессиональную газету, Симферопольская центральная городская библиотека им. А. С. Пушкина с 2008 г. ежемесячно – журнал «Библиополис».

С целью популяризации краеведческой литературы в работе библиотек используются все разнообразные формы и методы библиотечной деятельности, проводятся акции и мероприятия по привлечению внимания общественности к проблемам пополнения фондов краеведческой литературой. На базе библиотек, участвующих в исследовании, работает 15 клубов и объединений краеведческой направленности. Библиотеками реализуются 9 краеведческих проектов. В Крымской республиканской универсальной научной библиотеке им. И.Я. Франко стартовал проект по созданию Электронного сводного краеведческого каталога библиотек Республики Крым, целью которого является совершенствование краеведческой библиографической деятельности библиотек региона путем объединения краеведческой информации, предоставления к ней более широкого доступа населения и поиска наиболее эффективных форм обслуживания пользователей.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование позволило проанализировать состояние и использование краеведческих фондов в крымских библиотеках и выработать рекомендации для улучшения ситуации в формировании информационного краеведческого ресурса, а именно:

- включение в региональные программы развития культуры мероприятий по обеспечению гарантированного комплектования библиотек новой литературой и периодическими изданиями краеведческой направленности;

- активизация работы с местными издательскими, общественными организациями и спонсорами для комплектования краеведческих фондов библиотек;

- формирование Электронного сводного краеведческого каталога библиотек Республики Крым;

- использование традиционных форм работы (презентации изданий, встречи с авторами, вечера исторической памяти и др.) и внедрение в практику инновационных с целью популяризации литературы краеведческой тематики (акции, проекты, флешбук и др.);

- мониторинг информационных потребностей, интересов пользователей и их спроса на литературу путем проведения социологических исследований, опросов читателей;

- повышение уровня материально-технического оснащения, особенно сельских библиотек, ускорение темпов их компьютеризации;

- подготовка кадров по работе с краеведческими фондами, в т. ч. посредством дистанционного консультирования.

Следует отметить, что в республике не работает система обязательного экземпляра документов. Необходимо принятие Закона Республики Крым «Об обязательном экземпляре документов», что позволит значительно улучшить качество комплектования библиотечных фондов краеведческими документами.

Список литературы

1. Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Вансев. – Изд. 4-е, перераб. и доп. – СПб. : Профессия, 2010. – 640 с.
2. Криворотенко С. Н. Краеведческий фонд библиотек : учеб. пособие / С. Н. Криворотенко. – М. : Либерия-Бибинформ, 2006. – 64 с. – (Библиотекарь и время. XXI век ; вып. № 31).
3. Краєзнавча діяльність бібліотек : методичний посібник / наук. ред. Н. М. Кушнарєнко. – Київ : [б. и.], 2002. – 208 с.
4. Кузьминова Г. П. Краеведческие издания в фондах муниципальных библиотек Самарской области / Г. П. Кузьминова // Науч. и техн. б-ки. – 2014. – № 9. – С. 10-21.

**THE RESULTS OF REPUBLICAN RESEARCH “THE LOCAL HISTORY FUNDS
OF CRIMEAN LIBRARIES: PROBLEMS AND PROSPECTS”**

Druzhinina T. A.

*State Budget Institution of Culture of the Republic of Crimea “Crimean Republican Universal Scientific Franko Library”. Simferopol, Crimea
E-mail: druzhinina@crimealib.ru*

Library Regional Studies is the priority for libraries to provide full and prompt satisfaction of local history information needs of users. The main source of meeting those needs is the library fund. Formation and using of the library collection of local history documents depends on how much it has been studied. In order to determine the status and using of local history funds in Crimean libraries, State budget institution of culture of the Republic of Crimea “Crimean Republican Universal Scientific I. Franko Library” held the Republican research “Regional-study funds of Crimean libraries: problems and prospects”. About 60 different Crimean libraries became the participants of the research.

In 2015 the total number of documents in the libraries was 80260 copies, which makes 5.8% of the total fund. 10% of these funds are the documents published before 1970, 47% – published in 1971-2000, 33% – in 2001-2010 and 10% – in 2011-2014.

The research showed that the replenishment of libraries’ funds is reduced every year. Local magazines and newspapers play special role as a source of current events. Libraries reveal historical documents and local publications, concentrate them in their funds, make local history bibliographies, indexes.

The research deals with the questions of accordance between readers’ needs to get the full information and opportunities of the libraries, the priority areas of local history fund with its structure.

Crimean public libraries accumulate and create new local history knowledge systematizing bibliographical information. According to the research results more than half of libraries (57%) carry out the publishing activity. In 2014 libraries which were participating in the research prepared and published more than 120 local history documents.

In order to promote local literature the libraries used various forms and methods of library activities, held events and activities to attract public attention to the problems of the replenishment of local literature funds. On the basis of the libraries participating in the research there are 15 clubs and associations of local history focus. The libraries are carrying out 9 local history projects. In the Crimean Republican Universal Scientific I. Franko Library one of the running projects is a project of creating an Electronic local history catalogue of Crimean libraries. It will cover all the local history Crimean libraries databases.

This research has allowed to analyze the activities of public Crimean libraries on the local history work and to work out the recommendations for solving problematic issues of its improvement.

Keywords: regional-study funds, completing, periodicals, information requests of local history topics, bibliographical work, publishing of libraries, promotion of local history literature.

УДК 821.111

СПЕЦИФИКА СОЗДАНИЯ СЕНСОРНОГО НАПРЯЖЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖЕНЕТ УИНТЕРСОН

Еримизина Е. Н., Полховская Е. В.

Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация

E-mail: yerimizina@mail.ru

E-mail: helenpolkhovskaya@gmail.com

В статье рассмотрена сенсорная лексика, выделены ее основные компоненты. Значительное внимание уделено различным способам передачи сенсорных ощущений в романах Дженет Уинтерсон, выделены наиболее часто употребляемые из них, показаны вспомогательные изобразительно-выразительные средства речи, помогающие передать необходимые образы.

Ключевые слова: сенсорика, Дженет Уинтерсон, образ, метафора, синестезия, стилистический прием.

ВВЕДЕНИЕ

Цель исследования – выявить особенности творчества Дженет Уинтерсон с точки зрения использования перцептивных образов в ее романах.

Научная новизна работы заключается во впервые предпринятой попытке рассмотрения способов передачи сенсорных образов в постмодернистском художественном тексте, а также в комплексном рассмотрении творчества автора.

Методы и подходы: социально-культурный подход, метод стилистического анализа, метод структурного анализа, метод символической интерпретации.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

С самого рождения человек учится и привыкает использовать пять органов чувств для познания окружающего мира. Уже много столетий назад эти органы чувств стали соотноситься с определенными символами. Например, зрение было отождествлено с орлом, слух – с оленем, осязание – с ежом, вкус – с обезьяной, а обоняние – с собакой.

С течением времени и развитием литературы писателям и поэтам стало недостаточно таких ассоциаций. В поисках более ярких описаний они пришли к созданию интересных, выразительных символов, передающих процесс и результат работы каждого из пяти органов чувств.

В связи со все более частым использованием в языке и литературе средств выражения перцепции (сенсорики), из лингвистики выделяется такая наука как лингво-сенсорика или сенсорная лингвистика. Данная отрасль предполагает исследование языковой передачи показаний пяти органов чувств: зрения, слуха, осязания, вкуса и обоняния. Лингвисты-сенсорики занимаются изучением языковых и речевых сенсорных сигналов в отрывках из произведений и классических, и современных авторов, заслуживающих изучения, систематизации и лексикографирования [4].

Причиной использования языка сенсорики в художественном произведении является усиление эмоциональности и художественности текста, возможность сде-

вать зрительные образы еще более зримыми при помощи синестезии – особого способа восприятия, при котором некоторые понятия, явления, состояния наделяются дополнительными качествами: запахом, вкусом, цветом, текстурой, звуковой тональностью и так далее.

В зависимости от того, для описания какого из пяти органов чувств используется лексика, она подразделяется на лексику *зрения*, *слуха*, *осозания*, *обоняния* и *вкуса*.

Лексика зрения. В системе перцепции зрительный канал лидирует с большим отрывом. На зрительной информации базируется практически все познание человека, весь язык. Даже простейшая номинация (например, *здание*), любой фразеологизм вызывает у человека зрительный образ, а, следовательно, тоже работает на зрение.

К частям речи, относящимся к лексике зрения, принадлежат имена существительные, имена прилагательные, глаголы, числительные, наречия. Имя прилагательное служит наиболее ярким средством выражения перцепции. По данной причине их подразделили на прилагательные цвета, формы, размера, консистенции, расположения в пространстве и скорости.

Лексика слуха. В отличие от других видов сенсорной лексики, лексика слуха не ограничивается употреблением образных имен существительных, прилагательных, глаголов, наречий и фразеологизмов. Здесь также имеет место использование междометий и такого стилистического приема как звукоподражание, которые зачастую более эффективны в передаче слухового образа. К лексике слуха также относят слова, имеющие семантику молчания, так как в некоторых случаях тишина может сказать больше, чем слово.

Лексика осозания. Тактильные образы зачастую менее заметны, так как зрение, слух и вкус приглушают информацию, получаемую кожей, а передача тактильных ощущений считается наиболее сложной. Части речи, используемые для передачи тактильных образов: имена существительные, имена прилагательные, глаголы, наречия.

Лексика обоняния. Данный вид лексики является довольно немногочисленным, опорой ему служит язык стихий, в частности стихии воздуха, что также характерно для лексики осозания, где задействованы существительные, прилагательные, глаголы и наречия.

Лексика вкуса. В сенсорном списке вкус занимает далеко не первое место, тем не менее, художественная литература последнего периода нередко ставит трапезу в самый центр повествования, что послужило появлению довольно широкого спектра вкусовых образов [4].

Перцептивная лексика является активным предметом использования современными авторами. С ее помощью писатель увеличивает сенсорное напряжение восприятия, создает более точный образ.

Одним из ярких и оригинальных авторов современности является Дженет Уинтерсон, чьи произведения всегда богаты изобразительно-выразительными средствами, а тематика ее произведений вызывает неоднозначные оценки критиков.

Несмотря на расхождение читателей в их взглядах на творчество писательницы, следует сказать, что язык произведений Дженет Уинтерсон всегда насыщен образами, и зачастую образы эти являются сенсорными. Автор детально передает восприятие художественного мира каждым из пяти органов чувств.

Зрительный образ – наиболее часто встречающийся образ в творчестве писательницы. Она отходит от банальных описаний, прибегает к явному эксперименту.

Больше половины ее текстов активизируют воображение читателей, снабжая его необычными сочетаниями. Зрительные образы Дженет Уинтерсон не надо выискивать, они «бросаются» на читателя с каждой страницы книги. Рассмотрим несколько таких примеров зрительной перцепции в литературе Дженет Уинтерсон.

Salts – boarded-up, sea-lashed, ship-empty, harbour-silted, and one bright light. [1]. Сольт – небольшой провинциальный городишко, но автору недостаточно такого описания, она находит яркие эпитеты, обращая внимание на детали. Используемые эпитеты заслуживают особого внимания – все они окказиональны, многие из них являются причастиями, которые пишутся через дефис.

He felt thin and empty like a dredged shell. He looked in the mirror and saw a highly polished abalone, its inhabitant gone, the shell prized for its surface. He always dressed well [1]. Человек смотрит на себя в зеркало (индикатор – «смотрит» – лексика зрения) и видит красивую, но пустую ракушку, ту, которую все ценят только за ее вид. В данном случае налицо метафора «обитатель ракушки – душа человека», главный герой представляется читателю красивым, статным человеком, но человеком бездушным, лишенным человеческих качеств. Метафора ракушки в творчестве Дженет Уинтерсон не единична. В своем романе «Письмена на теле» писательница отождествляет ракушку с браком, в очередной раз говоря о сбежавшем обитателе: *It's flattering to believe that... without you, the marriage... would have thrived on its meagre diet and if not thrived at least not shrivelled. It has shriveled, lies limp and unused, the shell of a marriage, its inhabitants both fled* [2].

Книга «Письмена на теле» является исключительным образцом примеров сенсорики всех ее видов. Одна из глав романа так и называется «Органы чувств». В ней главный герой дает подробное описание каждого из органов чувств, начиная с формального биологического определения и заканчивая закрученными определениями с употреблением подлинных метафор и сравнений.

Так, например, в следующем отрывке читатель не только видит слова, складывающиеся в предложения, не только в его голове возникают образы, но и, кажется, он способен услышать то, о чем говорит главный герой:

Their ears, more powerful than those of their keepers, pick up sounds of cars and last-hour take-aways. They hear all the human noises of distress. What they don't hear is the hum of the undergrowth or the crack of fire. The noises of kill [2].

Снова Уинтерсон не использует простые эпитеты, а прибегая к синестезии, активизирует как слуховое, так и зрительное внимание читателя: треск огня, в котором звучит отчаяние. Можно заметить, что автор говорит о звуках практически противоположных в своем психологическом влиянии на человека: звуки отчаяния – шум подлеска, звуки убийства – треск огня. Первое вносит неприятие, негатив, другое – успокаивает. Посредством такого подхода читатель оказывается балансирующим на грани «приятно-неприятно».

Сенсорика обоняния может быть рассмотрена на примере следующего отрывка:

I can smell her coming down the hall towards me. She is a perfumier of sandalwood and hops... She is firm and ripe, a dark compound of sweet cattle straw and Madonna of the Incense. She is frankincense and myrrh, bitter cousin smells of death and faith [2]. Здесь

Уинтерсон не говорит, что девушка чем-то пахнет, а говорит, что она сама и есть этот запах. В который раз удивляет выбор лексики повествования, поражает воображение читателя – не каждый человек сможет с точностью сказать, на что похож запах сандалового дерева, ладана или мирра. Броская лексика – не единственный способ передачи образа, автор также использует метонимию, персонификацию и сравнение.

Очень интересен следующий образ, для перцепции которого необходимо задействовать зрительные, осязательные и вкусовые ощущения: *My lover is an olive tree whose roots grow by the sea. Her fruit is pungent and green. It is my joy to get at the stone of her. The little stone of her hard by the tongue. Her thick-fleshed salt-veined swaddle stone* [2].

Итак, рассмотрим данный отрывок подробнее: метафора *my lover - an olive tree* – зрительный образ, *pungent* – вкусовой, *green, little* – снова зрительный (прилагательные зрения: цвет, размер), *hard* – осязательный (в данном случае восприятие признака происходит не посредством рук, а посредством языка), *thick-fleshed, swaddle* – зрительный образ и, наконец, *salt-veined* – опять вкусовой. Как можно заметить, практически каждое слово имеет большое значение в конечном формировании конечной картины образа.

В рассматриваемом произведении имеются весьма интересные примеры передачи осязательных образов. Как и в предыдущем отрывке, в последующем «исследовании» проводится также не руками – в который раз мы убеждаемся в оригинальности Уинтерсон, ее отказе от банальности: *The lining of your mouth I know through tongue and spit. Its ridges, valleys, the corrugated roof, the fortress of teeth. The glossy smoothness of the inside of your upper lip is interrupted by a rough swirl where you were hurt once* [2].

Таким образом, мы рассмотрели различные виды сенсорики в работах Дж. Уинтерсон, что позволило определить художественную ценность приема синестезии.

ВЫВОДЫ

Работы Дженет Уинтерсон – поле для изучения стилистики английского языка. Подводя итог, можно сказать, что автор насыщает свои тексты изобразительно-выразительными средствами речи, а также уделяет большое внимание передаче содержания ее произведений при помощи сенсорики, которая является неотъемлемым элементом ее творчества. Для усиления эмоционального эффекта Дженет Уинтерсон использует лексику перцепции каждого сенсорного органа, а также, как было уже сказано, различные вспомогательные приемы образности: метафору, метонимию, инвертированный эпитет, эллиптические предложения, перечисление, детализацию и другое.

Список литературы

1. Winterson J. Lighthousekeeping / J. Winterson. – Лондон. – 2006. – 252 с.
2. Winterson J. Written on the Body / J. Winterson. – Лондон. – 1992. – 190 с.
3. Полховская Е. В. Учебное пособие по стилистике английского языка / Е. В. Полховская, Е. Н. Мазина. – Симферополь. – 2009. – 80 с.
4. Харченко В. К. Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты / В. К. Харченко. – М.: Книжный дом: «ЛИБРОКОМ», 2012. – 216 с.

SENSORY IMAGES IN THE WORKS OF JEANNETTE WINTERSON

Yerimizina Y. N., Polkhovskaya E. V.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation*

E-mails: yerimizina@mail.ru, helenpolkhovskaya@gmail.com

The article deals with the sensory interpretation of the image in the novels of Jeanette Winterson, one of the most original writers of our time. The reason for the engagement of the sensory vocabulary in the literary text are the enhancement of its emotiveness and artistic merits as well as the an emerging possibility to make visual images more conspicuous due to synaesthesia, a particular approach to perception which implies adhering additional qualities to some notions, phenomena and states: small, taste, colour, texture, tonality, etc. Among sensory vocabulary one can single out vocabulary of sight, touch, taste, hearing and smell.

Vocabulary of sight is the most common among the others. All the human knowledge is based on the information perceived by the eyesight. Vision defines almost all spheres of human cognition, the whole body of the language since a simple nomination, an idiom or a proverb are bound to create a certain visual image. The parts of speech commonly retranslating the category of vision are nouns, adjectives, verbs, numerals and adverbs, the adjective functioning as the most expressive means of perception.

Unlike vocabulary of sight, vocabulary of hearing does not stay within the boundaries of the image-creating nouns, adjectives, verbs, adverbs and idioms. It includes interjections and onomatopoeia as largely efficient in the translation of the auditory image. The words semantically implying silence are generally referred to the vocabulary of hearing as well as silence can sometimes be more eloquent than the words.

The vocabulary of touch is hard to be traced as sight, hearing and taste generally tone down the information perceived through touch, and tactile perception is considered to be the most complex one. The parts of speech responsible for the creation of the tactile images are nouns, adjectives, verbs and adverbs.

Vocabulary of smell is rather limited, nevertheless it finds its ground in the language of the elements, air in particular. The parts of speech playing a significant role in the creation of the image of smell are nouns, adjectives, verbs and adverbs.

Vocabulary of taste is not frequently traced other, yet contemporary literature quite often displays a meal as a central focus of narration, which has contributed to the emergence of a variety of taste images.

Visual image is the most common in the works of Jeanette Winterson. She digresses from conventional descriptions and resorts to obvious experiment. Most of the writer's texts activate the readers' imagination providing it with unordinary combinations. There is no necessity to seek out Jeanette Winterson's visual images, they throw themselves on the readers from each page of the books.

The most outstanding examples of the use of sensory vocabulary of all types can be seen in the book entitled "Written on the Body". One of the chapters of the book has the corresponding title "Special Senses". The chapter gives readers a detailed description of each of the sense organs starting from formal biological definition and ending with complex descriptions with the use of genuine metaphors and similies.

All the foregoing makes Jeanette Winterson's works good material for learning of stylistic, theory of poetics and literary criticism.

Keywords: sensory image, Jeanette Winterson, image, metaphor, synesthesia, stylistic device.

УДК 821.111(9)

ВИТИ ИХИМАЭРА «ДОРОГАЯ МИСС МЭНСФИЛД»: ДЕКОНСТРУКЦИЯ НОВОЗЕЛАНДСКОГО БИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Кравинская Ю. Ю.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: rozajulia@mail.ru*

Статья посвящена анализу творчества новозеландского автора Вити Ихимаэра, его вклада в процесс возрождения маорийской культуры в рамках постколониального явления «Маорийский ренессанс». В статье раскрываются такие понятия как контр-дискурсивная стратегия, деконструкция литературного текста, новозеландский бикультурализм. Дается краткий обзор произведений автора, особое внимание уделяется изучению поэтики автора использованию постмодернистских техник при создании постколониального текста. Проводится интерпретация художественного текста – сборника рассказов «Дорогая Мисс Мэнсфилд». В ходе интерпретационного разбора выполняется сравнительное сопоставление с произведениями писателя модерниста Кэтрин Мэнсфилд, чьи рассказы были ревидированы автором. В статье приведены примеры использования автором литературных приемов, получивших широкое распространение в постколониальной литературе.

Ключевые слова: Маорийский ренессанс, постколониальная литература, деконструкция, контр-дискурсивная стратегия, бикультурализм.

ВВЕДЕНИЕ

Конец 20-го века стал переломным для новозеландской литературы, которая вышла за пределы локального и представила миру плеяду авторов, объединенных критиками под названием «Маорийский ренессанс». Значимым это явление для национальной культуры делает тот факт, что впервые известность и мировое признание получило не наследие белых переселенцев, а культурный артефакт, созданный колонизированным этносом. Представители Маорийского ренессанса вписаны в постколониальные дискурсивные практики, и ставят перед собой задачу освободиться от бремени колониального опыта, осознавая собственную гибридную идентичность. Марк Уильямс, литературовед, редактор антологии новозеландской литературы, охарактеризовал цели маорийского национального движения следующим образом: «Маори же боролись за возвращение им их собственного облика вовсе не для того, чтобы уйти в сепаратистскую фантазию, а дабы не потерять мир предков, который они помнят, продолжая жить в современном, национальном и глобальном мирах, которые они обрели» [1].

Статья посвящена анализу поэтики Вити Ихимаэра, а именно применению приема деконструкции, как элемента постмодернистского инструментария, используемого автором. Рассмотренные произведения не переведены на русский язык до сегодняшнего времени, и не находились в поле изучения отечественных критиков, что придает представленному материалу элемент новизны. Данная статья является **актуальной** в рамках проводимого исследования репрезентации структурных связей постколониального дискурса с постмодернизмом в Маорийском ренессансе.

Методология исследования основана на применении интерпретационного анализа художественного текста.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Творческий путь Вити Ихимаэра и роль автора в возрождении культуры маори

Будучи одним из лидеров культурного возрождения маори, Вити Ихимаэра первым, среди маори, опубликовал крупное прозаическое произведение в 1973 году. Это был роман «Tangi» («Кладбище» – маорийский) о трагической судьбе юноши и его отца. Роман о смерти и её восприятии в сознании маори, но в основную тему вплетается описание жизни современного человека, в душе которого остается место для древних мифов и символов. Как и большинство представителей маорийского ренессанса, Ихимаэра наследник смешанных родственных связей маори и переселенцев. Автор обладает гибридной идентичностью, что существенно влияет на его творчество, в которое вплетены традиции, легенды, магические ритуалы коренного населения. Автор создает постколониальный текст, который отражает не только гибридность, двойственность писателя, находящегося на пересечении культур, но и становится репрезентацией нового поколения маори, сохранившего, одновременно, родовую связь с ушедшими поколениями и осмыслившего ценностный опыт европейской культуры колонизаторов. Среди наиболее известных работ автора: “The Whale Rider” (1987), “The Matriarch” (1986), сборник эссе “Growing Up Maori” (1998). Российский читатель также знаком с творчеством писателя. В 1982 году издательством «Прогресс» были изданы роман Вити Ихимаэра «Ванау» и сборник рассказов «В поисках изумрудного города», которые были переизданы в 2001 году.

Для того, чтобы провести сравнительную интерпретацию сборника рассказов «Дорогая Мисс Мэнсфилд» необходимо обратиться к таким авторским поэтическим приемам, как применение контр-дискурсивных стратегий и использование принципа деконструкции. Гибридизация постколониальной литературы проявляется в попытке деколонизации культуры коренного населения. Данный процесс оценивается как незавершенный. Хелен Тиффин, одна из ведущих исследователей постколониальной литературы, считает, что невозможно прийти к полному очищению от последствий векового взаимодействия с колонизаторами во всех аспектах социального, экономического и эстетического функционирования колонизированного этноса [8, с. 95]. Основываясь на результатах изысканий своих предшественников – Ричарда Тердимана («Discourse / Counter-Discourse: The Theory and Practice of Symbolic Resistance in Nineteenth-Century France» (1985)) и Денниса Ли («Savage Fields: An Essay in Literature and Cosmology» (1977)), Тиффин выдвигает тезис: «Постколониальные литературы / культуры состоят из контр-дискурсивных, а не гомологичных практик, и они предлагают «поля» (термин, предложенный Д. Ли) контр-дискурсивных стратегий (counter-discursive strategy) по отношению к доминирующим дискурсам» [8, с. 96]. Идея дискурсивных практик, основанных на столкновении и борьбе главенствующего и подчиненного дискурсов, также была высказана в работах Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф в получившем мировое признание трактате «Гегемония и социальная стратегия» (1985). Авторы сформулировали принцип стремления дискурсов занять главенствующую позицию, что невозможно в полной мере, так как всегда есть противоборствующая система, которая

найдет слабое место в доминирующем дискурсе. Так, например, постколониальный дискурс, используя накопленные знания и артефакты, язык колонизаторов, возник на колониальной культурной основе, и нацелен на освобождение от колониального наследия. Литература, в рамках контр-дискурса, предлагает альтернативную презентацию объектов, понятий с целью сменить главенствующую позицию дискурса колонизаторов. Ихимаэра соединяет в творчестве опыт антиколониальной борьбы своего народа и инструментарий постмодернистского проекта, что указывает на репрезентацию контр-дискурсивных практик в творчестве автора.

Параллельно с писательской карьерой Ихимаэра занимал высокие дипломатические посты в консульствах Новой Зеландии в Австралии и США (1973–1989), что оказало влияние на общественную позицию автора. Он ратует за то, чтобы не только отстоять права этноса на самовыражение внутри новозеландского общества, но и включить представление маори о мире в современную глобальную картину. Автор-постколониалист ставит перед собой более масштабные задачи, чем его современники, которые борются за обретение прав и свобод наравне с белым населением. Сам Ихимаэра в интервью, данном Марку Уильямсу, объяснил, что культура маори не должна быть замкнута в границы Новой Зеландии: «Когда я был в Нью-Йорке... и видел радугу в облаках или водоворот в Гудзоне... то как мне было не задуматься? Разве мир маори кончается, когда ты уезжаешь за пределы Тихого океана? Поэтому я всегда выискивал эти знаки и символы даже в Нью-Йорке, истолковывая их, будто Нью-Йорк – часть мира маори, а ведь так и есть» [2, с. 241].

2. Принцип деконструкции художественного текста в творчестве автора

Обращаясь к поэтике постмодернизма, Вити Ихимаэра использует принцип деконструкции, для того, чтобы высветить очаги сопротивления идеям колониального дискурса, который, по мнению автора, всё так же главенствует в новозеландском обществе. Предметом деконструкции представляется не только текст, но и культурный артефакт, имеющий смысловую нагрузку для маори. Так, например, в романе «The Matriarch» (1986) автор подвергает деконструкции дом собраний Ронгопай, который является культурным центром для родовой общины. Реально существующий архитектурный объект уже не играет практической роли для современного поколения маори, ушедшего от традиционного уклада жизни. Старшее поколение не принимает Ронгопай, так как в росписи на стенах видно влияние колониальной культуры. В пустоте и запустении дома собраний главный герой романа всё еще чувствует груз опыта предков, но понимает, что его не достаточно для возрождения. Разрушая привычные ожидания, изменяя понимание традиционных ценностей, Ихимаэра видит в деревенском доме центр цивилизации маори. Он сравнивает его с Сикстинской капеллой, проводя невидимую связь двух ренессансов Итальянского, который дал новый толчок развития мировой культуры, и Маорийского, который возродил культуру коренного населения.

Другим примером применения деконструкции является сборник рассказов «Dear Miss Mansfield» (1988), изданный в год столетия со дня рождения Кэтрин Мэнсфилд (1888–1923). Родившись задолго до того, как новозеландская литература отделилась от литературы Содружества, К. Мэнсфилд не нашла себя на родине и им-

мигрировала в Англию, не видя творческого будущего в Новой Зеландии, одной из самых отдаленных колоний Британии. Впоследствии, писательница-эмигрант стала эмблемой национальной культуры, став неотъемлемой частью самоидентификации пакеха (белого населения Новой Зеландии), что указывает на неизменность принципа культурного подчинения идентификации пакеха образу далекой родины, Британии. Автор-постколониалист подвергнул деконструкции несколько из ее рассказов, выпустив сборник "Dear Miss Mansfield" («Дорогая Мисс Мэнсфилд»). Рассказы были ревизированы с целью перенести маори в центр сюжета, в то время как в оригинальном тексте коренной этнос был исключен из повествования. Ихимаэра отнесся с особым вниманием к структуре произведений, связывая деконструкцию с процессом расслоения, разборки лингвистических логоцентрических систем. Такая интерпретация была принята неоднозначно обществом. Ощущалось сомнение со стороны автора в реальности идиллического сосуществования белых и маори на основе сформированной модели новозеландского бикультурализма. Данный литературный эксперимент показал, что колониальное прошлое новозеландского общества прочно вросло в постколониальное настоящее: «Вводя К. Мэнсфилд в современную постколониальную политику, В. Ихимаэра бросил вызов идее уникальности пакеха среди других поселенческих культур, мифу гармоничных расовых отношений и господствующему пониманию бикультурализма» [1].

Сам автор видит цель предпринятой деконструкции в том, чтобы завершить процесс образования бикультурного общества в его окончательном объединении нарратологически, в создании единого текста для всех национальных фрагментов, образующих культурную общность Новой Зеландии: «Большинство наших работ обращены к маори. Но мы начинаем менять наш вектор, и начинаем обращаться к пакеха, которые в большинстве во власти. Если мы не научимся доносить наши чаяния до пакеха, мы никогда в будущем не сможем продвинуться в решении национальных проблем» [4, с. 230]. Во вступлении-письме к К. Мэнсфилд В. Ихимаэра объяснил, что им двигало в попытке «ответить автору», отдавая «дань ее жизненному пути и дарованию» [3, с. 9]. Автор утверждает, что желает внести свою лепту в празднование столетия писательницы. В. Ихимаэра ощущает, что качественные изменения картина мира для новозеландца, инкорпорирование в неё маори и других маргинальных групп, требовали пересмотра и модернистского текста К. Мэнсфилд, который обрел каноническую ценность для ее соотечественников. Лайслот Глэйдж в эссе, посвященном критическому анализу данного сборника, утверждает: «Он хотел нового подхода к К. Мэнсфилд, что было бы справедливо по отношению к её наследию, и в то же время, он стремился связать это наследие с маорийской традицией» [7, с. 328]. В поисках нового подхода к рассказам К. Мэнсфилд В. Ихимаэра применил рирайтинг или переписывание – практический литературный прием, широко и давно используемый, который обрел новую форму в создании постколониального текста, а именно постколониальный ответ (writing back). В. Ихимаэра уже обращался к данному приему: «Как и в критической оценке историографии В. Ихимаэра в романе «Матриархат», переписывание (рерайтинг) К. Мэнсфилд маорийским автором было воспринято как постколониальный ответ (writing back)» [5, с. 176]. Использование приема «переписывание» еще раз возвращает нас к вопросу значимости контр-дискурсивной стратегии в поэтике Вити Ихимаэра: «Переписывание как форма постколониального ответа... было воспринято как одна

из контр-дискурсивных стратегий в этих (постколониальных) литературах» [7, с. 321]. Но, переписывание или рерайтинг не является только явлением постколониализма, в отличие от методики постколониального ответа, когда цель автора – деконструкция колониального наследия.

3. Интерпретационный анализ художественного текста

К. Мэнсфилд использовала прием «переписывание» в рассказе “The-Child-Who-Was-Tired” (1911), сборник “In a German Pension”. Современники Мэнсфилд отмечали сходство с рассказом А. П. Чехова «Спать хочется» (1906), что нашло отражение в ревизионном рассказе В. Ихимаэра “A Contemporary Kezia”. Такое двойное переписывание образа ребенка отразило трансформацию образа жертвы. В рассказе Чехова тринадцатилетняя девочка Варька вынуждена работать няней, и единственная мечта главной героини поспать. В полудреме ей снятся трагичные сцены прошлого, в которые вплетается бесправное настоящее ребенка. К. Мэнсфилд обезличивает героиню и не дает читателю ни имени, ни описания главной героини, давая понять, что ее внутренний мир для повествования более ценен. В отличие от чеховской Варьки, ребенок пытается уйти в своих снах в романтические мечты, но реальность не пускает: «Узкая белая дорожка с высокими черными деревьями по обе стороны; дорога, ведущая в никуда, и никто по ней не ходит» [6, с. 57]. Для главной героини рассказа В. Ихимаэра, маорийской девочки, дорога также является символом ухода от трудностей, но она сидит и ждет у реальной дороги прихода матери.

А. П. Чехов пишет полный грусти рассказ о судьбе девочки. К. Мэнсфилд, в свою очередь, сравнивает чувственное восприятие ребенка с серостью немецкого пансиона. В обоих случаях авторы пытаются вызвать сочувствие к ребенку и понимание ее поступка (убийство грудного ребенка) описанием бесправности существования от третьего лица. В. Ихимаэра же вводит рассказчика, который с искренней теплотой пытается объяснить, что ребенок принимает судьбу, полную трудностей, но приемлемую в предложенном историческом контексте: «... все делают свою работу, и семья может жить дальше. Вашей няне была дана её работа, когда ей исполнилось четыре» [3, с. 84]. Судьба ребенка, жертвы, отражена в пьесе “Woman Far Walking” (2000), где история девочки уже дана от первого лица и отражает глубину конфликта между маори и пакеха, начиная от подписания договора Вайтанги вплоть до современности. Мелисса Кеннеди увидела в этом продолжении укор колониальному миру: «... колониальная история и сами пакеха обвиняются в социальном и культурном обнищании маори, рассказ ребенка дает ощущение жертвенности, которого нет в маорийском контексте “A Contemporary Kezia”» [5, с. 188].

Ихимаэра также использует прием «переписывание» в деконструкции рассказа К. Мэнсфилд «How Pearl Button was Kidnapped». В сборнике В. Ихимаэра этот рассказ получил название «Affectionate Kidnappers», и по мнению критиков это наиболее успешная попытка автора применить контр-дискурсивную стратегию постколониального ответа [5, с. 190]. В данном случае В. Ихимаэра подверг деконструкции евроцентристскую картину мира К. Мэнсфилд, которая позиционируется как неотъемлемый элемент идентификации пакеха. При сравнительном анализе двух текстов необходимо отметить, что В. Ихимаэра высветил смысловую нагрузку, прописанную

К. Мэнсфилд между строк в дидактических целях. Так, например, в финале рассказа В. Ихимаэра детально объясняет, как понял ситуацию полицейский в то время, как К. Мэнсфилд оставила только намек дав возможность читателю представить картину глазами служителя закона: «Маленькая голая девочка отбивается и кричит, бьет своими кулачками двух туземок, белокурая девочка пакеха, и это выглядит для всех так, как будто её сейчас утопят» [3, с. 113]. Завершая рассказ, В. Ихимаэра меняет ракурс подачи материала от наполненного тайного смысла подтекста к описанию самого процесса прозрения как эмоционального ответа на символы, предложенные окружающей природой. Данный прием Мелисса Кеннеди описывает как «повышенное осознание происходящего» – фокусирование на раскрытии индивидуальности героя через национальную идентичность [5, с. 190].

В символизации рассказа прослеживается четкая связь с традициями маори: надвигающаяся ночь, тревожное песнопение маорийских женщин, которое напоминает метание птицы в темноте – все это образы, имеющий особый смысл для маори. В. Ихимаэра противопоставляет излишнюю книжность и детализацию повествования лаконичному варианту К. Мэнсфилд, где описание ведется от лица ребенка, не осознающего, что до конца происходит. Тем самым, автор подчеркивает незрелость картины мира пакеха, исключаяющей маори из поликультурного поля новозеландского общества. Но В. Ихимаэра оставляет элемент недосказанности в последней фразе Куини, одной из женщин маори. Для аудитории, не знающей маорийского языка, финальная фраза Куини непонятна, и только образ птицы придает этой сцене особую печальность, и только маори поймут, что эта фраза таит в себе прощание с белой девочкой и прощение. В. Ихимаэра подчеркивает с помощью намеренного использования маорийского языка, что общество еще далеко от понимания глубины внутренних национальных противоречий.

ВЫВОДЫ

Применяя принцип деконструкции, В. Ихимаэра стремится постигнуть дискурсивную природу становления бикультурного общества Новой Зеландии. Данный процесс оказался трудоемким и долговременным, но придал уникальность новозеландскому обществу, в котором многочисленная общность автохтонов сохранилась не ассимилированной колонизаторами, как это случилось в других британских колониях. Успех внутренней национальной политики, Маорийский ренессанс в литературе, выставка маорийских традиционных видов искусства *Te Maori*, проведенная в США (1984–1986) стали точками отсчета для кардинального изменения положения маори. Национальная идентификация пакеха, потомков переселенцев, трансформировалась от культурного национализма, основанного на ведущей позиции белых новозеландцев, послевоенного периода, к признанию двунациональной природы новозеландской нации.

Но Вити Ихимаэра, как и другие маори, настаивает, что процесс образования бикультурного общества не окончен, и, предприняв попытку деконструкции наследия одного из самых почитаемых авторов для белых новозеландцев, обращает внимание на проблемы и болевые точки бикультурной политики. Автор деконструирует повествование, чтобы осветить судьбу обездоленного, подчиненного, и разрушить бинарную логику оппозиции колонизатор – колонизированный. Ихимаэра заставляет задуматься читателя, дестабилизируя идеализированный образ толерантного общества,

**ВИТИ ИХИМАЭРА «ДОРОГАЯ МИСС МЭНСФИЛД»:
ДЕКОНСТРУКЦИЯ НОВОЗЕЛАНДСКОГО БИКУЛЬТУРАЛИЗМА**

привлекая внимание к маргинальному, локальному, периферийному, находящемуся в тени национальному меньшинству.

Список литературы

1. Павлов Е., Уильямс М. Вновь приводя в замешательство: малые литературы Аотеароа / Новой Зеландии [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/85/pa23.html> (дата обращения: 08.07.2015).
2. Alley E., Williams M. In the Same Room: Conversations with New Zealand Writers / E. Alley, M. Williams. – Auckland: Auckland University Press, 1992. – 322 p.
3. Ihimaera W. Dear Miss Mansfield: a Tribute to Kathleen Mansfield Beauchamp / W. Ihimaera. – New York: Viking Books, 1990. – 191 p.
4. Jussawalla F. and Dasenbrock R. W. Witi Ihimaera / F. Jussawalla, R. W. Dasenbrock // Interviews with Writers of the Post-colonial World. – Jackson, 1992. – P. 222-242.
5. Kennedy M. “Striding Both Worlds”: Cross-cultural Influence in the Work of Witi Ihimaera: Doctor of Philosophy in English Literature Thesis / Kennedy Melissa. – Canterbury, 2007. – 361 p.
6. Mansfield K. In a German Pension: 13 stories / K. Mansfield. – London: Penguin UK, 1999. – 128 p.
7. Glace L. Rewriting or Writing Back? Witi Ihimaera’s Dear Miss Mansfield / L. Glace // Crabtracks: Progress and Process in Teaching the New Literatures in English: Essays in Honor of Dieter Riemenschneider. – Leiden, 2002. – P. 321-329.
8. Tiffin H. Post-colonial Literature and Counter-Discourse / H. Tiffin // Postcolonial Studies Reader. – L. and N.-Y., 2003. – P. 95-99.

**WITI IHIMAERA “DEAR MISS MANSFIELD”: DECONSTRUCTION
OF NEW ZEALAND BICULTURALISM**

Kravinskaya Y. Y.

***Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
e-mail: rozajulia@mail.ru***

The end of the twentieth century became constitutive for New Zealand literature which left the borders of the local and proposed a group of belletrists to the assessment of the world. They have much in common but the crucial point is their belonging to the national minority – Maori. Great rise in all spheres of Maori culture and literature especially was given the name Maori Renaissance. It is the first time when world community got acquainted with the cultural legacy of a colonized ethnic group not of the protocolonized period but of the modern one. Witi Ihimaera is one of the leaders of Maori Renaissance. Among his most famous works we can see “The Whale Rider” (1987), “The Matriarch” (1986), “Growing up Maori” (1998). His aim is not only to protect the rights of the ethnic group inside of New Zealand society, but also to include Maori comprehension of the world in the modern global picture. The author has the mission of larger scale than his counterparts who are only longing for equality of rights for Maori.

In 1988 New Zealand celebrated centenary of Kathleen Mansfield (1888-1932) who similarly to Witi Ihimaera praised his motherland far from its borders. She was born long before the moment when New Zealand literature became independent phenomenon from Literature of Commonwealth. She failed to work as a writer at home and immigrated to England. She won the recognition by her short stories and afterwards she became a sort of a token for national culture being integral part of self-identification of Pakeha (white people of New Zealand). V. Ihimaera deconstructed some of her short stories and published the result of his literary experiment in the year of celebration. The stories were revised in order to change the tack of the plot and to move Maori people to the centre of literary structure. In the original variant there appeared to be no place for national minority. Such inter-

pretation was not comprehended by the society with great ease. Author's doubt can be felt about idealistic picture of mutual existence of white people and Maori on the basis of New Zealand biculturalism.

Prominent critics of New Zealand and overseas paid much attention to the author's style of deconstruction. The majority of them identified the elements of deconstructive approach not only in the story collection "Dear Miss Mansfield" but also in one of the most critically appraised novel "The Matriarch" (1986). Having made critical analysis of the works mentioned above researchers, among them Mark Williams, Melissa Kennedy, Liselotte Glage, came to the conclusion that Ihimaera turned to such frequently used in post-colonial literature techniques as rewriting and writing back. Both of them are critically seen as a part of counter-discursive strategy.

It must be noted that rewriting is not the invention of post-colonial discourse. The examples of rewriting can be frequently found in European literature and Kathleen Mansfield also rewrote the short story of Anton Chekhov "Sleepy-Eye" (1906). Mansfield's version is "The-Child-Who-Was-Tired" (1911) which was included into a short story collection "In a German Pension". Ihimaera also applied the technique of rewriting and deconstructed Mansfield's story into "Contemporary Kezia". All the short stories are so to say cut from the same cloth. But the authors showed different styles of a small girl hardships narration. Such double usage of rewriting reveals the process of victim image transformation in the prose of the twentieth century. In A.P. Chekhov's story a thirteen-year-old girl, Varka by name, was forced to work as a nanny as she was an orphan without any means of subsistence. Her cherished dream is to get to sleep, but she was mercilessly abused by her masters. All the night through she was sitting near a baby trying to comfort it. She saw some tragic scenes of her past, half-doing and a sense of dreadful loss of her parents was mixed with her rightless existence as a nanny. K. Mansfield did not give her character even a name, she was just a small girl. The author encouraged us to get into her inner world without stopping at any details of the character description. The girl was dreaming about escaping into romantic world of her imagination, but every time she was returned to her reality full of her mistress nitpicking and crying baby. For V. Ihimaera's character a road is an important part of her life as she was waiting for her mother sitting near it.

Chekhov's story represents author's attitude to rightlessness of a small person in the modern world, especially orphans. K. Mansfield compared idealized, imagined world of the girl with the ordinariness of the German pension. Both the authors tried to find excuse for they had done (a baby murder) and showed the tragedy of the girl from the outside vision. V. Ihimaera incorporated the narrator who explained with great affection that the girl had accepted her destiny which was not unique in the proposed historical context. For Ihimaera tragedy is not the life hardships of a small girl but the fact that it is normal for Maori that a mother was forced to give her child for working, actually to sell. The fate of a child, a victim was also represented in "Woman far Walking" (2000), a positively comprehended play. It is a continuation of "Contemporary Kezia" in a way, but this time the narrator is an elderly woman who was lucky to be a witness of the whole period of colonization of Maori land from Waitangi Treaty up to the present time. Here V. Ihimaera managed to present a narration of the hard destiny of his people through the life and consciousness of a Maori woman, who was rightless and oppressed but she kept the connection with her cultural ancestors and stayed alive.

V. Ihimaera's attempt to rewrite canonical writer for Pakeha is not limited to plot changes. In fact his characters are close to their K. Mansfieldian prototypes. But it is more important how V. Ihimaera deconstructed the stories in order to highlight Maori place in bicultural community and to destroy binary logics of colonizer-colonized opposition.

Keywords: Maori Renaissance, post-colonial literature, deconstruction, counter-discursive strategy, biculturalism.

УДК 821.133.1-94

ПРОБЛЕМА СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОМАНЕ «ПРОСТО ВМЕСТЕ» АННЫ ГАВАЛЬДА

Лесова-Юзефович Н. С.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: nadejaf@gmail.com*

Путинцев А. Н.

*Московский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД России*

Работа посвящена анализу проблемы семейных отношений в романе «Просто вместе» известной французской писательницы Анны Гавальда. Анна Гавальда отстаивает традиционные для европейского ареала ценности, прямо заявляя о роли семьи в жизни современного общества. В работе уделяется внимание исследованию темы одиночества, представленной двойной характеристикой – «одиночество в молодости» и «одиночество в старости». Исследуется своеобразие системы персонажей в драматическом столкновении характеров на сюжетно-тематическом и композиционном уровнях.

Ключевые слова: современная французская литература, тема семьи, «одиночество в молодости», «одиночество в старости».

ВВЕДЕНИЕ

Работа напрямую связана с актуализацией темы семьи в литературе в начале третьего тысячелетия. «Семейный» ракурс мировой литературы в той или иной степени всегда улавливал и отражал изменения в социокультурной картине мира, и писатели начала 21 века делают свой вклад в обновление жанровых основ французского семейного романа.

Целью данной работы является анализ трактовки семейных отношений в современной французской литературе. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**: проанализировать структуру персонажей в романе «Просто вместе», выявить их отношение к проблеме семьи, проследить эволюцию характеров персонажей от понятия «одиночество» к понятию «семья» через драматическое столкновение характеров.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Образ семьи и структура персонажей в романе «Просто вместе»

Роман был написан в 2004 году и вызвал большой резонанс среди читателей. Сюжет сосредоточен вокруг трёх молодых людей, волей судьбы попавших по одну крышу. У всех троих за плечами тяжелое прошлое, приведшее к тому, что каждый томится в одиночестве и находится ровно за шаг от того, чтобы не скатиться в социопатию и полное отчаяние.

Камилла Фок, девушка двадцати пяти лет, живет в ужасных условиях на чердаке роскошного многоэтажного дома в богатом квартале Парижа. Камилла одинока, из

семьи у нее осталась лишь мать, с которой девушка едва поддерживает отношения из-за бесконечных конфликтов, как внешних, которыми заканчивается каждая встреча, так и внутренних, которые имеют место в сердцах обеих; конфликтов, корни которых берут начало в детстве главной героини.

Камилла очень скрытная, она тяжело сходится с людьми и не склонна к откровениям, а так как книга в основном состоит из диалогов, то читателю лишь в конце романа предстоит узнать историю ее детства, рассказанную ею самой:

«Я была самой обычной и очень послушной маленькой девочкой... ела мало, но прилежно училась в школе и все время рисовала. У меня нет ни братьев, ни сестер. Моего папу звали Жан-Луи, маму – Катрин. Думаю, поначалу они любили друг друга. Впрочем, не знаю, я никогда не решалась спросить... Но когда я рисовала лошадей или прекрасного героя Джонни Демпа из сериала «Джамп Стрит, 21», любовь уже прошла. В этом я совершенно уверена, потому что папа больше с нами не жил» [4, с. 452].

Потеря отца тяжело скажется на дальнейшей судьбе Камиллы:

«Все было очень сложно для меня... Теперь я ясно понимаю: такой человек, как мой отец, не мог жить с такой женщиной, как моя мать... Я никогда не видела ее счастливой, она вообще не улыбалась... А вот мой отец был очень милым и добрым. Он был слишком милым, чтобы выносить подобное. Не мог позволить, чтобы маленькая принцесса считала его чудовищем... и однажды вернулся и снова стал жить с нами... А потом однажды утром он устал... Очень, очень устал и упал с крыши...» [4, с. 461].

Камилла привыкла к одиночеству с детства. С момента смерти отца она держала дистанцию в отношениях с матерью, не шла на вербальный контакт, попросту молчала, замкнулась в себе. Единственным человеком, (важно отметить – единственным мужчиной), который имел на нее влияние, и с которым она общалась, был ее учитель изобразительного искусства. Он научил ее выражать невысказанные мысли и чувства в рисунке, но предостерег, что тот путь, который она выбрала из-за трагедии в семье, путь замкнутости, чреват последствиями, вплоть до душевных заболеваний.

На примере истории этого персонажа мы видим, что конфликты в семье имеют эффект бабочки, то есть, любая трещина в психике ребенка, без должного внимания и лечения, со временем превращается в пропасть, которая поглотит его.

Раны Камиллы остались открытыми на долгое время...

Ситуация в семье обострилась настолько, что в итоге девушка накануне своего совершеннолетия навсегда покидает родной дом. Благодаря своим способностям Камилла поступила в Академию изящных искусств, но довольно скоро была исключена оттуда за прогулы и неуспеваемость. Жизнь в столице была ей не по карману, она вела маргинальную жизнь, при этом возмнив себя непризнанным талантом, а затем влюбилась в художника-сорвиголову, что окончательно сбilo ее с верного пути. Однако вот как она оценивает эту ситуацию спустя годы:

«...Это было лучшее, что могло со мной случиться, учитывая, какое у меня было детство...» [4, с. 465].

Камилла пристрастилась к наркотикам и алкоголю, оставила своего «гения», которому служила музой, и попала в еще худшую западню – по наущению мошенника начала изготавливать нелегальные копии малоизвестных классиков живописи.

«И хуже всего, что меня это забавляло! Я жила в невероятной роскоши... Все было мне доступно... Оглядываясь сегодня назад, могу сказать: это было самоубий-

ство... С удобствами... Я изолировала себя от внешнего мира и тех немногих людей, которые меня любили...от приятелей по Школе, от реальной жизни, морали, чести и себя самой...» [4, с. 469].

Камилле удалось порвать с этим бизнесом. Потеряв координаты матери, без денег, совершенно одна, она была вынуждена скитаться по улицам, почти довела себя до изнеможения, когда попала к чете Кесслеров – Пьеру и Матильде – которые выходили ее и дали ей временное пристанище. Супружеская пара, с которой Камилла познакомилась на художественной выставке, и которые высоко ценили ее талант, дали ей на время небольшую комнатку на чердаке многоэтажного дома, в котором девушка коротала свои дни, работая уборщицей в небольшой фирме, пока не слегла от истощения и простуды, а затем попала в квартиру к Филиберу, потомку знатного рода, который буквально спас её от смерти.

Квартира Филибера, созданная Анной Гавальда, это континуум с элементами гротеска, в котором живут люди с необычными судьбами. По ходу чтения мы имеем много возможностей «лабораторно» исследовать психологию персонажей, в некотором смысле социологических подопытных, в строго ограниченном пространстве. Да, часто они покидают это пространство, у каждого есть связи с внешним миром, но связи эти слабы, и главные героини эмоционально накрепко привязаны к этим огромным апартаментам в стиле 19-го века.

История Франка Лестафье – второго главного персонажа романа – не менее драматична...

Мальчик воспитывался в провинции бабкой и дедом. Молодая мать, ведущая сомнительный образ жизни, бросила его в младенчестве, оставив на попечение своих родителей. В те годы мальчик рос относительно счастливым и уравновешенным, в атмосфере свободы:

«Понимаешь, я ведь всегда жил на свободе, бегал по полям, каждый вечер после школы ходил на рыбалку, дед брал меня с собой по грибы, на охоту, в кафе... Я вечно шлялся в сапогах, бросал велосипед в кустах и «перенимал опыт» у браконьеров» [4, с. 336].

Однако уже тогда у мальчика были проблемы с психикой:

«Ребенком он страдал бессонницей, а когда засыпал, ему снились кошмары, он кричал, звал бабушку, клялся, что, стоит ей закрыть дверь, как его ноги проваливаются в дыру и ему приходится цепляться за спинку кровати, чтобы удержаться и не упасть в эту дыру. Учителя рекомендовали Полетте показать мальчика психологу, соседи сочувственно качали головами и советовали отвести Франка к костоправу, чтобы тот поставил ему мозги на место» [4, с. 335].

Естественно, эти проблемы коренятся в отсутствии матери и отца, которых невозможно заменить, какие бы усилия ни прилагали бабушка с дедушкой.

До подросткового возраста мальчик не знал о матери, но затем она появилась и забрала его в свою семью, к ее мужу и их годовалому сыну, однако ничего хорошего из этого не вышло. Франк просто не прижился в непривычном для него окружении:

«...и вдруг оказался в дешевом гнилом доме в занюханном предместье, запертый в четырех стенах с телевизором и другим малышом, которому доставались вся любовь и нежность... и я слетел с катушек. Я... Нет... Неважно... Три месяца спу-

стя она посадила меня в поезд, сказав, что я сам все испортил...она разбила меня... вдребезги... Я так и не стал прежним... Детство кончилось, я не хотел их ласк и всего этого дерьма... Хуже всего было не то, что она меня забрала, а те ужасы, которые наговорила о бабушке, прежде чем снова выкинуть из своей жизни. Она задурила мне голову своим враньем... Будто бы мать заставила ее оставить меня, а потом выставила за дверь, что она боролась, скандалила, но дед достал ружье и...» [4, с. 336].

За этой сценой наблюдала вся деревня. С тех пор мальчик изменился навсегда, изменилось его окружение и отношение к его семье. Он сталкивался с бесконечными оскорблениями, а его бабушка – с беспощадной «жалостью» лицемерных соседей-провинциалов, отчего Франк впал в отчаяние. Мальчик не только был шокирован отношением своей собственной матери к себе, но и сбит с толку ложью о том, что бабка с дедом насильно отлучили его от нее. Естественно, что эти события оставили тяжелый след на психике ребенка:

«А потом я стал жутким г-м... сделал все, чтобы отомстить... Заставить их заплатить за то, что лишили меня такой чудесной мамочки... и я преуспел. Еще как преуспел... Таскал сигареты у деда, крал из кошелька продуктовые деньги, все заперол в колледже, и меня выгнали, гонял на мопеде, сидел в задних комнатах кафе и шупал девок... Ты и вообразить не можешь, что я творил... Был главарем. Лучшим. Королем подонков...» [4, с. 337].

Как бы то ни было, с годами ему удается овладеть хорошими кулинарными навыками – единственным, по его собственному заявлению, к чему он был способен. Перебравшись в Париж, он устраивается помощником шеф-повара в ресторане; скитается от одного временного пристанища к другому, как бродяга, до тех пор, пока не встречает Филибера. Эта квартира стала его первым длительным убежищем. Франк умудряется вести безобразный образ жизни при её бешеном ритме. Он работает шесть дней в неделю, а понедельник – единственный выходной – вынужден проводить со своей бабушкой. Франк утопает в безысходности собственного положения, в ненависти к себе самому и к вынужденным поездкам в пансион.

Все это находит выход в его агрессивном поведении в квартире, особенно с появлением Камиллы, однако девушка, со свойственной ей проницательностью, разглядела за таким поведением неуклюжие попытки справиться с перманентным гиперстрессом в его жизни: «Франка она совсем не видела, но всегда точно знала, когда он был дома: хлопали двери, включался музыкальный центр, телевизор, доносились оживленные разговоры по телефону, раскатистый смех и отрывистые ругательства – и все это было совершенно ненатурально, она чувствовала. Он суетился, «озвучивая» свою жизнь во всех углах квартиры, как пес, который задирает лапу через каждые два метра, чтобы пометить «свою» территорию» [4, с. 145].

Однако, Филибер и Камилла догадываются о причинах такого поведения и сопереживают ему:

«...причина его поведения – и вы это знаете не хуже меня – до нелепости проста: он ревнует. Ревнует, как тигр. Поставьте себя на его место... Квартира была в полном его распоряжении, он приходил, когда хотел, вел себя как хотел...он был здесь королем... И вдруг – бах. И он теперь должен не только застегивать ширинку, но и терпеть то, что мы с вами заодно, слушать наш смех, ловить обрывки разговоров, в которых он вряд ли много понимает... Вы не думаете, что ему это, должно быть, непросто?» [4, с. 158].

О третьем жильце, собственно, держателе квартиры Филибере, известно меньше, чем об остальных персонажах. Потомок выдающегося в былые времена поместного дворянского рода, безвозвратно утратившего свое богатство и положение. Филибер – гротескный персонаж, в нем необычно все, начиная от физических данных и закачивая его манерами и поведением. Молодой человек необычайно высок, худощав, его кожа бледна как мел, он странно одевается, странно передвигается, странно говорит. В то же время он очень хорошо воспитан, обходителен, образован и добр. Однако Филибер совершенно не приспособлен к жизни: он ничего не умеет делать по дому, не умеет чинить, поддерживать технику в исправном состоянии, делать ремонт. До появления Камиллы, оба молодых человека отнюдь не считали друг друга близкими друзьями.

Филибера его семья не поддерживает, отец землевладелец разочарован в сыне как в наследнике своего состояния, ведь молодому человеку вовсе не интересны финансы и бизнес, он работает в магазине открыток (совершенно нелепо!), любит искусство и историю, и в будущем видит себя преподавателем или актером, несмотря на дефекты речи. Молодой француз в детстве был объектом насмешек и издевательств со стороны завистников в закрытом пансионе. Поддержки и защиты у родителей он не находил, те предоставили его самому себе. Отсюда замкнутость молодого человека, его неприспособленность к ритму современной жизни.

Четвертый главный персонаж романа «Просто вместе» – Полетта Лестафье, бабушка Франка.

Всю первую часть романа Полетта проводит в пансионе для престарелых, и воспринимается как обуза Франком, мучимым совестью и собственной неспособностью обеспечить бабушке лучшую жизнь.

Немного об атмосфере, в которой коротает свои дни Полетта: «Само место... как говорится, кошелек обязывает, и ему пришлось остановиться на государственном учреждении – доме для престарелых, сооруженном на скорую руку в окрестностях города, между свалкой промышленных отходов и заведением под названием *«Buffalo Grill»*. Зона под застройку, зона финансовых вложений, зона частной застройки, дерьмо. Большой кусок дерьма, стоящий посреди пустоты» [4, с. 202].

Полетта оскорблена своим положением, игнорирует соседей пенсионеров и даже своего собственного внука, молчаливым протестом выражая желание как можно скорее покинуть это прискорбное место.

Психические проблемы Франка – это следствие дурного состояния его матери, с воспитанием которой не справились уже ее родители. По признанию Полетты:

«Началось с того, что я поздно вышла замуж... вот только детей все не было... А потом – я давно потеряла надежду и смирилась – это случилось... Я забеременела... Мне было хорошо за тридцать... Ты вряд ли поймешь, но я уже тогда состарилась. Так появилась Надин, мать Франка... как мы с ней тетешкались, как баловали эту девочку... Как королеву. Мы сами ее испортили. Слишком сильно любили... Или неправильно любили... Спускали ей все капризы... Все, кроме последнего... Я отказалась дать ей денег на аборт... Я не могла, понимаешь? Не могла. Я слишком много выстрадала. Дело было не в религии, не в морали, не в пересудах соседей, а в ярости. Я задыхалась от ярости. Я бы скорее убила ее, чем помогла выскоблить живот... Не-

ужели... Неужели я была не права? Ответь мне. Сколько жизней я испортила? Сколько страданий причинила?» [4, с. 402].

Однако, появление Камиллы изменяет жизнь всех персонажей, и, в первую очередь, Франка.

Его отношение меняется от:

- «Это что еще за тетка в гостиной? Один из твоих дружков-бойскаутов или как?... это девушка? Мы об одном и том же... типе говорим? Такой лысый задохлик?» [4, с. 205]

- «она странная... Если бы ты увидела, до чего она худая, тебе бы плохо стало...»

- «Единственная девушка во вселенной, способная носить шарф его бабули, оставаясь красавицей, никогда не будет принадлежать ему» [4, с. 222].

Периодически Франка настигает депрессия, он садится на свой любимый мотоцикл и гонит что есть мочи, погруженный в рефлексию:

- «Он не переедет. Не сейчас. Он останется в этой слишком большой квартире, куда однажды утром, вместе с девушкой в ночной рубашке, сошедшей с небес, вернулась жизнь» [4, с. 405].

- «Франк закрыл глаза. Он сорвал банк. Заполучил нежную умную девушку у которой к тому же есть чувство юмора. Благодарю тебя, Господи, спасибо... Это слишком хорошо, чтобы быть правдой» [4, с. 480].

На примере эти четырех персонажей мы можем обозначить две ключевые проблемы, которые ставит Анна Гавальда. С одной стороны, это одиночество в молодости (Франк, Камилла и Филибер), причиной которому служит недостаток любви, конфликты в семье, следующие за этим психические нарушения. С другой стороны, одиночество в старости, безрадостная перспектива старческих пансионатов, которые так распространены в странах с более-менее высоким уровнем жизни, но которые подчас становятся необходимыми.

Одиночество человека – это девиация от нормального состояния, и оба поля (молодости и старости) соприкасаются с проблемой социального обеспечения. В первом случае – это проблема нахождения себя, профессии по способностям, достойной оплаты труда и графика, который позволяет жить и не наносит ущерба здоровью. Во втором случае – проблема страхования, пенсии, которая обеспечивала бы пребывание в подобных заведениях.

В произведении Гавальда два мира, два поля одиночества сталкиваются, и происходит чудо: четверо совершенно не похожих друг на друга людей обретают семью: «Впервые в жизни каждому по отдельности и всем им вместе взятым казалось, что у них появилась настоящая семья.

Даже больше чем настоящая – они сами ее выбрали, именно такую они и хотели, за такую сражались, а взамен она требовала одного – чтобы они были счастливы вместе» [4, с. 391].

Однако стоит сказать, что Полетта еще раньше увидела проблеск молодой семьи, когда Франк и Камилла появились в пансионе вместе, и уже эта, казалось бы, мелочь, благотворно на нее повлияла:

«Полетта улыбнулась. Кое-что можно разглядеть и без очков... На нее снизошло умиротворение. Она должна смириться. Она это наконец сделает. Ради него. Ради нее. Ради всех. Такова жизнь... Всему свой срок. Теперь его очередь жить» [4, с. 205].

Образ семьи в романе «Просто вместе» является собирательным, то есть многие его фрагменты вводятся имплицитно и сообщаются как бы между прочим, в контексте жизни главных героев.

К таким фрагментам относится образ подруги Камиллы, негритянки Мамаду и ее семьи, которая состоит из мужа, их пятерых детей, брата Мамаду, его невесты и их четырех ребятишек. С первых строк Мамаду «ошарашивает» подругу рассказом о своей семье, о количестве детей и тяжелой жизни. На тот момент это послужило упреком девушке, которая пребывала в отчаянном состоянии, воспринимала жизнь только негативно, и которой лишь предстояло вырасти до понимания материнства и желания его. Вот что говорит ей негритянка:

«Не рассуждай о том, чего не понимаешь. Ад куда страшнее... Ад – это когда ты больше не можешь видеть тех, кого любишь... Все остальное не считается...» [4, с. 315].

Следующим неммым укором для Камиллы является супружеская чета Пьера и Матильды Кесслеров – организаторов выставок, которые привязались к девушке, как к родной дочери, и у которых нет собственных детей. Они счастливы в браке, оба нашли в нем гармонию и силу, и это их состояние психологически ранит Камиллу; чужое счастье отталкивает ее, она избегает эту пару и не хочет от них зависеть. Когда ее собственная жизнь налаживается, она охотнее идет на контакт, ведь подобное притягивается к подобному.

Эти два образа семьи связаны с Камиллой. Но есть и образы, относящиеся к Франку. Например, семья его покойного друга Фредерика – чета Жаннин и Жан-Пьер:

«У Жаннин и Жан-Пьера был сын... Фредерик... Потрясающий парень... Мой кореш... Единственный друг, который был у меня в жизни... Он погиб десять лет назад... Автомобильная авария... Я, конечно, не Фред, но пытаюсь... Приезжаю каждый год... Они смотрят на меня – и что видит? Воспоминания, слова, лицо их мальчика, каким оно было в двадцать лет. Жаннин, она все время до меня дотрагивается, тискает... Зачем, по-твоему? Да просто я – живое доказательство, что он все еще здесь...» [4, с. 332].

Это уже упрек Франку. Его жизнь похожа на мытарство, но это не тот ад, когда самые дорогие больше недостижимы, когда нет возможности ничего исправить. И он понимает, что каждый новый день теряет возможность быть счастливым, и углубляет чувство ненависти к себе.

Показателен образ семьи Ивонны Кармино, подруги его бабушки, которая помогает Франку ухаживать за Полеттой:

«Я тебя не осуждаю, мой мальчик, ты молод, у тебя своя жизнь, ты далеко живешь, но знаешь, иногда мне бывает очень трудно. У меня ведь семья, свои заботы и проблемы со здоровьем, и вот я говорю открытым текстом: пора тебе взять ответственность на себя...» [4, с. 99].

Главные персонажи этого романа находятся в таком состоянии, что вид буквально любой благополучной семьи вызывает у них душевную боль. У Полетты разлад с мужем был еще при жизни: «Тяжело жить со стариками, у которых давно пропала охота говорить друг с другом». И в данном случае Франк злится на причину, которой Ивонна оправдывает свою занятость: у нее есть своя семья, своя жизнь. Какая-то «старуха» настолько ценит свое время и свои обязанности перед близкими, что отказывается перекладывать его ответственность на себя. Он понимает, что

именно благодаря семье жизнь этой женщины имеет такую ценность, в противовес его собственной.

Собирательное понятие одиночества включает в себя не только главных героев до судьбоносной встречи, но и нескольких второстепенных персонажей: это мать Камиллы, Катрин, наркоман Венсан и подруга Франка Мариам.

Все три персонажа находятся на духовной периферии, они глубоко несчастны. Мать Франка разрушила свою семью собственными руками. Гавальда дает ей шанс в конце романа, когда положительная атмосфера двух сотрудничающих семей (Франк-Камилла, Филибер-Сюзи) как магнит притягивает остальных и помогает им, но в реальности все вряд ли было бы так радужно. У Катрин серьезные психические расстройства, она не может ни жить, ни спать без таблеток, и находит извращенное удовольствие в том, чтоб попрекать свою дочь и вызывать жалость к себе. Но ведь она добровольно загнала себя в угол.

О прошлом Венсана мы знаем меньше, но у этого человека шансов выбраться больше, чем у остальных второстепенных одиноких героев. Интересны его рассуждения о дневнике Ван-Гога:

«Я в третий раз ее перечитываю... Она как будто специально для меня написана... В ней все есть... Я знаю его как облупленного... Он – это я. Он мой брат. Я понимаю все, о чем он пишет. Как он срывается с катушек. Как страдает. Как он повторяется, извиняется, пытается объясниться с окружающими, как его отвергают семья, родители, которые ни черта не понимают, потом он в больнице, и... Я... Не бойся, я не стану пересказывать тебе мою жизнь, но это поразительно, до чего все совпадает... Его отношения с женщинами, и любовь к этой снобке, и презрение – он его кожей чувствовал, и женитьба на шлюхе... Той, что забеременела... Не буду вдаваться в детали, но совпадений столько, что я чуть с ума не сошел, решил, что брежу... Его брат – больше в него никто не верил. Никто. А он – слабый, сумасшедший – верил» [4, с. 418].

Сила и потенциальное спасение Венсана в его вере в себя и в желании выздороветь. Именно самого желанного выздороветь не хватало Катрин.

Мариам, последняя из подружек Франка, так же умирает от одиночества и прямо заявляет об этом:

«-Он просто забыл обо мне... Я начинаю привыкать...

- Так зачем остаешься с ним?

- Чтобы не быть совсем одной...» [4, с. 281].

Готовность быть с кем угодно из страха одиночества, является еще одной проблемой «одиночества в молодости» в современном обществе.

2. Анализ гендерных стереотипов в романе «Просто вместе»

Анализ образа семьи и структуры персонажей был бы неполным без исследования гендерных стереотипов в романе Анны Гавальды.

Критик Магдалена Свенссон в своей работе *Une analyse des personnages masculins et féminins dans «Ensemble, c'est toi» et «Je l'aimais» d'Anna Gavalda* описывает поведение главных персонажей с несколько радикально феминистической точки зрения [6, с. 65-73].

Магдалена обращает внимание на слабость Камиллы – физическую и психическую. У девушки проблемы с питанием, ужасные отношения с матерью, она страдает

от анорексии. Эта слабость и тот факт, что из этого состояния ее выводят двое мужчин, является символом того, что Камилла воплощает собой женщину как слабый пол.

Для описания своего персонажа Анна Гавальда прибегает к таким выражениям как «la gamine, la petite, princesse, gracieuse, jolie et petite etc.» (девчонка, крошка, принцесса, милая, хорошенькая и маленькая [5, с.252, 347].

У Камиллы нездоровое отношение к собственному телу. Магдалена утверждает, что анорексия главной героини это нечто вроде бунта, мятежа против образа, которого от нее ожидают окружающие, которого окружающие ждут от женщины вообще. Мать Камиллы Катрин осуждает дочь, но упреки бесполезны. Камилла меняется, когда обретает мужчину, которого она считает достойным того, чтобы он оценил её, пусть сначала и не признается себе в этом:

«И хотя этот разговор дался ей ох как нелегко и, раздеваясь, она с еще большим недоверием рассматривала свое тело и ощущала бессильное разочарование, видя, как выпирают костлявые коленки, бедра, плечи – все, что считается признаком женственности, и хотя она долго не могла заснуть и все думала, в чем ошиблась, она ни о чем не жалела» [4, с. 288].

В итоге Камилла просит Франка о помощи в преодолении этого состояния.

Что касается образа Франка, в начале книги автор прибегает к набору самых банальных клише, обозначающих маскулинность. «Здоровый верзила», который любит мотоциклы, каждый день встречается с новой девушкой; грубый и невежественный парень, чей образ дополняет адски тяжелая работа. К тому же, он никогда не плачет.

Магдалена Свенссон отмечает, что Франку не пришла в голову идея самому позаботиться о бабушке, взять ее в квартиру. Возможно, без Камиллы это было невозможно исключительно по бытовым соображениям, но факт остается фактом: именно Камилла начинает заботиться о Полетте, тем самым подтверждая свойственную ей традиционную роль женщины.

Франк похотлив, в те редкие дни, когда он проводит время дома, его всегда сопровождают девицы легких нравов. Он обращается с женщинами исключительно как с объектами удовлетворения своего сладострастия. Ни одна из них не интересует его как личность. Именно поэтому он так легко забывает о своей подруге Мариам.

Мы уже замечали, что конфликты из детства, которые Камилла и Франк носят в себе, прямо влияют на их нынешнюю жизнь. Франк, сам того не замечая, завязывает отношения с девушками, похожими на его мать, которую молодой человек презирает. Стремясь забыть и отдалиться от нее, он лишь приближается к ее образу, и за это подсознательно ненавидит себя еще больше.

Как и Камилла, которая в отношениях с избранниками ищет отца, но каждый раз разочаровывается. Жан-Луи остался в ее памяти как выдающаяся и яркая личность, мужчина, заботящийся о ней, который мог заставить ее забыть о невзгодах и увезти в мир приключений. Этот образ она примерила к наркоману-художнику, а затем к мошеннику, с которым колесила по Европе.

И Франк, и Камилла занимают традиционные роли мужчины и женщины, представляя собой оппозицию сильного и слабого пола. Однако Магдалена Свеннсон отмечает, что в романе нередки эпизоды, когда персонажи нарушают заданную схему [6, с. 79].

Например, когда Камилла настаивает на интимной близости с Франком, а молодой человек противится и хочет привнести в их отношения романтику, что указывает на смену ролей. В следующем эпизоде Камилла устраивает скандал Франку из-за громкой музыки и непристойного поведения, а затем выбрасывает его музыкальный центр в окно. По ходу повествования читатели привыкают, что Франк отпускает шуточки или делает комплименты в адрес Камиллы, но однажды девушка перехватывает инициативу и говорит Лестафье, что он очень красив, на что молодой человек краснеет и пытается уйти от ответа. В то же время Франк оказывается способным на открытие и внешнее проявление искренних чувств.

Что же касается Филибера, то поведение этого персонажа охарактеризовать сложнее всего. Магдалена Свенссон в своей работе заявляет, что «Филиберу нельзя отвести ни мужскую, ни женскую роль», исследовательница определяет его как «non-homme» (не-мужчина). Магдалена заявляет, что Филибер расписывается в собственной неполноценности и превосходстве Франка, когда заявляет, что его сосед умеет делать все по дому, и поэтому его присутствие необходимо. Возможно, Магдалена несколько преувеличивает, но, в целом, неуверенность Филибера и отсутствие элементарных навыков являются определенной девиацией от традиционной мужской роли.

В своем одиночестве этот персонаж страдает едва ли не больше остальных. Но с появлением Камиллы в его жизни, он будто вспоминает о своем мужском предназначении и, хотя поначалу и убеждает себя, что он не «принц», но все-таки набирается храбрости и поднимается на восьмой этаж к промерзшей насквозь подруге, чтобы ее спасти. Его пробудившаяся маскулинность проявляется и в том, что он наконец способен противостоять Франку и защищать интересы своей подруги, «которая останется в его квартире столько, сколько сочтет нужным».

Таким образом, социальное одиночество деформирует психику главных персонажей, искажая их поведение и гендерные роли. Как только персонажи преодолевают пик напряженности, и атмосфера становится более положительной, все трое начинают духовно выздоравливать. Камилла занимает место хранительницы очага, когда начинает беспокоиться о квартире, пытается установить определенный порядок в доме и распорядок для мужчин. Франк бросает разгульный образ жизни, начинает готовить блюда не только на работе, но и дома, так как наконец есть для кого готовить (и это важно!), а Филибер становится более уверенным и решительным, избавляется от дефектов речи, противостоит ханжеским нравам своей семьи и находит себе невесту.

Важно отметить, насколько духовно выросли и укрепились главные персонажи, когда вступили в брак – Камилла осознала свое желание быть матерью, Франк наконец почувствовал себя хозяином собственной жизни и семьи.

Ибо жизнь каждого человека приобретает большую ценность в семье, нежели сама по себе.

Кульминацией духовного выздоровления Камиллы и Франка становится их желание завести ребенка в эпилоге романа. Состояние «семьи» исцеляет главных персонажей и возвращает им правильное понимание самих себя.

ВЫВОДЫ

Произведение «Просто вместе», при всей своей внутренней незамысловатости, остро обрисовывает две главные социальные проблемы: одиночество и создание

**ПРОБЛЕМА СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОМАНЕ
«ПРОСТО ВМЕСТЕ» АННЫ ГАВАЛЬДА**

семьи. Грамотная структура персонажей и развитие сюжета доносят до читателя идею семьи как ячейки, на которой не только держится общество, но которая обеспечивает духовную гармонию, развитие и самореализацию человека.

Список литературы

1. Дружинин В. Н. Психология семьи / В. Н. Дружинин. – М.: Правда, 1996. – 176 с.
2. Комовская Е. В. «Социологический роман» как жанровая разновидность романа / Е. В. Комовская // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, N 132. – М., 2011. – с.103-108.
3. Лесова Н. С., Короткова М. О. Современные тенденции развития французской литературы XXI века / Н. С. Лесова, М. О. Короткова // Культура народов Причерноморья. – 2012. – № 226. – С. 137-140.
4. Анна Гавальда / Просто вместе / Гавальда Анна. – М.: АСТ, 2009. – 573с.
5. Anna Gavalda / Ensemble c'est tout/ Gavalda Anna. – P.: Le Dilletante. 2004. – 573 с.
6. Svensson Magdalena / Une analyse des personnages masculins et féminins dans «Ensemble, c'est tout» et «Je l'aimais» d'Anna Gavalda / Svensson Magdalena. – Högskolan i Halmstad, Institutionen for humaniora. 2010. – с.61-90.
7. Dubois Jacques / Le roman sociologique / Jacques Dubois //Liege : Socius, 2010. – 145с.

**FAMILY RELATION PROBLEM IN THE NOVEL
«JUST TOGETHER» BY ANNA GAVALDA**

Lessova-Yuzefovich N. S.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: nadejaf@gmail.com*

Putintsev A. N.

*Moscow State Institute (University) of the International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
E-mail: putintsevalexis@mail.ru*

The turn of the century in the French literature is determined by the transformation of the aesthetic and ideological paradigms of postmodernism, the formation of which has been happening in the close contact with the modern history of the French novel.

The modern novel form is developing in connection with the new principles of thinking, the latest models of world and human vision embodying the crisis and “transition” character of the XX century, and represents in itself a new artistic system.

The modern novel adjusts dialogical communication of different level with the reader within the genre system, out-of-genre system of the novel and on the borders of the aesthetic systems (romanticism - realism - modernism - postmodernism - minimalism).

The development and renewing of the language used in the modern novelistic prose is manifested in the new novel complex and structural formations.

These characteristics give the modern French novel vividly pronounced artistic novelty.

A bright representative of the modern French prose is a French writer Anna Gavalda. Her belles-lettres works are characterized by stylistic and genre peculiarities, deep psychological insight and skill of representing the character world.

Anna Gavalda is a known French writer with Russian roots. Anna began to write at the age of 17, in 1992 she won the competition for the best love letter, and the first collection of short stories “I Would Like Some-

one to Wait for Me” was released in 1999 and received positive critics’ and readers’ reviews. Her best known works are novels “I Loved Her I Loved Him” and “Just Together”, films with the same titles have been screened. For these bestsellers Anna has been given the nickname of “the French Literary Sensation”, she continues to promote her creative work now.

In the work “Just Together” Anna Gavalda raises the issues that are of paramount importance for modern people: it is the problem of loneliness and the task of family creation. These two collective images are based on worked structure of the characters.

During the analysis we conventionally divided the characters into two fields: the ones “loneliness in the youth” and “loneliness in the old age.” The first group includes three of four main characters (before meeting one another) and a number of supporting characters, and the second one covers the fourth main character and another series of characters of the second plan. This separation allows to identify the individual and common problems of two fields, as well as to track changes in the characters’ life.

The common problems include the issue of social security. In the case of the young characters these are problems of education, work according to one’s abilities, a decent wage and schedule, which leaves time for life and does not cause damage to health. In the case of the older characters, these are problems of insurance, pension security, quality of service of boarding houses for the elderly, health care.

What is even more important these are the underlying causes of the main characters’ state of loneliness, and here the two fields merge into one. Using the novel characters’ stories we have found that the unresolved conflicts in the family have direct negative consequences for everyone concerned. Made in the childhood and uncured traumas poison the adults’ lives, putting them on the verge of sociopathy, distorting their behavior and self-perception. And the inability to build relationships and take care of the family in maturity in full measure will remind of itself in the old age, thus completing the vicious circle.

Anna Gavalda defends traditional values of the European area, directly stating about the family role in the modern people’s life. The characters of the novel “Just Together” heal themselves and grow spiritually, finding a family. This their state attracts and serves as an example for the rest of people who are lonely and were unhappy in the past from their surrounding, indirectly expressing their understanding the importance of the family, which have previously not been understood by them.

Against this background the work by Anna Gavalda distinguishes herself with the statement about the main traditional European value - family. Literary work “Just Together”, with all its inner plainness, sharply delineates two major social problems: loneliness and family creation. Competent structure of the characters and plot development convey to the reader an idea of the family as a cell, which not only supports the society but also provides person’s spiritual harmony, development and self-realization.

Time will show in what manner the human understanding of themselves is going to develop, and how it will be reflected in the literature of the future. But it is quite clear that without deep understanding of the past, traditions, faith and moral principles of their peoples, the European society jeopardizes its future. «Celui qui oublie ses racines n’atteint jamais sa destination» or as more expressive Russian proverb teaches us: “Only the roots of the branches are alive.”

Keywords: modern French literature, idea of the family, «loneliness in the youth», «loneliness in the old age»

УДК 801.731

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ЛЕКСИКИ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕДНЫЕ ЛЮДИ» НА НОВОГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК¹

Литинская Е. П.

*Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Республика Карелия, Рос-
сийская Федерация*
E-mail: litgenia@yandex.ru

Статья посвящена анализу лексики романа в письмах Ф. М. Достоевского «Бедные люди» с точки зрения перевода на новогреческий язык, выполненного А. Сарандопулосом. Основное внимание в исследовании уделяется трансформационному подходу при передаче просторечных, книжных, устаревших слов, этнографических реалий, антропонимов. На основе проведенного критического сопоставления предлагается сделать вывод об адекватной передаче лексики романа русского классика на иностранный язык.

Ключевые слова: Достоевский, русская литература, Сарандопулос, новогреческий язык, лексика, теория перевода, практика перевода, трансформация.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема изучения перевода прозы Ф. М. Достоевского на новогреческий язык является несомненно актуальной. Произведения Ф. М. Достоевского прекрасно известны читающей публике Греции. Библиотечные фонды этой страны насыщены литературным наследием русского классика в освещении разных переводчиков, а так же немалым количеством литературоведческих и биографических исследований. Так, Элли Алексиу, греческая писательница, переводчица и литературовед, подготовила к печати и отредактировала полное собрание сочинений русского писателя, снабдив издание собственной вступительной статьей. Греческий читатель знаком и с фундаментальным трудом М. Бахтина по поэтике Достоевского в переводе А. Иоаниду и В. Хадзивасилиу, и с биографией писателя, написанной Л. Гроссманом, в переводе Д. Триандафилидиса и Д. Самофраки.

Роман Достоевского «Бедные люди» был неоднократно переведен на новогреческий язык. В 1959 году переводчики С. Спафирис и К. Порфири подготовили первый перевод романа, в 1977 году А. Котзиас создает второй, а в 1990 году появилось сразу два перевода: один А. Александру, второй – А. Сарандопулоса, имеющий в качестве предисловия статью Г. Фридлендера.

Среди подобного переводческого изобилия особое место занимают перевыражения Андреаса Сарандопулоса. А. Сарандопулос родился в 1915 году в деревне Агрилиа Мессинис. После окончания гимназии в девятнадцатилетнем возрасте был зачислен добровольцем в армию. Имел чин подпоручика. Участвовал в войне с Албанией и был активным участником Национального Сопrotивления в Греции. Период с 1945 по 1953 годы провел в тюрьмах и изгнании.

Сарандопулос самостоятельно выучил русский язык. Он автор книги «Грамматика и синтаксис русского языка», вышедшей в 1957 году. Им переведены свыше 40 разных по объему произведений с русского языка на греческий, среди которых выделяются

переводы русских классиков: Толстого, Тургенева, Гончарова, Пушкина, Достоевского. Также он перевел 20 томов «Всемирной истории», издание Института социальных наук СССР. Сарандопулос является создателем и издателем четырехтомного труда «Маленькие и большие люди» («Μικροί και μεγάλοι άνθρωποι») о деятельности партизан.

К творчеству Ф. М. Достоевского А. Сарандопулос впервые обратился в 80-х годах прошлого столетия. Один за другим в разных издательских домах печатаются его переводы: 1988 г. – «Преступление и наказание» («Εγκλημα και τιμωρία»), 1989 г. – «Вечный муж» («Ο αιώνιος σύζυγος»), 1990 г. – «Бедные люди» («Φτωχοί άνθρωποι»). Как видим, к переводу эпистолярного романа «Бедные люди» переводчик подошел достаточно опытным практиком.

Показательно, что самый точный перевод названия романа сделан А. Сарандопулосом: «Φτωχοί άνθρωποι», букв. «Бедные люди» (φτωχός – 1. бедный, нищий, нищий; 2. бедный, убогий; 3. бедный, скудный; 4. бедный, несчастный). В Евангелии от Матфея (Мф 5; 3) в древнегреческом тексте используется эта же лексема: Μακῆτιοί of ptwcô t̂ pneŪmati (Блаженны нищие духом). В то время как коллеги Сарандопулоса несколько иначе передают название: у С. Спафириса и К. Порфири – «Φτωχόκοσμος», букв. «Бедный мир», у А. Котзиаса и А. Александру – «Φτωχοί», букв. «Бедные».

Цель нашего исследования – лексические аспекты перевода романа в письмах Ф. М. Сарандопулосом: особенности передачи просторечных, книжных, устаревших слов, образных выражений, неологизма.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Заслуживают внимания обращения, которые использует герой. Макар Девушкин начинает свое письмо от 8 апреля патетическим обращением «милостивая государыня, Варвара Алексеевна!»², переданным греческим языком, как «ευγενέστατη δεσποσύνη, Βαρβάρα [Αλεξέγιεβνα]»³, букв. «любезнейшая барышня, Варвара Алексеевна». Отчество героини указано тут же в квадратных скобках, как известно в греческой культуре нет традиции употребления имени и отчества при обращении. В дальнейшем переводчик снимает квадратные скобки в подобных случаях. Обращение может быть представлено в интимно-дружеской форме с использованием «домашних», дружеских прозвищ: «Да, маточка, да, родная моя» – греч. «Ναι, μανίτσα, ναι, ακριβή μου» букв. «Да, матушка [золотце моё, дорогая моя, матушка], да, дорогая [любимая, милая] моя». В обращении Макар Алексеевич использует просторечную ласкательную форму «маточка», переданную греческим переводчиком как «μανίτσα», образованную от обиходного существительного «μάννα» (мама) прибавлением уменьшительно-ласкательного постфикса для женского рода –ιτσα. Выбор переводчика можно считать эквивалентным. Переводчику удастся передать стилистику авторского обращения, обе лексемы, и русская и греческая, отражают многогранность чувств пожилого героя к молодой собеседнице, ведь «Макар Алексеевич любит Вареньку и как возлюбленный <...>, и как друг, и как отец, и как сын» [1, с. 135].

Разговорное выражение «хлеб-соль» невозможно воспроизвести в греческом тексте без потери его семантики, и потому переводчик использует равноценную лексему «φιλόξενη» (гостеприимство, радушие).

Достоевский часто использует образные выражения в произведении. Так, Макар Девушкин, сетуя на себя, произносит: «Не пускайся бы на старости лет с клочком

волос в амуры да в экивоки...» – греч. «Γιατί να καταπιαστώ με αγάπες και διφορούμενα τώρα στα γεράματα, με πέντε τρίχες όλες-όλες στο κεφάλι...», букв. «Зачем я занимаюсь нежностями и двусмысленностями сейчас на старости с пятью волосинками всего-навсего на голове...» Слово «амуры» имеет отчетливую шутивную, ироническую коннотацию при определении любовных отношений, греческое «αγάπες» во мн. ч. приобретает иронический оттенок и может быть переведено, как «нежности». В русском тексте встречаем галлицизм во мн. ч. «экивок», *équivoque*, в значении «проделки, замысловатые ухищрения, выверты», имеющий оттенок просторечного, переданного греческой лексемой «διφορούμενα» (двусмысленности). Образное выражение «с клочком волос» передано описательно «με πέντε τρίχες όλες-όλες στο κεφάλι» (с пятью волосинками всего-навсего на голове), хотя в греческом языке есть лексема «τούφα» – клок, прядь и возможно сочетание «με τούφες μαλλιών». И далее герой, характеризуя свое приподнятое настроение, пишет «я пошел сегодня таким гоголем-щеголем». Разговорное экспрессивное выражение «гоголем-щеголем», имеющее ироническое значение (ср. «держаться франтом»), передано «σαν κανένας δανδής», букв. «как какой-то денди».

В русском тексте встречаем устаревшее выражение «в должность пошел», адекватно переданное, как «στο γραφείο πήγα», букв. «в контору пошел», подчеркивающее чиновничий характер профессиональной деятельности героя. Книжное, устаревшее наречие «рачительно» переведено предположно-существительным сочетанием «με ζήλο», букв. «с усердием». Устаревшая глагольная форма «христарадничать» («говорит, что христарадничаю, что я по худой дороге пошла») в значении «нищенствовать, просить милостыню» адекватно передана на греческий язык: «λέει πως ζητιανεύω, πως πήρα τον κάκο δρόμο», букв. «говорит, что нищенствую (прошу милостыню), что пошла по плохой дороге». У Достоевского: «Вам, может быть, такая материя не нравится, да и мне вспоминать не так-то легко» – греч. «Ίσως ν' αρέσουν σε σας αυτά, μα σε μένα δεν είναι και τόσο εύκολο να τα θυμάμαι», букв. «Может быть, вам и понравится это, но мне не так легко это вспоминать». Переводчик в данном случае деформирует текст, опускает слово «материя» в устаревшем книжном значении «тема, предмет, речи». Книжная форма греческого языка «οι ευωδιές» (благоухания, ароматы) адекватно отражает «ароматы» в русском тексте.

Определенные сложности переводчики испытывают при работе с реалиями, относящиеся к разряду безэквивалентной лексики. Приведем отдельные примеры передачи реалий русской культуры на новогреческом языке. «Она, бывало, всё вязала из лоскутков разных одеяла на аршинных спицах» – греч. «Έπλεκε, θυμάμαι, συνέχεια από κάτι κουρέλια διάφορα ρούχα με μακριές βελόνες», букв. «Вязала, помню, она постоянно из каких-то лоскутков разную белье (одежду) на длинных спицах». Прилагательное «аршинный», которое соотносится с существительным «аршин» – старинная русская мера длины, равная 0,711 метра, является этнографической реалией и переводится вполне уместным синонимичным, понятным получателю переводного текста, определением «на длинных спицах». «Одеяла» заменены на «ρούχα» (трансформационная операция генерализации), букв. «белье (одежда)», хотя логичнее «κουβέρτες», букв. «одеяла». «Тридцать пять рублей ассигнациями» – греч. «τριάντα πέντε χάρτινα ρούβλια», букв. «тридцать пять бумажных рублей». Переводчик, используя прием конкретизации, сужает понятие «ассигнации» до «рубля», распространенное и по сей день, поскольку

маловероятно, что греку-читателю знакомо подобное название бумажных денежных знаков в России 18-19 вв. Этнографическая реалья «самовар», ставшая уже интернациональной, транслитерирована: «σαμοβάρ». Слово «чухна» в значении «простоватый, глупый» переведено «αμόρφωτος», букв. «необразованный, некультурный». «Пряничные петушки» передано как «κοκοράκια [γλυκίσματα]», букв. «петушки [сладости]».

Устаревшее слово французского происхождения «салоп», обозначающее верхнюю женскую одежду, переведено описательно «ζεστό πανωφόρι», букв. «теплая верхняя одежда». В следующем примере переводчик опускает слово шлафрок в немецком написании, затрудняющее понимание текста греческим читателем, и просто передает его описательно: «Хозяйка... целый день в туфлях да в шлафроке ходит» – греч. «Н σπιτονοικοκυρά... όλη μέρα γυρίζει με τις παντόφλες και τη ρόμλα της», букв. «Хозяйка... целый день ходит в туфлях и домашнем халате».

Достоевский нередко создает неологизмы, которые затруднительно передавать в переводящем языке, так мы читаем: «небо полазоревело!» – греч. «ζαστέρωσε ο ουρανός;», букв. «прояснилось небо?» Э. М. Жиликова комментирует эту форму, как заимствование из «Шильонского узника» В. А. Жуковского [3, с. 136]. Этимологически этот глагол восходит к греческому существительному «το λαζούριο», что значит «лазуревый камень», «лазурь, небесно-голубой цвет». Но в греческом языке отсутствует глагольная форма, обозначающая окрашивание предмета в небесно-голубой цвет. Хотя подобная словообразовательная модель существует: κόκκιнос красный, κοκκινίζω – окрашивать в красный цвет; πράσιнос – зеленый, πρασινίζω – окрашивать в зеленый цвет и др. И значит форма λαζουρίζω потенциально возможна, но переводчик пошел по пути перифразы: он использует глагол ζαστερώνω – проясняться (ср. сущ. η ζαστήρη – чистое, безоблачное небо; ясная погода; звездная ночь; прил. ζαστερος – ясный, чистый, звездный).

Особую трудность для межъязыкового трансформирования представляют говорящие имена, фамилии, которыми изобилует текст Достоевского. А. Сарандопулос последовательно дает транскрипцию имен и фамилий героев: Макар Девушкин – Μακάρ Ντιέβουσκιν, Варвара Добросёлова – Βαρβάρα Ντομπροσιόλοβα, Быков – Μπύκοφ, Покровский – Πокρόφски и т.д. Как известно, русское имя Макар древнегреческого происхождения (Μακάριος – «блаженный»). Можно предполагать, что и современный греческий читатель знаком с его этимологией. Отсутствие комментария в данном случае оправдано. Фамилия главного героя – Девушкин – отсылает нас не только к христианскому мотиву «сына девушки» [4] и приближает героя Достоевского к образу Христа, но и к библейскому мотиву грехопадения. «Ее <фамилии – Е. Л.> главная идея, возможно, связана с тем, что некий первый Девушкин (первоноситель матронимичной фамилии) был сыном безмужней и бесфамильной “девушки”. <...> “Девушками” называли служанок, работниц, горничных» [2, 87]. Фамилия студента Покровского так же является значимой и ассоциируется с праздником Покрова Пресвятой Богородицы. Семантика имен собственных не воссоздается, остается непроявленной, тем самым переводной текст существенно обедняется.

ВЫВОДЫ

Поиск лексического эквивалента – труднейшая задача переводчика. А. Сарандопулос грамотно подыскивает языковое соответствие при переводе просторечных,

устаревших и книжных слов, авторского неологизма, образных выражений, этнографических реалий, антропонимов и, в целом, ему удастся адекватно воссоздать роман в письмах Ф. М. Достоевского «Бедные люди» на новогреческом языке.

Примечания

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012-2016 гг. в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности.

² Текст романа «Бедные люди» Ф. М. Достоевского приводится по изданию: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 18 т. М.: Воскресенье. Т. 1. С. 1–85.

³ Греческий текст романа приводится по изданию: Ντοστογιέφσκι Φ.Μ. Φτωχοί άνθρωποι. Μετ. Α. Σαραντόπουλος. Αθήνα: Εκδότικος οίκος Σ.Ι. Ζαχαρόπουλος & Σία Ο.Ε., 1990. 176 σ.

Список литературы

1. Ветловская В. Роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди» / В. Ветловская. – Л., 1988. – 205 с.
2. Владимирцев В. П. Опыт фольклорно-этнографического комментария к роману «Бедные люди» / В. П. Владимирцев. // Достоевский: Материалы и исследования. – Л., 1983. – Вып. 5. – С. 74–89.
3. Жилиякова Э. М. Традиции сентиментализма в творчестве раннего Достоевского / Э. М. Жилиякова. – Томск, 1989. – 272 с.
4. Яблоков Е. А. Сын девушки, ставший словом (Мифопоэтические мотивы романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди») [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.eajablokov.ru/article1.html> (дата обращения: 01.04.2016).

SOME LEXICAL ASPECTS OF F. DOSTOEVSKY'S NOVEL “POOR PEOPLE” TRANSLATION INTO MODERN GREEK

Litinskaia E. P.

*Petrozavodk State University, Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russian Federation
E-mail: litgenia@yandex.ru*

The problem of studying the translation of prose F. M. Dostoevsky on Modern Greek language is undoubtedly important. Russian writer's works are well known to the reading public in Greece. Library funds of this country full of classic Russian literary heritage in the light of various translators, as well as a considerable number of literary and biographical researches.

Dostoyevsky's novel “Poor People” was repeatedly translated into Modern Greek. The special place among the abundance of the translations occupies works by Andreas Sarandopulos. A. Sarandopulos first addressed to Dostoevsky in the 80-ies of the last century. His translations were printed in different publishing houses one by one: 1988 - “Crime and Punishment» (“Εγκλημα και τιμωρία”), 1989 - “The Eternal Husband” (“Ο αιώνιος σύζυγος”), 1990 - “Poor people” (“Φτωχοί άνθρωποι”). As you can see, translator approached to the translation of the epistolary novel “Poor People” with sufficient experience.

The focuses of our study are lexical aspects of the translation of the novel in letters by Sarandopulos: features of transferring colloquial, book, obsolete words, figures of speech, neologism.

Transferring endearing colloquial forms, translator uses the equivalent word-formation structure of Modern Greek, “my dearest” - “μάνιτσα”.

The colloquial expression expressive “strut-dandy” has an ironic value (compare “stay dandy”), transferred to “σαν κανένας δανδής” (like some dandy).

Obsolete words and expressions are reproduced in a descriptive way: “to the post went” - “στο γραφείο πήγα”, “diligently” - “με ζήλο” (hearted), “hristaradnichat” - “λέει πως ζητιανεύω, πως πήρα τον κάκο δρόμο” (says that mendicant (beg alms), which went on a bad road), etc.

Figurative expressions are also transmitted via paraphrase: “I do not have to indulge in old age with the tuft in Cupids and equivocation in ... « - «Γιατί να καταπαιστώ με αγάπες και διαφορούμενα τώρα στα γεράματα, με πέντε τρίχες όλες-όλες στο κεφάλι ... “ (What for am I doing tenderness and ambiguities at the age of having only five hairs on the head ...).

Translators have certain difficulties dealing with the realities from the category of non-equivalent vocabulary. For example, the adjective “yardstick”, which corresponds with the noun “yard”, translates as quite appropriate synonymous and understandable to the recipient phrase with a preposition “με μακριές βελόνες” (on long needles). Ethnographic reality “samovar” is transliterated: “σαμοβάρ”. The word “Chukhnov” within the meaning of “rustic, stupid” is translated as “αμόρφωτος”, which means “uneducated, uncultured”. “Gingerbread cockerels” is translated as “κοκοράκια [γλυκίσματα]”, which means “males [sweets]”. The translation of the verb-neologism “polazorevelo sky!” has a clarifying character: “ξαστέρωσε ο ουρανός” (brightened the sky).

There are a lot speaking names in the text of Dostoevsky, what gives a special challenge for the transformation. Sarandopulos consistently provides the transcription of names and surnames of heroes, what impoverishes the Greek texts.

The search of lexical equivalent is the daunting task for interpreter. A. Sarandopulos competently finds linguistic conformity, translating colloquial, obsolete words and books, copyright neologism, figurative expressions, ethnographic realities, personal names and, in general, he manages to transfer the novel in letters by Fyodor Dostoevsky “Poor people” on Modern Greek.

Keywords: Dostoevsky, Russian Literature, Sarandopulos, Modern Greek language, lexis, translation theory, the practice of translation, transformation.

УДК 821.111(73)

СПЕЦИФИКА СИНЕРГЕТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ В ПРОЗЕ ДОНА ДЕЛИЛЛО

Ломакина И. Н.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: irina.lomakina254@gmail.com*

Статья посвящена изучению особенностей синергетических моделей хронотопа и нарратива в романах современного американского писателя-постмодерниста Дона Делилло. В ходе анализа в результате гипотетического наложения традиционного линейного на циклический мифологический вид нарратива был выявлен аттрактор в романах писателя «Падающий», «Весы», «Имена» и «Изнанка мира». На уровне хронотопа в вышеуказанных произведениях Делилло проявляются такие черты как флуктуация времени и пространства, гиперлокализация, гиперхронизация, «растянутость» повествования, гетеротопии и атопии.

Ключевые слова: постмодернизм, нарратив, хронотоп, орнаментальность.

ВВЕДЕНИЕ

Рубеж XX-XXI вв. характеризуется сменой мировоззренческих парадигм и взаимопроникновением методологии естественных и гуманитарных наук. В частности, революционные открытия в физике послужили импульсом для критического анализа и пересмотра закостеневших и стремящихся к энтропии методов исследования в лингвистике и литературоведении.

Популярность возникшей в конце 70-х гг. синергетики как разновидности системного подхода обусловлена возможностью использования унифицированного языка научного описания, единого для естественных и гуманитарных наук. Развитие лингвосинергетики (синергетического направления в языкознании) часто ассоциируется с представителями немецкой школы синергетической лингвистики – В. Вилдгеном, Р. Келером, Г. Альтманом и др.

Автором самого термина «синергетика» является известный американский архитектор и дизайнер Ричард Бакминстер Фуллер, но определение, близкое к современному пониманию, предложил физик Герман Хакен в своей монографии «Синергетика» (1977).

Предметом изучения синергетики являются сложные нелинейные динамические системы, важнейшее свойство которых – диссипативность (открытость, подверженность внешним влияниям). В определённый период развития такая система подвергается флуктуации (колебанию своих элементов). Причиной служит аттрактор (своего рода «магнит», точка притяжения), попадая в который система в зоне бифуркации, или полифуркации (ветвления), следует по одному из нескольких возможных путей развития, что приводит к самоорганизации системы.

Отличительной чертой синергетического подхода является критическое переосмысление классической ньютоновской механистической картины мира, сменив-

шейся релятивистской, а затем – синергетической концепцией, что открывает новые возможности для учёных современности.

Среди наиболее заметных трудов, посвящённых изучению лингвосинергетики, следует отметить научные статьи Р. Г. Пиотровского [13], С. К. Гураль [5], Н. В. Дрожащих [7], Н. О. Бондарчук [2], И. В. Малиновской [9], Т. И. Домброван [6], монографии И. А. Герман [3], Г. Г. Москальчук [11], К. И. Белоусова [1], О. И. Глазуновой [4], диссертационные исследования Н. П. Мышкиной [12], Л. В. Кушниной [8], И. Ю. Моисеевой [10].

Целью данного исследования является изучение разновидностей синергетических моделей в романах Дона Делилло. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**: сформулировать базовые понятия синергетики, определить и классифицировать синергетические модели построения хронотопа и нарратива в постмодернистской прозе Делилло, проанализировать особенности данных моделей.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Функционирование синергетических моделей на уровне хронотопа и нарратива в романе Дона Делилло «Падающий»

Применение лингвосинергетической методологии в процессе анализа особенностей мифопоэтики Дона Делилло позволяет рассматривать хронотоп и нарратив не как компиляцию сугубо мифологических и постмодернистских техник, находящихся друг с другом в отношениях антагонизма, а в качестве целостной диссипативной системы, стремящейся к организации.

Одной из главных задач синергетики и, в частности, лингвосинергетики выступает поиск аттрактора, т.е. точки притяжения, меняющей ход развития системы и приводящей к бифуркации (полифуркации), появлению нескольких альтернативных вариантов развития событий.

В ходе анализа прозы Делилло видится целесообразным выявление аттрактора в результате гипотетического наложения традиционного линейного на циклический мифологический вид нарратива, точки пересечения которых и образуют аттрактор.

Флуктуации (колебания) времени и пространства, наблюдаемые в зоне аттрактора, находят выражение в виде гиперлокализации, гиперхронизации, «растянутости» повествования, введения в текст гетеротопий и атопий. Именно пересечение линейной и циклической моделей служит объектом изображения постмодернистской прозы Делилло.

При выходе из аттрактора, повествование попадает в зону бифуркации, в результате чего возможно несколько вариантов дальнейшего хода событий.

Во-первых, автор может изображать лишь фрагменты линейного повествования до и после попадания в аттрактор, при этом текст приобретает форму дискретного (прерывистого) образования, или так называемого «алеаторного» постмодернистского письма. Базовыми характеристиками такого текста будут фрагментарность, эклектизм, монтаж.

Во-вторых, писатель может сосредоточиться на описании параболических фрагментов мифологического повествования. Характеристиками такого текста станут цикличность, повторяемость, лейтмотивность, орнаментальность.

Третьим и наиболее сложным вариантом является «расщепление» повествования и хронотопа на линейную и циклическую составляющие, при этом возможно

сосуществование нескольких временных пластов в одной точке пространства и, напротив, нескольких разнородных локусов в одной временной точке. Пользуясь терминологией И. Гомел [18], наиболее часто используемыми нарративными техниками в данном случае выступают «ветвление» (*wormholing*), «отступ в сторону» (*sidestepping*) и «крушение» (*collapsing*).

В романе Дона Делилло «Падающий» (*Falling Man, 2007*) можно выделить четыре аттрактора и, соответственно, четыре зоны бифуркации: первая глава первой части романа, в которой изображены последствия теракта 11 сентября 2001 г., и три вставных главы, не пронумерованные автором, но получившие название “On Marienstrasse”, “In Nokomis”, “In the Hudson Corridor”. Один из террористов, Эмир, вспоминает: “This entire life, this world of lawns to water and hardware stacked on endless shelves, was total, forever, illusion. In the camp on the windy plain they were shaped into men. They fired weapons and set off explosives. They received instruction in the highest jihad, which is to make blood flow, their blood and that of the others” [14, с. 173]. Данные «вводные» части, последняя из которых замыкает повествование, изображают подготовку террористов к атаке на Всемирный торговый центр.

Попав в первую зону бифуркации, повествование приобретает прерывистый, дискретный характер, так как автор изображает отдельные дни после теракта, в частности, третий и десятый дни. Кит Нойдеккер решает вернуться в свою квартиру, чтобы забрать вещи: “The building seemed empty, it felt and sounded empty. When he entered his apartment he stood a while, just looking around. The windows were scabbed in sand and ash and there were fragments of paper and one whole sheet trapped in the grime. Everything else was the same as it had been when he walked out the door for work that Thursday morning” [14, с. 26]. Исключением является лишь четвёртая глава первой части, в которой сообщается о самоубийстве отца главной героини Лианы, имевшем место около двадцати лет назад: “Jack Glenn, her father, did not want to submit to the long course of senile dementia. He made a couple of phone calls from his cabin in northern New Hampshire and then used an old sporting rifle to kill himself. She did not know the details. What detail might there be that was not unbearable?” [14, с. 41]. Данная аналептическая вставка позволяет читателю лучше понять характер главной героини и особенности её взаимоотношений с родными.

При выходе из второго аттрактора, повествование отчасти становится циклическим, практически все главы представляют собой воспоминания героев о жизни до теракта – семейной жизни Лианы и Кита до развода, покерных турнирах у Кита, отце Лианы. Главный герой романа, Кит Нойдеккер, вспоминает: “In the beginning they played poker in a number of shapes and variations but over time they began to reduce the dealer’s options. The banning of certain games started as a joke in the name of tradition and self-discipline but became effective over time, with arguments made against the shabbier aberrations” [14, с. 96]. Вторая часть романа «Падающий» характеризуется повторяемостью и лейтмотивностью, свойственными для мифологического нарратива.

Необходимо отметить, что если в первой части единство изображаемого пространства (Нью-Йорк, Всемирный торговый центр) соответствовало различным временным отрезкам, то во второй части, напротив, все события укладываются в узкие хронологические рамки (2 – 3 года до теракта), а пространство приобретает неоднородный характер, объединяя гетеротопии и атопии.

Результатом попадания нарратива в третью зону бифуркации становится «расслоение» повествования на линейное и циклическое. Делилло, как и в первой части романа, изображает дискретные фрагменты жизни героев после 11 сентября 2001 г. (от нескольких дней до трёх лет после теракта), но, в то же время, использует элементы циклической модели, включая в повествование воспоминания героев о событиях многолетней давности.

Дон Делилло описывает мирную демонстрацию в Нью-Йорке, в которой принимают участие Лиана и её сын Джастин спустя три года после крушения башен-близнецов: “This crowd did not return to her sense of belonging. She was here for the kid, to allow him to walk in the midst of dissent, to see and feel the argument against war and misrule. She wanted, herself, to be away from it all. These three years past, since that day in September, all life had become public” [14, с. 182]. В это же время бывший супруг женщины, Кит, встречает в казино Лас-Вегаса своего знакомого Терри Ченга и делится с ним воспоминаниями: “I used to tell people. People talked about where they were, where they worked. I said midtown. The word sounded naked. It sounded neutral, like it was nowhere. I heard he went out a window, Rumsey” [14, с. 205]. Приятели вспоминают бывшего партнёра по покеру Рамси, погибшего во время теракта.

В третьей части «Падающего» имеет место столкновение различных видов хронотопа и наррации (так называемый металепсис), однако это не приводит к распаду повествования на изолированные фрагменты. В частности, тринадцатая глава представляет собой компиляцию газетных статей и сенсационных заголовков, из которых Лиана узнаёт о смерти Падающего: “A man named David Janiak, 39. The account of his life and death was brief and sketchy, written in haste to make a deadline, she thought. She thought there would be a complete report in the paper of the following day. There was no photograph, not of the man and not of the acts that had made him, for a time, a notorious figure. These acts were noted in a single sentence, pointing out that he was the performance artist known as Falling Man” [14, с. 219]. Связующим элементом данного постмодернистского романа выступает образ Падающего, скрепляющий прошлое и настоящее, линейную и циклическую модели.

Примечательно, что роман завершается вставной главой, представляющей собой четвёртый аттрактор, но Делилло не указывает на следующую за этим пунктом зону бифуркации, представляя читателю возможность решить самому, что последует за очередной самоорганизацией романной структуры.

2. Общая характеристика синергетических моделей в романах Д. Делилло «Весы», «Имена» и «Изнанка мира»

В «Весах» (*Libra*, 1988) историографический метатекст Делилло строится на повествовательных техниках «отступ в сторону» и «столкновение». Сам автор пишет в примечании к произведению: “I’ve altered and embellished reality, extended real people into imagined space and time, invented incidents, dialogues, and characters” [15, с. 3]. Сочетание реальности и вымысла, исторических фактов и художественной фантазии приводит к наслоению пространственных и временных плоскостей, столкновению различных пластов наррации.

Само название романа «Весы» несёт двойственную семантическую нагрузку: с одной стороны, Весы – знак Зодиака главного героя, Ли Харви Освальда, сим-

волизирующий стабильность и уравновешенность; с другой стороны, образ весов как нельзя лучше характеризует синергетическую модель. Колебание весов в результате перевеса одной из чаш ведёт к нарушению равновесия и переустройству системы в целом.

В качестве основных аттракторов, вводимых Доном Делилло в повествование, можно отметить знакомство Ли с Дэвидом Ферри, визит Освальда в офис заговорщика Гая Баннистера, покушение на генерала Уолкера, бегство Ли Харви Освальда в СССР и женитьбу на Марине. Все вышеперечисленные события приводят к кардинальным изменениям в жизни героев, склоняя чаши весов то в одну, то в другую сторону.

Для скрепления разрозненных элементов повествования писатель использует пролепсис, очерчивая дальнейшее развитие судеб героев: “George de Mohrenschildt, the multinational man, a study in divided loyalties and or in the irrelevance of loyalty, the man who befriended Oswald, dies in March 1977, in Palm Beach, of a blast through the mouth with a 20-gauge shotgun. Ruled a suicide. One week later, in Miami Beach, police find the body of Carlos Socarros, former President of Cuba, millionaire gunrunner, linked by an informer to Jack Ruby. The body sits in a chair, a pistol nearby. Ruled a suicide” [15, с. 137]. Очевидно, что автор тем самым объединяет временные пласты нарратива и, в то же время, примеряет на себя маску всеведущего демиурга.

В романе «Имена» (*The Names*, 1982) [16] аттракторами выступают такие события как знакомство Джеймса с Оуэном Брейдмасом, убийство старика в греческой деревне Макро Камини, приезд Тэпа к отцу на каникулы. Попав в зону бифуркации, повествование приобретает черты «ветвления», т.е. характеризуется взаимопроникновением различных пространственных и временных пластов и наличием в тексте гетеротопий и атопий.

«Изнанка мира» (*Underworld*, 1997) [17] представляет собой масштабное эпическое полотно, изображающее жизнь американского общества в 1950-е – 90-е гг. XX в., т.е. охватывает более 40 лет и включает в себя сотни персонажей, судьбы которых пересекаются в романе самым неожиданным образом.

Уже пролог произведения содержит аттрактор – бейсбольный матч между командами “Giants” и “Dodgers” и, состоявшийся в тот же октябрьский день 1951 г., испытания Советским Союзом ядерного оружия. На протяжении всего романа автор не раз повторяет, что данные события сыграли решающую роль в жизни Америки.

При выходе из зоны бифуркации повествование расщепляется на линейное (разновременные фрагменты из жизни главных героев) и циклическое (автор периодически возвращается к описанию легендарного матча). Делилло использует чрезвычайно сложные формы хронотопа: описание одного локуса на протяжении значительного периода времени (стадион Yankees, Манхэттен, отель «Плаза») чередуется с изображением различных локусов в узких временных рамках (например, герои вспоминают, где они были и что делали 3 октября 1951 г.).

Включение автором в текст гетеротопий, атопий, аналептических и пролептических фрагментов делает произведение «Изнанка мира» сложным для анализа, но, тем не менее, представляющим значительный интерес с точки зрения используемых автором синергетических моделей построения романного универсума.

ВЫВОДЫ

Синергетические модели, позволяющие наглядно продемонстрировать специфику внутренней самоорганизации сложных нелинейных динамических систем в точных и естественных науках находят своё применение и в современном литературоведении. Они иллюстрируют специфику постмодернистского хронотопа и нарратива, характеризующихся дискретностью, фрагментарностью и алеторностью.

В прозе Дона Делилло анализ синергетических моделей даёт возможность рассматривать хронотоп и нарратив не как компиляцию сугубо мифологических и постмодернистских приёмов и техник, находящихся друг с другом в отношениях антагонизма, а в качестве целостной диссипативной системы, стремящейся к организации. Было установлено, что пересечение линейной и циклической моделей хронотопа служит объектом изображения романов Делилло. В качестве наиболее сложной синергетической модели в прозе американского постмодерниста было отмечено «расщепление» нарратива и хронотопа на линейную и циклическую составляющие, при этом возможно сосуществование нескольких временных пластов в одной точке пространства и нескольких локусов в одной временной точке.

Перспективы исследования видятся в расширении предмета исследования благодаря включению в его рамки произведений англоязычной постмодернистской литературы разных жанров, что позволит проследить вариативность синергетической парадигмы в национальных литературах.

Список литературы

1. Белоусов К. И. Синергетика текста: от структуры к форме / К. И. Белоусов. – М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2008. – 248 с.
2. Бондарчук Н. О. Лингвосинергетика как методологическая основа исследования текста / Н. О. Бондарчук // Научный Вестник Волынского национального университета имени Леси Украинки. – 2011. – Филологические науки. Языкознание. – №4. – С. 24 – 27.
3. Герман И. А. Лингвосинергетика / И. А. Герман. – Барнаул: Изд-во Алтайской академии экономики и права, 2000. – 168 с.
4. Глазунова О. И. Синергетика творчества: опыт анализа художественного текста / О. И. Глазунова. – М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 344 с.
5. Гураль С. К. Синергетика и лингвосинергетика / С. К. Гураль // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – Серия «Филология», №302. – С. 7 – 9.
6. Домброван Т. И. Аппликативный потенциал синергетической парадигмы в лингвистике / Т. И. Домброван // Филологические штудии. Периодическое печатное издание Киевского университета имени Бориса Гринченко. – Киев, 2012. – Вып.1. – С. 79 – 84.
7. Дрожачих Н. В. Лингвосинергетика: истоки и перспективы / Н. В. Дрожачих // Вестник Тюменского государственного университета. – 2009. – №1. – С. 227 – 234.
8. Кушнина Л. В. Взаимодействие языков и культур в переводческом пространстве: гештальт-синергетический подход: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Кушнина Людмила Вениаминовна. – Пермь, 2004. – 32 с.
9. Малиновская И. В. Лингвосинергетика наряду с другими методами исследования философского текста: уместность, возможности, границы / И. В. Малиновская // Лингвистика XXI столетия: новые исследования и перспективы. – Киев, 2011. – С. 210 – 224.
10. Моисеева И. Ю. Синергетическая модель текстообразования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Моисеева Ирина Юрьевна. – Челябинск, 2007. – 38 с.
11. Москальчук Г. Г. Структура текста как синергетический процесс: монография / Г. Г. Москальчук. – М.: УРИ, 2003. – 296 с.

12. Мышкина Н. П. Лингводинамика текста: контрадиктно-синергетический подход: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Мышкина Нэлли Леонидовна. – Уфа, 1999. – 43 с.
13. Пиотровский Р. Г. О лингвистической синергетике / Р. Г. Пиотровский // Научно-техническая информация. – 1996. – Сер. 2 «Информационные процессы и системы». – №12. – С. 1 – 12.
14. DeLillo D. *Falling Man* / D. DeLillo. – N.Y. : Scribner, 2007. – 246 p.
15. DeLillo D. *Libra* / D. DeLillo. – N.Y. : Viking, 1988. – 456 p.
16. DeLillo D. *The Names* / D. DeLillo. – N.Y. : Knopf, 1982. – 339 p.
17. DeLillo D. *Underworld* / D. DeLillo. – N.Y. : Scribner, 1997. – 827 p.
18. Gomel E. *Narrative Space and Time: Representing Impossible Topologies in Literature* / E. Gomel. – N.Y. : Routledge, 2014. – 226 p.

THE SPECIFICS OF THE SYNERGETIC MODELS IN DON DELILLO'S FICTION

Lomakina I. N.

Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: irina.lomakina254@gmail.com

The article deals with the problems of description and analysis of the synergetic models in Don DeLillo's oeuvre. Synergetics as a scientific branch dates back to 1970s when Hermann Haken's book *Synergetics* was published. Synergetics thoroughly analyzes complex dynamic systems which can be characterized by dissipation, fluctuation and self-organization. The peculiar trait of the synergetic approach is the critical overestimation of the classical mechanistic worldview which has been recently substituted for the relativist and synergetic ones. The use of the synergetic methodology while analyzing the peculiarities of Don DeLillo's mythopoeia allows to consider the chronotope and the narration not as a compilation of specifically mythological and postmodern techniques opposed to each other, but as the unified dissipative system aiming at self-organization. One of the main tasks of synergetics is finding an attractor, i.e. the point of attraction, that changes the system's development and leads to bifurcation, or appearance of several alternative ways of development of the course of events. In Don DeLillo's novels the attractor has been revealed due to the hypothetical combination of the traditional linear narrative with the cyclic mythological one. The fluctuations of time and space express themselves in hyperlocalization, hyperchronization, introduction of heterotopias and atopias. Thus, the crossing of the linear and cyclic models serves as the object of DeLillo's postmodern description. On leaving the attractor, the narrative gets into the bifurcation zone which results in a few alternative ways of the course of events. Firstly, the author may depict only the fragments of the linear narrative before and after getting into the attractor. This kind of fiction can be regarded as a discrete structure characterized by fragmentation, fusion and montage. Secondly, the writer may concentrate on the description of the parabolic fragments of the mythological narrative. The characteristic traits of such a text are its cyclic, ornamental and leitmotiv nature as well as repetitions. Thirdly, the narrative and time-space continuum can split into the linear and cyclic components. The most used narrative techniques thereby are wormholing, sidestepping and collapsing. In Don DeLillo's novel *Falling Man* four attractors and four bifurcation zones can be pointed out, namely, the first chapter of the novel and three parenthetical chapters describing the terrorists' preparations for their attacks. On getting into the bifurcation zone, the narrative becomes discrete, as the author depicts distinct days after the attack, the third and tenth ones, in particular. However, the fourth chapter of the first part describes a suicide of the main character's father which took place twenty years ago. This analeptical fragment enables a reader to better understand Lianne's relationship with her family. When leaving the second attractor, the narrative partially becomes cyclic, almost all the chapters being the characters' memories for their lives before the terrorist attack, for instance, Lianne's and Keith's family life, Lianne's father and Keith's friends. The second part of the novel under consideration is characterized by repetitions and leitmotiv fragments peculiar to the mythological narrative. It is noteworthy that while in the first part of the novel the unified nature of the depicted space (New York, The World Trade Center) corresponded to different time fragments, in the second part, vice versa, all the events can be located into the narrow chronological frames, and the space is incongruous

combining heterotopias and atopias. The narrative's getting into the third bifurcation zone results in its splitting into the linear and cyclic ones. DeLillo depicts discrete fragments of the characters' lives after the terrorist attack and implies the heroes' memories for old events. Don DeLillo describes the pacifist demonstration in New York in three years' time after the Twin Towers collapsing. In the third part of *Falling Man* there is a collapse of different kinds of chronotope and narrative, namely, metalepsis, but it doesn't result in the novel's decomposition. The linking element of this postmodern book is the image of Falling Man that connects and fixes past and present, the linear and cyclic models. It is necessary to point out that there is another parenthetical chapter in the end of the novel. It serves as the fourth attractor, but DeLillo doesn't indicate the bifurcation zone, thus giving a reader an opportunity to decide what will follow the next self-organization of the system.

Keywords: synergetics, attractor, bifurcation zone, Postmodernism.

УДК 801.81=133.1

СПЕЦИФИКА ФРАНЦУЗСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК

Никитина М. С.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: mariia_lev_nik@mail.ru*

Работа посвящена анализу особенностей французских народных сказок. Автором рассмотрено понятие «сказка». В статье определяются основные особенности французских народных сказок на лексическом, синтаксическом уровнях, в частности акцент делается на морфологии фольклорного текста. На основе проведенного исследования автором проанализирована последовательность основных функций действующих лиц, традиционных формул, выявлено наличие реалий, свойственных французским народным сказкам.

Ключевые слова: французская народная сказка, фольклор, традиционные формулы, реалия.

ВВЕДЕНИЕ

В современном обществе прослеживается тенденция к активному взаимодействию народов и более глубокому познанию их культур. Это обуславливает обмен знаниями, опытом: научным, социокультурным. Прослеживается проблема изучения текстов, имеющих определенные особенности, свойственные той или иной культуре, что обуславливает рост научного интереса и исследований материалов, отражающих наиболее полно и ярко самобытность и неповторимость определенного народа. Одним из таковых является фольклорный текст.

В последнее время отмечается повышение внимания к фольклору. Об этом свидетельствует появление все новых работ, авторы которых исследуют различные аспекты фольклорного текста, изучая его жанровые, композиционные особенности [4, с. 257], грамматические и стилистические вариативности [7, с. 12].

Целью данной работы является анализ французских народных сказок и установление их особенностей.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Функции действующих лиц как основная составляющая сказки

Филолог-фольклорист В. Я. Пропп трудился над определением и исследованием фольклорных жанров и разделял повествовательную поэзию на прозаическую и стихотворную, а также утверждал, что понятие «народная проза» не является жанром, а конкретной областью фольклора, которую легко выделить [3]. Именно к ней и относится сказка.

В своем труде «Морфология волшебной сказки» [2, с. 18-50], В. Я. Пропп говорит, что повторяющиеся функции действующих лиц составляют основу сказки. Количество функций действующих лиц ограничено, а их последовательность всегда одинакова. Например, во французской народной сказке «*L'oiseau de vérité*» («Птица, которая вещала правду»), мать короля клеветает на детей (три раза) – король дает детям невероятное задание, которое необходимо выполнить (три раза) – волшебная пти-

ца помогает детям (три раза). К тому же В. Я. Пропп выделяет очередность функций действующих лиц. Перечислим основные действия героев:

- I – один из семьи уходит из дома;
- II – к герою обращаются с запретом;
- III – запрет нарушается;
- IV – антагонист пытается произвести разведку;
- V – антагонисту даются сведения о жертве;
- VI – антагонист пытается обмануть жертву, чтобы завладеть ею или ее имуществом;
- VII – герой покидает дом;
- VIII – герой проходит испытание, подвергается нападению, чем подготавливается получение им волшебного средства или помощника;
- IX – герой реагирует на действия будущего дарителя;
- X – герой переносится, доставляется или приводится к месту нахождения предмета поисков,
- XI – в распоряжение героя попадает волшебное средство;
- XII – антагонист побеждается;
- XIII – начальная беда или недостача ликвидируется;
- XIV – задача решается;
- XV – героя узнают;
- XVI – ложный герой или антагонист изобличается;
- XVII – герою дается новый облик;
- XVIII – враг наказывается.

В процессе исследования становится понятно, что во многих волшебных сказках герои действуют именно таким образом. Во французской сказке «Птица, которая вещала правду», мы находим такие действия: I – король уплывает из дома, V – мать короля говорит, что его жена родила не девочку и мальчика, а котенка и щенка, VII – новорожденных детей отбирают, сажают в ларец и бросают в море, VIII – сестра и брат подрастают и уходят на службу к королю, а старая королева дает маленьким слугам различные задания (найти танцующую воду; поющую розу; птицу, которая вещает правду), IX – дети встречают на своем пути фею, которая помогает им, XII – брат и сестра выполняют задания, XIV – птица, которая говорит правду, рассказывает об истинном происхождении этих маленьких слуг, XV – старая королева изобличается, XVII – ее бросают в кипящее масло. А в сказке «Les trois frères et le géant» («Три брата и великан») только часть представленных функций героев, порядок которых нарушен. VII – три брата покидают дом, VIII – они подвергаются нападению великана, появляется новый персонаж: женщина, которая служит в замке великана; она помогает главным героям выбраться из беды. VI – именно герои (2 брата), а не антагонист обманывают великана, хитрят, и только честными действиями один главный герой решает задачу и наказывает врага.

Как было сказано раньше, функции действующих лиц сказок имеют тенденцию к трехкратному повторению, а цифра три несет в себе волшебную силу. В сказке исполняются три желания или необходимо выполнить три задания. Н. В. Соловьева [6, с. 24] предлагает одно из объяснений использования числа: оно считается самым стабильным среди простых конструкций, используемых в сказках. Например, тради-

ционно считается, что семья состоит из мамы, папы и ребенка. Во французской сказке «Солнышко» мальчика Бернардинета отводили в лес три раза, три задания великана должен был выполнить Бернардинет.

2. Традиционные формулы французских народных сказок

Исследование внутренней композиции произведения требует особого внимания фольклористов к деталям.

Н. Рошияну [7, с. 53] утверждает, что фольклорные произведения по своей структуре являются стереотипными, по причине того, что в них присутствуют определенные «общие места», превратившиеся со временем в устойчивые словесные формулы. Выделяют такие основные формулы сказки: инициальные, медиальные и финальные.

К. И. Симонов [4, с. 18-20, с. 88-89] называет инициальные формулы выражениями, которые находятся в начале фольклорного текста и характеризуются фиксацией действия во времени. Формула времени говорит о наличии в сказке одного или нескольких протагонистов, не идентифицируя точно время происходящих действий. Во французской народной сказке фразы «*Il était une fois...*», «*Il y avait une fois*» являются одними из нередко употребляемых инициальных формул времени. На русский язык эта формула переводится как «*Жили-были*». Для того, чтобы придать неповторимости сказочным событиям, рассказчик включает в формулу новый компонент. Это свидетельствует о том, что инициальным формулам свойственны некоторые модификации. Основной задачей инициальных формул является подготовка слушателей для перцепции событий, отличных от повседневных.

Медиальные формулы сказки можно найти внутри фольклорного текста. Основоплагающая цель использования медиальных формул в сказках – вызвать интерес у слушателей. Например, сказочник, чтобы заново привлечь внимание отвлекшихся слушателей, кричит: «*Крик!*» («*Cric*»), на что аудитория может ответить ему словом: «*Крак!*» («*Crac*»). Если ответ опаздывает или его вообще нет, это свидетельствует о том, что слушатели устали или даже уснули и повествование сказки завершается.

К. И. Симонов [5, с. 47] говорит об использовании сказочниками «формул невозможного», которые представляют собой обратный ход событий повседневной жизни, а элемент времени отрицается изложением логически нереального времени. Во французской народной сказке можно встретить такие выражения: «*Faites silence, faites silence, c'est la queue du chat qui danse, quand le chat a dansé, quand le coq a chanté, le silence est arrivé, mon histoire peut commencer*».

Н. Рошияну [7, с. 54-55] полагает, что финальные формулы используются для того, чтобы сделать заключение. Они имеют вариации в зависимости от характера сюжета, от сказочника, от аудитории и, конечно, от степени влияния традиции, подвергающейся изменениям от народа к народу, от сказочника к сказочнику. Приведем пример таких формул: «*Depuis lors, il vécut heureux...*» – «*С тех пор он жил счастливо*», «*Cric, cric, mon conte est fini*» – «*Крик, крик, вот и сказочке конец*».

3. Реалии как отражение специфики французских народных сказок

Наличие реалий в сказке также обуславливает острый интерес у специалистов фольклористов, а также у переводчиков. Емким и четким является определение реалий, данное С. Влаховым и С. Флориным [1, с. 13-14]: реалии – это «слова (и словосо-

четания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому».

Существуют различные классификации реалий. Например, их разделение на «свои» и «чужие». «Свои реалии» – это большей частью исконные или давно освоенные языком слова, не отличающиеся по форме от любых других; такие слова не нуждаются в особых объяснениях. Например, французское слово *un gratin* может переводиться на русский как *гретен*, что уже несет в себе значение кушанья, блюда, посыпанное сыром и обжаренное в сухарях. Это слово активно используется в кулинарии и в повседневной жизни. «Чужие реалии» имеют лексические, фонетические и морфологические особенности, они наделены эвентуальностью словообразования и сочетаемости. Например, в одной из бретонских сказок встречается имя феи (колдуньи) воды *Гроак'х – une groac'h* (breton pour “fée”, “sorcière” ou “vieille femme”, pl. groagez). Для слов современного литературного французского языка не свойственно наличие апострофа в буквосочетании *c'h*, зато в письменности бретонского языка можно встретить диграф *c'h*.

Общая схема новой классификации реалий С. Влахова и С. Флорина имеет следующий вид:

I. Предметное деление.

A. Географические реалии.

B. Этнографические реалии.

V. Общественно-политические реалии.

II. Местное деление (в зависимости от национальной и языковой принадлежности).

III. Временное деление (в синхроническом и диахроническом плане, по признаку «знакомости»).

IV. Переводческое деление [1, с. 50–56].

Приведем пример реалий, отображающих общий жизненный уклад в народных французских сказках:

1) имена собственные: *M. Jules Durant – Г-н Жюль Дюран, Augustine – Августина*;

2) монеты: *écus – экю*;

3) блюда и напитки: *un millas – кукурузный пирог, un cidre – сидр*;

4) титулы, обращения: *Ma duègne – моя дуэнья, un comte – граф*.

Таким образом, реалии называют понятия или объекты, которые присутствуют только в определенной культуре. Наиболее полным является предметное деление реалий, отражающее сферу их распространения, быт, жизненный уклад действующих лиц французских народных сказок в частности. Именно реалии являются носителями того национального колорита, который присутствует в фольклорном тексте.

ВЫВОДЫ

Последовательность функций действующих лиц во французских народных сказках не всегда одинакова, инициальные формулы сказок не так разнообразны, как медиальные или финальные. Наличие реалий в фольклорном тексте является тем компонентом, который в полной мере отражает национальное своеобразие культуры исходного языка. Все это является показателем специфики французских народных сказок. Перспективы дальнейшего исследования мы видим в более детальном изучении особенностей французских народных сказок.

Список литературы

1. Влахов С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Международные отношения, 1980. – 352 с.
2. Пропп В. Я. Морфология/исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 1998. – 111 с.
3. Пропп В. Я. Поэтика фольклора / В. Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 1998. – 352 с.
4. Симонов К. И. Коммуникативная и эстетическая функции в тексте французской фольклорной сказки / К. И. Симонов, Г. В. Белая // Филология и искусствоведение. – Оренбург: Вестник ЧГПУ, № 6, 2014. – С. 253–261.
5. Симонов К. И. Фрактальное прочтение текста французской фольклорной сказки: дис. ... д-ра филол. наук / К. И. Симонов. – Оренбург, 2015. – 535 с.
6. Соловьева Н. В. Типичные черты повествовательного стиля народных сказок / Н. В. Соловьева. – Екатеринбург: Russian linguistic bulletin, № 2 (2), 2015. – С. 24-25.
7. Рошьяну Николае. Традиционные формулы сказки / Н. Рошьяну. – М., 1974. – 336 с.
8. Emmanuel COSQUIN [Electronic Resource] // Contes populaires de Lorraine, Paris: 1886. - Mode of access: URL: <http://chezjoa.goodbb.net/t4859-l-oiseau-de-verite?highlight=l+oiseau+qui+disait+la+verite>. (дата обращения 13.02. 2016)

SPECIFICITY OF FRENCH FAIRY TALES

Nikitina M. S.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: mariia_lev_nik@mail.ru*

The paper analyzes the peculiarities of French fairy tales. The author reveals the opinions of various scientists linguists concerning the concept “fairy tale”. The article examines the main features of French fairy tales on the lexical, grammatical level; in particular, emphasis is placed on the morphology of the folklore text. On the basis of the authors’ study the sequence of the main actors’ functions, the traditional formulas were analyzed, the existence of the realia peculiar to the French folk tales was revealed. The article explores the main components of fairy tales that are repeated mainly. They represent the protagonists’ functions. The number of characters’ functions is limited, and their sequence is always the same. The main actions of characters are: one member of the family is away from home; somebody forbid something to a protagonist; interdiction is violated; antagonist tries to reconnoiter; somebody gives an information about the victim to an antagonist; antagonist tries to trick the victim; protagonist leaves home, he is tested, quizzed, attacked, etc., than he is prepared to obtain a magical agent or helper; the hero is delivered to the location of the object that he look for, a magical tool is at the disposal of the protagonist; antagonist is overcome; initial trouble or lack is liquidated; problem is solved; protagonist is recognized; protagonist is given a new look; the enemy is punished. There are so-called “common places”, which take on the character of stable verbal formulas and are subsequently so called. The article explores the details of different traditional formulas. The formulas of fairy tale are divided into three groups: initial, medial, final formulas. An initial formula is a phrase indicating “dated” action. It may represent the protagonists in a certain time but not indicate it exactly. An initial formula can be exposed to some transformations: the narrator adds a new element to the formula, which gives exceptional events in the fairy tale. The main function of initial formulas is a creation of a certain mood to perceive the extraordinary “events”. Medial formulas – the phrases that are in the middle of the text and their main task is to awaken the interest of the audience. It tends to engage and even to check their attention. The use of the final formula is explained by a desire to do, in one way or another, “a conclusion”. The meaning of the final formula depends on the nature of the story, on the storyteller, the audience and tradition that varies in different types of nations. The storytellers apply “formulas of impossible” that are based on the inversion of real relations of everyday life. The temporal element defines the action in the fairy tale but it is denied by describing a logically impossible time. The formulas streamline the events taking place in fairy tales and help to assimilate the logic underlying the work. The author reveals that realia are the words (or phrases)

that name an object common to a culture, social and historical development of one nation and devoid of another. There is a division in the realia on “their” and “foreign”. “Their realia” are mostly native words that do not differ in form from any other; these words do not need much explanation. “Foreign realia” have the lexical, phonetic and morphological features; they are endowed with capabilities of word formation and compatibility, as well as with the mechanism of borrowing and with their behavior as loan words. In explored French fairy tales, we can observe the presence of realia that designate proper names, coins, food and drink, appellations and titles. The data for study is French fairy tales. The sequence of characters’ features in the French fairy tales are not always the same, initial formulas are not so diverse represented as medial or final formulas. The presence of the realia in the folklore text is the component that fully reflects the national identity of the culture of the source language. These features are the markers in the specificity of French folk tales.

Keywords: French fairy tale, folklore, traditional formulas, realia.

УДК 821.14'06

ΟΙ ΡΩΣΟΙ ΗΡΩΕΣ ΣΤΗ ΝΕΟΕΛΛΗΝΙΚΗ ΛΟΓΟΤΕΧΝΙΑ: ΤΥΠΟΛΟΓΙΑ - ΙΣΤΟΡΙΚΕΣ ΣΥΝΑΡΤΗΣΕΙΣ – ΙΔΕΟΛΟΓΙΚΑ ΑΠΟΤΥΠΩΜΑΤΑ

Παπαδημητρίου Δ. Χριστίνα

*Φιλολογικός σύλλογος Σερρών, Μουσικό Σχολείο Σερρών, Ελλάδα
xrapadi@hotmail.com*

Η μελέτη της τυπολογίας των ρώσων ηρώων στη Νεοελληνική Λογοτεχνία αποτελεί ένα ενδιαφέρον πεδίο διερεύνησης τόσο των αισθητικών αντιλήψεων, που διέπουν την λογοτεχνική παραγωγή του 20ου αιώνα, όσο και των συναρτήσεών της με τα ιστορικοκοινωνικά συμφραζόμενα της περιόδου και τον ιδεολογικό προσανατολισμό του συγγραφέα ή την κρατούσα ιδεολογική αντίληψη της εποχής. Τα διηγήματα: “Ο Μοσκόβ Σελήμ” (1895) του Γ. Βιζυηνού, “Ο λόφος με τις παπαρούνες” από τη συλλογή “Η ζωή εν τάφω” (1924) του Σ. Μυριβήλη, η νουβέλα: “Συνταγματάρχης Λιάπκιν” (1933) του Μ. Καραγάτση και τα μυθιστορήματα: “Διακοπές στον Καύκασο” (1965) της Μ. Ιορδανίδου και “Η αρραβωνιαστικιά του Αχιλλέα” (1987) της Α. Ζέη, αποτελούν ένα ενδιαφέρον πεδίο διερεύνησης της τυπολογίας του Ρώσου και του συσχετισμού της ιστορικής και κοινωνικής πραγματικότητας με τη λογοτεχνική δημιουργία. Η μελέτη λοιπόν, των αφηγηματικών περιεχομένων σε επίπεδο δομών βάθους αναδεικνύει την τυπολογία των ρώσων ηρώων στη Νεοελληνική Λογοτεχνία, η οποία σε συνδυασμό με την ανάγνωση των κοινωνικών και ιστορικών εγγραφών, που είναι αναγνωρίσιμα στα προς μελέτη λογοτεχνικά έργα, αποκαλύπτει μια πολύ ενδιαφέρουσα συνύπαρξη. Πρώτον πως τα ιστορικοκοινωνικά συμφραζόμενα μιας εποχής και η θέση του συγγραφέα απέναντι σε αυτά επικαθορίζουν τελικά το μοντέλο του ρώσου ήρωα και δεύτερον ότι παράλληλα συνυπάρχει και επιβιώνει μια εξιδανικευμένη και διαχρονικά αποδεκτή εικόνα του Ρώσου, η οποία αναδύεται από τους κόλπους της συλλογικής συνείδησης. Την δεύτερη αυτή εικόνα την συνθέτουν χαρακτηριστικά στα οποία καταγράφεται μια κλασική σχεδόν και εύκολα αναγνωρίσιμη εκδοχή της τυπολογίας των ρώσων ηρώων, η οποία εγγράφεται σε όλα τα προς μελέτη έργα. Η γοητεία που ασκούν οι ρώσοι ήρωες και η θετική κατεξοχήν σημασιοδότηση τους θα μπορούσε να αποδοθεί στον διαμορφωτικό ρόλο που έχει ασκήσει στη συνείδηση του Έλληνα η χρησμολογική παράδοση, η οποία έχει την αφετηρία της στην εποχή της ‘Αλωσης και η οποία τροφοδότησε την εθνική μυθολογία με αφηγήσεις για το λυτρωτικό ρόλο του “ξανθού γένους”. Επίσης, ως διαμορφωτές του στερεοτύπου του ρώσου ήρωα μπορούν να θεωρηθούν το κοινό θρησκευτικό δόγμα, η στάση της Ρωσίας απέναντι σε σημαντικά γεγονότα της νεοελληνικής ιστορίας, αλλά και η γοητεία που άσκησαν οι σοσιαλιστικές ιδέες σε μεγάλο μέρος της ελληνικής διάνοησης του 20ου αιώνα.

Λέξεις κλειδιά: η τυπολογία του ρώσου ήρωα, κοινωνιοσημειωτική.

ΕΙΣΑΓΩΓΗ

Η μελέτη της τυπολογίας του ρώσου ήρωα στην Νεοελληνική Λογοτεχνία προσφέρει ένα ενδιαφέρον πεδίο έρευνας, καθώς δίνει την ευκαιρία να ανακαλύψουμε τον τρόπο με τον οποίον μια ετερότητα γίνεται αποδεκτή σε μια ξένη κουλτούρα· στην προκειμένη περίπτωση αυτή των Ρώσων στην νεοελληνική κουλτούρα. Επίσης, προσφέρει τη δυνατότητα να αναζητήσουμε και να μελετήσουμε τους παράγοντες που επηρεάζουν και διαμορφώνουν το είδος αυτής της αποδοχής. Μια τέτοια διερεύνηση του θέματος, βέβαια, μάς προσανατολίζει σε μια διεπιστημονική προσέγγιση του λογοτεχνικού κειμένου, επιλογή που στις μέρες μας γνωρίζει ιδιαίτερη αποδοχή στους επιστημονικούς κύκλους και οδηγεί σε ενδιαφέροντα συμπεράσματα.

Στην περίπτωση λοιπόν, της μελέτης της τυπολογίας του ρώσου ήρωα, ο μελετητής προκαλείται να διερευνήσει όχι μόνο τα ιδιαίτερα χαρακτηριστικά με τα οποία παρουσιάζονται οι Ρώσοι στην Νεοελληνική Λογοτεχνία, αλλά και τα πολιτισμικά και ιστορικοκοι-

ωνικά συμφραζόμενα που συμβάλουν στη διαμόρφωση της συγκεκριμένης τυπολογίας, καθώς και το ενδεχόμενο ρόλο που έχει παίξει ο ιδεολογικός προσανατολισμός των ίδιων των συγγραφέων.¹

ΚΥΡΙΟ ΜΕΡΟΣ

1. Τα λογοτεχνικά έργα, οι συγγραφείς, το ιστορικό πλαίσιο

Τα διηγήματα: “Ο Μοσκόβ Σελήμ” (1895) του Γ. Βιζυηνού, “Ο λόφος με τις παπαρούνες” από τη συλλογή “Η ζωή εν τάφω” (1924) του Σ. Μυριβήλη, η νουβέλα: “Συνταγματάρχης Λιάπκιν” (1933) του Μ. Καραγάτση και τα μυθιστορήματα: “Διακοπές στον Καύκασο” (1965) της Μ. Ιορδανίδου και “Η αρραβωνιαστικιά του Αχιλλέα” (1987) της Α. Ζέη, αποτελούν ένα ενδιαφέρον πεδίο διερεύνησης της τυπολογίας του Ρώσου και του συσχετισμού της ιστορικής και κοινωνικής πραγματικότητας με τη λογοτεχνική δημιουργία. Είναι γνωστό άλλωστε, πως το λογοτέχνημα ως δημιούργημα πολιτισμικών και κοινωνικών παραγόντων συνδιαλέγεται με το περιβάλλον που το παράγει χάρη στο διαμεσολαβητικό ρόλο του συγγραφέα του. Αυτός αξιοποιώντας το λογοτεχνικό κώδικα μεταγράφει τα ιστορικοκοινωνικά, ιδεολογικά και ηθικά συγκεκριμένα της εποχής του, διαθλώντας τα βέβαια πάντα μέσα από το γνωσιακό, ψυχολογικό, ιδεολογικό και πολιτικό του σύμπαν.

Η επιλογή των προαναφερθέντων λογοτεχνικών έργων έγινε με κριτήριο το γεγονός ότι σε αυτά συναντούμε ρώσους ήρωες σε πρωτεύοντες ή δευτερεύοντες ρόλους. Επίσης, διότι αυτά δημοσιεύονται σε μία μακρά περίοδο που καλύπτει σχεδόν έναν αιώνα, από τα τέλη του 19ου αιώνα ως τα τέλη σχεδόν του 20ου, και ως εκ τούτου αφομοιώνουν διαφορετικά ιστορικά-κοινωνικά και ιδεολογικά δεδομένα [Παπαθεοδώρου 2002: 27, Μουλλάς 2002: 345], τα οποία εν μέρει επενδύονται στην προσωπικότητα και τη δράση των ηρώων, αντικείμενο που η σύγχρονη αφηγηματολογία αναγνωρίζει και διερευνά [Τζούμα 1991: 154-160].

Πιο συγκεκριμένα, το διήγημα “Μοσκόβ Σελήμ” έχει ως ιστορικό πλαίσιο της δράσης την εποχή από τον Ρωσοτουρκικό πόλεμο του 1853 έως τη δεκαετία του 1880, τα γεγονότα του διηγήματος “Ο λόφος με τις παπαρούνες” διαδραματίζονται κατά τον Α΄ Παγκόσμιο πόλεμο 1914-18 όπως και μυθιστορήματος “Διακοπές στον Καύκασο”. Στις “Διακοπές στον Καύκασο” όμως, αποτυπώνονται έντονα και τα γεγονότα της Οκτωβριανής επανάστασης του 1917, τα οποία η ίδια η συγγραφέας, Μ. Ιορδανίδου βίωσε σε πολύ νεαρά ηλικία.² Ο μύθος της νουβέλας “Συνταγματάρχης Λιάπκιν” εκτυλίσσεται μετά την Οκτωβριανή επανάσταση και σε όλη τη διάρκεια του μεσοπολέμου. Τέλος, στο μυθιστόρημα “Η αρραβωνιαστικιά του Αχιλλέα” το ιστορικό πλαίσιο του μύθου ξεκινά με την Εθνική Αντίσταση 1941 και εκτείνεται έως και λίγο μετά τη δικτατορία του 1967. Εν ολίγοις οι ήρωες των προς μελέτη λογοτεχνικών έργων βρίσκονται στη δίνη των πιο συγκλονιστικών ιστορικών γεγονότων του εικοστού αιώνα και η ζωή τους καθορίζεται ερήμην τους από τις ιστορικές συγκυρίες.³ Ενδιαφέρον όμως, είναι και το γεγονός ότι και οι ίδιοι οι συγγραφείς των έργων αυτών έχουν βιώσει την εποχή, που αποτελεί το ιστορικό πλαίσιο των μύθων τους.

¹ Για τους συγγραφείς βέβαια, για τους οποίους μια τέτοια πληροφορία είναι γνωστή και έχει εκφραστεί από τους ίδιους δημόσια κατά έναν τρόπο.

² Η Μαρία Ιορδανίδου το καλοκαίρι του 1914, και ενώ είχε ακόμα δύο χρόνια για να αποφοιτήσει από το Αμερικανικό Κολλέγιο, πήρε πρόσκληση από αδελφό της μητέρας της, που ήταν εγκαταστημένος στο Μπατούμι της Ρωσίας, για να πάει για διακοπές. Στο μεταξύ όμως κηρύχθηκε ο Α΄ Παγκόσμιος Πόλεμος και ξέσπασε η Οκτωβριανή επανάσταση με αποτέλεσμα να αποκλειστεί εκεί για πέντε ολόκληρα χρόνια.

Επίσης, μια άλλη ενδιαφέρουσα παράμετρος, που θα πρέπει να γίνει αντικείμενο διερεύνησης είναι, αν τα προσωπικά βιώματα των συγγραφέων από τον ενδεχόμενο ή μη συγχρωτισμό τους με Ρώσους συνέβαλαν στη διαμόρφωση μιας συγκεκριμένης τυπολογίας. Σύμφωνα με τα βιογραφικά τους στοιχεία από τους/τις προαναφερθέντες/είσες συγγραφείς δύο είχαν προσωπικές εμπειρίες. Η Μαρία Ιορδανίδου η οποία έζησε για πέντε χρόνια στη Ρωσία και αργότερα η Άλκη Ζέη η οποία έζησε για δέκα χρόνια στη Σοβιετική Ένωση.⁴ Θα μπορούσαμε λοιπόν, να υποθέσουμε πως στα έργα “Διακοπές στον Καύκασο” και “Η αρβωνιαστικά του Αχιλλέα” αξιοποιούνται και προσωπικά βιώματα των δύο συγγραφέων.

Από όλες τις παραπάνω παρατηρήσεις γίνεται αντιληπτό ότι αξίζει να διερευνησουμε πώς τα άμεσα ή έμμεσα βιώματα των συγγραφέων, ο ιδεολογικός τους προσανατολισμός και τα ιστορικοκοινωνικά συμφραζόμενα της εποχής τους διαθλώνται μέσα από τη συνείδηση των δημιουργών και τελικά εγγράφονται στην τυπολογία του ρώσου ήρωα. Μάλιστα, για την υλοποίηση μιας τέτοιας μελέτης ενδείκνυται η αξιοποίηση των αφηγηματολογικών εργαλείων της Θεωρίας της Αφήγησης καθώς και των θεωρητικών προσεγγίσεων, που εντάσσονται στην Κοινωνιολογία της Λογοτεχνίας και μετέρχονται της κοινωνιολογικής και λογοτεχνικής κριτικής.

2. Η τυπολογία των ρώσων ηρώων και οι ιστορικοκοινωνικές και ιδεολογικές συναρτήσεις

Η μελέτη λοιπόν, των αφηγηματικών περιεχομένων σε επίπεδο δομών βάθους αναδεικνύει την τυπολογία των ρώσων ηρώων στη Νεοελληνική Λογοτεχνία, η οποία σε συνδυασμό με την ανάγνωση των κοινωνικών και ιστορικών εγγραφών, που είναι αναγνωρίσιμα στα προς μελέτη λογοτεχνικά έργα, αποκαλύπτει μια πολύ ενδιαφέρουσα συνύπαρξη. Πρώτον πως τα ιστορικοκοινωνικά συμφραζόμενα μιας εποχής και η θέση του συγγραφέα απέναντι σε αυτά επικαθορίζουν τελικά το μοντέλο του ρώσου ήρωα και δεύτερον ότι παράλληλα συνυπάρχει και επιβιώνει μια εξιδανικευμένη και διαχρονικά αποδεκτή εικόνα του Ρώσου, η οποία αναδύεται από τους κόλπους της συλλογικής συνείδησης. Την δεύτερη αυτή εικόνα την συνθέτουν χαρακτηριστικά στα οποία καταγράφεται μια κλασική σχεδόν και εύκολα αναγνωρίσιμη εκδοχή της τυπολογίας των ρώσων ηρώων, η οποία εγγράφεται σε όλα τα προς μελέτη έργα. Η αποκωδικοποίηση λοιπόν, των λογοτεχνικών δομών των παραπάνω έργων αποκαλύπτει μια μεροληπτική σχεδόν στάση απέναντι στους ήρωες ρωσικής καταγωγής και μια οφθαλμοφανή συμπάθεια προς τα πρόσωπά τους, ακόμη και στις περιπτώσεις που αυτοί εκδηλώνουν έντονα τις σκοτεινές πλευρές της προσωπικότητάς τους (Λιάπκιν). Πιο συγκεκριμένα, αν μελετήσουμε το δραματικό μοντέλο των έργων, θα διαπιστώσουμε πως στα δρώντα πρόσωπα, που είναι ρωσικής καταγωγής, τους αποδίδεται πρωτίστως ο δραματικός ρόλος του Βοηθού, πιο σπάνια του Υποκειμένου (“Συνταγματάρχης Λιάπκιν”) και ενίοτε του Αντικειμένου (“Μοσκόβ Σελήμ”). Ως γνωστόν, όμως, κάθε ρόλος προσδιορίζεται από τη σφαίρα δράσης του, δηλ. από το σύνολο λειτουργιών και ιδιοτήτων που του αποδίδονται και στην περίπτωση των ηρώων που έχουν το δραματικό ρόλο του Βοηθού

3 Ρωσοτουρκικοί Πόλεμοι 1853-56 και 1877-78, Πρώτος παγκόσμιος πόλεμος 1914-1918, Οκτωβριανή επανάσταση 1917, Δεύτερος παγκόσμιος πόλεμος 1939-45, Ελληνικός εμφύλιος πόλεμος 1946-49, Δικτατορία του 1967-74.

4 Η Άλκη Ζέη έζησε για μακρό διάστημα στη Σοβιετική Ένωση και συγκεκριμένα μεταξύ 1954-1964 βλ. σχ. <http://www.ekebi.gr/frontoffice/portal.asp?cpage=NODE&cnode=461&t=177>

αποδίδονται ιδιότητες, που έχουν θετικό πρόσημο και λειτουργίες, που εξυπηρετούν το βασικό στόχο του ήρωα ή διευκολύνουν την επικοινωνία του. Με άλλα λόγια φορτίζουν θετικά το μέτρο των δυνατοτήτων του Υποκειμένου και κατά συνέπεια σημασιοδοτούνται θετικά ως δρώντα πρόσωπα.⁵ Από τα παραπάνω λοιπόν, γίνεται κατανοητό πως τα Υποκείμενα, που είναι ελληνικής καταγωγής ή άλλης καταγωγής αναγνωρίζονται και επιβάλλονται ως ήρωες χάρη στη βοήθεια των δρώντων προσώπων που είναι ρωσικής καταγωγής. Η επιλογή αυτή των συγγραφέων σε επίπεδο δομής κωδικοποιεί ένα αίσθημα συμπάθειας προς τους ρώσους ήρωες και μεταγράφει το γενικότερο αίσθημα των ανθρώπων της εποχής κατά την οποία γράφεται το έργο.

Ειδικότερα, η γοητεία που ασκούν οι ρώσοι ήρωες και η θετική κατεξοχήν σημασιοδότηση τους θα μπορούσε να αποδοθεί στον διαμορφωτικό ρόλο που έχει ασκήσει στη συνείδηση του Έλληνα η χρησιμολογική παράδοση, η οποία έχει την αφετηρία της στην εποχή της Άλωσης και η οποία τροφοδότησε την εθνική μυθολογία με αφηγήσεις για το λυτρωτικό ρόλο του “ξανθού γένους” [Πίσσης 2014:149]. Επίσης, ως διαμορφωτές του στερεοτύπου του ρώσου ήρωα μπορούν να θεωρηθούν το κοινό θρησκευτικό δόγμα, η στάση της Ρωσίας απέναντι σε σημαντικά γεγονότα της νεοελληνικής ιστορίας [Σβορώνος 1984: 59,106, Παπαρηγόπουλος 1955: τομ.7 489, 496-97, 501, 506, 511, 521], αλλά και η γοητεία που άσκησαν οι σοσιαλιστικές ιδέες σε μεγάλο μέρος της ελληνικής διανόησης του 20ου αιώνα [Τσουκαλάς 1986: 37-52].

Πιο συγκεκριμένα, οφείλουμε να παρατηρήσουμε πως οι ρώσοι ήρωες των λογοτεχνικών έργων που προαναφέραμε, είτε είναι γυναίκες είτε άνδρες, παρουσιάζουν κοινά φυσικά ανθρωπολογικά χαρακτηριστικά, καθώς οι συγγραφείς προβαίνουν σε στερεοτυπικές περιγραφές των φυσικών χαρακτηριστικών τόσο των γυναικών όσο και των ανδρών. Κύριο χαρακτηριστικό των ηρώων/ίδων είναι η φυσική ομορφιά. Παρουσιάζονται ψηλοί, ευθυτενείς, με ροδαλά πρόσωπα, ξανθά μαλλιά και ένα φωτεινό χαμόγελο. [Βιζυηνός 1980: 241, Μυριβήλης 1983: 53, 54, Καραγάτσης 2015: 18, 24, 59, 62, 113, Ιορδανίδου 1999: 114, 134, 138, 154, 165, Ζέη 1997: 212, 272, 286, 289, 311]. Μάλιστα, στην περιγραφή των γυναικών γίνεται ιδιαίτερη αναφορά στις ξανθές χοντρές πλεξούδες ως ενδεικτικό στοιχείο ομορφιάς [Μυριβήλης 1983: 54, Ιορδανίδου 1999: 85, Ζέη 1997: 176]. Σε ό,τι αφορά, λοιπόν, τα φυσικά ανθρωπολογικά χαρακτηριστικά επικρατεί ένα διαχρονικό εξιδανικευμένο αισθητικό στερεότυπο. Όμως, και στο επίπεδο της καταγραφής των χαρακτηριστικών που συνθέτουν την προσωπικότητα των ηρώων υπάρχει ένα κυρίαρχο μοντέλο, που το δομούν ετερόκλητα στοιχεία, όπως η ενασχόληση των ηρώων με την μουσική, το ενδιαφέρον για τη λογοτεχνία και τις ξένες γλώσσες, η ευγένεια, η αλληλεγγύη αλλά και η αγάπη για το ποτό, τα χαρτιά και την ραθυμία [Μυριβήλης 1983: 54, 56, Βιζυηνός 1980: 211, 239, 240, 241, Καραγάτσης 2015: 53, 45, 46, 154, 156, 157, 159, 191, Ιορδανίδου 1999: 46, 64, 69, 85, 96, Ζέη 1997: 30, 160, 274,154, 235, 307]. Ενδιαφέρον στο σημείο αυτό είναι να παρατηρήσουμε πως, όλοι οι συγγραφείς ανεξάρτητα από το αν έχουν άμεσα βιώματα από το συγχρωτισμό τους με Ρώσους ή μεταγράφουν έμμεσες εμπειρίες, υπηρετούν την ίδια τυπολογία.

Πιο ειδικά, στο έργο του Βιζυηνού οι Ρώσοι παρουσιάζονται μέσα από τα μάτια του κεντρικού ήρωα Μοσκόβ Σελήμ. Ο Τούρκος στην καταγωγή Μοσκόβ Σελήμ, σύμφωνα με το μύθο, συμμετείχε στους ρωσοτουρκικούς πολέμους του 1853-56 και 1877-78 και ως αιχμάλωτος των Ρώσων έρχεται σε μία στενότερη επαφή μαζί τους και διαμορφώνει μια

5 Βλ. σχ. Greimas 1986: 172-221 και Καψωμένος 2003: 153, 113- 134 και 151-176

εξιδανικευμένη εικόνα γι' αυτούς [Βιζυηνός 1980:239-241]. Ο διαταραγμένος ψυχισμός του ήρωα, που αναζητά την τρυφερότητα, την ανθρωπιά και την δικαιοσύνη, που του λείπουν, και η “εκ πολιτικής οπισθοβουλίας” στάση των Ρώσων, όπως χαρακτηριστικά αναφέρει ο αφηγητής [Βιζυηνός 1980:239], δεν του επιτρέπουν να έχει μια ρεαλιστική αντίληψη για την ιδιοσυγκρασία των Ρώσων με αποτέλεσμα όχι μόνο να τους αντιμετωπίζει με ιδιαίτερη συμπάθεια, αλλά και να τους εξιδανικεύει. Η θετική αυτή εικόνα, που έχει ο ήρωας για τους Ρώσους ενισχύεται και από την ερωτική έλξη που νιώθει για τη ρωσίδα χήρα Παυλόφσκα καθώς “η θερμή του έρωτος φλόξ” ένευσε “αυτώ μακρόθεν να επιταχύνη την εις ρωσικάς αγκάλας επάνοδόν του.” [Βιζυηνός 1980:241]. Ο κρυφός έρωτας λοιπόν, του Μοσκώβ Σελήμ για τη ωραία Ρωσίδα τον κάνει ακόμη πιο ευάλωτο και συμβάλλει στην εξιδανίκευση των ηρώων ρωσικής καταγωγής. Οι Ρώσοι όμως, παρουσιάζονται στο έργο του Βιζυηνού εξιδανικευμένοι, όχι μόνο γιατί αυτό υπηρετεί τον μύθο [Μουλλάς 1980: ρκζ’], αλλά και γιατί ο συγγραφέας ως φορέας των αντιλήψεων της εποχής του (τέλη 19ου αιώνα) μεταγράφει λογοτεχνικά το κυρίαρχο αίσθημα των Ελλήνων, οι οποίοι θεωρούν τους Ρώσους αδελφό έθνος λόγω του κοινού θρησκευτικού δόγματος και της πολιτικής της τσαρικής Ρωσίας, που από παράδοση προπαγάνδιζε την υποστήριξή της προς το ελληνικό έθνος.

Ανάλογη είναι η αντίληψη που συναντά κανείς και στο έργο του Μυριβήλη. Οι ήρωες ρωσικής καταγωγής στον “Λόφο με τις παπαρούνες” είναι ανώνυμοι και εκπροσωπούν μία συλλογικότητα. Ο συγγραφέας συνεπής προς το αντιμιλιταριστικό και ανθρωπιστικό πνεύμα [Vitti 1982: 258], που διαπνέει γενικότερα το έργο του, επιχειρεί να αναδείξει την ανθρώπινη διάσταση των ηρώων του διατηρώντας την ανωνυμία τους [Καρβέλης 1993: 108-118]. Με την επιλογή αυτή καταγράφει μια “ρομαντική” στερεοτυπική αντίληψη της εποχής του, που έχει ως αφετηρία της τον κοινό αγώνα στον οποίο συμμετείχαν Ρώσοι και Έλληνες ως εταίροι της Αντάντ, αλλά και στο γεγονός ότι είναι ομόδοξοι. Δεν είναι τυχαίο άλλωστε ότι στον εξαιρετικά σύντομο διάλογο που αρθρώνουν οι στρατιώτες των δύο εθνότητων η επίκληση του κοινού θρησκευτικού δόγματος και της εθνικότητας λειτουργούν ως μια ισχυρή διαπίστευση αλληλεγγύης και φιλίας.⁶ Στην περίπτωση του διηγήματος αυτού είναι ολοφάνερο πως ο συγγραφέας μεταγράφει τα αισθήματα της συλλογικής συνείδησης της εποχής του αλλά και τα προσωπικά του, καθώς ο ίδιος ως στρατιώτης είχε βιώσει το δράμα του Πρώτου Παγκόσμιου Πόλεμου και την εποχή που γράφει το συγκεκριμένο διήγημα εμφορείται ακόμη από τις σοσιαλιστικές ιδέες και διάκειται ευμενώς προς όσους θεωρούνται φορείς τους [Καλαμαράς 2009, Καρβέλης 1993: 135-136].⁷

Όσον αφορά τώρα το έργο της Μ. Ιορδανίδου σε αυτό παρουσιάζονται μια σειρά από ήρωες ρωσικής καταγωγής, οι οποίοι όμως έχουν έναν δευτερεύοντα ρόλο, δεν ολοκληρώνονται ως μυθιστορηματικοί ήρωες και αποδίδουν μια γενικότερη εικόνα του ρωσικού λαού. Η αφηγήτρια καταγράφει την δράση προσώπων που ευκαιριακά περνούν από τη ζωή

6 “-Γκιρτς;
-Γκιρτς.
-Κριστιάν;
-Κριστιάν.
-Ορτοντόξ;
-Ορτοντόξ.” [Μυριβήλης 1983: 53]

7 Τα έργα “Η ζωή εν τάφω” του Σ. Μυριβήλη και “Ο συνταγματάρχης Λιάπκιν” είναι τα μόνα έργα της νεοελληνικής λογοτεχνίας που σε μεταγενέστερες εκδόσεις τους οι συγγραφείς αλλάζουν τον ιδεολογικό προσανατολισμό τους.

της και αφήνουν μια γενική εικόνα για τους Ρώσους. Στο έργο της Ιορδανίδου η αφηγήτρια προσεγγίζει με συμπάθεια τόσο τους λαϊκούς και απαίδευτους Ρώσους όσο και την πεπαιδευμένη έκπτωτη αριστοκρατία χωρίς να ωραιοποιεί πρόσωπα και καταστάσεις. Και εδώ όμως, αναγνωρίζει κανείς το στερεότυπο του Ρώσου που απολαμβάνει ιδιαίτερα το ποτό, το χαρτί, τη ραθυμία, αλλά διακρίνεται και για τη μουσική του παιδεία, τη γλωσσομάθεια και την ενασχόληση με τα γράμματα και τις τέχνες. Η Μ. Ιορδανίδου φαίνεται πως επιλέγει να παρουσιάσει τα πρόσωπα και τη γενικότερη κατάσταση της εποχής από μία απόσταση. Μολονότι είχε άμεση εμπειρία των γεγονότων της Οκτωβριανής επανάστασης του 1917 και υπήρξε μέλος του ΚΚΕ, δεν καταφεύγει στη λογοτεχνική μεταγραφή των προσωπικών της ιδεολογικών επιλογών, αποφεύγει να καταγράψει την ηρωική διάσταση των γεγονότων και επιμένει στην απόδοση των συνεπειών που έχουν οι ένοπλες αναμετρήσεις στις ζωές και τον χαρακτήρα των ανθρώπων, στην αλλοτρίωση των παραδοσιακών ηθών και την απομάκρυνση από τις καθιερωμένες αξίες. Την εποχή που η Μ. Ιορδανίδου γράφει το μυθιστόρημά της (1965) έχει προηγηθεί το 20ο Συνέδριο του Κομμουνιστικού Κόμματος της Σοβιετικής Ένωσης (1956). Η ίδια όμως, συνεπής προς τη θέση που υιοθέτησε με την “Λωξάντρα” δεν παίρνει με το έργο της μέρος στη γενικότερη κριτική που ακολουθεί και την επανατοποθέτηση πάνω στην ιστορική πραγματικότητα. Επιλέγει να στραφεί στον άνθρωπο και έτσι συνειδητά ή όχι καταγράφει το στερεότυπο του Ρώσου, που κυριαρχεί στην συλλογική συνείδηση και με το οποίο είχε μεγαλώσει και η ίδια.

Όσον αφορά τώρα το έργο του Καραγάτση, σε αυτό συναντούμε έναν αριθμό ρώσων εμιγκρέδων με τον Λιάπκιν να κατέχει την θέση του κεντρικού ήρωα. Αυτοί κατά κανόνα είναι άνδρες νεαρής ή μέσης ηλικίας, με ανώτερες σπουδές και λαμπρές καριέρες σαν αυτούς που φιλοξένησε η Ελλάδα και οι οποίοι συνεισέφεραν με τις δεξιότητές τους στην ανοικοδόμηση της μετά το τέλος του Α΄ Παγκόσμιου Πολέμου και η παρουσία τους ενέπνευσε τους συγγραφείς της εποχής, όπως ο Καραγάτσης. Ο Λιάπκιν ως υπέρμαχος της παλιάς τσαρικής Ρωσίας, πέφτει θύμα της ρωσικής επανάστασης του '17, χάνει οικογένεια, σπίτι και περιουσία και μετά από περιπέτειες καταλήγει στην Ελλάδα και συγκεκριμένα στη Γεωργική Σχολή της Λάρισας, όπου και αναλαμβάνει τα καθήκοντα του επιστάτη των ζώων της Σχολής. Ο Λιάπκιν, όπως και οι άλλοι εμιγκρέδες του έργου, ως προσωπικότητα διαθέτει κάτι το αρχέγονο και το διονυσιακό. Είναι μέθυσος, χαρτοπαίκτης, γυναικάς, συχνά βίαιος, συναισθηματικός και ζει ενστικτωδώς. Ενεργεί με υπερβολικό τρόπο σε όλες τις εκδηλώσεις της ζωής του. Θα έλεγε κανείς πως διακατέχεται από έναν παράφορο πόθο για ζωή και από την άλλη από μια αυτοκαταστροφική διάθεση. Όλες οι ενέργειες, οι πράξεις και οι αντιδράσεις του είναι καθ' υπερβολή: τα αισθήματα χαράς και λύπης, ο πόθος και η αδιαφορία, η κραιπάλη και η εργασιομανία. Οι υπόλοιποι εμιγκρέδες του έργου διαθέτουν τα ίδια χαρακτηριστικά, αλλά σε μικρότερο βαθμό. Ερωτοτροπούν, πίνουν, χαρτοπαίζουν, τεμπελιάζουν και έχουν ελαστική συνείδηση· είναι άνθρωποι αλλοτριωμένοι και συχνά χωρίς ηθικούς ενδοιασμούς. Η έκπτωση των ηθών που καταγράφεται στα πρόσωπα των ηρώων του Καραγάτση αποτελεί λογοτεχνική μεταγραφή της έκπτωσης και της αποσύνθεσης της τσαρικής Ρωσίας, που οδήγησε στην επανάσταση του 1917. Μάλιστα, είναι ιδιαίτερα χαρακτηριστική η κριτική, που συχνά και απροκάλυπτα ασκείται στο τσαρικό καθεστώς στις πρώτες κυρίως εκδόσεις και δεν είναι άσχετη βέβαια με την ιδεολογική τοποθέτηση του ίδιου του συγγραφέα την εποχή που γράφει το έργο. Στην έκδοση του μυθιστορήματος του 1955 όμως, παρατηρείται μια υποχώρηση των αρνητικών κριτικών κατά του τσαρικού καθεστώτος και ταυτόχρονη ανάδειξη των σκοτεινών πλευρών

του κομμουνιστικού καθεστώτος, επιλογή που συνδέεται με την ιδεολογική διαδρομή του ίδιου του Καραγάτση.⁸

Όσο για το έργο της Α. Ζέη, οι Ρώσοι που προβάλλονται σε αυτό είναι κυρίως καλλιτέχνες και διανοούμενοι και υπηρετούν μια γοητευτική εκδοχή του στερεοτύπου. Η αφηγήτρια, όταν αναφέρεται σε αυτούς, τους ονομάζει “οι Σοβιετικοί” [Ζέη 1997: 30, 154, 274] στοιχείο που τη διαφοροποιεί από τους άλλους συγγραφείς και καταδεικνύει όχι μόνο την μεταγραφή της νέας ιστορικής πραγματικότητας αλλά και την αποτύπωση των βιωμάτων της συγγραφέως, η οποία έζησε για χρόνια στην Σοβιετική Ένωση [Θεοδοσοπούλου 2001, Κατσίκη-Γκίβαλου 2012:74, Παπαθεοδώρου 2012: 89-90]. Οι ρωσικής καταγωγής ήρωες όμως, και εδώ πληρούν μια ιδεατή εικόνα που την συνθέτουν η ευγένεια, η χάρη, η εκλεπτυσμένη κουλτούρα, η ιδιαίτερη πνευματική καλλιέργεια, η ηθική ακεραιότητα. Αντιπροσωπευτική περίπτωση αποτελούν ο Μιχαήλ Γκρηγκόρεβιτς και ο Σεριόζα. Η Ζέη σε συνέντευξή της δικαιολογεί αυτή την επιλεκτική παρουσίαση ηρώων, που προέρχονται από τους κόλπους της διανόησης, ως αποτέλεσμα των προσωπικών της βιωμάτων, δεδομένου ότι η ίδια συμμετείχε στους κύκλους των διανοουμένων της χώρας, όσα χρόνια ζούσε εκεί. Η εξιδανίκευση αυτή των ρώσων ηρώων, βέβαια συνδέεται και με το μύθο με τον οποίο γαλουχήθηκαν οι αριστεροί διανοούμενοι των μέσων του 20ου αιώνα.⁹

ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ

Συνοψίζοντας, λοιπόν, θα λέγαμε πως οι ρώσοι ήρωες καταρχήν προσδιορίζονται με τα κοινωνιολογικά χαρακτηριστικά που τους προσδίδει η μυθοπλασία. Έτσι, η τυπολογία του Ρώσου δεν είναι μια, καθώς σηματοδοτείται εννοιολογικά από τη συνάρτησή της με τις κυρίαρχες ιστορικο-κοινωνικές, οικονομικές, πολιτισμικές, εθνικές παραμέτρους που επικρατούν σε διαφορετικές χρονικές περιόδους. Είναι εντυπωσιακό όμως, ότι παράλληλα με αυτές επιβιώνει και η τυπολογία του Ρώσου, που έχει εγγραφεί στη συλλογική συνείδηση και οφείλει την ύπαρξή της στη μακρά θρησκευτική και πολιτιστική παράδοση, που συνδέει τα δύο έθνη και αποτελεί μέρος του ελληνικού «εθνικού αφηγήματος».

Βιβλιογραφία

1. Βιζυηνός, Γ. (1980), Ο Μοσκόβ Σελήμ. Στο: Μουλλάς Π. (επιμ) (1980), Νεοελληνικά διηγήματα. Αθήνα: Ερμής, σ.σ.202-252.
2. Γιαννακάκη, Ε. (2010), Διαβάζοντας τον Καραγάτση. Στο: Αρβανιτάκης Δ. (επιμ.) (2010), Μ. Καραγάτσης. Ιδεολογία και ποιητική, Πρακτικά (Αθήνα 4 και 5 Απριλίου 2008). Αθήνα, σ.σ. 329-333.
3. Goldmann, L. (1979) Για μια κοινωνιολογία του μυθιστορήματος, (μτφρ.) Ελ. Βελτισιου – Π. Ρολμόν. Αθήνα :Πλέθρον.
4. Γουνελάς, Δ. (2008), Το απελευθερωμένο άτομο και το μυθιστόρημα του Καραγάτση “ο Συνταγματάρχης Λιάπκιν”. Στο: Ο Καραγάτσης της αμαρτίας και της αγιοσύνης, Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, Πρακτικά διεπιστημονικής Ημερίδας (Θεσσαλονίκη 17 Οκτωβρίου 2008) Θεσσαλονίκη σ.σ. 79-89.
5. Ζέη, Α. (1997), Η αρραβωνιαστικά του Αχιλλέα. Αθήνα: Κέδρος.
6. Greimas, A. J. (1986), *Sémantique structurale*, Paris: PUF.

⁹ Η εξιδανικευμένη εικόνα, που είχαν οι αριστεροί διανοούμενοι της Ελλάδας για το σοσιαλιστικό καθεστώς της Σοβιετικής Ένωσης και των ανθρώπων της, είναι κάτι που η συγγραφέας έχει ομολογήσει σε πολλές συνεντεύξεις της.

7. Hall, J. (1990), Η κοινωνιολογία της λογοτεχνίας, (μτφρ.) Μ.Τσαούση. Αθήνα: Gutenberg.
8. Θεοδοσοπούλου, Μ. (2001), Εστίαση στην Αρραβωνιαστική, περ. Η λέξη, τχ. 161 (Γεν.-Φλεβ. 2001) σ.15.
9. Ιορδανίδου, Μ. (1999), Διακοπές στον Καύκασο. Αθήνα: Εστία.
10. Καραγάτσης, Μ. (2015), Ο συνταγματάρχης Λιάπκιν. Αθήνα: Εστία.
11. Καρβέλης, Τ. (1993), Στράτης Μυριβήλης. Παρουσίαση-Ανθολόγηση. Στο: Η μεσοπολεμική πεζογραφία. Από τον πρώτο ως τον δεύτερο παγκόσμιο πόλεμο (1914-1939), τομ. ΣΤ'. Αθήνα: Σοκόλη, σ.σ. 135-136.
12. Κατσίκη-Γκίβαλου, Α. (2012), Το πεζογραφικό έργο της Άλκης Ζέη: Από το “εγώ” στο “εμείς”. περ. Διαβάζω, τχ. 528, σ. 74.
13. Κασωμένος, Ε. (2004), Αφηγηματολογία. Αθήνα: Πατάκης.
14. Μουλλάς, Π. (1980), Το νεοελληνικό διήγημα και ο Γ.Μ. Βιζυηνός, Νεοελληνικά διηγήματα. Αθήνα: Ερμής.
15. Μουλλάς, Π. (2002), Σκέψεις για την πεζογραφία μας. Στο: 1949-1967. Η εκρηκτική εικοσαετία (10-12 Νοεμβρίου 2000), Εταιρεία Σπουδών Νεοελληνικού Πολιτισμού και Γενικής Παιδείας (Ιδρυτής Σχολή Μωραΐτη), Αθήνα: σ. 345.
16. Μυριβήλης, Σ. (1983), Η Ζωή εν τάφω. Αθήνα: Εστία.
17. Οικονόμου – Αγοραστόυ Ι. (1992). Εισαγωγή στη Συγκριτική Στερεοτυπολογία των εθνικών χαρακτηριστικών στη Λογοτεχνία. Θεσσαλονίκη: University Press.
18. Παπαρηγόπουλος, Κ. (1955), Ιστορία του ελληνικού έθνους. Αθήνα: Σαφελής.
19. Παπαθεοδώρου, Γ. (2002), Λογοτεχνία και Ιδεολογία, περ. Το Δέντρο, τχ. 117- 118, σ.σ.26-31
20. Παπαθεοδώρου, Γ. (2012), Οι επίμονοι κομπάρσοι της ιστορίας, περ. Διαβάζω, τχ. 528, σ.σ. 89-90.
21. Πίσση, Ν. (2014), Χρησιμολογία και “Ρωσική Προσδοκία”. Στο: Οι Σλάβοι και Ελληνικός Κόσμος, Πρακτικά Α΄ Επιστημονικής Ημερίδας Τμήματος Σλαβικών Σπουδών (7 Δεκεμβρίου 2012) Εθνικού και Καποδιστριακού Πανεπιστημίου Αθηνών. Αθήνα: Πελεκάνος σ.σ. 149-168.
22. Ραυτόπουλος, Δ. (2010), Ο φιλελευθερισμός του Καραγάτση. Στο: Αρβανιτάκης Δ. (επιμ.) (2010), Μ. Καραγάτσης. Ιδεολογία και ποιητική, Πρακτικά (Αθήνα 4 και 5 Απριλίου 2008). Αθήνα, σ. σ. 117-132.
23. Σακαλάκη, Μ. (1984). Κοινωνικές ιεραρχίες και συστήματα αξιών: Ιδεολογικές δομές στο νεοελληνικό μυθιστόρημα 1900-1980. Αθήνα : Κέδρος
24. Σβορώνος, Ν. (1984). Επισκόπηση της Νεοελληνικής Ιστορίας, (μτφρ.) Ασδραχά Α. Αθήνα: Θεμέλιο.
25. Τζούμα, Α. (1991). Η διπλή ανάγνωση του κειμένου. Για μια κοινωνιοσημειωτική της αφήγησης. Αθήνα: Επικαιρότητα.
26. Τζιόβας, Δ. (1993). Το παλιμνηστο της ελληνικής αφήγησης: από την αφηγηματολογία στη διαλογικότητα. Αθήνα: Οδυσσέας.
27. Τζιόβας, Δ. (2011). Ο Μύθος της γενιάς του τριάντα: νεοτερικότητα, ελληνικότητα και πολιτισμική ιδεολογία, Αθήνα: Πόλης.
28. Τσακνιάς, Σ. (1990). Άλκη Ζέη. Η Αρραβωνιαστική του Αχιλλέα, 1987. Στο: Επί τα ίχνη. Κριτικά κείμενα 1965-1988. Πεζογραφία. Αθήνα: Σοκόλη, σ.σ. 62- 63.
29. Τσουκαλάς, Κ. (1986), Κράτος, Κοινωνία, Εργασία στη μεταπολεμική Ελλάδα. Αθήνα: Θεμέλιο
30. Φωτέας, Π. (1981), Ο πολιτικός Καραγάτσης και η πανανθρώπινη παλίρροια, περ. Τετράδια Ευθύνης, τχ. 14, σ.σ. 96-104
31. Vittì, M. (1982), Η Γενιά του Τριάντα. Ιδεολογία και μορφή. Αθήνα: Ερμής, σ.σ. 257-266 και 343-351

Ιστοσελίδες:

1. Βιογραφικά και εργογραφικά στοιχεία των προς μελέτη συγγραφέων, Εθνικό Κέντρο Βιβλίου. Στο: <http://book.culture.gr>
2. Τζούμα, Α. Ιστορία και λογοτεχνία <http://ejournals.epublishing.ekt.gr/>
3. Καλαμαράς, Β., (7/12/2009), Οι ιδεολογικές μεταμορφώσεις του Μυριβήλη. Στο: <http://www.enet.gr/?i=news.el.article&id=109540>
4. Φιλίππου, Φ. Ο πολιτικός Καραγάτσης <http://diastixo.gr/arhtra/2195-politikos-karagatsis>

**RUSSIAN HEROES IN GREEK LITERATURE:
TYPOLOGY - HISTORICAL FUNCTIONS – IDEOLOGICAL IMPRINTS**

Papadimitriou D. Christina

*Literary society of Serres, Musical School of Serres, Greece
xpapadi@hotmail.com*

The study of the typology of Russian heroes in Greek Literature is an interesting area of research for both the aesthetic perceptions defining the literary production of the 20th century, and for its' relation to the sociohistorical context and the ideological orientation of the author or the prevailing ideology of that era. The short stories: "Moskov Selim" (1895) by G. Vizyenos, "Poppies on a Hillside" from the collection "Life in the Tomb" (1924) by S. Myrivilis the novel: "Colonel Liapkin" (1933) by M. Karagatsis and novels: "Holidays in Caucasus" (1965) by M. Iordanidou and "Achilles' Fiancée" (1987) by A'. Zei, are representative cases for the study of the typology of the Russian hero and demonstrate the correlation of historical and social reality with literary creation. The study, therefore, of the narrative content in levels of depth structures highlights the typology of Russian heroes in Greek Literature, which combined with reading the relevant to the literary works social and historical records, reveal a very interesting coexistence. Firstly, the way the sociohistorical contexts of an era and the position of the writer towards these determine the model of the Russian hero and secondly the fact that at the same time an idealized and maintained over-time acceptable picture of the Russian coexists and survives, which emerges from collective consciousness. The latter image is being composed by features in which is recorded a classic and easily recognizable version of the typology of Russian heroes. This version is recorded in all the works considered. The decoding of the literary structures of the works in consideration, revealed an almost biased attitude towards heroes of Russian origin and an obvious sympathy to their faces, even when they strongly express the dark sides of their personality. The heroes are either women or men, have common physical anthropological characteristics, since the authors make stereotypical descriptions of the physical characteristics of both women and men. The main characteristic of the heroes is their natural beauty. They are depicted tall, upright, with rosy faces, blond hair and a bright smile. Notably, the description of women makes particular reference to the thick blonde braids as an indicative beauty element. Therefore, in regards to the physical anthropological characteristics, a timeless idealized aesthetic stereotype prevails. But even when recording the characteristics that make up the personality of the characters exists a dominant model, formed by disparate elements, such as the occupation of the heroes with music, the deep interest in literature and foreign languages, kindness, solidarity and the love for drinking, cards and indolence. The appeal of Russian heroes and their predominantly positive signification could be attributed to the formative role that is rooted in the Greek consciousness by prophetic tradition, which has its origin in the era of the fall of Constantinople and which fueled the national mythology narratives regarding the redemptive role of the "blond race". Also, major factors forming the stereotype of the Russian hero can be considered the common religious doctrine, Russia's stance on important events of the modern Greek history, but also the fascination exerted by socialist ideas in much of the Greek intelligentsia of the 20th century. Thus the typology of the Russian is not limited to one, since it is conceptually signaled by its correlation with the dominant sociohistorical, economic, cultural, national parameters prevailing at different eras. However, it is striking that alongside these survives typology of the Russian as well, which has entered the collective consciousness and owes its existence to the long religious and cultural tradition, linking the two nations and consists a part of the Greek "national narrative".

Keywords: typology of the Russian heroes, semiotic and sociological literary criticism.

УДК 821.111

ТВОРЧЕСТВО ДЖУЛИАНА БАРНСА В ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКО- КРИТИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Пилупей Н. А.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: pilipeinatasha90@mail.ru*

Настоящая статья рассматривает актуальные проблемы и перспективы изучения творчества современного английского писателя Джулиана Барнса. Систематизируются и классифицируются труды, посвященные прозе автора, а также очерчивается круг еще нерешенных вопросов, представляющих исследовательский интерес в контексте изучения творчества писателя.

Ключевые слова: Джулиан Барнс, историко-литературные исследования, компаративистика, поэтика, жанровая специфика.

ВВЕДЕНИЕ

Джулиан Патрик Барнс – современный английский писатель и видный представитель литературы постмодернизма. Его произведения активно переводятся и вызывают неугасающий читательский интерес как на родине автора, так и зарубежом. Он пришел в литературу под псевдонимом Дэн Каван на рубеже 70-80-х годов XX века. Важно заметить, что творчество лауреата Букеровской премии (2011) востребовано и в России: на русском языке можно прочесть все основные произведения прозаика. Не будет преувеличением назвать Джулиана Барнса культовым автором, творчество которого продолжает формировать облик современной британской литературы.

Закономерно, что проза Джулиана Барнса уже получила широкое критическое и литературоведческое осмысление. Актуальным представляются не только исследование феномена творчества данного автора во всей его многоаспектности, но и анализ основных вопросов, привлекающих внимание ученых в этой связи. Настоящая работа ставит перед собой **целью** изучить ключевые аспекты, описанные в научных трудах, посвященных Джулиану Барнсу, что позволит определить актуальные проблемы и перспективы изучения прозы писателя.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В зарубежном литературоведении творчество Джулиана Барнса осмысливается в многочисленных научных трудах: это монографии (M. Moseley 1997; B. Sesto 2001; M. Pateman 2002; I. Guigneiy 2006; F. Holmes 2008; P. Childs 2011), сборники статей (Julian Barnes 2011), диссертации и иные научные труды (V. Testa 2000-2001; G. Anichini 2002-2003; J. Wagner 2009). Подавляющее большинство упомянутых работ посвящено анализу основных романов писателя в рамках парадигмы постмодернизма.

Исследовательский вызов прозы Джулиана Барнса был воспринят и отечественными литературоведами, о чем свидетельствуют диссертации, посвященные тем или иным проблемам творчества писателя (Я. Ю. Муратова 1999; Е. В. Колодинская

2004; Е. А. Брюханова 2004; А. В. Васильева 2006; Д. А. Радченко 2008; Я. С. Гребенчук 2008, А. А. Нелюбин 2013, В. Г. Новикова 2013).

Ряд этих работ написан в рамках сравнительного литературоведения: произведения Джулиана Барнса сопоставляются с романами Дж. Фаулза, А. С. Байетт, П. Акройда и Г. Свифта с позиций мифопоэтики (Я. Ю. Муратова 1999), реконструкции истории (Е. В. Колодинская 2004) и «филологического» романа (Я. С. Гребенчук 2008) [3; 4; 5].

Творчество Джулиана Барнса становится предметом исследования в первой главе диссертации Я. Ю. Муратовой, которая ставит перед собой задачу определить характер мифопоэтики писателя. Две другие главы данного труда посвящены А. Байетт и Дж. Фаулзу соответственно. Я. Ю. Муратова утверждает, что мифопоэтика Джулиана Барнса определяется плоскостью языка, который теряет статус объективного и универсального средства осмысления действительности, превращаясь в персональный инструмент мифотворчества, ограниченный рамками сознания индивида, нередко обывателя. Исследователь приходит к выводу, что в творчестве автора деконструкция мифопоэтики ведется на уровне мифологического кода: Джулиан Барнс сохраняет и одновременно трансформирует мифопоэтическую «маску», нередко разрушая ее традиционные семантические связи. Внимание исследователя сосредоточено на романе Джулиана Барнса «История мира в 10 1/2 главах», который, по ее мнению, лишен метафизического измерения, что обуславливает центральную аллегория гибели и распада в библейском образе ковчега, разрушающегося под воздействием постмодернистского сомнения. Форма и содержание в романе составляют неразрывное единство: фрагментарная форма данного произведения отражает хаотичность и бессмысленность истории. В ходе сравнительного анализа Я. Ю. Муратова приходит к выводу о том, что изучение трех обозначенных современных английских авторов демонстрирует их мифопоэтику в динамике изменения от антимифа и деконструкции в произведениях Джулиана Барнса через символ и сказку А. Байетт к мифотворчеству в произведениях Дж. Фаулза. В результате сравнения мифопоэтических тем и образов ей удается обнаружить ряд общих мифов, мифопоэтических тропов и символов (начала, «золотого века», апокалипсиса, метаморфозы насекомого). Автор диссертации также устанавливает некий единый идейно-тематический комплекс в произведениях трех исследуемых писателей: гибель цивилизации, упадок культуры, человеческое естество, роль и место современного человека в мире, смерть, любовь и бессмертие, природа художественного творчества. Вместе с тем, она усматривает ряд принципиальных отличий между мифопоэтическими системами авторов, лежащих в онтологической сфере. Если Дж. Фаулз и А. Байетт сосредотачивают свое внимание на созидательных аспектах бытия, то Джулиан Барнс – на разрушительных. Таким образом, мифопоэтический анализ Я. Ю. Муратовой выявляет онтологический пессимизм Джулиана Барнса на всех уровнях повествования.

Е. В. Колодинская в своей диссертации уделяет пристальное внимание двум современным английским романам: «Водоземье» Г. Свифта и «История мира в 10 1/2 главах» Джулиана Барнса. Автор данного труда ставит перед собой целью выявление места, роли и значения (для литературы последних десятилетий) художественного осмысления возможностей конструирования исторического прошлого в современном англоязычном романе. В результате текстового анализа указанных романов исследо-

ватель приходит к выводу, что осмысление образа прошлого как создаваемого при помощи различных нарративных интерпретаций находит отражение в построении современного художественного произведения. В романе Джулиана Барнса данный феномен реализуется во множественности представленных ракурсов, точек зрения, стилистических решений, выведенных в отдельных главах-новеллах, соединенных сквозными образами и мотивами. Фрагментарность композиции данного произведения, по мнению Е. В. Колодинской, отражает хаотичную множественность самих исторических нарративов.

Исследование Я. С. Гребенчук посвящено проблеме «филологического романа» в английской литературе. В первой главе данного труда объектом анализа становится роман Джулиана Барнса «Попугай Флобера». Автор диссертации выявляет характер проявления в данном произведении так называемых «филологических» признаков, а именно выбора особого героя – творческой личности, познание ее скрытой сущности, которое определяет пафос повествования, наличие системы разнообразных текстов в ткани романа с их особыми художественными функциями, осмысление литературоведческих проблем, в том числе и современной науки о литературе, пафос расследования, связанный с загадками литературоведческого характера. В результате исследование Я. С. Гребенчук определяет типологические сходства произведений Джулиана Барнса «Попугай Флобера», П. Акройда «Чаттертон», А. Байетт «Одержимость», определяющие феномен «филологического романа» как жанровой разновидности.

Диссертация Д. А. Радченко фокусируется на антропоцентризме творчества автора и проблемах его сюжетного пространства, также предлагая проследить эволюцию прозы писателя и его нравственную философию [8]. Исследователь утверждает, что с жанровой точки зрения Джулиан Барнс далек от поэтики триллера, фантастики или альтернативной истории. Его стилю характерна скорее неторопливость и пластичность повествования, чем намеренный динамизм действия. Во многих произведениях писателя наблюдается ослабленность фабульного действия. Не слишком выражены внешние конфликты, определяющие столкновения героев. Однако речевая сфера текста отличается динамичностью и тщательной проработкой. Джулиан Барнс, по мнению Д. А. Радченко, интересуют и внешние диалоги, и внутренние монологи. Писатель обращает пристальное внимание на работу сознания человека, пытающегося найти свое место в мире. Поэтому каждое событие скорее обсуждается, чем совершается в тексте. Более того, сюжетообразующим нередко оказывается авторское стремление воссоздать биографию героя, показать путь его становления, причем это становление отличается неторопливым, постепенным характером. В этом и проявляется, как свидетельствует исследование Д. А. Радченко, специфика антропоцентризма творчества Джулиана Барнса. Подвергая анализу нравственную философию писателя, автор диссертации обращается к двум тематическим блокам – «философии религии» и «философии любви». Взаимоотношения этих блоков неоднозначны: с одной стороны, от «религии» писатель отталкивается в поисках свободы, а «любовь» – то, к чему он стремится в поисках счастья и полноты жизни; с другой стороны, «религия» не становится однозначным объектом отрицания, а в концепте «любви» появляется сложность и мотивы определенного несовершенства.

Труд А. В. Васильевой затрагивает вопросы сюжетосложения, создания характеров и своеобразия идей одного из романов Джулиана Барнса, «Как все было» [2]. В этом романе Джулиан Барнс, по мнению исследователя, утверждает идею невозможности существования неоспоримой истины. Данное произведение представляет собой вид художественного пространства, являющегося воплощением множества проблем, связанных с историко-литературной жизнью Англии, Франции и Америки в определенный исторический период. Англия представляет собой совершенно неповторимый конгломерат врожденной сдержанности, скромности, стремления к порядку и чопорности с привнесенной извне, благодаря французскому влиянию утонченности, легкости, стремлению уйти от лондонской сдержанности, скрыться хотя бы на краткий период времени во Франции, противоположной по духу и традициям стране. Америка, в свою очередь, по мысли автора, олицетворяет шанс на начало новой жизни, которая на поверку оказывается пустой, построенной на материальных ценностях, затмевающих ценности истинные. А. В. Васильева приходит к выводу, что Джулиан Барнс стремится преодолеть период антропологического кризиса и нравственного опустошения, создавая произведения в попытке вернуть людям их прежние ценности, но делая это в формах, отражающих уровень современного гуманитарного мышления.

Исследование А. А. Нелюбина посвящено жанру детектива в поэтике автора в эпоху постмодернизма [6]. Автор диссертации анализирует пародирование детектива в романах Барнса-Каваны. А. А. Нелюбин подчеркивает, что в своих произведениях Джулиан Барнс концентрируется на социальной действительности и говорит об актуальных проблемах жизни общества. Переосмысление детектива, по мнению исследователя, определяет особенности жанровой поэтики романов Каваны о Даффи, а использование псевдонима подчеркивает условность их повествовательной манеры. А. А. Нелюбин на основе произведений Джулиана Барнса исследует проблемы постмодернистского метанарратива, феномена двойственности и вторичности в романе, феномена человеческой памяти, релятивизма в постмодернизме, симулякра, пейзажа как постмодернистского текста. Особое внимание уделяется концепции «английскости», интерпретации истории и поиску исторической истины. В заключительной части диссертации А. А. Нелюбин обращается к проблеме соотношения массовой и элитарной литературы в творчестве Джулиана Барнса и предлагает методику анализа отношений «автор – повествователь – герой» в произведениях писателя, созданных под псевдонимом.

В работе В. Г. Новиковой также рассматриваются проблемы жанра в постмодернистском дискурсе: на материале прозы Джулиана Барнса и других писателей она анализирует британский социальный роман в эпоху постмодернизма [7]. В фокусе данного исследования находятся вопросы особенностей художественного осмысления взаимоотношений человека и общества, которые определяются спецификой как постиндустриальной цивилизации, так и порожденного ею постмодернистского мироощущения. Внимание также уделяется выявлению основополагающих закономерностей развития социального романа в английской литературе XIX - XX века в контексте традиции XVIII века. Автор диссертации останавливается на периодизации английской литературной критики в послевоенный период и разработке жанровой классификации романа-биографии. Объектам исследования в данном труде становятся произведения М. Брэдбери, М. Эмиса, Г. Свифта, И. Бэнкса, П. Акройда, Б. Элтона, У. Бойда,

П. Баркер, Т. Лотга, Д.Кинга, Н. Хорнби, Д. Бойна, М. Муркока. К. Фаулера. Во второй главе данного труда его автор анализирует один роман Джулиана Барнса – «Англия, Англия» – с позиций симулятивности и синтетической реальности.

Кроме того, существуют исследования творчества Джулиана Барнса лингвистического характера [1]. Также необходимо отметить, что многие изыскания и в российской и в зарубежной литературоведческой науке посвящены проблеме адекватной интерпретации истории в произведениях Джулиана Барнса (кроме уже упомянутых, см.: А. Martin 2001; А. Ricci 2004; D. Przybyła 2005; E. Dalton 2008; S. Yong 2011).

ВЫВОДЫ

Подводя итоги, отметим, что творчество Джулиана Барнса рассматривается в рамках историко-литературных изысканий, компаративистики и лингвистики. Актуальными продолжают оставаться проблемы поэтики, жанровой специфики и природы, идейно-тематических комплексов (поиск, историческая истина) и эволюции прозы автора. Вопрос об интертекстуальной стихии произведений писателя остается открытым и перспективным для изучения наряду с проблемами французского текста и мифа, а также феноменом художественного осмысления Джулианом Барнсом диалога культур.

Список литературы

1. Брюханова Е. А. Когнитивно-историческая обусловленность иронии и ее выражение в языке английской художественной литературы: О.Уайльда, У.С.Моэма, Дж. Барнса: Дис... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е. А. Брюханова. – М., 2004. – 170 с.
2. Васильева А. В. Фикциональная дискурсивность сюжетосложения в романе Дж. Барнса «Как все было»: Дис... канд. филол. наук: 10.01.03 / А. В. Васильева. – Нижний Новгород, 2006. – 218 с.
3. Гребенчук Я. С. Проблема филологического романа в английской литературе: Дис... канд. филол. наук: 10.01.03 / Воронеж, 2008. – 141 с.
4. Колодинская Е. В. Историческое прошлое как предмет высказывания: современная англоязычная проза и постмодернистская историография: Г.Свифт, Дж.Барнс: Дис... канд. филол. наук: 10.01.03 / Е. В. Колодинская. – М., 2004. – 139 с.
5. Муратова Я. Ю. Мифопоэтика в современном английском романе: Дж.Барнс, А.Байетт, Дж. Фаулз: Дис... канд. филол. наук: 10.01.03 / Я. Ю. Муратова. – М., 1999. – 240 с.
6. Нелюбин А. А. Джулиан Барнс под маской Дэна Каваны: Дис... канд. филол. наук: 10.01.03 / А. А. Нелюбин. – Пермь, 2013. – 166 с.
7. Новикова В. Г. Британский социальный роман в эпоху постмодернизма: Дис... док. филол. наук: 10.01.03 / В. Г. Новикова. – Нижний Новгород, 2013. – 439 с.
8. Радченко Д. А. Проза Джулиана Барнса: жанровая природа, проблема героя и нравственная философия автора: Дис... канд. филол. наук: 10.01.03 / Д. А. Радченко. – Воронеж, 2008. – 210 с.

JULIAN BARNES'S WORK IN THE LITERARY-CRITICAL CONCEPTUALIZATION: PROBLEMS AND PROSPECTS

Pilipei N. A.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean University, Simferopol,
Crimea, Russian Federation
E-mail: pilipeinatasha90@mail.ru*

The present paper is dedicated to the topical issues and the prospects of studying of modern English writer Julian Barnes's work. The works dedicated to his prose are systematized and classified; a range of unresolved problems which are of current scientific interest in terms of the author's works analyses, are outlined. The prospects of further investigation are uncovered. Among them the diverse aspects of Julian Barnes's intertextual games, the specificity of his literary works' intertextual space, the peculiarities of so called French text within the author's creative works, the poetics of its mythologization, the specific character of cultures dialogue and its artistic embodiment, are singled out.

Julian Patrick Barnes is a modern English writer, a prominent representative of postmodern literature. His works are actively translated and provoke great readers' interest both in the author's country and abroad. He came to literature under the pseudonym Dan Kavanagh at the turn of the 70-80th years of XXth century. It is important to notice that the winner's of the Man Booker Prize (2011) work is in demand in Russia: one can read all his main works in Russian language. It will not be an exaggeration to call him an iconic author whose work continues to form the features of the modern British literature.

It is expected that Julian Barnes's prose has already received widespread critical and literary interpretation. The study of the writer's writing phenomenon in all its multi aspects and the analysis of the main issues which attracted the researchers' attention in this connection are topical problems. The aim of this work is to study the key aspects described in the academic studies devoted to Julian Barnes, as it would allow to identify the topical problems and prospects of his prose studying.

In the foreign literature Julian Barnes's work studies are conceptualized in the numerous research works: monographs, collections of articles (Julian Barnes in 2011), dissertations and other scientific works. The great majority of these mentioned works is devoted to the analysis of the main writer's novels in the post-modern paradigm.

The research challenge of Julian Barnes's prose has been apperceived by Russian literary critics, as evidenced by the great number of dissertations which are devoted to different problems of his work (Ja. Muratova 1999; E. Kolodinski 2004; E. Bryukhanova 2004; A. Vasiliev 2006; D. Radchenko 2008; Ja. Grebenchuk 2008; A. Nelyubin 2013; V. Novikov 2013). A number of these works is written within the comparative literature: Julian Barnes's works are compared with John Fowles's novels, A. Byatt, P. Ackroyd and G. Swift from the positions of the mythopoetics (Ja. Muratova 1999), the reconstruction of the history (E. Kolodinski 2004) and the philological novel (Ja. Grebenchuk 2008). D. Radchenko's dissertation is focused on the anthropocentrism of the author's work and the problems of his narrative space, offering to trace the evolution of the writer's prose. A. Vasilyeva's work touches upon issues of the narrative space of one of Julian Barnes's novels. A. Nelyudin's study is dedicated to the detective genre in the author's poetics. In V. Novikova's work the problems of the genre are also analyzed in the post-modern discourse: on the material of Julian Barnes's prose and other writers she analyzes the British social novel in the period of postmodernism. E. Bryukhanova's researches have linguistic meaning.

In Russian and foreign literary studies a number of works are devoted to the problem of the history's adequate interpretation in Julian Barnes's works (besides as above mentioned, see.: A. Martin 2001; A. Ricci 2004; D. Przybyla 2005; E. Dalton 2008; S. Yong 2011).

Thus, Julian Barnes's work is considered within historical and literary studies, comparative studies and linguistics. The topical problems are the postmodern poetics, the genre specificity and nature, ideological and thematic complexes (the search, the historical truth) and the evolution of the author's prose. The question about the intertextual elements of the writer's works is still open and promising for the study, along with the problems of the French text and myth, and the phenomenon of the literary interpretation of the cultures dialogue by Julian Barnes.

Keywords: Julian Barnes, Historical Literary Studies, Comparative Studies, Poetics, Genre Specificity.

УДК 82-2=111+82.09

СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ МЕТАФИКЦИОНАЛЬНОСТИ В ДРАМАТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Полховская Е. В., Мазина Е. Н.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: helenpolkhovskaya@gmail.com*

Работа посвящена анализу способов реализации в драматическом тексте категории метафикциональности. Данная категория рассматривается в соотношении с категорией фикциональности на различных текстовых уровнях – тематическом, стилистическом, композиционном. Особое внимание уделяется исследованию значимости приема аллюзии для саморефлексии текста. В качестве иллюстраций основных положений исследования приводятся драмы Тома Стоппарда.

Ключевые слова: метафикциональность, аллюзия, прием «текст в тексте», драма Т. Стоппарда.

ВВЕДЕНИЕ

Теория метафикциональности дала импульс целому ряду исследований в области литературы, как классической, так и современной. Выявление метафикционального уровня позволяет глубже понять всю полноту замысла автора, чья рефлексия направлена как вовне, так и вовнутрь, на сам текст, и является актуальным направлением литературоведческих изысканий. Данное исследование посвящено метафикциональному характеру современной драмы (на материале произведений Тома Стоппарда). Новизна работы обусловлена впервые выдвинутой концепцией относительно того, как в драматическом тексте проявляется саморефлексия текста. **Цель** исследования состоит в изучении сложной природы драматического текста и приемов, создающих его метафикциональный уровень.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

О метафикциональности художественного текста заговорили в 1970-х, тогда же в оборот вошёл и сам термин, предложенный Уильямом Гассом (William H. Gass, *Philosophy and the Form of Fiction*) для обозначения нарративных особенностей современного романа. Позже были предложены и другие термины: “self-reflexive fiction” (Robert Scholes), “surfiction” (Raymond Federman), “self-conscious fiction” (Robert Alter), “introverted fiction” (John Fletcher and Malcolm Bradbury), “narcissistic fiction” (Linda Hutcheon), “parafiction” (James Rother), которые иногда синонимичны, но зачастую обозначают различные понятия (композиционный прием, литературный жанр, тип ментальности, соответствующий постмодернистскому кризису репрезентации) [1]. П. Во (Patricia Waugh) называет художественные тексты, «осознанно и систематично подчеркивающие свой статус артефакта и таким образом провоцирующие вопросы о взаимоотношениях между вымыслом и реальностью. Осуществляя критику принципов собственного построения, подобные произведения не только анализируют фундаментальные структуры литературного повествования, но и рассматривают воз-

можную «фикциональность» мира за пределами вымышленного литературного текста [2, с. 2]. М. Амузин считает, что под ««метафикциональностью» в самом общем случае понимается повествовательная стратегия, привлекающая читательское внимание к «артефактной» природе литературного текста и одновременно драматизирующая отношения «литература – действительность», «текст – не-текст», «автор–текст–читатель» [3, с. 153]».

Отметим, что само определение метафикциональности размыто вследствие своей обобщенности. Во-первых, вызывает сомнения вопрос об осознанном выборе повествовательной стратегии автором, поскольку процесс творчества далеко не так однозначен. Трудно четко определить, например, функциональную нагруженность приема «текст в тексте», используемого в литературе на протяжении многих столетий, а также степень осознанности при его выборе. В литературе 19 века этот прием был широко распространен и служил не для саморефлексии текста, а для создания большего правдоподобия фикционального мира и дистанцирования создателя от собственного произведения. В данном исследовании наряду с термином «метафикциональность» используется термин «саморефлексия текста», который также не является универсальным, однако указывает на то, что объектом рефлексии автора может быть не только фикциональный мир, но и способы его создания, указывающие на его вторичность по отношению как к миру реальному, так и к миру «чужого» текста (используя термин авторов теории интертекстуальности). Критик и теоретик литературы Джонатан Каллер метко заметил, что литература стремится осознать и раздвинуть свои пределы: «Literature is an institution that lives by exposing and criticising its own limits, by testing what will happen if one writes differently) [4, с. 41]»

По Каллеру, существует пять точек зрения на природу литературы: литература как особый вид реализации языкового потенциала (literature as the “foregrounding” of language), литература как интеграция языковых элементов (literature as the integration of language), литература как создание вымышленного мира (literature as a fiction), литература как эстетический объект (literature as aesthetic object) – что объединяет все четыре точки зрения, литература как интертекстуальный конструкт, чья рефлексия направлена на самого себя в соотнесении с другими дискурсами (literature as intertextual or self-reflexive construct). Литература также может рассматриваться как идеологический инструмент, институциональная и социальная практика [4, с. 28-42]. Для данного исследования важно обратить внимание на мысль ученого (которую мы разделяем и постараемся развить в приложении к драме) о том, что интертекстуальность связана с саморефлексией текста. В определенном смысле литература пытается осмыслить возможности репрезентации опыта, что достигается за счет осмысления других текстов и проблем создания собственного.

Патрисия Во также рассматривает литературу как построенную на интертекстуальности и саморефлексии: произведения возможны только благодаря предшествующим текстам, которые они вбирают в себя, трансформируют, которым бросают вызов. Критик пишет: «Literature is a practice in which authors attempt to advance or renew literature and thus is always implicitly a reflection on literature itself. The intertextuality and self-reflexivity of literature is not, finally, a defining feature but a foregrounding of aspects of language use and questions about representation that may also be observed elsewhere [5, с. 35]» («Литература – это практика, в которой авторы стремятся превзойти уже су-

ществующую литературу или обновить ее, и, таким образом, это всегда имплицитно отражается на самой литературе. Интертекстуальность и саморефлексия литературы – это не определяющая ее черта, а выдвигание на первый план аспектов языкового использования и вопросов репрезентации, которые можно наблюдать не только в художественном творчестве». – здесь и далее перевод мой – Е.П). Причину усиления метафикционального элемента в постмодернистской литературе П. Во видит в потере иллюзий после второй мировой войны, отказе от реализма в пользу субъективного, неоднозначного, фрагментарного модернистского письма, нацеленного бросить вызов читательским пристрастиям и представлениям о способах презентации реальности. В то же время постмодернистская литература продолжает традиции «Тристрама Шенди» Л. Стерна, в котором на первый план выводится скорее дискурс, чем история [5, с. 75-76].

Парадоксальным является тот факт, что широкое использование понятий метафикциональности и саморефлексии, без которых не обходится практически никакое исследование современного романа, не означает разработанность самой теории. Имеющиеся работы по проблеме оставляют без внимания ряд вопросов (главным образом, относительно способов реализации метафикциональности в художественном тексте), а также не включают драматические произведения в круг штудий.

Категория фикциональности воспринимается как неотъемлемый атрибут художественной литературы, создающей фиктивный (вымышленный/ареальный) мир, существующий только в виде текста. При этом не стоит забывать о существовании категории фактуальности. Категория метафикциональности – это нацеленность текста на собственный фикциональный характер. Некоторые нарратологи (Мартинес, Шеффель) указывают на «*метафикциональные* сигналы», которые рассматриваются только на тематическом уровне – отступления в повествовании по поводу причин собственного возникновения, специфических черт, необходимого ракурса читательского восприятия. По нашему мнению, тематизация художественного творчества представляет собой лишь один уровень проявления категории метафикциональности. Можно выделить еще:

- стилевой уровень (иностилевые вкрапления в текст – чаще всего, пассажи литературоведческого и литературно-критического дискурса, игра со стилем). Примером могут послужить произведения Дэвида Лоджа, английского писателя, а также критика и теоретика литературы, который в своих романах создает персонажей из литературной и академической среды;

- композиционный уровень (прием «текст в тексте» – так, роман Пола Остера «Невидимый» использует обрамляющее повествование – диалог друзей-писателей о книге одного из них);

- нарративный уровень (смена видов фокализации, точки зрения);
- языковой уровень (метаязыковая рефлексия);
- интертекстуальный уровень.

Естественно, что в самом художественном произведении реализация категории метафикциональности происходит с вовлечением практически всех уровней текста.

Для данного исследования представляет интерес то, как и для чего подчеркивается искусственность художественной реальности в драматическом тексте. Ведь в

прозаическом тексте саморефлексия чаще всего осуществляется через нарратора, а драма лишена этой возможности (исключение составляют нарративные драмы, например, «Наш городок» Торнтон Уальдера).

Обратимся к творчеству известного британского драматурга Тома Стоппарда (р. 1937), чьи пьесы отличает яркий язык, вдохновенность театром абсурда и интеллектуализм [6, с. 4]. Почти все произведения драматурга построены на уже известных пьесах: «Розенкранц и Гильденстерн мертвы», «Гамлет Догга» – на шекспировском «Гамлете», «Травести» – на «Как важно быть серьезным» Оскара Уальда. Интертекстуальные связи обеспечивают не только отсылку к «чужому» тексту, что обеспечивает приращение смысла, но и свидетельствуют о саморефлексии текста.

В драме «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» (*Rozencrantz and Guildenstern Are Dead*, 1966) основным средством реализации метафигциональности является аллюзия. В данной пьесе – это аллюзии на шекспировского «Гамлета» и «В ожидании Годо» Беккетта, без распознавания которых теряется весь смысл пьесы. Стоппард соотносит действие своей пьесы с шекспировским «Гамлетом», делая двух второстепенных персонажей главными.

Джим Хантер напоминает, что начиная с самого Шекспира, театру присуще самосознание, «он очарован собственной выдумкой, и в то же время намерен обнажить правду»: “theatre... enjoys being highly self-conscious – fascinated by its own falseness, yet reckoning to reveal a kind of truth. At a serious level, it explores the whole relationship of illusion with reality» [6, с. 10]. И действительно, в «Гамлете» прием «текст в тексте» позволяет нам дистанцироваться от происходящего, задуматься об актерской игре (рассуждения об актерском таланте, умении взволновать человека подводят нас к мысли, что то, что мы видим – тоже искусная иллюзия). Шекспировская рефлексия направлена не только на проблему игры и реальности (бродячие актеры исполняют «Убийство Гонзаго», играет сам Гамлет, притворяясь безумным, ведут свою игру Клавдий и Полоний, Розенкранц и Гильденстерн), но и на животрепещущие вопросы современного театра. Так, актеры рассказывают Гамлету о недавней моде, из-за которой они не имеют возможности выступать в собственном театре. Это относится к «войне театров» в 1600, когда успех труппы мальчиков-актеров, специализировавшейся на едкой политической сатире, оставил безработными профессиональных исполнителей [7, с. 84].

Современное драматическое искусство предлагает новые подходы к реальности, при которых в фокусе внимания – не фикциональная реальность, а способы ее создания. Само действие построено на «Гамлете» Шекспира («Розенкранц и Гильденстерн мертвы» – шекспировская цитата), однако мы видим скорее то, что происходит за пределами шекспировской пьесы. Второстепенные герои Шекспира – Розенкранц и Гильденстерн – у Стоппарда не покидают сцену. То есть первый метафигциональный момент стоппардовской пьесы – осознание читателем/зрителем, что перед нами не фрагмент реальности, а произведение, достраивающее другое известное произведение, нацеленное на осмысление «себя» и «другого». Не случайна при общности сюжета смена жанров с трагедии на комедию.

Во-вторых, поведение самих персонажей указывает на то, что они замкнуты «в другом тексте». Роз и Гил не помнят прошлого (единственное, что они знают – их призвали ко двору для выяснения, что тревожит Гамлета) и не видят будущего, они лишены свободы действия. Приведем небольшой фрагмент:

«Guil: But for God's sake what are we supposed to *do*?

Player: Relax. Respond. That's what people do. You can't go through life questioning your situation at every turn.

Guil: But we don't know what's going on, or what to do with ourselves. We don't how to *act*.

Player: Act natural. You know why you're here at least.

Guil: We only know what we're told, and that's little enough. And for all we know it isn't even true» [8, с. 66].

Роз и Гил не ориентируются, где они и откуда пришли. Их путают, и они сами себя путают. Интересна и игра слов, указывающая как на действия, так и на сценическую игру (to act). Для них все предreshено шекспировским текстом – символом этой предопределенности, когда нет места случайности, служит их игра в орлянку, когда монета неизменно падает одной стороной. Несмотря на то, что Стоппард индивидуализирует своих героев, их, как и у Шекспира, продолжают путать остальные персонажи и даже они сами. Шекспировские Розенкранц и Гильденстерн безлики, лишены ярких характерных черт. Их безликость – источник комического. Стоппардовский Гильденстерн ссылается на это: «As soon as we make a move they'll come pouring in from every side, shouting obscure instructions, confusing us with ridiculous remarks, messing us about from here to breakfast and getting our names wrong» [8, с. 85]. У Шекспира они заслуживают презрения как шпионы Клавдия, у Стоппарда – они сбиты с толку и ни в чем не повинны.

Еще один интересный элемент саморефлексии текста – анализ построения произведения устами персонажа. Актер в произведении Стоппарда говорит о пьесе, которую собирается исполнить, одновременно характеризуя само это произведение: “We keep to our usual stuff, more or less, only inside out. We do on stage the things that are supposed to happen off. Which is a kind of integrity, if you look on every exit being an entrance somewhere else” [8, с. 28].

Второй текст-источник, который проступает в стоппардовской пьесе – «В ожидании Годо» Бекетта. Здесь переключки не в сюжете, а скорее в тональности – ощущении несбывшихся надежд, скуки вперемешку с фарсом, вызывающим улыбку. Роз и Гил комичны и трагичны в своем стремлении понять смысл происходящего с ними. Действие циклично, что является отличительной чертой театра абсурда.

ВЫВОДЫ

Таким образом, драматическое произведение обладает богатым арсеналом художественных средств для реализации категории метафикциональности. Кроме тематики и композиционных приемов (например, «пьеса в пьесе»), важным средством саморефлексии драматического текста может стать архитектурная аллюзия. Дальнейшая перспектива исследования видится в углубленном изучении реализации категории метафикциональности в произведениях современных драматургов.

Список литературы

1. Bernd Engler. Metafiction. The Literary Encyclopedia / Engler Bernd [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.litencyc.com./php/stopics.php?rec = true @UID=715> (дата обращения: 03.04.2016)

2. Waugh P. *Metafiction. The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction* / P. Waugh. – London and New York: Methuen, 1984. – 186 p.
3. Амусин М. Текст города и саморефлексия текста / М. Амусин // Вопросы литературы. - №1. – 2009. – С. 152 – 175.
4. Culler Jonathan. *Literary Theory* / Jonathan Culler. – Oxford: Oxford University Press, 1997. – 144 p.
5. Waugh P. Literature as intertextual or self-reflexive construct / P. Waugh // *Literary Theory and Criticism: Oxford Guide*. – Oxford, 2006. – P.35-76
6. Hunter Jim. *Tom Stoppard / Jim Hunter*. – L. : Faber and Faber. – 240 p.
7. Shakespeare William. *Hamlet*. / Ed.by Richard Andrews and Rex Gibson. – Cambridge University Press, 1994 – 268 p.
8. Stoppard Tom. *Rosencrantz and Guildenstern are Dead* / Tom Stoppard. – New York: Grove Press. – 126 p.

THE CATEGORY OF METAFICTION IN DRAMA

Polkhovskaya E. V., Mazina E. N.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: helenpolkhovskaya@gmail.com*

The theory of metafiction gave a spur to a number of researches in the sphere of both classical and contemporary literature. Considering the metafictional level allows fully comprehension of the author's idea whose reflection is directed outwards into the world and inside – at the text itself. It is a perspective field of literary studies. This article is devoted to metafictional character of contemporary drama (based on Tom Stoppard's works).

The novelty of this research is grounded in the identification of the ways the text self-reflection is expressed. The aim of the article is to study the metafictional level of drama and the means that create it.

The term was suggested by William H. Gass in *Philosophy and the Form of Fiction*; later the other terms appeared: "self-reflexive fiction" (Robert Scholes), "surfiction" (Raymond Federman), "self-conscious fiction" (Robert Alter), "introverted fiction" (John Fletcher and Malcolm Bradbury), "narcissistic fiction" (Linda Hutcheon), "parafiction" (James Rother). We support the idea of Patricia Waugh metafiction as pointing out the artificial character of fiction, criticizing the principles of the text construction. M. Amusin considers metafiction as the narrative strategy that draws the readers' attention to the artificial character of the text. In this article both terms "metafiction" and "self-reflection" are used to show that the object of the reflection in the text is a fictional world and the ways of its creation as well. Intertextuality is seen as a means of metafiction. Literature tries to comprehend the possibilities of experience representation through understanding other texts and the problems of creating the own one.

There are the following levels of the text the features of metafiction can be observed: the level of style (e.g. literary criticism extracts in fiction, play on style); the composition level (e.g. 'a text in a text' device); the narration level; the level of language (metalanguage reflection); the intertextual level.

In the article Tom Stoppard's play *Rosencrantz and Guildenstern Are Dead* (1966) is analyzed. It is based on Shakespeare's *Hamlet* and Beckett's *Waiting for Godot*. The main metafiction means here is allusion. Stoppard makes two minor Shakespearian characters the major ones. However we see what happens outside the Bard's play. The spectator/reader understands that that is not a fragment of reality but "building-up" the one which is well-known. The behavior of the characters also shows that they are within the frames of the other text: they neither remember the past nor see the future, they have no choice, they are mixed up by others and even the "head or tails" play ends with odd results. One more self-reflexive feature – one of the characters describes the play he is going to act. As to *Waiting for Godot* the common features are more in tonality than in the plot. Stoppard's play is cyclic which is also characteristic of the theatre of absurd.

Thus, drama has a rich arsenal for representing the category of metafiction, it includes certain themes, compositional devices as well as an architectonic allusion.

Keywords: metafiction, allusion, "text within a text" device, Tom Stoppard's drama.

УДК 821.512.161 – 31.09

АВТОРСКАЯ ДИСТАНЦИЯ В ЭСТЕТИКЕ ДИАЛОГИЗМА: «МЕНЯ ЗОВУТ КРАСНЫЙ» ОРХАНА ПАМУКА

Посохова Е. В.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: katerinaposoхова@gmail.com*

Настоящая статья посвящена концепту авторской дистанции в эстетике литературного диалогизма и художественным способам ее достижения в романе современного турецкого писателя Орхана Памука «Меня зовут Красный». Доказывается, что авторская дистанция выступает поэтологической доминантой романа, определяя повествовательную стратегию автора. Выясняется, что ключевую роль в формировании авторской дистанции играют сама форма повествования в сочетании с нерешенностью идейного конфликта и равноправием позиций, его составляющих. Орхан Памук не предлагает своего «рецепта» решения проблем, поднятых в романе, оставляя их на суд читателю.

Ключевые слова: Орхан Памук, авторская дистанция, диалогизм, форма повествования, идеологический конфликт.

ВВЕДЕНИЕ

Авторская дистанция – ключевой концепт теории литературного диалогизма, основы которой были заложены М. М. Бахтиным. Именно он впервые описал феномен диалогического романа в своем труде «Проблемы поэтики Достоевского» (1929). М. М. Бахтин считал наличие авторской дистанции в диалогических произведениях необходимым, поскольку «дистанция входит в замысел автора, ибо она обеспечивает подлинную объективность героя» [2, с. 86]. Суть данного концепта заключается в том, что в художественном пространстве диалогического романа кардинальным образом меняется роль автора: он перестает быть демиургом, объективным и вездесущим, становится на один уровень с героями произведения, освобождает их от функции выразителя авторской позиции и позволяет им быть независимыми идеологами. М. М. Бахтин подчеркивал, что в диалогическом произведении «... герой идеологически авторитетен и самостоятелен, он воспринимается как автор собственной полновесной идеологической концепции, а не как объект завершающего художественного видения» [1, с. 3]. Автор некоторым образом дистанцируется от героя, и их отношения М. Бахтин также характеризует как диалогические, утверждающие: «самостоятельность, внутреннюю свободу, незавершенность и нерешенность героя. Герой для автора не «он» и не «я», а полноценное «ты», то есть другое чужое полноправное «я» (ты еси)» [1, с. 36].

Роман Орхана Памука «Меня зовут Красный» (1998) – классический образец современной турецкой диалогической прозы. В данном произведении авторская дистанция входит в творческий замысел писателя и определяет его повествовательную стратегию. Очевидна актуальность изучения художественных способов ее достижения, что позволит расширить представления о творческом арсенале Орхана Памука. Настоящая статья обращается к данной проблематике и ставит перед собой **цель**

исследовать авторскую дистанцию как одну их поэтологических доминант романа «Меня зовут Красный».

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В первую очередь, формированию авторской дистанции служит сама форма повествования, которое ведется от первого лица. Каждый из двенадцати рассказчиков высказывает свою точку зрения и описывает свою версию происходящего. Сам Орхан Памук следующим образом описывает стремление к созданию новых форм: «Некоторые сюжеты неизбежно влекут за собой определенные инновации формы или стратегии повествования. Иногда, например, посмотрев какой-нибудь фильм или прочитав книгу, вы вдруг решаете написать рассказ от имени собаки или дерева. Так рождается идея, которой будет подчинено дальнейшее повествование или которая определит структуру произведения» [3, с. 463]. Пятьдесят девять глав романа названы по имени того героя, от лица которого ведется повествование. Система персонажей произведения действительно необычна: свои истории рассказывают не только люди, но и животные, неодушевленные предметы и цвета. Повествование попеременно ведется от имени красного цвета, лошади, сатаны, двух дервишей, нарисованной собаки и даже отрубленной головы. Некоторые из героев подают голос из загробного мира. Как справедливо заметила А. С. Сулейманова, «только очень искушенного читателя не удивит монолог трупа в качестве начала романа» [5, с. 169]. Такую форму повествования, в которой идейную позицию ни одного персонажа невозможно ассоциировать с мнением автора, условно назовем «ненадежной». Авторская точка зрения теряется в полифонии. Его голос – лишь один из многих.

Идейный конфликт, лежащий в основе романа, разворачивается «между двумя способами видения и восприятия, западным и восточным» [6, пер. наш. – Е. П.]. В центре повествования находятся художники, которым предстоит сделать выбор стиля рисования. Остроту сюжету придают загадочные убийства, а вопрос выбора между европейским искусством и исламской миниатюрой становится в прямом смысле вопросом жизни и смерти.

Суть различия эстетических подходов Востока и Запада состоит в том, что живопись в исламской традиции представлялась только как форма иллюстрации литературных произведений, поэтому выдающиеся экземпляры искусства миниатюры находятся в книгах. В романе «Меня зовут Красный» иллюстративная функция миниатюры объясняется следующим образом: «Когда мы читаем книгу, глаза устают, и, чтобы дать им отдохнуть, мы разглядываем картинки. <...> Рассказ оживает благодаря рисунку, и не может быть рисунка отдельно от рассказа» [4, с. 34].

Главная задача восточного изобразительного искусства состоит в отражении мира таковым, как его видит Аллах, т.е. «сверху», «с высоты минарета». Отсюда такие особенности миниатюры, как яркие, незатененные цвета, высокий горизонт, «типизированные» лица. Как подчеркивает сам Орхан Памук, «исламские, персидские художники XV-XVI веков знамениты не своим индивидуальным стилем, а стилем, характерным для мастерской того или иного шаха или города, где они работали» [3, с. 322.]. Таким образом, традиция искусства миниатюры заключается в том, чтобы помнить все созданное предшественниками и, вдохновляясь выдающимися работами, повторять их, сохраняя преемственность.

Западные художники рисуют мир так, как его видит человек. Отсюда и перспектива, и индивидуальные черты (или стиль), «как показатель уникального видения мира или руки отдельного художника...», и искусство портрета [3, с. 322]. Один из героев романа так описывает впечатления от портрета работы итальянского мастера, который ему довелось видеть в Венеции, будучи послом падишаха: «Рисунок отображал все то, что было важного в жизни: панорама поместья, видневшегося из открытого окна, деревня и лес, который казался живым благодаря оттенкам сочных красок. <...> И наконец, рядом с отцом – прекрасная, как сон, дочь. Я понял, что этот рисунок и есть рассказ. Он – не приложение к рассказу, он – сам по себе» [4, с. 34-35]. Таким образом, различия в эстетических подходах к изобразительному искусству Востока и Запада выявляются в следующих оппозициях: плоское изображение – перспектива, коллективный стиль – индивидуальный стиль, а, следовательно, анонимность – авторство (подпись), яркий цвет – оттенки и т.д.

В романе «Меня зовут Красный» идейные позиции предстают паритетными, что также служит формированию авторской дистанции. Их равноправие неоднократно подчеркивается в тексте. Например, героиня романа Шекюре выражает страстное желание быть нарисованной дважды: в европейской манере, дабы быть узнаваемой, и в стиле старых мастеров Герата, чтобы это был «рисунок счастья». Она указывает на достоинства и недостатки обеих манер, говоря, что «мастера Герата умели останавливать время, но никогда не нарисуют меня [Шекюре – Е. П.] такой, какая я есть, а европейские мастера <...> не умеют останавливать время» [4, с. 477]. О равноправии свидетельствует также интерференция двух культур, двух способов художественного мировосприятия в «раздвоенном» сознании убийцы. Он признается: «Вы понимаете, я все время чувствую раздвоенность, – как художник, нарисовавший голову одного человека, а тело и одежду – другого. Нелегко поверить, что такой человек, как я, боящийся Аллаха, вдруг стал убийцей. У меня теперь два голоса: один – мой, настоящий, из прежней жизни, а второй – вновь обретенный, подленький голос убийцы...» [4, с. 117]. Идею равноправия содержит также один из эпиграфов романа: «Аллаху принадлежит и Восток и Запад» [4, с. 6]. Этот аят из Корана неоднократно цитируется и в тексте произведения [4, с. 188, 269].

Идейный конфликт эстетических систем Востока и Запада не разрешается в романе «Меня зовут Красный» в пользу той или иной позиции. Произведение завершается следующими строками: «Так увяла пышная роза рисунка, которая под влиянием персов цвела в Стамбуле сто лет. Борьба между стилем старых мастеров Герата и новыми методами европейских мастеров, ставшая причиной ссор между художниками и породившая столько проблем, не увенчалась никаким результатом. Отныне не рисовали ни как на Востоке, ни как на Западе. <...> Никто больше не интересовался работами великих мастеров Герата и Тебриза или новыми методами европейских художников. Рисунок оказался в темноте, как город ночью, когда гасятся все огни и закрываются двери домов» [4, с. 475]. Этот фрагмент, открывающийся емкой метафорой, подтверждает нерешенность идейного конфликта романа, играющую ключевую роль в создании авторской дистанции. Орхан Памук не предлагает своего «рецепта» решения вопросов, поднятых в романе, оставляя их на суд читателю.

ВЫВОДЫ

Итак, сама форма повествования в сочетании с нерешенностью идейного конфликта и равноправием позиций, его составляющих, формирует в романе «Меня ховут Красный» авторскую дистанцию. Орхан Памук не предлагает своего «рецепта» решения проблем, поднятых в романе, оставляя их на суд читателю.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – Изд. 5-е. – М. ; Augsburg : Im-Werden-Verlag, 2002. – 167 с.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – Изд. 4-е. – М. : Сов. Россия, 1979. – 320 с.
3. Памук О. Другие цвета : избранные очерки и эссе / О. Памук ; [пер. с тур. А. Аврутиной]. – СПб. : Амфора, 2008. – 532 с.
4. Памук О. Меня зовут Красный / О. Памук ; [пер. с тур. В. Феоновой]. – СПб. : Амфора, 2006. – 479 с.
5. Сулейманова А. С. Постмодернизм в современном турецком романе : дис. ... канд. фил. наук : 10.01.03 / А. С. Сулейманова ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб., 2007. – 216 с.
6. Munthe T. An Istanbul anatomy [Электронный ресурс] / T. Munthe // Al-Ahram Weekly Online. – 2002. – 14 feb. – № 573. – Режим доступа : www/ URL: <http://weekly.ahram.org.eg/2002/573/bo4.htm> (дата обращения: 26.03.2012).

AUTHOR'S DISTANCE IN DIALOGISM AESTHETICS: *MY NAME IS RED* BY ORHAN PAMUK

Posokhova E. V.

Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: katerinaposohova@gmail.com

The present paper is dedicated to the analysis of author's distance through the prism of dialogism aesthetics. Its main focus is the concept of author's distance in general and the ways it is embodied in Orhan Pamuk's Novel *My Name is Red* in particular.

Author's distance is a key concept of the literary dialogism theory the foundation of which was laid by Michael Bakhtin. It implies that the author's role changes fundamentally in the artistic space of a dialogic novel. The author is no longer an objective and omniscient demiurge, but an equal to the characters of his novel. He liberates them from the function of transmitting his own point of view and makes them ideologically free.

My Name is Red by Orhan Pamuk is a classic example of contemporary Turkish dialogic prose. Author's distance here is intended and shapes the writer's narrative strategy. It is proved to be a poetics dominant of the novel which determines its core features. As the literary means and devices with the help of which author's distance is achieved, the form of narration itself, the unsolved ideological conflict and the equality of ideological viewpoints constituting the conflict, are investigated.

The form of narration is the first person singular. There are twelve narrators in the novel; each of them delivers his own version of the events and states his own attitude. Each of the fifty chapters of the novel is named after its narrator. The system of characters is rather unusual: not only people tell their story, so do the animals, inanimate objects and even colours. Colour Red, a horse, Satan, two dervishes, a drawing of a dog and a decapitated head are among the narrators of the novel. Some characters address a reader from afterlife. Even the most tried reader can be surprised by the monologue of a corpse as the opening of a novel. In such polyphony the author's voice becomes one of many and is even being lost.

**АВТОРСКАЯ ДИСТАНЦИЯ В ЭСТЕТИКЕ ДИАЛОГИЗМА:
«МЕНЯ ЗОВУТ КРАСНЫЙ» ОРХАНА ПАМУКА**

The ideological conflict of the novel is unfolded between the two ways of seeing, perception and creation, Eastern and Western. The artists who are bound to choose the way of drawing are in the centre of the plot. Suspense is added by mysterious murders and the choice between European art and Islamic miniature becomes literally a matter of life and death.

The core difference between the aesthetic approaches of East and West lies in the following: art in Islamic tradition is seen only as an illustration to literary works. That is why the prominent examples of miniature are found in books. The main task of Eastern art is to reflect the world the way Allah sees it, from the top of the minaret. It determines such peculiarities of miniature art as flatness, bright shadowless faces, high horizon, typified faces etc. Whereas Western artists depict the world the way a man sees it. It determines perspective, individual styles and the art of portrait. Thus the differences in Eastern and Western approaches to art can be easily seen in the following oppositions: flatness – perspective, collective style – individual style, anonymity – authorship, bright colours – shades, etc.

The ideological positions of the novel are presented equal which is constantly underlined in the text. The main female character wishes to be drawn twice: in European manner so she could be recognized, and in the style of old masters from Heart so she would have a picture of happiness. The idea of equality is rooted in one of the epigraphs of the novel: to God belongs the East and the West. This ayat from Quran is repeatedly quoted in the text of the novel. The conflict remains unsolved which plays a crucial part in the formation of author's distance.

Thus, the form of narration itself alongside the unsolved ideological conflict and the equality of ideological viewpoints constituting the conflict compose author's distance in *My Name is Red*. Orhan Pamuk does not offer the solutions of the problems raised in his novel, leaving them to the readers' judgment.

Keywords: Orhan Pamuk, Author's Distance, Dialogism, Form of Narration, Unsolved Ideological Conflict.

УДК 82-31=111:114.09

ГЕТЕРОТОПИИ В РОМАНЕ М. ЭМИСА «БЕРЕМЕННАЯ ВДОВА»

Радченко Т. А.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: ganza_kent.1988@mail.ru*

Работа посвящена анализу проблемы гетеротопичности пространства в художественном тексте. В данной статье «гетеротопия» рассматривается с точки зрения классической фукианской интерпретации и в тесной связи с понятиями «пространства постмодерна» и «третьего пространства». Особый акцент делается на рассмотрении гетеротопий и особенностей их функционирования в романе Мартина Эмиса «Беременная вдова».

Ключевые слова: гетеротопия, гетеротопология, пространство постмодерна, Мишель Фуко, Мартин Эмис.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема художественного пространства как совокупности ряда свойств художественного произведения, придающих ему завершенность, единство и определенный эстетический характер, рассматривалась многими исследователями наряду с проблемой художественного времени. Долгое время эти два понятия шли рука об руку и воспринимались как две части единого целого. Однако, в XX веке в связи со смещением когнитивной и, следовательно, художественной парадигмы в сферу постмодернистской многомерной и мультикомпонентной «реальности» время и пространство стали приобретать дивергентный характер, при этом пространство приобрело ключевое значение. Зыбкость, относительность и фрагментарность постмодернистского художественного текста дают толчок к рассмотрению пространства литературного произведения с точки зрения его неоднородности и гетеротопичности (реальности не-реального).

Гетеротопичность пространства получила освещение в работах М. Фуко, Э. Соджа, Х. Баба, М. Дезна, Л. Де Котера, Ж. Делёза, Ф. Гваттари. Термин гетеротопия приобрел ключевое значение в архитектуре и географии, тогда как в литературоведении гетеротопии, их свойства и особенности функционирования только разрабатываются, что делает исследования в этой области **актуальными**.

Исследование проводилось на базе компаративного, структурно-описательного, описательно-функционального и культурно-исторического анализа. **Цель** данной работы – исследование гетеротопий и особенностей их функционирования на примере романа Мартина Эмиса «Беременная вдова». Из поставленной цели вытекает необходимо решить следующие **задачи**: рассмотреть теорию гетеротопичности пространства М. Фуко, выявить основные признаки и особенности гетеротопий, выделить и описать гетеротопии в романе М. Эмиса «Беременная вдова».

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Теория гетеротопий М. Фуко

В своей лекции, которая получила название «Другие пространства» и была опубликована в 1967 году, Мишель Фуко утверждал, что в XIX веке история стала идеей, неотступно преследовавшей умы. Особый интерес представляли темы развития и остановки, кризиса и цикла, накопления прошлого опыта, перегрузка мира мертвецами и его грядущее охлаждение. Современную же себе эпоху XX века он соотносил, прежде всего, с понятием пространства. Мир представлялся ему не столько как великая жизнь, проходящая сквозь время, а скорее как дисперсная сеть, соединяющая бесчисленное множество точек. Структурализм, с его точки зрения, должен стремиться к установлению между распределенными во времени элементами совокупности отношений, представляя их «как своего рода конфигурацию». Речь не идет об отрицании времени, а лишь «об определенном способе обращения с тем, что называют временем и историей» [1, с. 192].

Пространство обладает историей, в которой время с ним неумолимо пересекается, и эту историю М. Фуко определяет в виде иерархической системы понимания пространства до совершения многих открытий (в том числе переподтверждения гелиоцентричности) Галилео Галилеем. Эту иерархию он называет «пространством локализации» [1, с. 192]. Начиная с Г. Галилея пространство стало восприниматься как нечто «бесконечно открытое» [1, с. 192], локализация сменилась протяженностью. Местоположение вещей как будто растворилось и стало определяться через отношения соседства между точками и элементами.

Проблема места и местоположения становится краеугольной. Решение этой проблемы необходимо для «определения типов накопления, циркуляции, локации, классификации человеческих элементов, которые следует сохранять в первую очередь, чтобы добиться той или иной цели» [1, с. 193]. М. Фуко считает, что человек, в первую очередь, интересуется вопросом пространства, нежели времени, время представляется им лишь как одна из разновидностей между перераспределяющимися в пространстве элементами.

Также М. Фуко выдвигается версия о полной десакрализации времени в 19 веке, в то же время пространство он не считает полностью десакрализированным. Человеческое бытие все еще определяется рядом известных оппозиций по типу пространство частное – пространство публичное, пространство семьи и пространство социальное, пространство досуга и пространство труда.

Ссылаясь на труды Г. Башляра и феноменологов, М. Фуко говорит не о гомогенном и пустом пространстве, а о пространстве, «заряженном качествами», «пространстве наших грёз, страстей, нашей перцепции» [1, с. 194], а называет это преимущественно пространством души. Но также у него вызывает неподдельный интерес внешнее пространство, в котором мы живем, и которое является гетерогенным. Внешнее пространство может выражаться во множестве месторасположений – отношений, «не сводимых друг к другу и совершенно друг на друга не накладывающихся» [1, с. 195]. Однако, среди всех месторасположений М. Фуко особенно интересуют местоположения с любопытным свойством: те, которые соотносятся со всеми остальными местоположениями, но таким образом, что приостанавливают, нейтрализуют или переворачивают всю совокупность отношений. Эти пространства-месторасположения

делятся на два вида: утопии, месторасположения без реального места, и гетеротопии, фактически реализованные утопии. Это места, «находящиеся за пределами всех других мест» [1, с. 196], но «фактически локализованные» [1, с. 196]. М. Фуко предполагает наличие еще одного, промежуточного пространства по примеру зеркала, которое как бы существует реально, но и является утопией, местом без места, так в нем мы видим себя там, где нас нет.

2. Гетеротопология. Признаки гетеротопий

Для изучения гетеротопий М. Фуко предлагает способ их системного описания, которому дает название «гетеротопология». Гетеротопия определяется им как константа любой человеческой культуры, хотя он отказывает гетеротопиям в универсальности. М. Фуко классифицирует их на два типа, а именно: кризисные гетеротопии (это привилегированные, священные или запретные места, «оказывающиеся в кризисном состоянии по отношению к обществу и среде», речь идет о подростках, женщинах во время менструации, женщинах при родах, стариках и т.д.) [1, с. 197]. Подобные гетеротопии также называются первобытными, и они постепенно отмирают. В качестве примеров М. Фуко приводит колледж для мальчиков в XIX веке, свадебное путешествие для девушек XX века, древний обычай, совершающийся как бы вне географических координат, в поезде или отеле. По мнению М. Фуко на место кризисных гетеротопий приходят гетеротопии девиантные, куда помещаются индивиды, характеризующиеся девиантным поведением относительно общепринятой нормы. К таким гетеротопиям М. Фуко причисляет дома отдыха, психиатрические клиники, дома престарелых и тюрьмы.

Гетеротопии непрерывны, но могут функционировать по-разному, «согласно синхронии культуры, в которой они располагаются» [1, с. 198]. М. Фуко приводит пример с кладбищем, которое до конца XVIII века, согласно западной традиции, размещалось в самом центре города в «священном пространстве церкви», а сами захоронения зачастую были обезличены. И только с атеизацией западного общества появился т.н. «культ мертвых», когда, как говорит М. Фуко, «каждый получил свой небольшой ящик для «небольшого» личного распада» [1, с. 199]. В то же время смерть стала ассоциироваться с болезнью, и кладбища стали переносить на окраины города.

Еще одним уникальным свойством гетеротопий является способность сопоставлять в одном месте несколько пространств. В качестве примеров приводятся кинотеатр с двухмерным экраном, на котором проецируется трехмерное пространство, а также традиционный восточный сад, «священное пространство» [1, с. 200] со своей особой архитектурой, растительностью, символикой, минимальная частица мира и мир в его тотальности.

Кроме того, М. Фуко связывает гетеротопии с так называемой «гетерохронией», «раскрытием» времени, когда люди полностью оторваны от своего традиционного времени. Так гетеротопичность кладбища он полагает в некой «квазивечности» [1, с. 201] этого пространства, в котором индивид утрачивает жизнь и исчезает.

Гетерохрония и гетеротопия соотносятся друг с другом и в обществе сложным образом, так как есть места, накапливающие время, музеи, библиотеки, архивы; другие же гетеротопии отражают ничтожность и скоротечность времени, например, ярмарки.

Гетеротопии одновременно изолированы и проницаемы. Чтобы туда попасть, необходимо получить разрешение (казарма) или совершить определенный поступок, или ряд подвигов. С другой стороны гетеротопия может быть иллюзорно, обманчиво открытой. М. Фуко приводит пример некогда знаменитых комнат на крупных фермах Южной Америки, любой путешественник мог открыть дверь в дом, пройти в одну из комнат, провести там одну ночь, но он никаким образом не мог попасть в комнаты хозяев: будучи гостем, в сам семейный дом он как бы не был приглашен и не попал.

Еще одной особенностью гетеротопий является то, что они выполняют определенную функцию относительно другого пространства, своей иллюзорностью они подчеркивают еще большую иллюзорность реального пространства, примером подобной гетеротопии могут служить знаменитые публичные дома. В противовес созданию иллюзорности гетеротопия может создавать реальный, намного более упорядоченный и организованный мир, по сравнению с нашим. Примерами таких гетеротопий М. Фуко считает ранние пуританские общества англичан в Америке и колонии парагвайских иезуитов, селения которых строились по тщательно продуманному плану, а быт четко регламентировался.

3. Гетеротопии в постфукианский период

После лекции 1967 г. М. Фуко больше не обращается к проблеме гетеротопий и только дважды упоминает об этой теме в поздних интервью. Он говорит, что хотел бы написать «целую историю различных пространств, (которая в то же время была бы историей различных видов власти), начиная с больших геополитических стратегий и заканчивая мельчайшими тактиками по условиям расселения, истории архитектуры учреждений, классной комнаты или больницы, проходя через способы хозяйственно-политической дифференциации» [2].

В наследии М. Фуко проблема гетеротопии имеет маргинальный статус и задает некое направление дальнейшей исследовательской мысли.

В первую очередь идеями М. Фуко заинтересовались специалисты в области социологии города и городского планирования. В таком контексте появляется сборник, посвященный проблеме гетеротопий, изданный архитектурной школой Венеции и включающий работы таких авторов как Ф. Релла и Дж. Тейсо. Авторы ссылались главным образом на книгу «Надзирать и наказывать», а также на сборник текстов Фуко, посвященный новому осмыслению властных отношений, вышедший в том же году в Италии под названием «Микрофизика власти». При этом проблема власти понималась, в первую очередь, как проблема пространства, децентрализованного и множественного, т.е. гетеротопического [2].

Наиболее активно гетеротопическую концепцию М. Фуко развивал Эдвард Соджа из Калифорнийского института, который вслед за М. Фуко, называет современную эпоху эпохой пространства: «мы живем в эпоху одновременности, эпоху непосредственного соседства, эпоху близкого и далекого, бок о бок, рассеивания и рассредоточивания» [3, с. 276]. Философ также разрабатывал идею третьего пространства, предложенную Хоми Баба, который в свою очередь разводит время и пространство, говоря о «пространстве постмодерна» и «времени постколониальности». Центральным понятием для него выступает внедомность. Х. Баба подчеркивает ощущение «пойманности» между культурами, непринадлежности ни к одной из них, а не к обеим

сразу, осознания себя в своеобразном ступоре, который возникает не из-за личностного психологического расстройства, но из-за травмы культурной дислокации, в которой существует постсовременная личность [4, с. 122]. В мире стертых различий между публичной и частной сферой, или даже скорее в мире, где публичная сфера исчезает вовсе, Х. Баба лишает постмодерного субъекта сугубо личностной сферы – убежища «дома». В таком подходе виден отсыл к детерриторизации Ж. Делеза и Ф. Гваттари, популярной в эпоху глобализации идее «конца пространства», конца локальности [4, с. 123].

Понятие гетеротопии используется М. Деэном и Л. Де Котером исключительно относительно анализа пространства города: оба исследователя полагают, что многочисленные опасения, связанные с потенциально возможным исчезновением публичной сферы, основанные на традиционной оппозиции публичное – приватное, «износили» свой аналитический потенциал [2]. Город представляется исследователям в современной трансформации: границы публичной и приватной сферы претерпели глубокие изменения, и на передний план вышли новые, пока еще неопределенные, основания контемпоральной ситуации, которые не могут быть описаны в рамках данной дихотомии. В этом контексте концепт гетеротопии оказывается востребованным, так как он позволяет отказаться от традиционных бинарных оппозиций. «Понятие «гетеротопия» описывает изменения, происходящие в реальном и социальном пространстве города, которые более не могут быть осмыслены с помощью устоявшегося теоретического языка» [2].

Можно сделать вывод, что на сегодняшний день толкование фукианской гетеротопии остается неоднозначным, гетеротопия понимается разными исследователями по-своему и такая незавершенность и недосказанность представляется весьма привлекательной для новых научных поисков и разработок. Дж. Фобиан приходит к следующему заключению: «Размышления Фуко о гетеротопиях... отодвигают традиционный исторический эмпиризм на второй план: по теме гетеротопий он пишет с размахом и с присущей ему поэтичностью, что нашло отклик в загадочных финальных строках лекции «О других пространствах», в которых заключен концептуальный смысл теории на примере гетеротопии корабля. «Корабль – это, в конечном счете, плавучий кусок пространства, место без места, которое живет само собой, будучи замкнутым на себе, и в то же время предоставленным бесконечности моря. Корабль – это гетеротопия по преимуществу. А в цивилизации без кораблей иссякают грёзы, шпионаж заменяет приключения, а полиция – корсаров»» [5, с. 1].

4. Гетеротопии в романе М. Эмиса «Беременная вдова»

В 2008 году газета “The Times” упомянула Мартина Эмиса в списке пятидесяти величайших британских писателей за период с 1945 года. Ему удалось разнообразить «ландшафт» британской литературы за счёт внедрения собственного стиля и создания новых литературных форм, отвечающим требованиям новых реалий постмодернизма. Его романы во многом саморефлективны и автобиографичны. Своими вдохновителями М. Эмис неоднократно называл В. Набокова и Дж. Джойса, комментируя, что между этими двумя не было ничего общего, кроме плохих зубов и великолепной прозы, но оба прожили свою жизнь красиво. И сработали дело со вкусом. М. Эмис – прежде всего стилист, техник. Стиль собственного письма он именуется методом «сумасшедших излишеств», а Иан Гамильтон называл его «похабным сленгом в высоко-

художественной шкуре». М. Эмиса отличает академизм, высокая интеллектуальность, неконвенциональность и стремление к эксперименту. В своих произведениях М. Эмис затрагивает прежде всего острые социальные темы, его романы отличаются глубоким психологизмом, философичностью, юмором, зачастую черным, и налетом эротичности, часто на грани порнографии. Не зря в литературных кругах автор заработал репутацию «l'enfant terrible».

«Беременная вдова» (*The Pregnant Widow*, 2010) – двенадцатый по счету роман Мартина Эмиса. Книга повествует о сексуальной революции 1970-х годов. Название книги – цитата из работы великого русского мыслителя Александра Герцена, где он рассуждает о социальных и политических революциях. А. Герцен говорит о том, что люди, как правило, всем сердцем поддерживают идею отбросить старый порядок. «Но страшно то, что отходящий мир оставляет не наследника, а беременную вдову» [6]. Когда уходит старое и на смену ему появляется новое, человеку свойственно задаваться вопросом: что уйдет, что останется, что придет следом? Так А. Герцен говорит об ушедшем отце и его ребенке: «Между смертью одного и рождением другого утечет много воды, пройдет длинная ночь хаоса и запустения» [6]. Мартин Эмис склонен считать, что это относится к любой революции. В том числе, и сексуальной, которая привела к возвышению женщины в обществе и основывалась на сложных исторических предпосылках. «Революция была бархатной, бескровной, но у нее, как и у любой революции, имелись жертвы. Так, наряду с теми, кто говорил: это замечательно, это неизбежно, наконец-то это произошло, были и такие, кто толком не мог совладать со всем происходящим вокруг, не был готов к тому, чтобы встретить революцию» [6]. В качестве иллюстрации автор приводит строки из стихотворения Филипа Ларкина:

Секс начался в шестьдесят третьем -
Чуть поздно, чтоб мне заниматься этим.
Уже разрешен был «Любовник леди»,
Но не было диска битлов на свете [6].

Главный герой романа Кит Неаринг, студент, изучающий английскую литературу, – фикциональное альтер-эго автора, ему почти 21 год, он почти что достиг нормального для мужчины роста в 5 футов 6 или 7 дюймов, и он пытается подступиться к двадцатилетней точеной блондинке по имени Шахерезада, с которой он проводит похожее на сказку лето в итальянском замке с парой друзей, в том числе со своей наполовину платонической, наполовину эмансипированной девушкой Лили.

Местонахождение главного героя определяет то, что должно произойти с ним на 464 страницах романа, а именно, своего рода сексуальную травму: “This is the story of a sexual trauma. He wasn't at a tender age when it happened to him. He was by any definition an adult; and he consented – he comprehensively consented. Is trauma, then, really the word we want (from Gk 'wound')? Because his wound when it came – it didn't hurt a bit. It was the sensory opposite of torture. Torture: from L. torquere... 'to twist'. It was the opposite of torture, yet it twisted. It ruined him for 25 years” [7, с. 6].

М. Фуко определяет гетеротопии как привилегированные места, «оказывающиеся в кризисном состоянии по отношению к обществу и среде» [1, с. 197]. В данном случае местонахождение главных героев – это замок. Место, которое исторически возводилось в виде укреплений и стен, предназначение которых в основном – оградить состоятельного владельца от посторонних глаз и защитить от вторжения врагов. Замок

– пространство, замкнутое с одной стороны: у М. Эмиса он служит чем-то вроде инкубатора, в котором должно родиться нечто новое, в данном случае должна состояться сексуальная революция главного героя. Замок – место исключительно идиллическое, праздное, находящееся вне конвенциональных потоков городской или деревенской жизни, он кажется обособленным и недоступным для случайных посетителей. Но с другой стороны замок – не является домом для героев романа, что отражает идею «травмы культурной дислокации» Х. Баба, все герои приезжают туда, чтобы провести одно лишь лето, чтобы переродиться и покинув замок, стать новыми эмансипированными и раскрепощенными людьми, стать частью новой эпохи. В большой или меньшей степени поведение попадающих в замок людей может считаться девиантным, что определяется сюрреализмом их местоположения. Сам главный герой, читающий и непрерывно цитирующий Дж. Остин, С. Ричардсона, М. де Монтеня, философствующий о социально острых темах с приятелем-гомосексуалистом Виттейкером, который в свою очередь живет здесь же со своим другом/сыном/протезе по имени Амен (Amen).

Девушка Кита, Лили, стоит на пути перевоплощения в новый тип женщины XX века: “Why should boys have all the fun? said Lily, and blew her nose into the paper napkin. We’re anachronisms, you and me. We’re like childhood sweethearts. We should’ve met ten years from now. We’re too young for monogamy. Or even for love. I want to act like a boy for a while. And you can just go on as you are. ... Thus Lily had her hair restyled, and bought lots of miniskirts and cut-off culottes and halter tops and see-through blouses and knee-length patent-leather boots and hoop earrings and kohl eyeliner and all the other things you needed before you could act like a boy. And Keith just stayed the same” [7, с. 13].

Именно Лили пригласила Кита провести лето в Италии. Приглашение звучало просто: “Come with me to castle with Scheherazade” [7, с. 15]. Таким образом, у замка-дворца, и у его главного гостя, Кита (главного, потому что Кит – типичный продукт эпохи индивидуализма, *Me Age*, как называет её М. Эмис) появляется своя пленительная сказочница, которая будет обещать ему одним лишь своим видом тысячу и одну ночь приключений.

Также в замке у Кита появляется соперник, Адриано, настоящий итальянский рыцарь, за исключением одного досадного недостатка: “Adriano was equipped with perfect English, or near-perfect English... Adriano would inherit an ancient title and a limitless fortune. Adriano was densely muscular and classically handsome, with something coin-like, something silvery and Caesary, in his noble brow” [7, с. 37]. He didn’t have “the voice of a small man, which was remarkable in its way. Because guess what. Adriano was four foot ten inches tall” [7, с. 38]. За его маленький рост и талант попадать в разные приключения Кит презрительно именуется Адриано Мальчиком-с-пальчик (Tom Thumb). Замок наполняется гротескными подобиями сказочных персонажей, и не случайным является тот факт, что замок расположен в неправдоподобно великолепной Италии: “Keith was assuming that social realism would hold, here in Italy. And yet Italy itself seemed partly fabulous, and the citadel they occupied seemed partly fabulous, and the transformation of Scheherazade... from the frowning philanthropist in flatties and spectacles” into a statuette beauty seemed partly fabulous. Where was social realism?” [7, с. 26].

Замок в романе «Беременная вдова» сказочно иллюзорен, несмотря на то, что реален, и представляет собой нечто на подобии роскошного, привлекательного публичного дома для нового поколения. То, что замок – сказка для избранных, также не

верно, так как в конечном итоге, все новое поколение переехало в публичный дом, и для некоторых из них, не готовых к трансформации, переезд был болезненным.

Кит Неаринг заверяет читателей в полной правдивости своей истории: “Everything that follows is true. Italy is true. The castle is true. The girls are all true (Rita is true, Adriano, incredibly, is true). No even the names have been changed. Why bother? To protect the innocent? There were no innocent. Or else all of them were innocent – but cannot be protected” [7, с. 4].

У замка в романе ость определенная и вполне реальная локация, он находится в горах Кампании, итальянской коммуны со столицей в г. Неаполе. Главные герои бродят по небольшому городку Монтале в провинции Тоскана, который выглядит так, будто бы сошел с холста: “They walked down the steep alleyways, scooter-torn and transected by wind-ruffled tapestries of clothing and bedding, and on every other corner there lurked a little shrine, with candles and doilies and the lifesize effigy of a saint, a martyr, a haggard cleric. Crucifixes, vestments, wax apples green or cankered. And then there was the smell, sour wine, cigarette smoke, cooked cabbage, drains, lancingly sweet cologne, and also the tang of fever.... Keith breathed deep, he drank deep of the ticklish, the teasing tang of fever” [7, с. 9].

Но даже в таком маленьком городском пространстве, население которого на сегодняшний день составляет 10,5 тыс. чел., Кит осознает, что сказка не всегда бывает сказочной до конца, что даже к картинной итальянской провинции неотступно подбирается новый тип городского пространства, хорошо знакомый ему как лондонцу: “Keith had been living in a painting, and now he was stepping out of it. With its cadmium reds, its cobalt sapphires, its strontian yellows (all freshly ground), Italy was a painting, and now he was stepping out of it into something he knew: downtown, and the showcase precincts of the humble industrial city. Keith knew cities. He knew humble high street. Cinema, pharmacy, tobacconist, confectioner. With expanses of glass and neon-lit interiors – the very earliest semblances of the boutique sheen of the market state. In the window there, mannequins of caramelized brown plastic, one of them armless, one of them headless, arranged in attitudes of polite introduction, as if bidding you welcome to the female form. So the historical challenge was bluntly stated. The wooden Madonnas on the alleyway corners would eventually be usurped by the plastic ladies of modernity” [7, с. 9].

Для творчества М. Эмиса характерна игра с пространством, так в его романе особое место отводится зеркалу как относительному пространству, к которому мы обязательно возвращаемся, чтобы узнать относительную истину: “Find a mirror you like and trust, and stick to it. Correction. Find a mirror you like. Never mind about trust. Stand by this mirror, and be true to it. Beyond a certain age you no longer know what you look like. Something goes wrong with mirrors. They lose the power to tell you what you look like. All right, they do tell you, probably. But you can't see it” [7, с. 421]. Зеркало обозначает пространство, которое не доступно каждому в своей истинной форме, оно меняется в зависимости от того, что мы стремимся в нем увидеть. Увидев себя в зеркале, люди могут начать любить себя, но рано или поздно, эта любовь пройдет. Тоже самое произошло с сексуальной революцией: раскрепощенность и свободная любовь, которые вызывали восторг, интерес, считались авангардными и поощрялись, привели к тому, что Кит называет “sex divorced from feeling” [7, с. 450]. Зеркало – хрупкая грань между незнанием и знанием, переступая которую человек переходит из состояния жизни к состоянию

смерти, но только так может узнать истину своего существования, всех колебаний, перемен и эволюций, а также их истинную ценность: “It is fate of all of us to fall out of love with our own reflection. Narcissus took a day and a night to die – but we take half a century. It isn’t vanity, it was never vanity. It was always something else.... Keith looked at the shadowsmear in the mirror.... He would be an ad for death. ... Death – the dark backing a mirror needs before it can show us ourselves. It isn’t vanity, it was never vanity. It was always death. This was the true and universal metamorphosis: the agonizing transfiguration from one state to another – from the state of life to the state of death” [7, с. 424].

Одному из героев В. О. Пелевина принадлежат такие слова: «... куда бы я ни направлялся, на самом деле я перемещаюсь только по одному пространству, и это пространство – я сам». Постмодернистский роман, в частности роман М. Эмиса «Беременная вдова», обладает высокой степенью саморефлексивности и психологичности, что позволяет читателю перемещаться в условных смежных пространствах-гетеротопиях, а также определяет потенциал возникновения такого рода пространственных отношения в подобных литературных произведениях.

ВЫВОДЫ

В романе «Беременная вдова» выявлен ряд пространств, которые обладают признаками гетеротопичности, а именно девиантностью (замок-бордель), гетерохронией (зеркало, замок, Италия, где время как будто остановилось на одно лето, но под напором внешних сил готово расширяться и прорваться наружу, став временем целого поколения), одновременной изолированностью и проницаемостью (замок в романе – место для избранных, но замок – это в широком смысле символ начала сексуальной революции, который потенциально может модифицироваться в зависимости от среды, локации, превращаясь в обычную квартиру, паб, гетто и т.д.). Функционально иллюзорные гетеротопии в романе подчеркивают реалии событий состоявшейся сексуальной революции 70-х годов XX века и её последствия, которые, как видится автору, современное поколение до сих пор переживает.

Список литературы

1. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. Б.М. Скуратова под общей ред. В. П. Большакова. – М., 2006. – Ч.3. – 320с.
2. Беззубова О. В. Гетеротопии городского пространства: к истории концепта // Эстетика архитектуры и дизайна: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. М.: Архитектура-С, 2010. С. 27–31. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.culturalnet.ru/main/getfile/1464 (дата обращения: 21.03.2016)
3. Черняева Н. Культурная география и проблематика «места». (Обзор новой литературы) / Н. Черняева // Известия Уральского государственного университета. – 2005. – № 35. – С. 276.
4. Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2011. Том V. Человек в изменяющемся мире: проблемы идентичности [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/uplfile/admins/biblio/vst/2011/07.pdf> (дата обращения: 20.03.2016)
5. The Globalization Of Space: Foucault and Heterotopia. Edited by Mariangela Palladino and John Miller. – Routledge London and New York, 2015.– 240p.
6. Культурный дневник Анны Асланян. Интервью с М. Эмисом. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.svoboda.mobi/a/2274965.html> (дата обращения: 04.04.2016)
7. Amis M. The Pregnant Widow / M. Amis – London : Vintage, 2011. – 464 p.

HETEROTOPIAS IN THE NOVEL “THE PREGNANT WIDOW” BY M. AMIS

Radchenko T. A.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: ganza_kent.1988@mail.ru*

The article deals with the analysis of the heterotopian space in the literary text. Heterotopias are viewed and interpreted from the traditional Foucault's perspective and in close connection to the notions of “postmodern space”, “the third space” and “deterritorialization”, the focus being on the heterotopias and specifics of their functioning in the novel “The Pregnant Widow” by Martin Amis.

The problem of literary space as a complex of a variety of peculiarities of fiction that define its completion, unification and a particular aesthetic character has been studied by many researchers alongside with the problem of literary time. The two notions have long been perceived as two parts of one whole and indispensable complementary counterparts. However, the 20th century introduced a radical shift in the cognitive paradigm altogether with the fiction paradigm towards the sphere of the postmodern multidimensional and multi-componential “reality”, therefore time and space acquired a divergent character, space taking the centre position in the researchers' endeavours. Fragility, relativity and fragmentarity of the postmodern literary text have contributed to the increased interest in the analysis of the literary space as a heterogeneous and heterotopian (real of the unreal) phenomenon.

The problem of heterotopias was introduced by M. Foucault and further developed by E. Soja, H. K. Bhabha, M. Dehaene, L. De Cauter, J. Deleuze, F. Guattari and others. The term of heterotopia has long been adopted in architecture and geography studies, whereas in the study of literature heterotopias, their peculiarities and functions are still going through the stage of adaptation and formalization, therefore, the article is meant to contribute to the further development of the study.

The research methods used include comparative, structural, descriptive and culture-historical analysis.

The goal of the article is defined as studying the heterotopias, their functions and peculiarities based on the novel “The Pregnant Widow” by Martin Amis; the objectives set are studying the theory of heterotopias as introduced by M. Foucault, defining the main features and peculiarities of heterotopias and defining and description of the heterotopias in the novel “The Pregnant Widow”.

The study of heterotopias is definitely inseparable from the study of modern literature which falls within the postmodern paradigm and requires references to its prominent representatives. Martin Amis is one of the acknowledged authors of our time, and particularly one listed among the fifty greatest writers since 1945 by “The Times”. He is well known due to his recognizable writing style and introduction of a variety of new literary forms eloquently reflective of the postmodern realia. M. Amis's novels are to a great extent reflexive and autobiographical. Inspired by J. Joyce and V. Nabokov, M. Amis has obviously formulated his own aspiration of living a quality writer's life wittily commenting that his two referents shared nothing in common but bad teeth and brilliant prose, yet both lived their lives beautifully. And both did their work with much taste. Good taste coming with greatly elaborated style and witticisms are to be sought for in M. Amis's oeuvre and definitely found there. He is first and foremost a stylist, a technician whose skill was described by Ian Hamilton as “low slang and high figurative artifice”. Keen on experimenting, being of remarkable academism, high intellectuality and non-conventionalism, Martin Amis chooses acute problems of social character as the topics of his writings, which are psychologically deep, philosophical, humorous (mostly humour noir), with an erotic flair and often pornographic, which explains perfectly well his duly earned reputation of “l'enfant terrible”.

“The Pregnant Widow” is Martin Amis's twelfth novel which figuratively and expressively narrates of the sexual revolution of the 1970s. The novel introduces a number of heterotopias that provide for its setting and at the same time create a very specific heterogeneous literary space which defines the transformation of the main character, the transformation which doesn't seem to be physically noticed, but yet interwoven with his flesh and soul. As M. Amis stated, the revolution was supposed to be velvet, so was the transformation.

The primary heterotopias of the novel are Italy with its still frozen in time and already becoming modernized and transient towns and streets, the fairylike castle on the mountainside and the mirror. In the literary text

these space dimensions acquire a particular deviant character. The male inhabitants of the small Italian towns resemble nomadic tribes aspiring to touch, but not yet daring (for the time being, which is supposed to be changed shortly). The castle dwellers find themselves incubated from the rest of the world going through the local sexual revolution, yet they are going to set off and carry that space as a part of them over the years. The mirror is literally the one you can find in any house, but it is also the entrance to the area of truth, wisdom and death, the metaphysical matters a person is not supposed to experience, yet he can – through the mirror.

Keywords: heterotopia, heterotopology, postmodern space, Michel Foucault, Martin Amis.

УДК 82.091.07; 821.112.2(494)

ЭКФРАСТИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ ПОВЕСТИ Г. ГЕССЕ «НАРЦИСС И ГОЛЬДМУНД»

Сдобнова С. В.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: svetlana.sdobnova@mail.ru*

В статье рассматривается концепция экфрасиса в произведении Г. Гессе «Нарцисс и Гольдмунд». Определены и проанализированы такие основные характеристики экфрасического образа, как архетипичность и интермедialность. В повести наблюдается ассоциативная взаимосвязь образов, изображение которых обусловлено космогоническим и эсхатологическим мотивами.

Ключевые слова: архетип, интермедialность, образ, символ, экфрасис.

ВВЕДЕНИЕ

Исследованием категории художественного образа в различных его проявлениях занимались отечественные и зарубежные ученые, такие как Ю. М. Лотман, В. Г. Белинский, В. В. Кожин, К. Г. Юнг, У. Эко, О. Вальцель, Г. Мюллер и др. Анализ концепции экфрасиса в повести Г. Гессе «Нарцисс и Гольдмунд» составляет новизну и актуальность работы.

Стремление гессевских героев постичь самое себя через познание окружающего непознанного ранее мира – глубоко автобиографично. Мир, согласно авторской установке, един, но и противоречив. Актуальность данного исследования обусловлена изучением особенностей художественного приема Г. Гессе в создании образов произведения.

Целью исследования является изучение концепции изображения художественного мира в произведении Г. Гессе «Нарцисс и Гольдмунд». Заявленная цель требует решения таких **задач**, как: выявить и охарактеризовать эстетические взгляды писателя, определить и проанализировать стилевую доминанту изображения образов в произведении. В работе были использованы следующие методы исследования: биографический метод, сравнительно-типологический, культурно-исторический, структурно-семиотический и метод литературной герменевтики.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Амбивалентность как основной принцип художественного мира повести Г. Гессе «Нарцисс и Гольдмунд»

Действие повести «Нарцисс и Гольдмунд» («Narziss und Goldmund», 1930) происходит в средневековой Германии. В этом произведении автором подчеркивается концепция единства противоположностей, где аскетизму противопоставляется жизнелюбие. Сознательное разрушение личности Гольмунда, главного героя повести Г. Гессе «Нарцисс и Гольдмунд», предопределено его отцом через отлучение мальчика от памяти о матери. Приближение к образу матери происходит только в состоянии погружения в сон. Взаимодействие персонажей – Гольдмунд и Нарцисс

– позволяет автору последовательно выстроить процесс перерождения героя. Благодаря способности понять внутренний мир другого Нарцисс «подталкивает» Гольдмунда к поискам смысла жизни вне стен монастыря. Отправной точкой для самоидентификации юного Гольдмунда становятся дружеские отношения с Нарциссом. Природа натуры Гольдмунда как художника, так пронизательно определённая Нарциссом, требовала выхода. Нарцисс стремится вытолкнуть главного героя из среды монастырской жизни, заставить действовать на благо самопознания. Так, в разговоре с настоятелем Нарцисс постоянно акцентирует внимание досточтимого отца на том факте, что человек, не помнящий своего детства и свою мать, не способен понимать своё назначение и призвание в жизни, такой человек находится в постоянном заблуждении. Необходимость для Гольдмунда найти себя сопровождалась, по убеждению Нарцисса, важностью «возвращения» к своим истокам, к образу забытой матери. Неудивительно, что Гольдмунд, находясь на грани сна и яви, в полудремоте грезил о своей забытой матери. Наконец, к герою в момент пробуждения является его мать, образ матери: «Он увидел этот образ, он обрел его и вздрогнул как бы в мучительном наслаждении. Он увидел, он прозрел. Он видел Ее. Он видел Великую, Сияющую, с ярким цветущим ртом, блестящими волосами. Он видел свою мать» [2, с. 49] («Fand das Bild wieder und zuckte wie in schmerzlicher Wollust zusammen. Er sah, er war sehend geworden. Er sah Sie. Er sah die Große, Strahlende, mit dem voll blühenden Munde, mit den leuchtenden Haaren. Er sah seine Mutter» [4, с. 58]). Обретение памяти, возвращение к забытому прошлому знаменует новый этап в жизни героя, он уже стал на путь, ведущий к самому себе. «Путь к себе» Гольдмунда постоянно сопровождается сном о матери.

2. Экфрасичность описания образов произведения Г. Гессе «Нарцисс и Гольдмунд»

После долгих скитаний и лишений герой мечтает попасть в город мастера Никлауса, город, в котором он был так хорошо когда-то принят, где он не оправдал надежд, на него возложенных и отверг руку Лизбет и стабильную работу в качестве компаньона мастера. Стремление возвратиться к месту, где он был востребован окрашивало долгие одинокие, мрачные и голодные дни жизни бродяги. Через много лет вернувшись в город мастера Никлауса Гольмунд с помощью искусства живописи совершает виртуальное путешествие в прошлое. Герой увлечённо рисует лики людей, с которыми он встречался в жизни и многих из которых уже нет в живых. Герой пытается заменить реальность нереальностью, спасти свои воспоминания, исправить прошлое, прожить его по-иному, без потерь, воскресить всех незаслуженно им когда-то брошенных и преданных.

Экфрасис переводит в слово не объект и не код, а восприятие объекта и толкование кода. Экфрасис – означает в широком смысле «детализированное описание персонажей, предметов или событий...», а в узком смысле экфрасис «подразумевает описание произведений изобразительного искусства» (Перевод наш – С. С.) [5, с. 182]. Довольно точное определение понятия «иконический знак» представлено У. Эко в его знаменитом труде «Отсутствующая структура. Введение в семиологию»: «Иконические знаки не „обладают свойствами объекта, который они представляют“, но скорее воспроизводят некоторые общие условия восприятия на базе обычных кодов

восприятия, отвергая одни стимулы и отбирая другие, те, что способны сформировать некую структуру восприятия, которая обладала бы – благодаря сложившемуся опытным путём коду – тем же „значением“, что и объект иконического изображения» [3, с. 157]. Интересна и постулируемая самим Г. Гессе мысль о значении всякого символа, встречающегося на жизненном пути: «Всякое явление на земле есть символ, и всякий символ есть открытые врата, через которые душа, если она к этому готова, может проникнуть в недра мира, где ты и я, день и ночь становятся едины. Всякому человеку попадают то там, то тут на жизненном пути открытые врата, каждому когда-нибудь приходит мысль, что все видимое есть символ и что за символом обитают дух и вечная жизнь. Но немногие входят в эти врата и отказываются от красивой видимости ради прозреваемой действительности недр» [1, с. 116]. Использование принципа изобразительного искусства в художественном произведении позволяет автору от конкретного образа перейти к обобщению жизненных наблюдений. Г. Гессе удается от личностного воспоминания о матери Гольдмунда перейти на уровень всечеловеческого миропонимания: «Несколько раз он намечал также тонкими неопределёнными штрихами большую женскую фигуру матери-земли, сидящую с руками на коленях, с лёгкой улыбкой на лице, с печальными глазами. Бесконечно благодатно действовало на него это излияние, чувство рисующей руки, власть над видениями» [2, с. 201] («*Mehrmals auch deutete er mit dünnen, ahnenden Strichen eine große Frauengestalt an, die Erdenmutter, sitzend mit den Händen im Schoß, im Gesicht unter schwermütigen Augen ein Hauch von Lächeln. Unendlich wohl tat ihm dies Strömen, das Gefühl in der zeichnenden Hand, das Herrwerden über die Gesichte*» [4, с. 251]). Писатель создает в повествовании иконический образ матери, обращаясь к экфрастическому изображению с многочисленными уточнениями и детализированным описанием.

3. Трансформация и архетипический образ

Изображенный образ матери Гольдмунда трансформируется в образ Праматери. В конце своего жизненного пути, угасая, Гольдмунд все явственнее представлял образ матери: «Я лежал, и в груди у меня нестерпимо жгло, и я сопротивлялся и кричал, но вдруг услышал чей-то смеющийся голос – голос, который я не слышал с самого детства. Это был голос моей матери, низкий женский голос, полный сладострастия и любви» [2, с. 263] («*Ich lag, und in meiner Brust tat es brennend weh, und ich wehrte mich und schrie, aber da hörte ich eine Stimme lachen – eine Stimme, die ich seit meiner Kindheit nicht mehr gehört hatte. Es war die Stimme meiner Mutter, eine tiefe Frauenstimme, voll von Wollust und Liebe*» [4, с. 331]). В описании иконического образа матери автор использует прием интермедальности, объединяя звуковые и живописные элементы повествования. Жизненный путь Гольдмунда сопровождается актом мышления об истине и превращается в акт понимания её сущности. Последними словами Гольдмунда были слова о матери: «Без матери нельзя любить. Без матери нельзя умереть» [2, с. 265] («*Ohne Mutter kann man nicht lieben. Ohne Mutter kann man nicht sterben*» [4, с. 333]). Образ матери контаминируется с образами праматери Евы и матери-земли. Архетипический образ матери в произведении усиливается архетипической ситуацией возвращения к истокам.

ВЫВОДЫ

Художественный мир произведения «Нарцисс и Гольдмунд» отличается интермедийностью благодаря синкретизму звуковых и живописных включений в процессе детализированного изображения образа матери. Автор выстраивает ассоциативную связь: образ матери – цыганка Лизе – Мадонна мастера Никлауса – Ева-мать. Сакральность затронутых в сказке космогонического и эсхатологического мотивов порождается периодической повторяемостью обращения к экфрасическому изображению матери Гольдмунда в знаковые моменты жизни героя.

Список литературы

1. Гессе Г. Повести, сказки, легенды, притчи / Г. Гессе. Собрание сочинений: в 4 т.: пер. с нем. – Т. 1. – СПб.: Северо-Запад, 1994. – 607 с.
2. Гессе Г. Повести, сказки, легенды, притчи / Г. Гессе. Собрание сочинений: в 4 т.: пер. с нем. – Т. 3. – СПб.: Северо-Запад, 1994. – 510 с.
3. Эко У. Отсутствующая структура : введение в семиологию / У. Эко ; пер. с итал. В.Г. Резник и А.Г. Погоняйло. – СПб. : Симпозиум, 2004. – 544 с.
4. Hesse H. *Narziss und Goldmund* / Hermann Hesse. – 2. Aufl. – Berlin ; Weimar : Aufbau-Verlag, 1972. – 333 S.
5. Metzler Lexikon Literatur : Begriffe und Definitionen / begr. von Günther Schweikle und Irmgard Schweikle ; hrsg. von Dieter Burdorf, Christoph Fasbender und Burkhard Moennighoff. – Stuttgart ; Weimar : Metzler, 2007. – 3., völlig neu bearb. Aufl. – 845 S.

ECPHRASTICAL CONCEPT OF THE H. HESSE'S NOVEL «NARCISSUS AND GOLDMUND»

Sdobnova S. V.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: svetlana.sdobnova@mail.ru*

The article presents the concept of ecphrasis in H. Hesse's work «Narcissus and Goldmund». Relevance of this research is caused by studying features of the artistic style of H. Hesse, that appears in creation of the images in his fictional works.

The aim of the present research is to define and study the concept of the artistic world image in H. Hesse's narrative «Narcissus and Goldmund».

The stated purpose of the research requires the following tasks to be fulfilled: to reveal and characterize the writer's esthetic views, to define and analyze a style dominant that appears in the description of images in H. Hesse's narrative.

In this work the following methods of research have been used: a biographical, comparative and typological methods as well as cultural and historical ones, a structural-semiotic method and the method of literary hermeneutics.

The action of the story «Narcissus and Goldmund» («Narziss und Goldmund», 1930) happens in the medieval Germany. The author emphasizes the concept of counterparts' unity where cheerfulness is opposed to asceticism.

The interaction of the main characters – Goldmund and the Narcissus – allows the author to build the process of rebirth of the main character consistently. Thanks to ability to understand the inner world of another person, Narcissus “pushes” Goldmund to search for the meaning of life outside the monastery walls.

The author shows, that Narcissus thinks it was highly important for Goldmund to find himself as well as to “return” to the sources, and to the image of the forgotten mother. After long wanderings and deprivations the

main character dreams to get to the city of the master Niklaus, the city in which he has once been so well accepted and where he hasn't equaled hopes that had been put upon him and has rejected Lizbet's hand and a permanent work as the master's partner. After many years having returned to the city of the master Niklaus Golmund by the means of art of painting makes a virtual trip to the past. The hero with enthusiasm draws faces of people which he met in real life and many of which are already dead. The hero tries to replace reality with unreality, to rescue the memoirs, to correct the past, to live it on other, without loss, to revive all unfairly with him once thrown and betrayed.

Ecphrasis means in a broad sense the detailed description of characters, objects or events. Use of a form of the fine arts in fictional work allows the author to pass from exact image to synthesis of life experience. The represented image of Goldmund's mother is transformed to the image of the Foremother. At the end of the life journey, dying, Goldmund represented the image of his forgotten mother more and more clearly. In the description of the iconic image of the Foremother the author uses reception of intermediation, uniting in the narration sound and picturesque elements. Golmund's life journey is followed by the act of thinking of truth and turns into the act of understanding of its essence.

The artistic world of the narrative «Narcissus and Goldmund» differs in intermediation thanks to syncretism of sound and picturesque inclusions in the course of the detailed description of mother's image. The author builds associative coherence: mother's image – Gipsy Lisa – Madonna of the master Niklaus – Foremother. Sacrality of the cosmogonic and eschatological motives affected in the story is generated by periodic repeatability of the addressing the ecphrastic image of Goldmund's mother in sign moments of main character's life.

Such main characteristics of the ecphrastic image-symbol of Foremother, as archetypicalness, intermediation are defined and analyzed.

Keywords: archetype, intermediation, image, symbol, ecphrasis.

УДК 821.111(73)

КОНФЛИКТ ГЕРОЯ И СРЕДЫ В УНИВЕРСИТЕТСКОМ РОМАНЕ ТОМА ВУЛФА «Я – ШАРЛОТТА СИММОНС»

Сердюк Е. Н.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: helenserdyuk@mail.ru*

Попав в число интеллектуальных бестселлеров последних десятилетий, университетская проза стала одним из выдающихся литературных явлений рубежа XX-XXI веков, отличительной чертой которого является детализированное описание повседневной жизни университетских кампусов в сочетании с постановкой и обсуждением существенных нравственных и социальных проблем. В статье рассматривается проблематика университетского романа Тома Вулфа «Я – Шарлотта Симмонс».

Ключевые слова: университетский роман, Том Вулф, академическая среда, социально-классовое неравенство.

ВВЕДЕНИЕ

«Университетский роман», являющийся жанровой разновидностью современной литературы, появился совсем недавно. Как особое художественное явление данный тип романа был осознан в 50-60-х годах XX столетия и на данном этапе претерпевает период настоящего возрождения. Современные авторы разных стран все чаще устремляют своё внимание к этому жанру, который позволяет им на фоне обыденной студенческой жизни осветить насущные нравственные и социальные проблемы.

Само явление университетской прозы ассоциируется, прежде всего, с англо-американской культурой, так как высшая школа играет важную роль в общественной жизни этих стран и отождествляется с «цитаделью культурных и нравственных ценностей, с фундаментом гражданского воспитания» [1, с. 57].

По мнению литературного критика Вильяма Дересевича университетская жизнь уже давно не представляет собой профессионально замкнутое пространство, поскольку переместилась в центр общественного внимания. Этот факт является основополагающим в определении отличительных черт университетской прозы на современном этапе [2].

Среди британских авторов, проявивших интерес к университетской прозе, следует отметить Дэвида Лоджа («Тесный мир», 1984), Кингсли Эмиса («Счастливчик Джим», 1954), Хоуэрда Джекобсона («Пришедший из прошлого», 1983). Произведения данных писателей отмечены социальной остротой и постижением глубоких общечеловеческих проблем. Дэвид Лодж остаётся, пожалуй, единственным среди писателей, кто «сохраняет верность университетскому роману в начале XXI века, поскольку в Великобритании последних десятилетий интересующий нас жанр заметно скудеет» [3].

В США наблюдается совсем иная картина: жанр университетского романа становится всё более популярным. Академическая среда привлекла внимание Дона Делилло («Белый шум», 1985), Ричарда Руссо («Прямой человек», 1997), Филипа Рота

(«Людское клеймо», 2000) и основоположника школы американского «нового журнализма» Тома Вулфа («Я – Шарлотта Симмонс», 2004).

Актуальность данной работы обусловлена направленностью современных литературных исследований на изучение особенностей жанра университетской прозы, а также тенденцией к его глубокому анализу.

Основной **целью** предпринятого исследования является рассмотрение конфликта героя и среды в университетском романе Тома Вулфа «Я – Шарлотта Симмонс».

Научная новизна работы объясняется предпринятой попыткой восполнить пробел в изучении творчества Тома Вулфа, существующий на сегодняшний день в отечественном литературоведении.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Конфликт человека и социума как основа университетской прозы Тома Вулфа

В истории жанра университетского романа огромное значение всегда уделялось кампусной среде, в рамках которой осуществлялось становление главных героев как личностей, её характеристике, устройству и коллизиям.

В. Набоков стал одним из первых авторов, попытавшихся отобразить в своих произведениях конфликт героя и среды. В одном из своих романов под названием «Пнин» (1956) он представил читателям особый тип главного персонажа, интеллектуала по натуре, совершенно не вписывающегося в академический мир. Попытку подобного рода предпринял и Том Вулф, написав роман «Я – Шарлотта Симмонс».

Том Вулф (1930), журналист и социальный комментатор, автор нескольких книг и статей, фактически вошёл в литературу как основоположник «нового журнализма». Вулф неоднократно акцентировал внимание на иссякших модернистских концептах и экспериментах при изображении современного состояния общества. Современные романисты, с его точки зрения, далеко ушли от старых литературных традиций, изображая психологию одиночки, оторванного от общества, что противоречит самой природе романа [4]. Поэтому журналистский роман и вынужден был взять на себя почётную функцию жанра – изображать человека в обществе, обрисовывая его привычки и характеры. При этом такого рода изображение всегда базируется на мелких истинных фактах, придающих произведению достоверность.

Университетский роман Тома Вулфа «Я – Шарлотта Симмонс» стал примером взаимодействия романских и документальных техник; сочетание художественного вымысла и факта (как и во многих других произведениях об академической жизни) является здесь ключевым мотивом. Читатели всегда ожидают от кампусных романов реалистичности, поскольку в них показана существующая на самом деле образовательная система в реальных учебных заведениях.

Анализируя многочисленные отзывы критиков на роман «Я – Шарлотта Симмонс», стоит отметить, что положительных среди них совсем немного. Мнение многих рецензентов объединяет провал со стороны Вулфа облачить в необходимую романную форму фактический материал и создать психологически убедительные образы. Но неоспоримым остаётся наличие в произведении скрупулёзного описания противостояния героя академическому сообществу и попытки разоблачить внутреннюю конфликтность изображаемой среды.

Одной из отличительных черт «нового журнализма» является погружение автора в исследуемую тему, а именно поиск, сбор и тщательный анализ соответствующего материала. Таким образом, стремясь воспроизвести собирательный портрет современного поколения, Том Вулф, как преданный представитель данного течения, провёл наблюдателем около четырёх лет в университетских кампусах Гэйнсвилла, Нью-Йорка и Северной Каролины. Автор задался целью погрузиться журналистским методом в сознание молодых студентов, а также понять, что на самом деле происходит внутри этих образовательных учреждений.

Тщательно изучив все нюансы кампусной Америки 90-х годов XX века и осознав, что главная угроза стране исходит не от мусульманских террористов, а от подрастающей интеллектуальной элиты, Том Вулф решил прибегнуть к «архаичному» литературному жанру и написать своего рода роман-воспитание, содержанием которого является психологическое, нравственное и социальное формирование главного героя.

«Я – Шарлотта Симмонс» иллюстрирует все жанровые особенности университетской прозы. Здесь мы наблюдаем ограничение художественного пространства территорией университета и времени действия – рамками учебного года или семестра, а также интерес к процессу становления героя под воздействием учебного заведения.

2. Проблематика университетского романа Тома Вулфа «Я – Шарлотта Симмонс»

Действие романа «Я – Шарлотта Симмонс» разворачивается в некоем вымышленном учебном заведении Дьюпонт (в городе Честер, штат Пенсильвания) для отпрысков богатых и знаменитых семей. В этот элитный университет попадает провинциалка из горной части Южной Каролины Шарлотта Симмонс, которая благодаря способностям, отменному трудолюбию и высоким баллам, получает возможность учиться бесплатно.

Шарлотта невероятно одарённая, но одинокая девушка, по воле судьбы родившаяся в глухом городке Спарта, где у её амбициозной натуры нет абсолютно никаких перспектив. Одноклассники девушку презирают за правильность и её несокрушимые моральные ценности, взрослые гордятся, но слегка побаиваются общаться со слишком умной девушкой. Впрочем, люди в родном городе не интересуют Шарлотту. Она мечтает поступить в Дьюпонт, один из лучших университетов, где что не ученик – гений чистой воды. Каково же её разочарование, когда Шарлотта понимает, что Дьюпонт – та же Спарта, только гораздо богаче. Все, кто её окружают, не заслуживают даже внимания этой одарённой девушки – наглая золотая молодёжь, пропивающая все деньги, гламурные девушки, туповатые спортсмены и ботаники-слюнтяи вызывают только отвращение по сравнению с главной героиней.

В романе Шарлотта выступает в роли «наивного наблюдателя». Данный приём, известный ещё со времён эпохи Просвещения, был выбран Вулфом намеренно для чёткой передачи нравов студенческой среды начала XXI века.

Дьюпонтский кампус в изображении Тома Вулфа предстаёт перед читателем в виде своего рода притона. Его элитой считается совсем не интеллектуально образованная молодёжь, способная мыслить критически (с неким пренебрежением автор называет их «ботаниками», «мутантами миллениума»), а накачанные спортсмены-атлеты.

Несмотря на элитный статус Дьюпонтского университета, его студенты обременены лишь мыслями о сексе, алкоголе и социальном статусе. Интересы и желания студентов сфокусированы на приобретении материального богатства, физического удовольствия и высокого положения в обществе, а само обучение в университете важно лишь потому, что помогает достичь этих целей. В прямом смысле спустившись с гор на землю и оказавшись в незнакомой атмосфере университетской безнравственности, Шарлотта поставлена перед простым выбором: соответствовать или нет.

Изображение кампусной действительности в романе «Я – Шарлотта Симмонс» сопровождается гиперболизированной демонстрацией социального расслоения. Через весь роман Том Вулф навязчиво проводит параллель между средневековым городом-монастырём и Дьюпонтским университетом начала XXI века. Архитектурная псевдоготика кампуса иронически оттеняет главное сходство – кастовость общества и иерархичные, зависящие исключительно от количества тестостерона у самцов, отношения внутри каст.

Повествуя об устройстве университетской жизни, Том Вулф, устами одного из главных героев, Хойта Торпа, формулирует свою теорию: подобно тому, как в средневековье наблюдалось социальное расслоение на воинов, духовенство и рабов [5, с. 107], обитатели современного кампуса делятся на членов братства, спортсменов и молодых интеллектуалов. Каждая из этих общественных групп значительно изолирована от остальных, однако их объединяет невозмутимая уверенность в том, что только их представители олицетворяют славу и популярность Дьюпонта и заслуживают уважение всего студенческого сообщества.

Одной из ключевых тем романа «Я – Шарлотта Симмонс» является проблема социально-классового неравенства. В ходе прочтения романа станет известно, что практически все соседи Шарлотты по общежитию и аудитории являются представителями «золотой молодёжи», утопающей в роскоши. Иллюстрируя социальные противоречия, Том Вулф развивает свою излюбленную тему о крайней важности социального статуса для любого американца.

Конфликт главной героини с академической средой можно объяснить неприятием текущего положения вещей. Долгое время она не может вписаться в университетскую жизнь, в которой выглядишь жалкой пайнкой, если не придерживаешься принятых кампусных «уставов». «Я – Шарлотта Симмонс», – повторяет девушка в качестве заклинания, не позволяющего ей опуститься ниже чувства собственного достоинства.

Пытаясь воссоздать панорамную картину духовной и нравственной деградации кампусного мира, Том Вулф прибегает к использованию таких свойственных университетской прозе средств как ирония и гипербола. Иронический эффект с элементами преувеличения наблюдается уже хотя бы в том, что мир университетской науки изображён автором как нечто абсолютно неакадемическое, где заглавный интерес представляют спорт, секс и алкоголь, а не учёба. «Мутанты миллениума», «ботаники в очках», представители интеллигенции университета Дьюпонт, на своих еженедельных собраниях, помимо прочих вопросов, обсуждают значение слова «круто», а белый спортсмен Джоджо, который в силу своих умственных способностей не в состоянии выполнить самостоятельно домашние задания и прибегающий к помощи вышеупомянутых «ботаников», пытается познать себя. Он берётся за чтение греческой литературы и начинает посещать курс по философии повышенной сложности.

Вулф крайне жестоко обходится с главной героиней: на первых страницах романа Шарлотта подвергается идеологическому прессингу, затем физическому насилию, в результате чего её розовые очки окончательно слетают с носа. Вулф намеренно выбрал своей героиней давно вымерший литературный тип – девственно наивную умницу с принципами, чтобы читателю было максимально неловко наблюдать за тем, как уродует действительность это нежное создание. Положительный главный герой явно призван подчеркнуть и усилить критикуемое автором университетское окружение, при этом сам он повисает в опасной пустоте, грозя разрушить хрупкое ощущение подлинности. Конечно, гордая и честная провинциалка Шарлотта Симмонс, сгорающая на «кострах собственных амбиций», подобно птице феникс, сумеет возродиться из пепла и обрести своё прежнее «Я». Конфликт романа Тома Вулфа заключается в осознании того, что между реальной личностью и социальной ролью лежит огромная пропасть, и главная задача любого юноши и любой девушки в студенчестве – преодолеть эту пропасть, найти свой собственный путь и перестать оглядываться на окружающих.

ВЫВОДЫ

Изначально присущие университетской действительности особенности в романе «Я – Шарлотта Симмонс» доведены автором до крайности. Органичное соединение, казалось бы, исконно американского и всеобщего, злобы дня и вечного придаёт университетскому роману Тома Вулфа особую значимость и весомость. Огромное интеллектуальное, психологическое и социальное напряжение, которым насыщена художественно воссозданная атмосфера университетского кампуса, наделяет данное произведение интеллектуально-философским потенциалом, который открывает новые перспективы решения конфликта героя и среды и даёт новые импульсы для осмысления собственного места в мире.

Список литературы

1. Люксембург А. М. Англо-американская университетская проза. История, эволюция, проблематика, типология / А. М. Люксембург. – Ростов-на Дону: Изд. Ростовского гос. ун-та, 1988. – С. 29.
2. Deresiewicz W. Love on Campus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.theamericanscholar.org/su07/love-deresiewicz.html> (дата обращения: 10.03.2016).
3. Edemariam A. Who's Afraid of the Campus Novel? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://books.guardian.co.uk/review/story/0,12084,1317066,00.html> (дата обращения: 16.03.2016).
4. Вулф Т. Новая журналистика и Антология новой журналистики / Том Вулф. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2008. – 574с.
5. Wolfe T. I am Charlotte Simmons / Tom Wolfe. – New York: Farrar Straus Giroux, 2004. – 676p.

THE CONFLICT OF HERO AND THE ENVIRONMENT IN TOM WOLF'S CAMPUS NOVEL "I AM CHARLOTTE SIMMONS"

Serdyuk E. N.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: helenserdyuk@mail.ru*

The article deals with the range of problems raised by Tom Wolf in his campus novel "I am Charlotte Simmons".

Having become a part of intellectual best-sellers of the last decades, campus novel appeared to be one of the most striking literary phenomena at the turn of the XX-XXI centuries. The writing of everyday life, consideration of urgent moral and social issues prevails here.

The phenomenon of academic prose is connected first of all with English and American cultural space. This fact can be accounted for the role of higher school in social life of these countries, where university takes a special place not only in economics, but also in stratification system of modern society, and is identified as a citadel of cultural and moral values, as a basis of civil education. Literary scholars claim that university life has ceased to be something professionally closed and transferred into the center of social attention – this is the basic principle which determines the features of campus novel at the present stage. This fact can explain the turn of many significant writers to university prose and the appearance of new works of this genre, which are filled with social topicality and comprehension of deep universal problems.

At the beginning of the XXI century particular attention in campus novels was paid to the conflict of hero and their environment, which initially could be traced in V. Nabokov's prose. This hero represents a peculiar type of intellectual who does not fit in with his or her university surroundings and is alien to it. Tom Wolf's campus novel "I am Charlotte Simmons" proves that the problem of man and society serves as a basis for modern campus novels.

Trying to reconstruct the collective portrait of new generation, Tom Wolf spent four years as an observer in the campuses of Gainesville, New York and in highland districts of North Carolina in order to penetrate with his journalistic method into the minds of eighteen-twenty year old students and realize what goes on inside these temples of science and education.

After the thorough examination of the details of modern campus America and realization that the main threat for the country originated not from Muslim terrorists but from intellectual elite, Tom Wolf decided to resort to archaic literary genre and write the so-called educational novel, aimed at psychological, moral and social formation of the main hero. Reflecting upon campus educational novels, it should be pointed out that special place here is taken by the surroundings of the heroes, the influence of which they experience as well as exert their own influence upon. University traditions also play an important role as far as they help to form the personality of the hero, regulate his or her behavior in campus and predict the development of one's human qualities.

"I am Charlotte Simmons" illustrates all genre features of academic prose with its principles of a finite and enclosed space which is limited by the framework of academic year or semester. Here the author raises the whole range of problems: social inequality, sex revolution, race discrimination, male domination, etc.

Distinctive characteristics that are inherent in academic reality are driven in Tom Wolf's campus novel to extremity, to the boiling point and become obvious to the readers. Organic combination of primarily American and universal features, of the topics of the day and eternal themes lends increasing importance and weight to the novel "I am Charlotte Simmons". Tom Wolf's atmosphere of university campus is saturated with great intellectual, psychological and social tension which in its turn provides the given work of art with philosophical potential, offers new challenges for the solution of the conflicts between characters and their environment and gives new impulses for the realization of one's own place in the world.

Keywords: campus novel, Tom Wolfe, academic environment, social inequality.

УДК 82-311.1

ФУНКЦИИ СИМВОЛИЧЕСКОГО ОБРАЗА КНИГИ В РОМАНЕ МИШЕЛЯ БЮТОРА «ИЗМЕНЕНИЕ» (1957)

Силин В. В.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: vlsilin@yandex.ru*

В работе были определены функции символического образа книги романа Мишеля Бютора «Изменение». Желание героя написать книгу, то есть, вернуться к началу своих воспоминаний, чтобы снова пережить их, придает сюжету негативное значение цикличности, выражающей невозможность решения проблемы выбора, с которой он столкнулся. Вместе с тем, книга, как «источник знаний», имеет позитивное символическое значение, указывающее на возможность решения этой проблемы. Благодаря этим функциям символического образа книги роман Бютора представляет, вместо однозначной идеи, альтернативу противоположных идей и предлагает читателю занять место героя и попытаться решить его проблему. Способствуют этому также иные приемы французского «нового романа», такие, как повествование в виде «потока сознания», герой, лишенный индивидуальности, архетипическая ситуация в основе сюжета, не географическое пространство и не историческое время и др., поскольку Мишель Бютор является видным представителем этого литературного направления.

Ключевые слова: контекстуальная интерпретация, имманентная интерпретация, прагматика, каталогизатор повествования, символ, миф.

ВВЕДЕНИЕ

В романе «Изменение» очень простой сюжет. Героя зовут Леон Дельмон, ему 45 лет, он работает директором парижского филиала итальянской фирмы «Скабелли» и занимается продажей пищащих машинок этой фирмы. Он едет в поезде из Парижа, где у него семья – жена Анриетта и четверо детей, в Рим, где живет его любовница Сесиль. У него есть план: он собирается привезти любовницу в Париж, чтобы жить с ней, и развестись с женой. Однако «микрособытия» (термин автора), происходящие во время поездки, заставляют героя засомневаться в правильности своего решения. «Эта поездка должна была принести тебе свободу, молодость, великое очищение тела и души; почему же ты не испытываешь уже сейчас ни воодушевления, ни счастья? Откуда эта сковавшая тебя вялость, чтобы не сказать больше – оцепенение?», – размышляет он. А по прибытии в Рим он и вовсе передумывает встретиться с любовницей, так как вдруг осознает, что любит Сесиль «лишь постольку поскольку она воплощает для тебя образ Рима, его голос, его зов, что ты не любишь ее без Рима и вне Рима» [1, с. 202]. Это значит, что любовь Леона к Сесиль живет только в романтическом ореоле Рима, а в обыденной для него парижской жизни она может исчезнуть. Поэтому герой решает продолжать «тянуть ляжку у Скабелли ради детей, ради Анриетты, ради себя самого», хотя и признается, что, приехав в Рим, он не сможет отказаться от встреч с Сесиль [1, с. 227]. То есть, он отказался от своего плана, решив оставить все, как было. И задумал новый план – захотел написать книгу с изложением своей проблемы: «Я должен написать книгу; только так я смогу заполнить возникшую пустоту, свободы выбора у

меня нет, поезд мчит меня к конечной остановке, я связан по рукам и ногам, обречен катиться по этим рельсам» [1, с. 227].

Самое явное, *контекстуальное* толкование идейного содержания романа является *социально-критическим*, в котором герой представляет собой отрицательный *тип* нерешительного человека, неспособного совершить серьезный поступок. Даже его любовь к Сесиль оказывается ненастоящей, так как она не существует вне Рима. Так интерпретирует роман Бютора, например, О. А. Васильева, которая видит в неспособности героя принять важное решение «изменение героем первоначального плана переустройства собственной жизни», а в его желании написать книгу – «стремление обрести свои исторические корни» [2].

Однако такое толкование «Изменения» не может быть полным, поскольку Мишель Бютор является одним из видных представителей французского «нового романа», сформировавшегося в начале 50-х годов прошлого века и гармонически сочетающего в себе многие открытия мастеров модернизма XX века. Его роман содержит *универсальную* идейную концепцию, которую возможно постичь только путем *имманентной* интерпретации его структурной поэтики.

Исследовательской **целью** данной работы является определение функций символического образа книги. Для достижения поставленной цели были поставлены следующие **задачи**: определить роль необычной формы повествования романа; выявить своеобразие героя, лишённого индивидуальности; описать особенности сюжета и хронотопа романа; осуществить анализ функций символического образа книги.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Форма повествования

Форма повествования романа «Изменение» совершенно необычна, так как оно представляет собой сплошной «поток сознания» героя, но с одной особенностью: начиная с первой фразы «Ты ставишь левую ногу на медную планку» и до финала романа герой, рассказывая о себе, постоянно говорит «ты» (в оригинале «вы») [1, с. 26]. Форма повествования от второго лица явно диалогична, и в ней выражено характерное для «нового романа» обращение героя к читателю с предложением занять его место и решить его проблему. Такая *прагматика* характерна для всех произведений «нового романа», так как в них постоянно применяются различные способы заставить читателя стать на место героя, чтобы попытаться решить задачу, с которой герой не справляется.

2. Свообразие героя

Для того, чтобы читатель мысленно поставил себя на место героя новороманисты подбирают соответствующего персонажа. Если в классическом реалистическом произведении это «он», «другой», то в «новом романе» – «любой». Такова цель «нового романа»: герой лишается индивидуальности, чтобы читатель мог легко представить себя на его месте. Именно поэтому, как отмечает А. Ф. Строев, у героя Бютора «внешности нет, средний возраст, средний достаток» [3, с. 440]. Действительно, информация о Леоне Дельмоне минимальна. В романе невозможно получить полного представления о характере героя, так как не описаны его отношения ни с сотрудниками, ни с членами семьи. Мнение о характере героя можно было бы составить по

диалогам, но в его «потоке сознания» они практически отсутствуют. Это совершенно одинокий, отчужденный человек, погруженный в размышления, который сам избегает общения. «Боже, они собираются завести разговор! Только б оставили меня в покое!», – думает он, замечая, что его пожилые попутчики захотели с ним пообщаться [3, с. 169]. Но именно такой герой, на месте которого может представить себя любой читатель, и нужен Бютору, так как он стремится заставить читателя самому решить проблему героя.

3. Особенности сюжета и хронотопа

В реалистическом произведении сюжет определяется как «анекдот» (термин Ю. Лотмана), в основе которого лежит типическая ситуация. Пространство в таком сюжете географическое, так как может конкретно определяться на карте земного шара, а время – историческое, т.е. соотносимое с определенными событиями всемирной истории. В «новом романе» сюжет определяется как «миф» (термин Ю. Лотмана), так как он основан на *архетипической* ситуации, выражающей *универсальное* значение. Ситуация, в которой оказался Леон Дельмон, определяется как проблема выбора: он должен сделать выбор между женой и любовницей. Эта ситуация, на первый взгляд, кажется типической, но на деле является архетипической, так как с проблемой выбора люди сталкиваются постоянно. Пространство в «новом романе» не географическое, для этого представители этого направления обычно не указывают его место нахождения и ограничивают его, предпочитая остров, храм, тюремную камеру и т.п. У Бютора можно отметить географическое пространство, так как герой находится в поезде, который едет из Парижа в Рим. Внимание Леона Дельмона в основном направлено на это замкнутое пространство, которое он детально описывает: купе поезда, пейзажи за окном; но чаще всего он рассматривает пассажиров, а поскольку общение отсутствует, то он придумывает им имена, пытается представить их характер и профессию. Окружающее пространство необходимо писателю для *катализации* повествования, так как наблюдения за «микрособытиями», происходящими в вагоне, создают ассоциации, которые вызывают у героя воспоминания и размышления о его личной проблеме. В отличие от внешнего пространства, пространство «потока сознания» не географическое и огромное; по образному выражению Строева, «в тесное пространство купе втягиваются Париж и Рим, жизни двух женщин – жены Анриетты и любовницы Сесиль» [3, с. 140]. В «новом романе» время не историческое, так как его невозможно связать с конкретными историческими событиями. В романе Бютора историческое время можно определить только приблизительно – это период истории человечества, когда пользовались пишущими машинками итальянской фирмы «Скабелли». Историческое время в романе ограничено, так как поездка героя длится 22 часа. Но в «потоке сознания» время не историческое и не имеет ограничений, герой в своих воспоминаниях перемещается на разные временные расстояния и время событий, о которых он вспоминает, не фиксируется.

Вполне очевидно, что особенности сюжета романа «Изменения» и его хронотоп логически сочетаются с особым героем, который определяется как «любой», и все эти элементы служат одной прагматической цели – заставить читателя представить себя на месте героя романа.

4. Функции символического образа книги

Желание героя романа «Изменение» написать книгу, в которой он хочет описать все, что пережил в поезде, означает возвращение к началу событий и их повторению, что представляет архетипическую ситуацию романа *циклической*, постоянно повторяющейся, что свойственно *мифу*. Цикличность демонстрирует бесконечное повторение ситуации, в которой человек оказывается неспособным сделать окончательный выбор, и имеет негативное значение. Однако книга является в этом романе *символом*, выражающим традиционное позитивное значение «источника знаний», потому что, по мнению героя, она, может быть, «расчистит путь грядущей, недостижимой для нас свободы» [3, с. 229]. Такое позитивное значение образа книги свидетельствует об открытости финала романа, указывая на вероятную возможность преодоления фатализма архетипа. В результате, в романе, вместо определенного вывода, предлагается альтернатива идей: то ли смириться с невозможностью сделать выбор, то ли попытаться найти способ решения проблемы.

Подобный способ введения символического образа книги впервые применил Марсель Пруста, когда в последнем романе «Обретенное время» из цикла «В поисках утраченного времени» его герой решил написать роман, чтобы снова пережить в воспоминаниях события своей жизни.

ВЫВОДЫ

Таким образом, роман «Изменение» представляет собой оригинальное произведение, в котором герой проявляет себя типичным и нетипичным, когда описанная ситуация определяется как типическая и архетипическая, пространство проявляется как географическое и не географическое, а время как историческое и не историческое, и символический образ выражает негативное и позитивное значение одновременно. Все эти художественные средства служат выражению возможности и невозможности решения вечной проблеме выбора для того, чтобы заставить читателя поставить себя на место героя и попробовать решить его проблему.

Чаще всего исследователи не замечают в романе Бютора ни архетипической ситуации, ни указания на возможность выхода из этой ситуации, подсказанного символическим образом. Они ограничиваются поверхностной контекстуальной интерпретацией, которая определяет в романе «Превращение» лишь типическую ситуацию, поэтому просто дают герою негативную оценку. Они видят в нем только бездеятельного героя, который не совершает поступков и не решает стоящую перед ним проблему.

А. Ф. Строев нашел в «Изменении» необычный конфликт – между автором и читателем. И, по его мнению, идейный конфликт романа решается, так как «Бютор здесь сумел разрешить одно из главных противоречий поэтики «нового романа»: противоборство между автором, уничтожающим персонажей, лишаящим их индивидуальности, и читателем, оживляющим, очеловечивающим их» [3, с. 440]. Конфликт, по его идее, завершается решением героя написать книгу: «Наезженная бытовая колея не отпустит его, он узник поезда времени; лишь написав Книгу, он изменит свой статус, сделается Автором, Творцом» [3, с. 440]. С такой интерпретацией нельзя согласиться, так как, во-первых, у А. Ф. Строева Леон Дельмон предстает героем, который нашел выход из сложного положения. Но на самом деле он решил ничего не менять, а в еще ненаписанной книге захотел только объяснить свою ситуацию для того, чтобы кто-ни-

**ФУНКЦИИ СИМВОЛИЧЕСКОГО ОБРАЗА КНИГИ В РОМАНЕ
МИШЕЛЯ БЮТОРА «ИЗМЕНЕНИЕ» (1957)**

будь из читателей попытался найти выход из подобной сложной ситуации. Недаром заглавие романа Бютора «Изменение» имеет ироническое значение, так как идейный конфликт романа не решается, и никаких изменений в жизни героя не происходит. Во-вторых, интерпретация А. Ф. Строева полностью игнорирует универсальность идейного конфликта романа, основанного на архетипичности ситуации, свойственной мифу.

Список литературы

1. Бютор Мишель. Изменение / М. Бютор. / В лабиринте / А. Роб-Грийе. Дороги Фландрии / К. Симон. Вы слышите? / Н. Саррот : романы. – М. : Худ. лит., 1983. – С. 26-140.
2. Васильева О. А. Романы Мишеля Бютора: Проблема жанра / О. А. Васильева. – Автореф. дис. на соискание научн. степени канд. филол. наук : спец. 10.01.05. «Литература народов Европы, Америки и Австралии» / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/gomany-mishelya-byutora#ixzz49PL8nbOq> (дата обращения: 03.05.2016)
3. Строев А. Ф. Мишель Бютор // Французская литература 1945-1990. – М. : Наследие, 1995. – С. 434-447.

**FUNCTIONS OF THE BOOK'S SYMBOLIC IMAGE
IN THE NOVEL «LA MODIFICATION» BY MICHEL BUTOR**

Silin V. V.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: vlsilin@yandex.ru*

The story of the novel «La Modification» is very simple. A man named Leon Delmont rides by the train from Paris to Rome. He has a plan: he's going to bring his mistress to Paris and divorce with his wife. However, the «microevents» occurring during the trip, force the man to doubt about his decision. Upon arrival in Rome, he suddenly realizes that he loves the mistress only in the romantic halo of Rome and that love will vanish in everyday Parisian life. So he decides to continue to live with his wife, although he recognizes that he will not be able to refuse to see the mistress. And he thinks about a new plan, he wants to write a book outlining the problem that he can't solve.

The explicit contextual interpretation of the novel is socio-critical, it presents the main character as a negative person, incapable of committing a serious act. However, this interpretation may not be the only one, because Michel Butor is one of the prominent representatives of the French «new novel» that harmoniously combines many discoveries of the masters of modernism of the XX century, who dedicated their writings to the universal problems.

The aim of this work is the definition of the functions of the symbolic image of the book, which gives the story a negative meaning of cycle inherent of the myth, and the positive meaning of the book as a «source of knowledge».

The narrative form of the novel «La Modification» is a continuous «stream of consciousness» of the main character, but with one peculiarity: speaking about himself, the narrator constantly says «you». This narrative form is dialogical and expresses the appeal of the author to the reader to solve the problem of his character. Such pragmatism is characteristic of the «new novel», that constantly used various methods to force the reader to take the place of the character.

In order to do this the representatives of the «new novel» select an appropriate character. If in the realistic piece of work the character is «he», «other», in the «new novel» he is «any», «everyman». The character is deprived of individuality, so that the readers could easily imagine themselves in his place. Indeed, there is few information about Leon Delmont.

In the realistic novel the plot is defined as a «anecdote», which is based on a typical situation. The space in such a plot is geographical, and the time is historical. In the «new novel» the plot is defined as «myth», as it is based on an archetypal situation. The situation, which turned out to Leon Delmont, is defined as the problem of choice. This situation is indeed archetypal, as we have to choose constantly. The space in the «new novel» is not geographical, it may be an island, a temple, a prison etc. In the Butor's novel it is possible to note a geographical space, as the character rides from Paris to Rome. Leon Delmont describes the space in detail: compartment of the train, scenery outside the window, but mostly he examines the passengers, trying to imagine their character and profession. The surrounding space is necessary for the writer to catalyse the narration, as the observation of «microevents» create associations with the hero's problem. Unlike outer space, the space of «stream of consciousness» is not geographical. In the Butor's novel historical time can only be estimated: it is a period of human history when we used typewriters. Historical time in the novel is limited, as the trip lasts 22 hours. But in the «stream of consciousness» time is not historical and has no restrictions. Leon Delmont in his memoirs moves to different temporal distances and the time of the events is not fixed. It is obvious that the plot of the novel «La Modification» and its chronotope are logically combined and serve the same pragmatic purpose: to force the reader to imagine himself in the place of the main character.

The desire of Leon Delmont to write the book in order to describe his problem means a return to the beginning of events and their recurrence. It presents the archetypal situation of the novel as a cycle that demonstrates the infinite repetition of the situation in which a person is unable to make a final choice, and has a negative meaning. However, the book in this novel expresses the traditional positive meaning of «source of knowledge». This positive image indicates the openness of the finale of the novel, pointing to the possibility of overcoming the fatalism of the archetype. As a result, Butor's novel offers alternative ideas: whether to accept the inability to make a choice, whether to try to find a way to solve the problem. Such a method of introducing a symbolic image in the book was first used by Marcel Proust, when in the last book of his novel «In search of lost time» his character decided to write a novel in order to relive in his memories the events of his life.

Thus, the novel «La Modification» appears as an original work in which the character manifests himself typical and atypical, when the described situation is defined as typical and archetypal, the space manifests itself as a geographical and not geographical, the time as historical and not historical, and symbolic image expresses the negative and positive meaning at the same time.

Keywords: contextual and immanent interpretation, pragmatics, catalyst of the narrative, symbol, myth.

УДК [930.2:003.071](477.75)

ЭПИГРАФИКА КРЫМА И КОЛЛЕКЦИЯ Э.И. СОЛОМОНИК: РЕСУРС ДЛЯ РАЗВИТИЯ

Старовойтова О. В.

*Заведующая библиотекой им. О. И. Домбровского, ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»
e-mail: starovoitova.oksana@gmail.com*

Работа посвящена обзору коллекции Э. И. Соломоник, находящейся на хранении в библиотеке ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН». Содержимое коллекции рассматривается в тесной связи с биографией и научными интересами владелицы. Особый упор делается на редкие книги в составе собрания.

Ключевые слова: редкая книга, книжная коллекция, маргиналии, эпиграфика, персоналии, античность, Крым.

ВВЕДЕНИЕ

Историческое многообразие Крымского полуострова нашло отражение во многих памятниках материальной культуры. Институт археологии Крыма РАН занимается проблемами исторического наследия разных эпох, сталкиваясь с различными наборами артефактов и, конечно, еще большим разнообразием их интерпретаций. Поэтому в библиотеке нашего учреждения представлен достаточно широкий спектр литературы по смежным дисциплинам. Одной из важнейших является эпиграфика – наука, требующая обширных знаний, как в филологии, так и в археологии и истории, а также широчайшего кругозора исследователя.

Целью данной работы является представление коллекции выдающегося эпиграфиста – Э. И. Соломоник – и для ее достижения требуется решение следующих **задач**: рассмотреть состав коллекции, выявить наиболее репрезентативные экземпляры и проследить их связь с биографией владелицы.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Биография Э. И. Соломоник

Одним из ведущих специалистов в области эпиграфики Крыма была Элла Исаковна Соломоник, чья коллекция была передана в фонд библиотеки ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН» в 1997 г. Она родилась 11 июня 1917 г. в г. Екатеринбурге, все детство и юность провела в Ленинграде, где увлеклась классической филологией и историей древнего мира. Во время Великой Отечественной войны она не прерывала свою научную деятельность, и в эвакуации преподавала в Сарапульском филиале Ижевского университета. Уже в 1948 г. она, под руководством академика С. Я. Лурье, блестяще защищает кандидатскую диссертацию «Ксенофонт, Кир Младший и Лисандр как предшественники эллинизма» [1].

После защиты Э. И. Соломоник была направлена на работу в Крым, в новообразованный отдел истории и археологии Крымской базы Академии наук СССР под руководством П. И. Шульца, что послужило переломным моментом в ее жизни. П. И. Шулец предложил ей, помимо общей для того периода просветительской

работы по чтению лекций в разных учреждениях, заняться неразработанной темой греческих надписей. Здесь открылось широчайшее поле для исследователя: до этого многие лапидарные коллекции, не говоря уже о граффити и дипинти, находились в состоянии первичной обработки. Более ранние попытки прочтения надписей нуждались в уточнении и переосмыслении, новые раскопки на античных объектах становились все более масштабными. В результате многолетних исследований, Э. И. Соломоник было выпущено более 140 работ, среди которых 8 монографий [28, с. 180], такие как «Сарматские знаки Северного Причерноморья» [24], «Новые эпиграфические памятники Херсонеса» [19], и «Новые эпиграфические памятники Херсонеса: Лапидарные надписи» [20]. В дальнейшем тема херсонесских надписей на долгие годы стала приоритетной среди других, в результате чего появились книги «Граффити античного Херсонеса» [11], которая стала основой ее докторской диссертации, «Граффити с хоры Херсонеса» [17], и «Латинские надписи Херсонеса Таврического» [18]. Помимо этого, большой вклад она внесла в изучение темы истории тавров [22] и такого спорного по сей день понятия как «страна Дори» [21].

Еще одним важным аспектом ее деятельности было изучение вопроса истории евреев в Крыму. Под ее редакцией вышел первый в своем роде сборник «Евреи Крыма» [13]. В частности, раздел *Personalia* [13, с. 110-127], до сих пор является ценным источником по краткой биографии крымских евреев [29]. Ее именем была названа премия Крымского республиканского фонда культуры АР Крым в области изучения истории крымских евреев, которая присуждалась в 1994, 1996 и 1997 г. [30].

С 1950 г. Элла Исааковна начинает свою преподавательскую деятельность. Ее первой темой для публичной лекции стали «Раскопки Неаполя Скифского – столицы скифского государства в Крыму» [23]. Как лектор она имела успех, и уже через два года начала активную работу в симферопольском педагогическом институте на кафедре истории древнего мира. Вплоть до своей эмиграции в Израиль она вела разные дисциплины, последней из которых был уникальный спецкурс по древнегреческому и латинскому языкам.

2. Коллекция Э. И. Соломоник в составе собрания библиотеки ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»

Все эти разноплановые интересы и увлечения нашли отображение в книжном собрании, переданном нашей организации перед окончательным отъездом в г. Цфат (Израиль) в 1997 г. Главным условием передачи было сохранение единого блока при расстановке, что соблюдается по сей день. В электронном каталоге библиотеки отметка «коллекция Э. И. Соломоник» присвоена 698 книгам и журналам, из которых 128 на иностранных языках. На некоторых стоит экслибрис владелицы: профиль головы Афины в шлеме с пышным гребнем, повернутый влево, из левого верхнего угла сверху вниз надпись «ex libris», стилизованная под греческий рукописный шрифт, и горизонтально внизу латиницей E.I.SOLOMON, русские буквы «и» и «к» – друг под другом, через черту.

Состав коллекции отражает множественность научных интересов ее обладательницы. Можно выделить блок античной литературы в изданиях XIX в.: например, несколько вариаций Ксенофонта [8; 9; 10; 15], первые 2 тома 8-митомного издания Фукидида [26; 27], два тома комедий Аристофана [1; 2; 3], «Записки о Галльской войне» [4] и другие.

Примерно к этому же времени издания, судя по мраморированному обрезу и оформлению, можно отнести несколько томов Гете [5]. Не меньший интерес может представлять «Золотая ветвь» Д. Фрэзера, изданная научным обществом «Атеист» в конце 20-х гг. XX века [25].

Многие книги были связаны с людьми, которые сотрудничали с Э. И. Соломоник в разные годы. Так в коллекции представлены 5 работ ее научного руководителя – академика С. Я. Лурье, на одной из которых имеется дарственная надпись «Элле Исааковне на добрую память от автора. 8.02.56» [14]. Также в этом собрании есть 7 книг ее собственного ученика – Виктора Семеновича Драчука.

Конечно, в собрании есть словари и специальная литература по греческому языку. В их числе – редкие на данный момент издания, такие как «Греческая этимология гимназического курса: образовании слов и о греческих диалектах» [12] или «Предметно-понятийный словарь греческого языка: Крито-микенский период» [16]. Всего насчитывается 9 изданий справочного характера, но необходимо учитывать, что большая часть работы с книгами такого рода велась в библиотеке учреждений, и поэтому в домашнем собрании их наличие не было остро необходимым.

Отдельно стоит сказать о маргиналиях Э. И. Соломоник на полях труда В. В. Латышева «Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graeca et Latina» [6], который находится на хранении в библиотеке ФГБУН РК «Институт археологии Крыма». Данный труд является основополагающим корпусом древних надписей северопричерноморского региона, где автор приводит как фотографию объекта, так и возможное прочтение надписи. Элла Исааковна ставила на полях карандашные отметки, в которых указывала возможные ошибки или дискуссионные вопросы. По этим маргиналиям можно проследить этапы работы над толкованием эпиграфического источника, проследить ссылочный аппарат и возможные варианты дальнейших прочтений.

подавляющую часть собрания составляют книги по истории и археологии, сборники статей и монографии разных лет, преимущественно второй половины XX века.

ВЫВОДЫ

Коллекция Э. И. Соломоник – на данный момент самое крупное из поступивших в библиотеку ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН» собраний учёных, которые внесли значительный вклад в познание истории полуострова. Изучая эту литературу, можно многое узнать о владельце собрания, о трансформации ее представлений о разных аспектах истории и археологии. Коллекция ещё ждёт своих исследователей: библиотекарей и историков, и представляет широкое поле для научной деятельности.

Список литературы

1. ARISTOPHANIS COMOEDIAE. Vol. 1. – LONDINI, BG. – 716 p.
2. ARISTOPHANIS COMOEDIAE. Vol. 2. – LONDINI, BG. – 414 p.
3. ARISTOPHANIS COMOEDIAE : ET DEPERDITARUM FRAGMENTA. PARISIIS, BG. – 172 p.
4. CAESARIS, IULI. BELLI GALLICI : IN USUM SCHOLARUM. LIBRI VII : CUM A. HIRTI LIBRO OCTAVO / IULI CAESARIS; B. DINTER. – LIPSIAE, 1840. – 256 p.
5. GOETHES WERKE: AUSWAHL IN SECHZEHN BÄNDEN. Vol. 1-4 / S. M. Prem. – LEIPZIG, BG. – 250p.

6. Latyshev V. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Iussuet impensis Societatis Archaeologicae Imperii Russici edidit Basilius Latyschev. Vol. primum. Petropoli. VIII. – 244p.
7. Personalialia // Евреи Крыма: Очерки истории / Отв. ред. Э. И. Соломоник, ред. Д. Лунев. – Симферополь. – Иерусалим: «Мосты», 1997 (5757). – С. 110-127.
8. VOLLBRECHT, FERDINAND. XENOPHONS ANABASIS. ZWEITES BANDSHEN. Buch IV–VII / F. Vollbrecht. – Leipzig, 1872. – 196 p.
9. VOLLBRECHT, FERDINAND. XENOPHONS ANABASIS. ERSTES BANDCHEN. B. 1 und 2 / F. Vollbrecht. – Leipzig; Berlin, 1907. – 200 p.
10. Xenophons Куропаедия / Xenophons. – Leipzig, 1875. – 168 p.
11. Граффити античного Херсонеса: на чернолаковых сосудах / Отв. Ред. Э. И. Соломоник. – К. : Наукова думка, 1978. – 182с.
12. Греческая этимология гимназического курса: образовании словъ и о греческихъ діалектахъ / сост. Э. Черный = Греческая грамматика гимназического курса / Черного Э. : Для русскихъ гимназій. Ч. 1 : Этимология. – М., 1891. – 244 с.
13. Евреи Крыма: Очерки истории / Отв. ред. Э. И. Соломоник, ред. Д. Лунев, Симферополь – Иерусалим: «Мосты», 1997. – 127 с.
14. Лурье С. Я. Неизменяемые слова в функции сказуемого в индоевропейских / С. Я. Лурье. – Львов : Изд-во Львовского ун-та, 1955. – 72 с.
15. Ксенофонт. Греческая история / Ксенофонт. – Ленинград, 1935. – 380 с.
16. Предметно-понятийный словарь греческого языка : Крито-микенский период / сост. В. П. Казанский. – Ленинград, 1986. – 208 с.
17. Соломоник Э. И. Граффити с Хоры Херсонеса / Э. И. Соломоник. – К. : [б. и.], 1984. – 144 с.
18. Соломоник Э. И.. Латинские надписи Херсонеса Таврического: тексты, перевод, комментарии / Э. И. Соломоник. – М. : [б. и.], 1983. – 96 с.
19. Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса / Э. И. Соломоник. – АН УССР. ИА., К. : Наук. Думка, 1964. – 194 с.
20. Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса: Лапидарные надписи / Э. И. Соломоник. – АН УССР. ИА. К. : Наук. Думка, 1973. – 283 с.
21. Соломоник Э. И., Домбровский О. И. О локализации страны Дори. Археологические исследования средневекового Крыма / Э. И. Соломоник, О. И. Домбровский. – АН УССР ИА, Киев : Наукова Думка, 1968. – С. 11-44
22. Соломоник Э. И. Про значення терміна «Тавроскіфі»//Археологічні пам'ятки УРСР. – К. : Наукова Думка. - 1962. – Т.11. – С. 153-157.
23. Соломоник Э. И. Раскопки Неаполя Скифского – столицы скифского государства в Крыму: (Публ. лекция) / Всесоюз. о-во по распространению полит. и науч. знаний. Крым. отд. – Симферополь, 1950. – 20 С.
24. Соломоник Э. И. Сарматские знаки Северного Причерноморья / АН УСССР. ИА. – К. : Изд-во АН УССР, 1959. – 178 С., ил.- Библиогр.: С. 173-175.
25. Фрэзер Д. Золотая ветвь. Вып. 1-4. – М., 1928. – 194 с.
26. Фукидид. История Пелопоннесской войны: В 8-ми книгах. Кн. 5-8. Т. 2 / Фукидид; пер. Ф. Г. Мищенко. – М. : Тиография Е. Г. Потапова, Старая Басманная, дом Мараева, 1888. – 550 с.
27. Фукидид. История Пелопоннесской войны : В 8-ми книгах. Т. 1 / Фукидид; пер. Ф. Г. Мищенко. – М., 1887. – 522 с.
28. Элле Исааковне Соломоник – 80 лет. //Археология Крыма: Препринт./Отв. ред.П. В. Солодкий. – Симферополь, 1997. – Т. 2. – С.179-180.
29. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.krimoved-library.ru/books/evrei-kryma14.html> (дата обращения: 03.04.2016)
30. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://crimea-planet.narod.ru/page40.htm> (дата обращения: 03.04.2016)

EPIGRAPHY OF CRIMEA AND E.I. SOLOMONIK'S COLLECTION:
RESOURCE OF DEVELOPMENT

Starovoitova O. V.

*Chief librarian of the Library of FSBU "Institute of Archaeology of Crimea RAS"
e-mail: starovoitova.oksana@gmail.com*

This work deals with the presentation of the collection of E. I. Solomonik that is now located in repository of the Library of the "Institute of Archaeology of Crimea RAS". Professor E. I. Solomonik was a world-known specialist in the field of Greek and Roman epigraphy. Her scientific research began in the Crimean Base of History and Archaeology in 1948, exactly after its foundation, and she worked there up till her emigration to Israel in 1997. Before the immigration she left the main part of her books to our library as a heritage and we keep this collection in our funds.

The contents of the collection are considered in connection with the researcher's biography and scientific interests of the former owner. A particular emphasis is on the rare books and the contents of the book collection.

The historical diversity of the Crimean peninsula has been reflected in multiple monuments of material culture. The Library of FSBU "Institute of Archaeology of Crimea RAS" deals with the problems of historical heritage referred to different epochs while researching a number of artifacts as well as the variety of their interpretations. Therefore our Library boasts of a big collection of literature dedicated to complementary disciplines, epigraphy being one of the most important ones and requiring deep knowledge in philology, archaeology and history and broad mind of the researcher.

In our electronic catalogue the tag "Solomonik's collection" marks 698 books and magazines, including the 128 in different languages. Some of them have a bookplate of the former owner: the image of the head of Athena wearing high helmet with high crest and the inscription of the owner's surname in Russian font performed in Greek style.

Within the collection it is possible to single out the block of ancient Greek literature in various translations, including some rare books of the nineteenth century. The rare edition of Goethe and the "The Golden Bough" by George Frazer are of great interest as well.

Some books reflect personal relations with the scientists E. I. Solomonik worked with. There are several dedications to them.

The main part of the collection consists of contemporary books about various aspects of archaeology and epigraphy in many countries of the Black Sea region with Greek and Roman influence and inscriptions. This books are in great demand with the readers and still present interest for the contemporary researchers.

Some words should be said about the marginal notes that are in the «Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graeca et Latina» by V. Latyshev, which were done in the process of working on the epigraphic collection in the Chersonesos Museum that E. I. Solomonik was carrying for many years. That inscription shows this work in detail, which makes it possible to follow the thread of her thoughts.

E.I. Solomonik worked till her last days, and as a specialist she was very demanded in many different organizations historians and archivists as well as librarians

Keywords: a rare book, a book collection, marginal notes, epigraphy, personalias, antiquity, Crimea.

УДК 821.133.1–31:801.7:003:85.310,00

КОНЦЕПТ «МУЗЫКА» В РОМАНЕ М. ДЮРАС «МОДЕРАТО КАНТАБИЛЕ»

Шапошник Н. А., Емельянова Т. А.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: ninashaposhnik@mail.ru; facultatif@list.ru*

Данная статья посвящена исследованию музыкального компонента в романе французской писательницы XX века Маргерит Дюрас. Кратко анализируется исторический аспект взаимодействия музыки и литературы. Рассматриваются интермедийные связи с точки зрения их влияния на структуру сюжета, на формирование образов главных и второстепенных персонажей. Результаты анализа взаимоотношений двух видов искусства позволяют описывать композицию и содержание произведения при помощи музыкальных понятий таких как «реприза», «полифония», «крещендо».

Ключевые слова: музыка, реприза, полифония, интермедийность, концепт.

ВВЕДЕНИЕ

К вопросу о взаимопроникновении искусств на протяжении XX века и в настоящее время обращаются ученые разных научных отраслей гуманитарного знания. Чаще всего рассматривается синтез искусств в культурологии, философии, психологии и конечно в литературе. В последние десятилетия в отечественном литературоведении эта тема получила широкое распространение в диссертациях: Т. А. Гниненко «Роман «Любовник» в контексте творчества М. Дюрас» (2003 г.), О. Л. Максимовой «Проза А. Грина: музыка в художественном сознании писателя» (2004 г.), Н. А. Хрущевой «Взаимодействие музыки и литературы в творчестве П. Булеза, Л. Берио, Дж. Джойса» (2013 г.), а также в ряде статей по культурологии М. Ю. Долгушиной «Музыка как феномен художественной культуры», по искусствоведению и языкознанию О. Н. Надольской «Музыкально-исполнительская терминология: введение в проблему» и других. Эти современные исследования опираются на фундаментальные труды ученых прошлого века, таких как: Дж. К. Михайлова, А. А. Гозенпуда, В. В. Яковлевой, Т. Н. Ливановой и многих других.

В литературном произведении музыкальное звучание служит как выражением различных духовных проявлений внутреннего мира человека, так и способствует созданию определенной атмосферы, фона, благодаря которым происходит более глубокое понимание сюжета. Музыка придает тексту, особенно прозаическому, дополнительный объем, создает особую певучую ритмику, усиливает эмоциональную окраску произведения. В этой связи **актуальным** является анализ прозаического текста в его симбиозе с музыкой, тем более, что роман «Модерато кантабиле» еще не рассматривался как самостоятельное литературное произведение в подобного рода контекстах. Французские (В. Alazet, F. de Chalong, G. Picon etc.) и российские (Т. А. Гниненко, И. В. Стекольников и др.) литературоведы анализировали это произведение либо в контексте всего творчества писательницы, либо проводили сопоставительный анализ переводов этого романа. Таким образом, **целью** исследования мы определяем выявление

ние особенностей концепта «музыка» в романе «Модерато кантабиле» и его влияние на структурную организацию текста. Для реализации поставленных целей необходимо решить следующие **задачи**: определить значение музыки в литературе, выявить особенности концепта «музыка» в романе «Модерато кантабиле», проанализировать влияние концепта «музыка» на структуру сюжета. Предметом исследования является концепт «музыка» и особенности его функционирования в романе «Модерато кантабиле».

Исследуя взаимодействие музыки и литературы, О. Л. Максимова отмечает, что «... синтез двух видов искусств рождает новые художественные формы, оригинальную технику исполнения, своеобразный интонационный строй» [5]. Дж. К. Михайлов, изучая вопрос о проникновении музыки в другие виды искусства, говорит о том, что «сегодня трудно себе представить нашу жизнь без ставшего столь привычным термина «музыка»: постоянно расширяются границы его применения, как территориальные и исторические, так и понятийные и функциональные» [5]. Таким образом, анализируя музыкально-литературные связи в романе Маргерит Дюрас «Модерато кантабиле», представляется уместным говорить о явлении интермедийности «как особом типе внутритекстовых взаимосвязей в художественном произведении, основанном на взаимодействии художественных кодов разных видов искусств...» [7].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Взаимодействие музыки и литературы, исторический аспект

Слово и музыка – две формы выражения, неразрывно связанные друг с другом с древних времен. Античная эпоха, в частности Древнегреческая, отличалась синкретическим мышлением. Музыка, отраженная чаще всего в мифах (например, миф об Орфее и Эвридике, миф о Флейте Пана), наделялась магическими свойствами. Великому Гомеру приписывают авторство гимнов, посвященных богам, «Илиада» и «Одиссея» состоят из двадцати четырех песен, кифаред (древнегреческий музыкант) выступает в «Одиссее» одним из нарраторов. В Древнеримской культуре музыка была неразрывно связана с поэзией. Чтение стихов обязательно сопровождалось музыкальным аккомпанементом. Так, например, эклоги Вергилия и поэмы Овидия исполнялись нараспев и сопровождалась танцами. В период Средневековья литературно-музыкальные связи прослеживаются в церковных песнопениях, а также в поэзии трубадуров и менестрелей. Эпохе Возрождения мы обязаны появлением таких разновидностей музыкально-драматического искусства, как опера и балет, где в либретто можно также проследить взаимосвязь музыки и литературы.

В поэзии романтиков звучание музыки становится символом, мифологизированным образом духовной жизни человека. Музыкальные метафоры и сравнения емко, но содержательно передают авторскую мысль. А. де Мюссе называл музыкальные звуки «целением души печальной», Новалис сравнивал мир с симфонией, символист Ш. Бодлер считал музыку пленительным и опасным океаном. В поэзии русских символистов музыка была символом ушедшей любви, печали и воспоминаний. Бурное развитие и интеграция всех искусств, которые происходят в начале XX века, способствуют проникновению музыкальных образов в прозу [6].

Прозаики ушедшего столетия научились мастерски передавать словом другие виды искусства, имитировать звучание музыки в художественном тексте, визуализировать пейзажи. Т. А. Гниненко в своем диссертационном исследовании указывает,

что ««музыкальность» в прозе нередко отмечается в творчестве русских писателей – А. П. Чехова, И. А. Бунина», также она говорит о «звукописи» в романах М. Ф. Достоевского [1, с. 124]. Н. А. Хрущева, анализируя творчество Джеймса Джойса, определяет «функционирование музыкальных принципов» в его произведениях «на уровне сюжетики, поэтики, фонетики, формообразования, системы интертекстуальных отсылок» [8, с. 16].

««Музыкальность» поэзии и прозы является свидетельством имманентной музыкальности автора, проявляющейся в эмоциональной отзывчивости его на музыку» [1, с. 124]. Опираясь на этот тезис, можно говорить о невероятной «музыкальности» Маргерит Дюрас, так как практически в каждом ее произведении обязательно присутствует звучание музыки, которая чаще всего выступает как символ свободы. Начиная с ранних произведений: «Плотина против Тихого океана» (1950 г.), «Маленькие лошади Тарквинии» (1952 г.), «Сквер» (1955 г.), «Модерато кантабиле» (1958 г.), и в более позднем творчестве: «Восхищение Лол В. Штайн», «Любовник» музыка, органично вписанная в повествование, делает его объемным, проникновенным и эмоционально насыщенным.

Взаимоотношения музыки и литературы имеют глубокие исторические корни от синкретизма Античности до интертекстуальных и интермедийных связей в произведениях XX и XXI веков.

2. Особенности концепта «музыка» в романе «Модерато кантабиле»

В романе «Модерато кантабиле» музыка начинает звучать не просто с первых строк первой главы, она заключена уже в самом названии произведения. *Moderato cantabile* – это музыкальный термин, который означает темп игры «умеренно и певуче». Задает его в тексте сонатина австрийского композитора Антона Дябелли, которую разучивает сын главной героини на уроках музыки. В двух главах, первой и пятой, сонатина звучит во время занятий у мадмуазель Жиро и от урока к уроку все больше овладевает мальчиком помимо его воли. В остальных главах (со второй по четвертую и с шестой по восьмую) мелодию либо напевают главные герои, либо она звучит в исполнении малыша, разливаясь по всему городу, и даже доходит до окраин.

По Ю. С. Степанову концепт – это «сгусток смысла», который раскрывается только при условии коммуникации [4, с. 8]. В связи с этим, представляется интересным рассмотреть концепт «музыка» на внешнем и внутри текстовом уровнях.

Внешний сюжетный уровень представлен тривиальными событиями. Ситуация разворачивается в небольшом портовом городе. Жена директора местного завода, богатая женщина, водит своего маленького сына на уроки фортепианной игры к учительнице, которая живет в рабочем квартале. Однажды во время урока в ближайшем кафе происходит убийство, мужчина в порыве страсти застрелил свою любовницу. Главная героиня, Анна Дебаред, в течение недели приходит в это кафе, чтобы узнать подробности трагической истории влюбленных.

Однако именно внутренний текстовый уровень дает полное представление о функционировании исследуемого концепта.

Музыкой связаны все персонажи романа, если они не слышат или не напевают мелодию, то говорят о ней, как например, в сцене званого ужина (седьмая глава), когда Анна рассказывает гостям об успехах своего сына в игре на фортепиано.

Из невербальных концептов, создающих эффект присутствия музыки в романе, нужно отметить повторы некоторых слов или даже целых фраз, повторы деталей, жестов, звуков. Так, в первой главе романа на уроке музыки учительница много раз спрашивает у мальчика, что такое «модерато кантабиле», она все время повторяет один и тот же жест: стучит карандашом по клавишам: «– А ну-ка, прочти мне, что там написано над твоими нотами, – велела дама. – «Модерато кантабиле», – выговорил мальчик. Добившись ответа, дама резко ударила карандашом по клавишам... – И что же это значит – модерато кантабиле?... – И ты вполне уверен, будто не знаешь, что означает «модерато кантабиле?» – не унималась дама... Дама вскрикнула с трудом сдержав бессильный гнев, и снова стукнула карандашом по клавишам... – Так ты ответишь или нет? – взвизгнула дама. Малыш ничуть не удивился... И снова не проронил ни звука. Тогда дама в третий раз стукнула по клавишам, да так сильно, что даже грифель сломался». Сдержанный гнев учительницы, упрямое молчание мальчика в сочетании с жестом, который как метроном отбивает ритм, замедляет повествование, придает ему умеренность.

Мизансцены и пейзажные картины также способствуют умеренному восприятию текста. Все события в романе происходят во второй половине дня, под вечер. Время года – весна, стоят удивительно солнечные, но не жаркие, а приятные дни. Главные герои, Анна и Шовен, встречаются в пустом кафе, располагаются в самом конце зала, в полумраке, разговаривают тихо, в полголоса, многократно обсуждая одну и ту же историю. Повторяющимися жестами и звуками организованы сцены их встреч: хозяйка делает радио то громче, то тише, главные герои постоянно заказывают и пьют вино (передвижения хозяйки от стойки к столику, повторяющееся движение стакана), мальчик периодически забегает с набережной в кафе, чтобы поговорить с матерью или просто прижаться к ней и потом убегает обратно. Стилистический прием повторов, который М. Дюрас использует в каждой главе текста, интермедially связан с репризой музыкального произведения, часто встречающейся у композитора Диабелли. Таким образом, замедляется развитие сюжета и делает возможным его соответствие умеренному темпу сонатины.

А. А. Хамина и Н. Н. Зильберман, изучая теорию интермедальных отношений различных искусств, определяют интермедальность как «механизм взаимодействия медиа, при котором контактирующие медиа не просто соединяются в едином синтетическом пространстве, но включаются друг в друга, пересекая границы, оказывая обязательное взаимное влияние...» [7, с. 39].

Исходя из этого утверждения, интересным представляется наблюдение Т. А. Гниненко о том, что сам текст романа построен по принципу музыкального произведения, где звук, шум, мелодия развиваются с нарастанием от экспозиции к финалу через крещендо и кульминацию. Таким образом, исследователь делит весь текст на темы: тема толпы, тема заводского гудка, тема званого ужина, темы солнца, неба, моря, тема цветка магнолии и т. д., рассматривая их как музыкальную форму, и доказывает сходство структуры романа со структурой музыкального произведения [1, с. 128-133].

Анализ диалогов данного произведения с точки зрения их музыкальности показал, что некоторые из них построены по принципу многоголосия, где каждый герой, участвуя в диалоге, говорит о своем, как бы ведет свою тему. Такой художественный прием можно обозначить музыкальным термином «полифония». Так, например, во

второй главе определяется трехголосная «полифония» – это сцена знакомства главных героев: «– Вы ведь часто гуляете по городу... – Да, я каждый день гуляю со своим малышом. Хозяйка, с которой он не сводил глаз, вела беседу с троицей новых посетителей... – Но вы же сами знаете, в этом городе, пусть он и совсем небольшой, все равно каждый день что-нибудь да случается. – Да, конечно, но однажды... вдруг... происходит такое, что вас особенно поражает, – смутилась она... – Я хотел сказать, вы уже так давно гуляете с ним в скверах или вдоль морского берега, – пояснил он. – Мне не надо бы пить столько вина. – Уже шесть, – объявила хозяйка. – Так вот, я просто хотел сказать, что уже сколько времени вы гуляете со своим малышом в скверах или вдоль морского берега, и ничего больше... – Понимаете, у меня это прямо из головы не выходит со вчерашнего вечера, – призналась Анна Дэбаред, – после урока музыки моего малыша. Это как наваждение, все сильнее и сильнее. Вот я и пришла сегодня, просто не могла не прийти... – Вы мадам Дэбаред. Жена директора Импортно-экспортной компании и литейных заводов Побережья. Вы живете на Морском бульваре... – Он учится играть на пианино, – сказала она. – У него есть способности, но совсем нет желания, все время приходится уговаривать». Напряженное, тревожное многоголосие придает повествованию мистический оттенок, вызывает у читателя ощущение того, что вот-вот произойдет нечто необычное для данной обстановки. У Т. А. Гниненко такой литературный прием ассоциируется с музыкальным приемом «крещендо» (постепенное увеличение силы звука).

Музыка у М. Дюрас наделена к тому же и сверхъестественной силой, это выражается вербальными концептами на лексическом уровне. Она (музыка) шла «из глубины веков» (*elle venait du tréfonds des âges*), лилась (*se déroula*), выпархивала из-под пальцев (*coula de ses doigts*), затопляла сердца (*submergea le coeur*), обрушивалась (*elle s'abattit*), она, заполняя все повествовательное пространство, побеждает упрямство мальчика, не желающего учиться игре на фортепиано: «Игра замедлилась, стали отчетливей паузы, мальчик поддался очарованию музыки, не в силах более противиться, как пчела аромату цветка. Музыка лилась, выпархивала из-под его пальцев, будто помимо его воли, вопреки его желанию, и как-то незаметно, словно исподтишка, лилась над миром, затопляя незнакомые сердца, наполняя их мучительным томлением» [3]. Лексика, с помощью которой автор описывает звучание сонатины, относится к явлениям природы, к стихиям, что придает музыке статус некой непобедимой и неотвратимой силы, способной подчинить себе абсолютно все.

Все персонажи романа, главные и второстепенные объединены одним музыкальным мотивом, мелодией сонатины. Ее слышат прохожие на набережной, и завсегда в кафе, даже хозяйка «уже... успела выучить ее наизусть» как и Шовен: «Посмотрел на часы, потянулся от удовольствия и принялся напевать вполголоса сонатину в унисон с игрой мальчика» [3].

Для мадам Дебаред музыка выступает в трех ипостасях. На уровне сюжета это воплощение свободы, так как походы с сыном на уроки к мадмуазель Жиро – достойный повод выходить из большого пустынного, огороженного решеткой дома, где Анна «умирает» от одиночества. В ее восприятии музыка также отождествляется с новым для нее чувством – страстной любви к незнакомому мужчине, с которым она случайно встретилась в кафе неподалеку от дома учительницы. И наконец, исполнение сонатины будит в ней воспоминания о страсти, терзает, «приговаривая её к вечным мукам

своей любви», так как отныне музыка для Анна – это любовь. Когда музыка уходит из жизни героини (она больше не будет водить мальчика на уроки), а вместе с тем и живое чувство, Анна ощущает себя мертвой: «– С этой недели я уже больше не буду водить своего малыша на уроки музыки, ... теперь вместо меня это будут делать другие...– Мне бы хотелось, чтобы вы умерли, – проговорил Шовен. – Я уже мертва, – ответила Анна Дебаред» [3].

ВЫВОДЫ

В процессе анализа данного произведения нами изучены труды ученых XX и XXI веков о взаимодействии различных искусств. Особое внимание было уделено исследованиям интермедиальных связей музыки и литературы.

Синкретическое мышление античных авторов получило свое развитие во все последующие эпохи. Значительное влияние музыка оказала на поэзию романтиков и символистов. С началом XX века наблюдается проникновение музыкальных кодов в прозу И. Бунина, А. Грина, М. Пруста, Дж. Джойса.

Музыкально-литературные связи прослеживаются и в творчестве писателей второй половины прошлого столетия, в частности в романе М. Дюрас «Модерато кантабиле». При анализе произведения был использован психологический метод с элементами имманентного подхода. Структура произведения построена как музыкальная форма и подчиняется темпу «умеренно и певуче». Умеренность в романе достигается с помощью замедлений. Подобные намеренные замедления проявляются на внешнем сюжетном уровне, когда персонажи встречаются в одно и то же время, в одном и том же месте и говорят об одном и том же. Повторы жестов, слов, звуков, передвижения героев по одному и тому же маршруту образуют музыкальный прием репризы, который раскрывается на внутритекстовом уровне и придает повествованию темп сонатини – «умеренно и певуче».

При исследовании диалогов романа была выявлена такая форма обмена высказываниями, которая подобно музыкальной полифонии служит разностороннему эмоциональному раскрытию содержания сцен произведения: встреча героев, зарождение и развитие их страсти. Благодаря этим средствам достигается особое восприятие текста как звучащей мелодии, в ритме которой прибывают не только герои, но и читатель. Следовательно, концепт «музыка» у М. Дюрас – это индикатор, отображающий ассоциативный ряд чувственных переживаний мужчины и женщины, понимаемый не ментально, а эмоционально.

Данная работа является начальным этапом изучения корреляции музыки и литературы в романном творчестве М. Дюрас. В дальнейшем планируется проследить развитие этой темы на материале произведений автора разных лет, то есть в диахронии.

Список литературы

1. Гниненко Т. А. Роман «Любовник» в контексте творчества Маргерит Дюрас: Дис. ...канд. филол. наук / Татьяна Александровна Гниненко. – Тамбов, 2003. – 159 с.
2. Долгушина М. Ю. «Музыка как феномен художественной культуры» / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/muzyka-kak-fenomen-hudozhestvennoy-kultury> (дата обращения – февраль 2016).
3. Дюрас Маргерит Модерато кантабиле (пер. с фр. Н. Хотинская, О. Захарова) / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bookshop.ua/asp/annot.asp?bid=129687> (дата обращения – июнь 2010).

4. Зусман В. Г. Диалог и концепт в литературе: Литература и музыка: [монография] / Валерий Григорьевич Зусман. – Нижний Новгород: Деком, 2001. – 167с.
5. Максимова О. Л. Проза А. Грина: музыка в художественном сознании писателя: Автореферат Дис... канд.филол.наук 10.01.01 / О. Л. Максимова [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/4673671/> (дата обращения: 08.05.2016)
6. Махов А. Е. Ранний романтизм в поисках музыки: Слух, воображение, духовный быт / [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://intrada-books.ru/mahov/musik_r_bib.htm (дата обращения июль 2016).
7. Хамина А. А. Теория интермедиальности в контексте современной гуманитарной науки / А. А. Хамина, Н. Н. Зильберман // Вестник Томского государственного университета, № 389. – Томск, 2014. – С. 38 – 45 / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-intermedialnosti-v-kontekste-sovremennoy-gumanitarnoy-nauki-1> (дата обращения 11.05.2016)
8. Хрущева Н. А. Взаимодействие музыки и литературы в творчестве П. Булеза, Л. Берно, Дж. Джайса: Дис. ...канд.искусствоведения 17.00.02. – С.-П., 2013. – 232 с. / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.dslib.net/muz-iskusstvo/vzaimodejstvie-muzyki-i-literatury-v-tvorchestve-p-buleza-l-berio-dzh.html> (дата обращения 11.05.2016).
9. Duras Marguerite *Moderato cantabile*: (roman) / Marguerite Duras – Paris: Edition de miuit, 1958 г. – 117 p.

THE CONCEPT «MUSIC» IN THE NOVEL «MODERATO CANTABILE» BY M. DURAS

Shaposhnik N. Ar., Yemelianova T. A.

Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: ninashaposhnik@mail.ru; facultatif@list.ru

The article is devoted to studying the concept «music» in a literary work. The notion of the unity of the literature and music was already created in the epoch of romanticism and is still actual. If the main ways of researching the interrelations between music and literature has sufficiently been worked out in the modern literary studies, culture studies and art studies, however, some separate questions of the interaction of the arts demands for the further analysis.

At present in the science there has noticeably been activated the tendency to the complex approach to both artistic perception and studying arts in general as a single phenomenon inside the culture, one of the most important features of which is plunging into itself, ability for self-development, reflection. So, one can speak about the necessity to promote concrete researches meant for singling out deep interconnections among the works of different kinds of art. Associative method of the analysis, being used in such researches, allows to read the works of one kind of art in the language of the other. The novel «Moderato Cantabile» is a bright example and sample of the concordance of the music and literature.

In the work one uses the immanent and psychological methods of research, which are meant for studying the character's inner life. They help in the research of the personage's character, his/her evolution. The particular attention is paid to the analysis of the means of expression of the musical component in the novel. They distinguish and describe the typical peculiarities of the concept «music», its influence on both the structure of the text, and the one of the plot. Under «concept» we understand the definition by V. G. Sussman that an artistic concept is much more individual and intuitive in comparison with other concepts. It is connected with a peculiar selection of the elements, launching an associative array.

So, the concept «music» in the novel is revealed not only at the outer text level, but also at the inner one: the music permeates the novel characters' interrelations, their dialogs, behavior and thoughts. The «presence» of the music in the novel is read even between the lines. It is confirmed by using the non-verbal concepts, creating the effect of the music presence in the novel. Analyzing the repetitions of some words or even entire phrases, one can operate with such musical notion as «reprise», in this way likening the literary work to the music one.

One speaks about musical associations, which, indeed, can be very individual for each reader. Here we allow to suppose that creating the literary work was partially thought according to the structure of the musical one.

As a researching task we have made an attempt to define the place and meaning of music in the novel. As a result one can say that Marguerite Duras in her literary work very actively uses the elements of the music genre of sonatina from the very title of the novel. Through the title the author provides the content with some general characteristic, adjusts the reader to moderate and melodious rhythm of reading her literary work, which is simple in the content and accessible in understanding novel, as the Diabelli Sonatina – a short sonata, which is different from a classical sonata with the simpler content, smaller sizes, respectively small work-out and big accessibility for playing. By means of music Duras more exactly expresses the picture of the person's emotional state, creates mood, background due to which the reader deeper understands the plot. It should be noted that the material, represented in the research only defines the direction of the further workout of the theme in both scientific and practical aspects. The theoretical provisions of the work and its methodological orientation can become the basis for further complex studying various literary genres. The practical importance of the research is in the fact that it represents in itself one more step on the way to drawing together the literary studies with the music studies, culture studies and psychology. Besides, the results of the research, the interdisciplinary one, in itself, can be used in the courses in the institutions of the higher education on literary studies, culture studies and art studies. The article consists of the introduction, main part, conclusions and bibliography. In the introduction one briefly formulates the theoretical questions, problems, there is grounded the actuality and novelty of the research, one defines the subject and the object of the research, methodological basis, purposes and tasks.

Summing up the bibliography on our problem, we will note that there have not been found any special works meant for revealing the specifics of the concept «music» in a separately taken literary work.

Keywords: music, concept, reprise, intermediality, polyphony.

УДК 0.27.53(477.75)

**РОЛЬ БИБЛИОТЕКИ В СОХРАНЕНИИ И РАЗВИТИИ
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ КАК ЧАСТИ КУЛЬТУРЫ НАРОДА.
ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ГБУК РК «КРЫМСКАЯ РЕСПУБЛИКАНСКАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМ. И. Я. ФРАНКО»**

Шевченко С. А.

Государственное бюджетное учреждение культуры Республики Крым «Крымская республиканская универсальная научная библиотека им. И. Я. Франко», Симферополь, Крым, Российская Федерация

E-mail: shevchenko575@gmail.com

Статья посвящена вопросу возрастания социальной значимости библиотек и повышения их статуса как информационных и общественных институтов, увеличения вклада библиотек в развитие образования и новых образовательных технологий. Проанализированы роль и место библиотек в сохранении и развитии всех языков, которые используются в многонациональной Республике Крым. Показаны формы библиотечной деятельности, направленной на популяризацию литературы и языка. В качестве примера выступает Центральная библиотека Республики Крым, которая является координационным центром по вопросам работы с национально-культурными автономиями Республики Крым.

Ключевые слова: культура, языковая картина, библиотека, Республика Крым, цивилизация, народы Крыма, социокультурная деятельность

ВВЕДЕНИЕ

Мы вошли в XXI век – век массовых цифровых технологий. Поток получаемой информации из Интернета позволяет оперативно охватить большой массив документов, но в тоже время становится конкурентом чтения традиционной книги, которая с каждым днем теряет свое преимущество и своего читателя. Зачастую информация, найденная в Интернете новее и полнее, хотя ее достоверность вызывает вопросы.

Сегодня каждый из нас и все мировое библиотечное сообщество задается вопросом, что в такой стремительный электронный век будет с библиотекой? Должна ли она измениться, и в каком качестве продолжит свое существование.

Все эти вопросы неоднозначны и требуют переосмысления роли библиотек в быстро меняющемся мире, и остаются открытыми для дискуссий.

Глобальное общество XXI века – это мир цивилизаций, которые средствами диалога и сотрудничества будут вырабатывать ответы на вызовы нового века. Библиотеки выступают в качестве гаранта сохранения традиционной культуры и развития новых культурных тенденций, а от библиотекарей требуют нестандартных решений, активной позиции и быстрой реакции на все изменения. Хотя, наверное, так было всегда. Определение таких понятий, как «культура», «чтение», «читатель» зависят от исторической ситуации. Другими словами, историческая ситуация формирует мироощущение [5].

Целью данной статьи является анализ вопросов о социальной значимости, роли, статусе и вкладе библиотек в сохранение и развитие языков многонационального крымского полуострова. Для достижения поставленной цели необходимо решить

следующие **задачи**: проанализировать вопросы эволюции социальной значимости библиотек, рассмотреть методы и формы библиотечной деятельности, а также круг социального партнерства взаимодействия библиотек и разных систем и ведомств.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Социальная значимость библиотек в сохранении языка и литературы

На пути к информационному обществу неуклонно повышается социальная значимость библиотек как общественного института, идеологически и технологически содействующего этим процессам. Продолжает повышаться статус библиотеки как информационного института – сегодня все более на лицо многочисленные примеры, когда пользователь приходит в библиотеку, прежде всего за информацией, а иногда и только за информацией, которую он черпает, в том числе из сети Интернет [6, с. 45].

Сегодня библиотеки как никогда важны для общества, прежде всего потому что они обеспечивают всем гражданам доступ к знаниям, информации и культуре [6, с. 45]. Так, Центральная библиотека Республики Крым, согласно закону

«О библиотечном деле» является ведущей культурной, просветительской, научно-информационной организацией, выполняющей функции методического и координационного центра по вопросам библиотековедения, документоведения, принимающей участие в разработке и реализации государственной политики на территории Республики Крым в области библиотечного дела [3, Ст. 22, с. 2].

Рассмотрим на примере опыта Крымской республиканской универсальной научной библиотеки им. И. Я. Франко эволюцию информационной и социальной роли библиотек. К традиционным функциям просветительского характера, сохранения и приумножения культурного наследия добавляются функции информационных центров, предоставляющих доступ к национальным и мировым информационным сетям и банкам данных. Меняются традиционные внутрибиблиотечные технологии, формы библиотечного обслуживания населения, характер взаимодействия с органами власти, различными социальными группами.

Библиотеки ломают стереотипы, оснащаются современными технологиями, становятся мобильными, доступными и открытыми для пользователей. Мы можем проследить это на примере Центральной библиотеки Республики Крым, где изыскиваются новые возможности в реализации различных проектов, которые поднимают статус и значимость библиотеки, и отметить достигнутые определенные успехи в актуальном позиционировании роли современной библиотеки.

Мы рискнули и решились на эксперимент, открыв новое библиотечное пространство, – коворкинг-центр (КУБ – Культура. Учеба. Библиотека.) – площадка для креативного, делового общения, места встреч молодежи, оснащенная современной электронной техникой и зоной бесплатного скоростного Wi-Fi, а также оборудованная для посетителей специальной технологической зоной «Творческая 3D-лаборатория», на базе которой создают объемные предметы, скульптуры, детали, которые представляют собой твердую материализацию нематериальной творческой мысли, выраженную с помощью математического аппарата программ 3D-моделирования. Это был своеобразный маркетинговый пиар-ход, который показал, что мы развиваемся и движемся в верном направлении. Современная библиотека для современного читателя!

*РОЛЬ БИБЛИОТЕКИ В СОХРАНЕНИИ И РАЗВИТИИ
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ КАК ЧАСТИ КУЛЬТУРЫ НАРОДА
ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ГБУК РК «КРЫМСКАЯ РЕСПУБЛИКАНСКАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМ. И. Я. ФРАНКО»*

Следующим шагом стало открытие первого в Крыму Регионального центра доступа к информационным ресурсам Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина. Пользователи получили доступ к уникальным фондам единственной в стране Национальной электронной библиотеки, что позволяет аспирантам и студентам проводить серьезные научные исследования, открывает перед школьниками дорогу к знаниям через конкурсы, олимпиады и лектории. Это мощнейший шаг вперед для всех, кто интересуется историей, для всей системы культуры и образования.

Просторный светлый зал с современным дизайнерским решением, автоматизация библиотечных процессов, новейшее компьютерное оборудование, программное обеспечение и высокоскоростной интернет существенно упростят работу и позволят каждому посетителю библиотеки комфортно работать с информацией, погружаясь в виртуальный мир электронного контента Президентской библиотеки.

Одна из ведущих ролей в сохранении и развитии национальной культуры, языка и литературы принадлежит Центральной библиотеке Республики Крым, которая взяла на себя благородную миссию по сохранению, возрождению и развитию национальных культур местных Региональных автономий Республики Крым, обрядов и традиций, в том числе продвижения чтения литературы на родных языках.

Крым имеет сложную многообразную историю – это сложный, но в то же время и наиболее требующий диалога мультикультурный регион, ибо здесь, на узком пространстве, в тесном соседстве живут многие этносы. Для начала рассмотрим динамику численности населения и языковую картину крымского полуострова согласно итогам Федерального статистического наблюдения «Перепись населения в Крымском федеральном округе». Его население насчитывает 2 млн. 323 тыс. 369 человек согласно последней переписи населения в 2014 году. Языковая картина Крымского полуострова такова: преобладает русскоязычное – 81,68 %, крымскотатарское – 9,32 %, украинское – 3,52 % населения, затем армянское, азербайджанское, белорусское и другие. Самым малочисленным народом являются караимы и крымчаки.

Крым – это успешный пример объединяющей силы культурного многообразия, так как он достаточно богат позитивными традициями более чем 200-летнего совместного проживания различных народов, культур и конфессий.

Согласно Европейской конвенции и Европейской социальной хартии по правам человека: «человек с его внутренним миром, культурой, мировоззрением является самой большой ценностью, которой мы обладаем». Тем более значительную ценность представляет для нас образ жизни и культура людей всех национальностей, проживающих в Крыму, ведь национальные культуры требуют пристального внимания и изучения. Именно поэтому главными направлениями в работе библиотек являются сбор и сохранение информации о традициях и культурах народов, населяющих Крым, а также помощь в возрождении этих культур.

Равноправие культур различных этнических групп, одинаковое к ним внимание и отношение являются в Крыму гарантиями покоя и мира. У нас не должно быть антагонизма между русской и украинской, крымскотатарской и греческой, армянской

и еврейской культурами, потому что будущее Крыма – в сохранности и развитии, во взаимном дополнении и самосовершенствовании культур всех народов, населяющих наш полуостров.

Республика Крым целенаправленно проводит работу по сохранению и развитию всех языков, которые используются в многонациональном Крыму. Принят закон «О государственной поддержке национальных языков в Республике Крым», реализуется соответствующая Республиканская целевая программа по сохранению, изучению и развитию языков в Республике Крым.

Разработан и внедряется на основании принципов стратегии развития Крыма в сфере культуры и межнациональных отношений проект «Культура как фактор безопасности Крыма», в основу которого положен тезис Президента РФ Владимира Путина о том, что очень долгое время роль культуры недооценивалась и финансировалась по остаточному принципу. Мир стоит дороже войны, и культура является ключевой составляющей мира. Экономя на культуре, мы экономим на межкультурном согласии, что недопустимо [2].

2. Опыт работы Крымской республиканской универсальной научной библиотеки им. И. Я. Франко и взаимодействие с общественными организациями в рамках социального партнерства

Библиотека как сокровищница духовных и культурных ценностей хранит и распространяет информацию, обеспечивает сохранность и развитие культуры, привлекает к себе внимание государства и общественности.

Крымская республиканская универсальная научная библиотека им. И. Я. Франко уже на протяжении 25 лет творчески и плодотворно работает со всеми крымскими национально-культурными автономиями Республики Крым. Библиотека проводит масштабную деятельность, направленную на сохранение и развитие национальных языков и культур, книжных памятников, национально-бытовых традиций, на удовлетворение читательских, информационных потребностей полиэтнического населения. Возглавляет эту работу отдел иностранной литературы.

Из многообразных форм и методов организационной, информационно-библиотечной и просветительской работы наиболее эффективными и популярными являются Дни национальных культур, Праздники Национальной книги, Фестиваль «Великое русское слово», Праздник славянской письменности и культуры.

Новой ступенью развития библиотек является международное сотрудничество, которое позволяет решать проблемы реализации общих библиотечно-информационных проектов и программ, направленных на формирование единого информационного пространства в городе, доступ пользователей к мировым информационным ресурсам, повышение уровня квалификации библиотечных специалистов, решение тех вопросов, которые раньше считались недоступными для читателей и библиотечных работников.

Сотрудничество библиотеки, которое базируется на партнерских отношениях, способствует ее интеграции в международное мировое пространство, свободному доступу к источникам информации, взаимообогащению и повышению престижа библиотечных работников [4, с. 16-17].

При поддержке ассоциации «Альянс Франсэз» в г. Симферополе совместно с Крымским федеральным университетом им. В. И. Вернадского прошла встреча с док-

тором международного права, дипломатом Венской дипломатической академии Жаном-Клодом Фричем. Он презентовал свои переводы на французский язык книг по истории и культуре Крыма, а также философских романов А. И. Домбровского, что значительно пополнило библиотечные фонды на французском языке.

В рамках перекрестного года Греции и России и учитывая неразрывную связь истории греков с историей полуострова в целом, всегда важны и актуальны мероприятия, связанные с национальными греческими праздниками. Дни греческой культуры открылись историко-литературным вечерами «**Заклучи в своем сердце Грецию...**», посвященным Дню независимости Греции, «Константинос Кавафис – знакомый незнакомец», посвященный греческому поэту, его жизненному и творческому пути.

Международное сотрудничество для отдела иностранной литературы является чрезвычайно важным направлением деятельности, неповторимый и богатый по содержанию фонд постепенно пополняется новыми материалами и изданиями, подаренными представителями иностранных посольств, международных благотворительных и общественных организаций.

В последние годы интерес к проблемам развития и возрождения многонациональной культуры значительно возрос. И сегодня особенно важно рассматривать ее в пространстве культуры, которая складывалась столетиями, а это невозможно сделать без пристального внимания к различным аспектам и деталям прошлого страны, в частности Крыма.

В этом году впервые был реализован совместный проект Крымской республиканской универсальной научной библиотеки им. И. Я. Франко и Института иностранной филологии Таврической академии (структурное подразделение) «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» – I Международный научный конгресс в Крыму «Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы». Обсуждение новой стратегии социального партнерства между образованием и культурой повлекло за собой реализацию данного проекта.

В силу своего статуса главным приоритетом библиотеки является научное и информационное обслуживание пользователей. В рамках конгресса состоялась секция «Библиотечное обслуживание мультикультурного населения», где прозвучали доклады ведущих специалистов библиотечного дела: «Вклад Л. Н. Троповского в развитие библиографии», «Национальные языки в условиях глобализации (на примере караимского и крымскотатарского языков)», «Формирование лояльности клиентов библиотек и анализ мотивации сотрудников», «Эпиграфика Крыма и коллекция Э. И. Соломоник: ресурс для развития», «Роль библиотеки в сохранении и развитии языка и литературы как части культуры народа» и др.

Конгресс позволил всем его участникам не только лучше понять друг друга, но и обсудить широкий круг вопросов, связанных с состоянием и перспективами развития литературы и национальных языков, а также укрепить международные и межгосударственные связи, наметить новые инновационные тенденции в этом направлении и повысить свой профессиональный уровень.

Для посетителей библиотеки регулярно проводится ряд других мероприятий: Дни информации и Дни специалистов, обучающие семинары, конференции, книжные выставки, фотовыставки, творческие встречи, часы поэзии и «круглые столы».

Одно из основных направлений работы библиотеки – издательская деятельность в помощь читателям, преподавателям, библиотекарям и тем, кто изучает иностранные языки. Ежегодно выпускаются библиографические указатели: «Обучение – путь к общению», «Теория и практика перевода», рекомендательные списки литературы из серии «Крым многонациональный», серии «Крымские татары», информационные списки, экспресс-информация.

ВЫВОДЫ

В заключение хочется надеяться, что невзирая на все трудности, мы сможем совместными усилиями сохранить культурное наследие малочисленных народов – это задача нынешних и грядущих поколений.

И если люди, несмотря на все несчастья и беды, смогут сохранить дар, данный им Богом, – их язык, тогда они смогут сохранить и свои неисчерпаемые духовные богатства, испокон веков существовавшие в сердцах и душах людей.

Список литературы

1. Белый Л. К. Культурный процесс в Крыму: диалог культур на рубеже тысячелетий (историко-культурологический очерк) // Л. К. Белый. Симферополь: ООО ТД Палитра, 2007. – 75 с.
2. Габриелян О. А. О стратегии развития Крыма в культурном измерении. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://cistrs.ru> (дата обращения: 04.04.2016)
3. Закон Республики Крым от 25.12.2015 № 889-1 «О библиотечном деле» // Кр. известия. – 2015. – . № 10. – С. 6.
4. Крымское содружество: метод. рекомендации / сост. С. А. Шевченко ; Крым. респ. учреждение «Универсальная научная библиотека им. И. Я. Франко». – Симферополь, 2013. – 68 с.
5. Оридорога Н. Н. Социальное партнерство библиотек с учреждениями / Н. Н. Оридорога. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ircoss.ru> (дата обращения: 14.04.2016)
6. Шрайберг Я. Л. Крымские доклады: сборник / Я. Л. Шрайберг. - М: ГПНТБ России, 2003. – 255 с.

THE ROLE OF THE LIBRARY IN THE PRESERVATION AND DEVELOPMENT OF LANGUAGE AND LITERATURE AS A PART OF NATION'S CULTURE FROM THE EXPERIENCE OF PFNIC RC "CRIMEAN REPUBLICAN UNIVERSAL SCIENTIFIC LIBRARY NAMED AFTER I.Y.FRANKO"

Shevchenko S. A.

*Publicly funded national institution of culture of the Crimean Republic, "Crimean Republican universal scientific library named after I.Y. Franko, Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: shevchenko575@gmail.com*

The article focuses on increasing social importance of libraries and enhancing their status as information and public institutions, libraries increase the contribution to the development of education and new educational technologies. The 21st century is the century of mass digital technology. The flow of information obtained from the Internet allows you to quickly cover a large array of documents, but at the same time becomes a com-

*РОЛЬ БИБЛИОТЕКИ В СОХРАНЕНИИ И РАЗВИТИИ
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ КАК ЧАСТИ КУЛЬТУРЫ НАРОДА
ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ГБУК РК «КРЫМСКАЯ РЕСПУБЛИКАНСКАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМ. И. Я. ФРАНКО»*

petitor of reading traditional books, which every day loses its foreground and its reader. Often the information found in the Internet is newer and better, although its authenticity is questionable.

Today each of us and the entire world library community ask what a library is in such rapid electronic age. Should it be changed, and in what form will it continue to exist?

All these questions are ambiguous and require rethinking of the role of libraries in a rapidly changing world as well as remain open to debate.

The paper deals with the role and place of libraries in the preservation and development of all languages that are used in the multinational Republic of Crimea. On the way to the information society social importance of libraries as a public institution, ideological and technological assistance to these processes is steadily growing. The library's status as the Information Institute continues to improve – today there are more and more examples when the user comes to the library, especially for information, and sometimes the only information which he draws is that from the Internet.

One of the leading roles in the preservation and development of national culture, language and literature belongs to the Central Library of the Republic of Crimea, which has assumed the noble mission on preservation, revival and development of national cultures of local and regional autonomous Republic of Crimea, rituals and traditions, including the promotion of reading literature in their native languages.

Today, the libraries are more than ever important to society, above all, because they provide all citizens access to knowledge, information and culture. Thus, the Central Library of the Republic of Crimea, according to the law “On Libraries” is a leading cultural, educational, scientific and information institution, which serves as a methodological and coordination center for the Library, Documentation, participating in the development and implementation of state policy in the Republic of Crimea librarianship.

A good example of showing the form of library activities to promote their study and popularization of literature and language would be the Central Library of the Republic of Crimea, which is a focal point for working with national-cultural autonomous Republic of Crimea. From the diverse forms and methods of organization, information and library and education the most effective and popular are the Days of national cultures, Holidays National Book Festival “The Great Russian Word” Day of Slavic Writing and Culture.

New level of development of libraries takes place in the form of international cooperation, which allows to solve the problems of implementation of the general library and information projects and programs aimed at the formation of a common information space in the city, user access to global information resources, upgrading the skills of library specialists, the decision of those issues that were previously considered inaccessible to readers and librarians.

Library Cooperation is based on partnerships that promote its integration into the international world space, free access to sources of information, mutual enrichment and prestige of library workers.

Keywords: culture, language picture, library, Crimean Republic, civilization, peoples of Crimea, socio-cultural.

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

УДК 378.147

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ

Брудик Л. В., Арбузова Н. В., Гаврюшина Е. А.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: dorof-denis@yandex.ru; natalie_arbuzova@mail.ru; eka6694@yandex.ru*

В данной статье рассматривается специфика формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыковых направлений подготовки высших учебных заведений. С целью развития коммуникативных способностей студентов в процессе обучения дается обзор современных методик преподавания, включающих в себя корреляцию рецептивных и продуктивных видов речевой деятельности.

Ключевые слова: иноязычная коммуникативная компетенция, профессиональная деятельность, неязыковой вуз, глобализация, английский язык для специальных целей.

ВВЕДЕНИЕ

Анализ проблемы формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов является актуальным, так как овладение элементами языковой культуры формирует статус современного специалиста в различных областях знаний.

Таким образом, знание иностранного языка является неотъемлемой составляющей профессионала высокой квалификации и условием получения престижной работы. Успешная реализация данной концепции возможна за счет модернизации и активизации современных методик преподавания, внедрения новых технологий, укрепления материально-технической базы высших учебных заведений.

Цель статьи заключается в обосновании мотивированности преподавателей задействовать весь свой профессиональный потенциал для обеспечения высокой конкурентной способности выпускников университетов с целью их последующего трудоустройства. Таким образом, перед преподавателями ставится задача обеспечить студентам социальную и профессионально-ориентированную адаптацию в современной социокультурной среде.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Базовым компонентом культуры первой половины XXI века является интеграция. Интеграция политической, экономической и культурной сфер жизни рассматривается как важный элемент развития государства. В современном мире наблюдается тенденция к расширению контактов между людьми, становлению единого

мирового сообщества и формированию общих ценностей. Мощная интеграция всех сфер человеческой жизнедеятельности в единое мировое сообщество вызывает процессы глобализации. Глобализация означает ускорение внедрения стран и народов в единую мировую систему. Подобное культурное единство оказывает огромное влияние на механизмы, определяющие дальнейшее развитие отдельных культур и цивилизаций.

Европейский экономический союз, Азиатско-Тихоокеанское экономическое сообщество, Северо-американская зона свободной торговли являются результатом глобализации. Компьютерные технологии и интернет позволяют создать всемирное информационное пространство. Ключевые элементы жизни представлены наукой, техникой, культурной и спортивной деятельностью. Соответственно, происходит ускоренное образование единого мирового сообщества, т. к. не существует национальной математики, химии, физики и науки в целом как системы знаний о мире.

Возникает такое понятие как язык международного общения. Таким образом, одной из наиболее сложных задач современной лингвистики в условиях глобализации является изучение реализации коммуникации непосредственно в жизни. На данный момент, английский язык является самым распространенным рабочим языком при проведении международных симпозиумов, встреч, конференций, подписании международных документов. Без знания английского языка специалист не может чувствовать себя уверенно в современном мире. Следовательно, возникает необходимость в преподавании «английского для специальных целей». Исследование языка для специальных целей относится к наиболее важным проблемам современной лингвистики. Проблематика данного направления затрагивает такие научные дисциплины, как социолингвистика, дискурсология, лексикография, терминоведение. Данная область научных знаний представлена именами таких ученых, как В. М. Лейчик, О. А. Зяблова, М. А. Шанаева, В. Н. Комарова, Л. Г. Рыбалка, К. Трибл, Г. Крукс, Р. Маккей, Т. Дудли-Эванс, П. Стревенс, Х. Г. Виддоусон. Наиболее распространенным является мнение о том, что главной целью преподавания иностранного языка является развитие коммуникативной компетенции.

Изучение настоящего вопроса находит отражение в многочисленных работах в области лингвистики, педагогики и психологии.

Достаточный уровень коммуникативной компетенции является ключевым условием успешной коммуникации на иностранном языке.

На данном этапе следует детально рассмотреть то, что является достаточным уровнем коммуникативной компетенции. Согласно Европейской системе уровней владения иностранным языком [1], различают следующую классификацию:

- A (Basic User) – элементарное владение
- A1 (Breakthrough) – уровень выживания
- A2 (Waystage) – предпороговый уровень
- B (Independent User) – самостоятельное владение
- B1 (Threshold) – пороговый уровень
- B2 (Vantage) – пороговый продвинутый уровень
- C (Proficient User) – свободное владение
- C1 (Effective Operational Proficiency) – уровень профессионального владения
- C2 (Mastery) – уровень владения в совершенстве.

Для студентов-бакалавров требования к входным знаниям, умениям и компетенциям студента – не ниже уровня B1, согласно Европейской системе оценки знания иностранных языков CEFR (Common European Framework of Reference for Languages), что соответствует уровню знаний выпускника средней общеобразовательной школы. По Федеральным государственным образовательным стандартам высшего образования в ходе обучения студенту необходимо освоить готовность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач профессиональной деятельности, знать иностранный язык как средство осуществления интерактивной деятельности в языковой среде и в искусственно созданных условиях языкового контекста, уметь реализовывать различные виды устной и письменной коммуникации на иностранном языке в учебной и профессиональной деятельности [2].

Для студентов-магистров требования к входным знаниям, умениям и компетенциям студента – не ниже уровня B2, согласно Европейской системе оценки знания иностранных языков CEFR (Common European Framework of Reference for Languages), что соответствует среднему уровню знаний студентов, изучивших основной курс на базе бакалаврата. Согласно ФГОС ВО, на выходе студент должен обладать способностью к коммуникации в устной и письменной формах на иностранном языке для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия, знать основные положения фонетической, грамматической и лексической составляющих иностранного языка как средства осуществления интерактивной деятельности в языковой среде и в искусственно созданных условиях языкового контекста, уметь реализовывать различные виды устной и письменной коммуникации на иностранном языке в учебной и профессиональной деятельности, владеть навыками общения на иностранном языке в устной и письменной формах, правилами кросскультурного взаимодействия, умением критически мыслить, навыками умения работы со словарем [2].

В современной науке представлено множество определений компетенции в виду многоаспектности рассматриваемой категории.

В рамках Совета Европы [3] выделяют общую (General competence of a language user) и коммуникативную (Communicative language competence) компетенции.

Общая компетенция (General competence of a language user) подразумевает:

- knowledge (знания):
 - general (общие);
 - contextual (контекстуальные);
 - procedural (методологические);
- attitudes and resources (установки и ресурсы):
 - emotional (эмоциональные);
 - psychological (психологические);
- know-how (навыки и умения):
 - operational (практические);
 - relational (относительные);
 - cognitive (познавательные);
- ability to learn (способность к обучению).

Коммуникативная компетенция (Communicative language competence) включает пять компонентов:

- linguistic (лингвистический);
- discursive (дискурсивный);
- pragmatic (прагматический);
- intercultural (кросскультурный);
- sociocultural (социокультурный).

В лингвистическом плане компетенция имеет дело с формальной стороной языка и затрагивает уровни фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики; с дискурсивной стороны компетенция охватывает устный дискурс; в прагматическом аспекте компетенция базируется на функциональном использовании языка; в кросскультурном контексте внимание уделяется культурным ценностям иноязычных стран; и, наконец, касательно социокультурной компетенции, учитываются условия реализации языка, статус социальной группы и т.д.

В частности, М. Финоккиаро [4] подчеркивает неразрывную связь между адекватной способностью понимать и реализовывать иностранный язык и социолингвистической ситуацией. В данной работе мы будем опираться на определение И. А. Зимней, позиционирующей коммуникативную компетенцию как «способность осуществлять речевую деятельность, реализуя коммуникативное речевое поведение на основе фонологических, лексико-грамматических, социолингвистических и страноведческих знаний и навыков и с помощью умений, связанных с дискурсивной, иллокутивной и стратегической компетенцией, в соответствии с различными задачами и ситуациями общения» [5, с. 3-10].

Многие коллеги, задействованные в сфере высшего образования, в своих выступлениях на семинарах и симпозиумах (например, М. А. Бушуева «О формировании иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыкового вуза» (Пермь, 2009) [6], Е. П. Абдуразякова «Иноязычная коммуникативная компетенция как одна из составляющих личностной и профессиональной характеристик современного специалиста» (Самара, 2010) [7], авторы сборника научных статей «Коммуникативная компетенция: принципы, методы, приемы формирования» (Минск, 2015) [8]) сходятся во мнении о том, что формирование иноязычной коммуникативной компетенции базируется на определении содержания понятия, утверждении поэтапности становления соответствующих коммуникативных навыков, реализации полученных умений в процессе обучения, закреплении коммуникативных способностей в условиях интенсификации учебного процесса с последующей практической апробацией на международных конференциях и в условиях реального бытового и профессионального общения.

Авторы акцентируют повышенное внимание на следующих аспектах обучения:

- социокультурном и социолингвистическом развитии личности и коммуникативного сознания;
- формировании стереотипов и культуры поведения в коммуникационном просторе;
- понимании иноязычных реалий и ценностных жизненных ориентиров;
- погружении в различные коммуникативные жанры и ситуации общения, например, бытовой или деловой контекст;
- планировании и реализации ролевых и этикетных форм речевой деятельности;
- осознании статусно-ролевых характеристик участников коммуникативного акта и т.д.

Успешная реализация вышеперечисленных элементов будет способствовать продуктивному развитию коммуникативных навыков у студентов.

В «Концепции модернизации российского образования на период до 2020 года» Правительства Российской Федерации одним из базисных параметров также представлено овладение коммуникативностью, что в современном мире в условиях глобализации можно трактовать как способность к международному общению, интернациональным контактам и сотрудничеству.

ВЫВОДЫ

С целью преодоления недопонимания, которое может возникнуть при уподоблении лексической системы английского языка системе русского языка, преподавателю необходимо включать в учебный процесс теоретические и тренировочные упражнения. Практическое овладение иноязычной коммуникативной компетенцией возможно при грамотной корреляции рецептивных и продуктивных видов деятельности, так как обучающийся должен не только обладать умениями распознавать отличия между аутентичной иноязычной и русской речью, но и стараться не допускать ошибки в результате интерференции родного и иностранного языка.

Так, например, важно практиковать у студентов:

- при анализе оригинальных текстов:
 - ознакомительное чтение,
 - просмотровое чтение,
 - изучающее чтение,
 - поисковое чтение,
 - академическое чтение;
- при обучении навыкам письма:
 - сочинение,
 - изложение,
 - эссе,
 - деловую переписку,
 - рецензирование;
- при развитии умения говорения:
 - выражение собственного мнения,
 - ролевую инсценировку диалогов,
 - рассуждение,
 - доклады,
 - презентации в качестве выступающего;
- при формировании слухового (аудиторного) восприятия:
 - мини-уроки от носителей языка,
 - прослушивание материала на иностранном языке с комментариями,
 - просмотр видеопередач,
 - участие в конференциях в качестве слушателя,
 - имитацию ситуаций реального общения.

Конструктивное взаимодействие преподавателей и студентов позволит выработать у последних определенный набор стратегий для понимания и реализации

иноязычной речи, что делает процесс обучения более мотивированным и повысит качество обучения.

Поиск ответов на поставленные вопросы и решение сопутствующих задач позволит модернизировать процесс обучения студентов иностранному языку, оптимизировать современные методики преподавания, что будет способствовать продуктивному формированию иноязычной коммуникативной компетенции у студентов неязыковых специальностей, обучающихся в неязыковых вузах.

Список литературы

1. Европейская шкала языковой компетенции. Уровни по шкале совета Европы (Common European Framework) [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://lenda-center.ru/evropeyskaya_shkala_yazyu (дата обращения: 05.02.2016).
2. Координационный совет учебно-методических объединений и научно-методических советов высшей школы. Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://fgosvo.ru/> (дата обращения: 05.02.2016).
3. English language competences [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.slideshare.net/ETRC/english-language-competences> (дата обращения: 05.02.2016).
4. Finocchiaro M., Sako S. A Practical Approach / M. Finocchiaro, S. Sako // Foreign Language Testing. – N.-Y. : Regent Publishing Company, 1983. – 342 p.
5. Зимняя И. А. Речевая деятельность и речевое поведение в обучении иностранному языку / И. А. Зимняя // Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. – Вып. 242. – М., 1984. – С. 3-10.
6. Бушуева М. А. О формировании иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыкового вуза. Материалы международной научно-практической конференции (1-2 июня 2009 г., г. Пермь) [Электронный ресурс] / М. А. Бушуева. – Режим доступа: http://shvarts.pspu.ru/sbornik_konf_list_22.html (дата обращения: 08.01.2016).
7. Абдуразякова Е. П. Иноязычная коммуникативная компетенция как одна из составляющих личностной и профессиональной характеристик современного специалиста. Материалы международной научно-практической конференции (2010 г., г. Самара) [Электронный ресурс] / Е. П. Абдуразякова. – Режим доступа : http://edu.tltsu.ru/sites/sites_content/site1238/html/media61853/089-Abdurazyakova.pdf (дата обращения: 08.01.2016).
8. Коммуникативная компетенция : принципы, методы, приемы формирования : сб. научн. ст. : Электронный препринт / Белорус. гос. ун-т; в авт. ред. – Минск, 2015. – Вып. 15. – 61 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://elib.bs.by/handle/123456789/125054> (дата обращения: 08.01.2016)

PECULIARITIES OF FORMING STUDENTS' FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE AT A NON-LINGUISTIC UNIVERSITY

Brudik L. V., Arbuzova N. V., Gavriushyna E. A.

Institute of Foreign Philology, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: dorof-denis@yandex.ru; natalie_arbuzova@mail.ru; eka6694@yandex.ru

Peculiarity analysis of forming foreign language communicative competence at non-linguistic universities is very important, as mastering the elements of language culture forms the status of a modern specialist in various fields of knowledge.

After World War Two, there was an expansion in scientific, technical and economic activity all over the world. Hence, the development of technology and commerce created a demand for language which could be used among countries of the world. As mastering foreign languages became a key to international technology, commerce and communication, the demand for teaching of foreign language courses according to specific needs

was growing and many researchers realized that the way of teaching a language which had for a long time been about the description of the language should be changed. It was felt that in order to be taught appropriately, a language should be used in real communication. On the other hand, as a language varies from one situation to another, one must determine the main features as the platform of a course. To be more exact, it was realized that there are differences between, for example, the English of mathematics and that of physics. The recognition of the importance relating to the teaching of language to the particular needs of students is not as recent as might be presupposed by the aura of revelation which surrounds some works on foreign language for specific purposes. An excellent documentation of the development of teaching language for specific purposes over the past twenty years or so is provided by Swales 1983, who presented a selection of papers by various hands arranged in chronological sequence with perceptive comments by Swales himself, pointing to the historical significance of each paper.

The aim of this study is to identify peculiarities of forming foreign language communicative competence at non-linguistic universities. To achieve the objective the authors research the notion of foreign language communicative competence, identify crucial areas and new approaches of formation of foreign language communicative competence.

Although there is a good deal of impressive activity in the field, it does not always seem to be directed by a clear understanding of the aims of the enterprise and the most effective means of achieving them. Over recent years, teaching foreign languages for specific purposes at non-linguistic universities has emerged as a particular sub-division of the general activity of teaching English to speakers of other languages. It has taken on all the appurtenances of a separate subject. People are appointed to teach it, courses have been devised to impart the special mystery of its methodology, journals have been founded to promote its advancement, and publishers have produced separate lists of their offerings in the field. It has become an institution.

Teaching foreign languages for specific purposes at non-linguistic universities is based on the competency-based Federal State Standard of Tertiary Education. Foreign language for specific purposes courses are a part of University curricula which should result in mastering a certain kind of competencies – both cultural and professional ones, defined by the basic educational program.

In order to overcome major difficulties that may arise in the assimilation of the lexical system of English and Russian, the teacher must include in the educational process both theoretical material and practical exercises. Mastering a foreign language communicative competence on practice is achieved by means of correlation between receptive and productive activities as the student must not only have the ability to recognize the difference between an authentic foreign language and Russian speech, but try not to make mistakes as a result of the interference of the native and foreign language.

Keywords: language competence, professional activity, non-linguistic University, globalization, English for specific purposes.

УДК 378.147.88

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИИ УЧЕБНОЙ ПРАКТИКИ БАКАЛАВРОВ-ФИЛОЛОГОВ

Георгиади А. А., Георгиади А. К.

Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация

E-mail: alexandra.georgiadi2010@gmail.com;

E-mail: alexandros.georgiadi2012@gmail.com

В статье проанализирован опыт организации и проведения учебной практики (первичные профессиональные умения и навыки по направлению «филология») в Институте иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского». В качестве нового направления реализации предложена организация профессионального взаимодействия преподавателей и студентов в виртуальной среде.

Ключевые слова: учебная практика, студенты-филологи, портфолио, этапы практики, критерии оценивания.

ВВЕДЕНИЕ

В связи с вхождением Республики Крым в российское образовательное пространство одним из новых векторов реализации ООП бакалавриата по направлению подготовки 45.03.01 Филология стала учебная практика. Основные требования к проведению учебной практики бакалавров-филологов сформулированы в федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования, однако подходы к организации и осуществлению данного вида практики могут варьировать в зависимости от языковой специфики подготовки студентов и направлений исследований кафедр и лабораторий университета. Анализ работ по вопросам организации учебной практики бакалавров-филологов, а также программ, разработанных в ряде университетов страны, позволил сделать вывод о том, что данную форму организации учебного процесса используют для формирования у студентов навыков научно-исследовательской работы [2], учебно-ознакомительной практики в образовательном заведении [1], работы в приемной комиссии, фольклорно-диалектологической, информационно-библиографической работы [3], компьютерных навыков в контексте филологических исследований. Вместе с тем в условиях информационного общества значительно расширяется область профессиональной деятельности будущих бакалавров-филологов, что создает возможности формирования новых направлений реализации учебной практики.

Целью статьи является анализ опыта организации и проведения учебной практики (первичные профессиональные умения и навыки по направлению «филология») в Институте иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского».

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Цели и задачи практики (первичные профессиональные умения и навыки по направлению «филология»)

Учебная практика (первичные профессиональные умения и навыки по направлению «филология») проводится на базе выпускающих кафедр Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского» (английской филологии; немецкой филологии; романской и классической филологии, кафедры теории языка, литературы и социолингвистики). Будучи обязательным компонентом основной образовательной программы, учебная практика задает профессионально-практическую ориентацию обучению студентов, обеспечивает переход от подготовительного этапа обучения к этапу профессионализации и готовит их к производственной практике [4].

Разработка программы учебной практики осуществлялась с учетом необходимости формирования первичных профессиональных умений и навыков по направлению «филология», сформулированных в федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования нового поколения. Согласно данному документу, область профессиональной деятельности будущих бакалавров-филологов на современном этапе включает «филологию, гуманитарное знание, а также межличностную, межкультурную и массовую коммуникацию в устной, письменной и виртуальной форме» [4, с. 4]. В таком контексте мало разработанным направлением филологического образования выступает профессиональная деятельность в виртуальной среде. В этой связи учебная практика будущих филологов была направлена на формирование навыков, остающихся вне зоны внимания в традиционном филологическом образовании.

Основная цель учебной практики заключается в овладении практическими навыками: 1) решения профессиональных задач по сбору, анализу и систематизации информации в рамках заявленной тематики экскурсионного характера; 2) взаимодействия в профессиональной среде при помощи информационно-коммуникационных технологий; 3) публичной защиты результатов проведенного исследования.

Для успешного прохождения учебной практики бакалавры-филологи должны: Знать: базовую информацию об основах научно-исследовательской, педагогической, прикладной и проектной деятельности, планировании, исполнении и представлении результатов проектов; внутренний распорядок организации трудового процесса структурного подразделения университета.

Уметь: формулировать цель и задачи проекта, поэтапно осуществлять проектную деятельность; самостоятельно организовывать профессиональный трудовой процесс, взаимодействовать в коллективе, обеспечивать трудовой процесс соответствующими его целям материалами.

Владеть: навыками реализации учебно-познавательных проектов; навыками взаимодействия в коллективе с целью выполнения профессиональных задач для обеспечения научно-исследовательской, прикладной и проектной деятельности.

2. Содержание учебной практики (первичные профессиональные умения и навыки по направлению «филология»)

Особенностью содержания учебной практики бакалавров-филологов является ее ориентация на целенаправленное осуществление подготовки студентов к само-

стоятельной организации профессиональной деятельности в условиях информатизации общества.

Учебной практике, проводимой в 4 семестре, предшествует изучение дисциплин базовой и вариативной части программы бакалавриата, предусматривающих лекционные, семинарские и практические занятия: «Иностранный язык», «Практический курс основного иностранного языка», «Практический курс перевода с основного иностранного языка», «Введение в переводоведение», «Теоретическая фонетика основного иностранного языка», «Стилистика русского языка». Знания, умения и навыки, формируемые и закрепляемые в результате прохождения учебной практики необходимы для успешного освоения последующих дисциплин, которые изучаются на 3-4 курсе, а также для прохождения педагогической и преддипломной практики в 7 и 8 семестрах.

Учебная практика (первичные профессиональные умения и навыки по направлению «филология») проходит в два этапа:

Подготовительный этап – 1-2 недели практики – открывается установочной конференцией, в ходе которой руководитель практики института совместно с заместителем директора знакомит студентов с целями, задачами и заданиями учебной практики, внутренним распорядком работы; проводит инструктаж по технике безопасности. После конференции в режиме консультаций групповые методисты помогают студентам осуществить выбор темы работы, поиск надежных источников информации, разработать индивидуальный план практики. Во время практики студенты выполняют все задания, предусмотренные программой, самостоятельно обрабатывают и анализируют полученную информацию, заполняют отчетную документацию.

Экспериментальный этап – 3-4 недели – направлен на реализацию задач учебной практики, включающих отбор и анализ материалов из информационных источников; правильное оформление библиографического списка; подготовку мультимедийного доклада с презентацией основных результатов; защиту результатов работы в ходе устного доклада с мультимедийным сопровождением.

Завершается учебная практика (первичные профессиональные умения и навыки по направлению «филология») итоговой конференцией. По результатам практики и сдачи необходимой документации студенту выставляется дифференцированная оценка за своевременное выполнение студентом всех заданий, направленных на подготовку 1) портфолио студента на электронном носителе; 2) публичную презентацию разработанной в ходе практики экскурсии. Текущий контроль осуществляется по мере прохождения практики на основе оценивания контрольных заданий. Критерии оценивания студенческих работ по учебной практике включают:

Содержание работы – максимум 20 баллов, из них максимальная оценка за содержание эссе о выборе профессии составляет 5 баллов; текста экскурсии – 15 баллов.

Соответствие работы грамматическим и стилистическим нормам иностранного языка – максимум 20 баллов.

Публичное выступление – максимум 20 баллов, из них: соблюдение фонетических норм иноязычной речи – до 14 баллов; зрительный контакт с аудиторией – 2 балла; адекватность предъявления визуальной и звуковой информации (синхронность с устным докладом) – 2 балла; соблюдение временного регламента – 2 балла.

Оформление – максимум 10 баллов, из которых: наличие всех компонентов портфолио – максимум 2 балла; дизайн – 2 балла; техническая сложность выполненной работы: слайд-шоу+печатный текст – максимум 2 балла; слайд-шоу+звуковой ряд – максимум 4 балла; видео-фильм – максимум 6 баллов.

Своевременность выполнения работы – максимум 30 баллов (выполнение всех заданий в указанные сроки).

В случае представления завершенной работы по окончании практики, за каждую пропущенную неделю снимаются 6 баллов. Окончательная оценка успеваемости студента представляет сумму всех рейтингов и составляет максимально 100 баллов. Студентам, не предоставившим своевременно документацию, методической комиссией института было разрешено отчитаться о прохождении учебной практики до конца семестра.

Основными содержательными компонентами, обеспечивающими выполнение задач учебной практики бакалавров-филологов, являются электронное портфолио студента и публичная защита краеведческой экскурсии, разработанной за период практики.

На сегодняшний день портфолио рассматривается как инструмент мониторинга достижений в различных профессиональных сферах. Портфолио учителя стало обязательным комплектом документов, регламентирующим его деятельность, формирующим рефлексию собственной деятельности. Цель портфолио учителя – проанализировать, обобщить и систематизировать результаты своей работы; объективно оценить свои возможности и спланировать действия по преодолению трудностей и достижению более высоких результатов.

Основными векторами применения портфолио в образовании являются: 1) достижение образовательных целей – паспорт компетенции и квалификаций; 2) взаимодействие образовательной среды с работодателями; 3) развитие идеи обучения в течение жизни (портфолио помогает планировать, отслеживать и корректировать образовательную и карьерную траекторию учащегося и молодого профессионала).

Виды портфолио (бумажное, электронное: на носителе, он-лайн).

Обязательными компонентами портфолио студента-филолога были:

Общие сведения о себе: фото; ФИО; дата и место рождения; контактная информация (адрес, телефон, электронная почта, скайп).

Эссе «Я и моя будущая профессия».

Информация об обучении: об окончании средней школы; музыкальной / спортивной / художественной школы; другая информация о достижениях в учебе, спорте, искусстве.

Дополнительное образование: место обучения (организация), название образовательной программы либо вид обучения (при прохождении тренинга, семинара и т.д.).

Опыт работы: место работы, вид работы, должность, должностные обязанности, сроки.

Знание иностранных языков: иностранный язык, уровень владения.

Владение персональным компьютером: уровень владения (не владею, начальный уровень, уверенный пользователь, продвинутый пользователь); компьютерные программы, с которыми умеете работать.

Научная работа: тема и аннотация курсовой работы; список публикаций (статья, доклад, тезисы, реферат) с указанием названия издания, его статуса (универси-

тетское, региональное, зарубежное и т.п.), вида (газета, журнал, сборник), даты, места издания, страниц, соавторов).

Учебная практика 2015: экскурсия по родному городу на иностранном языке (текст), мультимедийное приложение к экскурсии по родному городу на иностранном языке.

Ознакомительная учебная практика студентов, закрепленных на кафедрах факультета иностранной филологии, направлена на разработку портфолио студента, включающего вышеперечисленные компоненты.

3. Результаты проведения практики (первичные профессиональные умения и навыки по направлению «филология»)

Прохождение практики было для студентов новым опытом. На подготовительном этапе практики студенты отмечали наличие сложностей, связанных с необходимостью планирования работы, осуществлением поиска информации в сетевых ресурсах и в бумажных фондах библиотек; сложности перевода информации русскоязычных источников на иностранный язык и оформление текстов экскурсий. Преодоление трудностей осуществлялось при поддержке руководителей учебной практики, оказывавших квалифицированную помощь. Большинство студентов довольны результатами прохождения учебной практики и подчеркивают практическую важность подобных мероприятий для подготовки к самостоятельной профессиональной деятельности.

Учитывая отзывы руководителей учебной практики от кафедр института к трудностям можно отнести: 1) отсутствие у отдельных студентов готовности выполнять задания практики в срок (несоблюдение сроков и планов практики); 2) несодержательность ряда работ, отсутствие творческого подхода (копирование статей из справочной литературы без авторской обработки содержания); 3) недостаточный уровень грамотности в оформлении работ (несоблюдение правил пунктуации, орфографии, как на родном, так и на иностранном языке); 4) нарушение технических требований к созданию портфолио и мультимедийных приложений; 5) некомпетентное использованием электронных переводчиков. Вместе с тем, под руководством преподавателей студентам удалось преодолеть данные трудности и по результатам практики можно судить о том, что она прошла на хорошем организационном уровне.

ВЫВОДЫ

Обеспечивая направление учебной практики (первичные профессиональные умения и навыки по направлению «филология») на профессиональное взаимодействие между преподавателями и студентами в виртуальной среде, мы создаем условия для: 1) выявления и устранения недостатков языковой подготовки студентов (знания родного и иностранного языка); 2) расширения кругозора будущего филолога в ходе разработки краеведческой экскурсии; 3) формирования навыков самостоятельной организации своей профессиональной деятельности; 4) разумного использования современных мультимедийных технологий (программ переводчиков, презентационных приложений); 5) формирования навыков публичного представления результатов своего труда.

Список литературы

1. Белькова А. Е. Методика организации и проведения учебно-ознакомительной практики бакалавра-филолога / А. Е. Белькова // Молодой ученый. – 2015. – №12. – С. 896-898.
2. Жуликов П. П., Жуликова О. В. Рекомендации по организации учебной практики в вузах [Электронный ресурс] / П. П. Жуликов, О. В. Жуликова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – № 6-1. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/rekomendatsii-po-organizatsii-uchebnoy-praktiki-v-vuzah> (дата обращения: 02.02.2016)
3. Радыгина Э. Ю., Короленко А. Ю. Учебная практика как условие формирования профессиональной компетентности студентов-филологов [Электронный ресурс] // Э. Ю. Радыгина, А. Ю. Короленко // Сборники конференции НИЦ Социосфера. – 2012. – №16. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/uchebnaya-praktika-kak-uslovie-uspeshnogo-formirovaniya-professionalnoy-kompetentnosti-studentov-filologov> (дата обращения: 03.01.2016)
4. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 45.03.01 Филология (уровень бакалавриата) [Электронный ресурс] – 21 с. Режим доступа: <http://fgosvo.ru/fgosvo/92/91/4/95> (дата обращения: 03.03.2016)

ON THE ISSUE OF PHILOLOGY BACHELORS' ACADEMIC PRACTICE ORGANISATION AND IMPLEMENTATION

Georgiadi A. A., Georgiadi A. K.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: alexandra.georgiadi2010@gmail.com,
E-mail: alexandros.georgiadi2012@gmail.com*

In terms of the Republic of Crimea entry into the Russian educational space academic practice of Philology students has become one of the new vectors of Bachelor of Philology training. Basic requirements to the organization and implementation of Philology students' academic practice are formulated in the Federal state standard of higher education. However, approaches to the organization and implementation of the practice may vary depending on students' training language specifics and research areas of university departments and laboratories. Realia of information society significantly expand the area of future Philologists' professional activity, which creates opportunities for new areas of academic practice implementation. In this regard Philology students' academic training (basic professional skills in Philology) has been organized on the basis of professional interaction between teachers and students.

Philology students' academic practice was held by the members of Foreign Philology Institute of Taurida Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Being a compulsory component of the basic educational program, the academic practice set the aim of professional and practical orientation of students' training, and provided a transition from preparatory stage to professionalization stage of their education, thus preparing them for practical training.

The main objective of the academic practice was mastery of practical skills: 1) performing professional tasks of collection, analysis and organization of information within the stated excursion topic; 2) professional interaction with the help of information and communication technology; 3) public presentation of research results.

The two stages of academic practice included:

Preparatory stage (the first and the second weeks) aimed at students' choice of excursion topic and reliable information sources, as well as individual practice plan development.

Experimental stage (the second and the third weeks) aimed at students' creation of a) an excursion with multimedia presentation, b) students' portfolios.

Academic practice ended with a final conference where students presented their research. As a result students' works underwent differentiated assessment. Criteria for the assessment included:

Work content – maximum 20 scores for essay content (5 scores) and excursion text content (15 scores).

*К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИИ
УЧЕБНОЙ ПРАКТИКИ БАКАЛАВРОВ-ФИЛОЛОГОВ*

Foreign language grammar and style correctness – maximum 20 scores.

Report presentation – maximum 20 scores for phonetic norms of foreign language (14 scores), eye contact with the audience – 2 scores, adequacy of visual and audio information presentation (synchronization with oral presentation) – 2 scores; adherence to time limit – 2 scores.

Design – a maximum of 10 scores: availability of all portfolio components – 2 scores; design – 2 scores; technical complexity: slideshow + printed text – 2 scores; slideshow + audio series – 4 scores; video – up to 6 scores.

Timeliness of performance – a maximum of 30 scores.

Academic practice organization and implementation through virtual professional interaction between students and teachers created new conditions for identification and elimination of shortcomings of students' language training; expansion of their academic horizons; development of self-organization skills; use of modern multimedia technology and formation of public speech skills.

Keywords: academic practice, philology students, portfolio, stages of practice, assessment criteria.

UDC 372.881.11

READING PROFICIENCY AS PART OF PHILOLOGICAL COMPETENCE

Knyaseva N. A.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: nak-1207@mail.ru*

The article below deals with academic reading strategies aimed at developing the reader's ability to decode information embedded in the text. Special attention is paid to the way how adequate comprehension of the content is built up in the view of its genre and register conditioning, structural coherence, semantic cohesion as well as socio-cultural value. The main domains of the research cover methods of interpretation of the textual message communicated through the text as reflecting certain discursive and ideological system. Problems raised in the article appear to be really helpful so as to locate pieces of information, factual or opinionated, main or supportive, being relevant to a framework of inferences around socio-cultural code of the narration. Critical reading in this way increases the reader's awareness of cultural similarities and differences enabling to evaluate and refine generalizations about the source culture and its own.

Key words: philological competence, cross-cultural communication, comprehension, engagement, genre, register, coherence, cohesion, socio-cultural presuppositions, intention, theme structure, gist, issues.

INTRODUCTION

The function of language as a tool of cultural transmission makes the scope of philological studies widen due to access to existing literature through reading. Speculating on the aims of philology in "What is the English We Use?", Akhmanova O.S. claims that knowledge acquired in the course of reading develops using English professionally by a philologist in the proper sense [1, p.9]. According to her, "philology by definition implies reading extensively" [1, p.19]. In connection with this statement, philology is referred by Robinson R. to "the links between linguistics considered as a science and aesthetic and humanistic study of literature" [9, p.108]. So **the theoretical foundation** of the research presented lies in the assertion that being a philologist implies academic ability of literacy development through reading, distinguished by its relevance to interpreting some textual thing as created in the course of cross cultural communication and accomplished by the language itself as well as some kinds of social and cultural presuppositions.

Initially considered word-for-word decoding as the only way to read, it has been further on replaced by learning how to read purposefully, selectively. In this respect, it makes it possible to give insights into a challenging area of coverage with a special emphasis on the assumption that the reader be seriously justified in its comprehension from the points of view of structure, semantics, socio-cultural value and register. Findings shaped in the article are **aimed** at revealing complex interactions between reader, writer and text, suggesting active engagement with the author's intentions and ideas. In other words, reading encourages a person to get engaged with what is read, gleaning information, and then fitting it into certain environment so as to be able to interpret the content flexibly to suit the purpose of his own literacy experiences.

In this respect, **the major task** is to describe reading as a complex learned skill leading to a certain model of critical extensive reading focused on the ability to extract

and research information from multiple sources in a range of subject areas enhancing comprehension development like interactive mental process. The model is evolved around the following strategy-related activities: engagement, comprehension and activate activities, supplied with corresponding study skills and reading strategies, intended to develop overall reading proficiency.

THE ARTICLE STRUCTURE

I. Forecasting reader's engagement and comprehension

The text arising in a specific social situation represents a highly combined, coherent and cohesive organization both on its structural and semantic planes. In this way, the reader is involved in a reconstruction of context through analysis of its content set up by certain variables. Apparently, pure understanding of grammar and lexicon does not fully constitute comprehension of the text: coherence and brought by the author view points based on cultural norms, beliefs, knowledge, values are essential as well. Constructed on this basis, process of reading goes beyond a simple set of strategies and is placed within some socio-cultural domain. An important point to be made here belongs to Vorodhbitova A. A., who calls the text as the form of work of art communication [5, p.239]. If to put it another way, the text communicates some message, which is expected to be decoded by a reader being a holder of his own value system. Thus, we are getting aware of necessity of monitoring cognition provided that the information presented were critically processed.

It makes evident the fact that reading requires a certain strategy and approach in order to comprehend content properly. Hence, initial stage is to be organized so that the reader could make inferences about genre and register peculiarities: whether it is fiction or non-fiction (with emphasis on its source, purpose, medium of communication, social, cultural, political conditions), taking into account area of its dissimulation (science, business transactions, newspaper reporting, journal articles, TV advertising, official announcements, cultural or sport events). If we think of the way how to start processing information, then the following functional domains are offered to single out:

- general scientific entries, which deal with asserting certain points or assumptions, making prospects, arriving at certain results, explaining and defining this or that phenomenon, passing on and summing up information;
- publicistic prose with the focus on influence on public opinion, combination of logic argumentation and emotional appeal causing a person to accept the given point of view, logically and carefully structured with use of imagery and brevity of expression.

The reader comes to know that different types of register condition the meaningful side of narration from the perspective of context, and it is the selection of meanings that constitutes the variety a text belongs to. Lastly, we must keep in mind that texts derive their meanings from those contained in discourse, and the meanings of genre or register as well as conventionalized social occasions, from which they arise.

2. Inferring thematic perspective

The system of themes, building up textual subject matter content, involves the reader's transitions in the meaningful development of the text. A thematic pattern may be repeated and varied at different levels of abstraction: not just chains of individual lexical items but chains of some thematic formations can interact. Commonly, the themes emerge through the

details of the narration, images and symbols, the narrative tone and stance; words, phrases, sentences are tools that bring home to the reader the potential range of possible interpretable topics. It looks like presentation of states-of-affairs covering processes, activities, relationships, participants, attendant circumstances, ascribed attributes, conflicts, ambiguities, uncertainties, tensions. All in all, thematic patterns are meant to be properly organized through constituency structure, where a larger meaning unit is directly made up of smaller segments, and cohesive structure creating semantic continuity across segmental boundaries. According to Halliday M., cohesion occurs where texture of semantic relationships unite units scattered through the text [8, p.99]. This suggests the possibility of distinguishing the following:

- logical cohesion (because of logical consistency: similarity and contrast, reason and result, condition and effect, process and circumstances of its occurrence, etc.);
- temporal cohesion (parts are grouped by when they are processed);
- communicational cohesion (because parts operate for the same communicative purpose),
- sequential cohesion (when the output from one segment is the input to another);
- functional cohesion (when parts contribute to a single well-defined purpose).

So we have to admit that the key topical points as providing textual coherence must be included into the analysis that will enable the reader to check if they are relevant and represent a logical natural progression, while maintaining overall thematic balance. In order to comprehend the theme, it is required to examine closely what the author is implying, i.e. the meaning beyond the given event. Obviously, transmission of topical information can be subtle: authors use a variety of methods to convey the meaning of their works. The purpose is to bring to light this meaning and the paths taken to create it. For reading, the matter of concern is what issues are being addressed in the text and what ideas form the focus of the author's interest: the text is fully understood and appreciated to the extent that the nature and interrelations of its parts are perceived.

3. Bringing out author's tone and intention

It is undeniable that texts produced by socially situated writers induce meanings, which come about through the complex interaction between the author's intention and the reader's ability to decode it, concisely like the process allegorically named by Lotman Y. M. "беседовать с книгой" [6]. By no means, being a generator of the message, the text requires an addressee so that its socio-communicative function could be performed. A particular point of view embedded in the narration shapes or influences possible reader's responses, whatever different dispositions might be. Sometimes the narrator's opinion will be made clear in a direct address to the reader with an objective and omniscient voice; sometimes it will emerge through intended implications of the writing, its attitude to the given subject (tone can be viewed as an expression of attitude). In any case, the key items in the making of tone are like that: who it is who tells the story; from what perspective; with what sense of distance or closeness; with what possibilities of knowledge; and with what interest.

Writers purposefully use tone to express the main point of the excerpt. It suffices to look at the sentence structure (syntax) and word choice (diction) in order to figure out whether the passage is neutral (objective, explanatory, detached) or opinionated and emotional (subjective, approving, dismissive, encouraging, empathetic etc.). The author's tone tends to be biased in many ways; it suggests his predisposition to influence the reader through

emotional appeal and/or slanted presentation of material. Bias may also be revealed through highly emotional statements, name-calling, stereotyping or over generalization, faulty assumption based on weak or inaccurate information, and contradiction.

The fact of the matter is that arrangement of textual segments in the written text is determined by the author's intention seen as a specific junction of the writer's psychological, linguistic and stylistic potentials, based on a direct rendering or veiled address to the reader. This kind of address is a product of the author's attitude to the described events and immediate inclusion of the reader into the presented situation, exerting effective influence on the reader's mind.

4. Getting to grips with gist and ideas

Cohesive content organization enables textual segments to be properly arranged in the view of their purpose given in the context. Connection of that kind is based on some semantic or associative relationship: an idea can furthermore support another idea by providing an explanation, evidence or arguments why this consistency should be true. In order to convey a message, certain organizational patterns are used by the writer in developing his material, factual or opinionated: listing (such as simple listing, order of importance, chronological order, sequence/process, spatial/place order, summary); explaining (such as example/illustration, clarification, definition, description); analyzing (such as cause/effect, comparison/contrast, division/classification).

There are many messages communicated through the text, and what we see on the surface is really only the tip of the iceberg, in terms of Dijk Teun van [4]. Grounded on the cohesive correlation, the division of the text presupposes the presence of some textual segments built as combination of a number of semantically connected sentences disclosing one of the sides of the common idea of the narration. Structural divisibility of the idea is decomposed into its constituents, each of which functions as a specific centre drawing up some complete segment of the text.

Regarding this, three items must be taken into account: what is said, particularly subtleties of the imagery or informative perspective and the ideas expressed; how it is said, considering how the word choice, the ordering of ideas, sentence structure contribute to the meaning of the passage; explain what it means, tying analysis of the passage back to the significance of the text as a whole. Such orientation appears to be really helpful in showing how far the resources of the text are used to create its meaningfulness.

What is more, revelation of the ideas presented in the narration is basically dependent on the perspective created by its ideological stance and issues raised around. It should be noted here that meanings, finding their expression in text, are commonly negotiated about in concrete situations of social exchange. Consequently, texts are regarded to be organized syntactic forms whose content-structure reflects the ideological organization of a particular area of social life. Following "A Common European Framework of Reference", it is assumed that language can never appear by itself – it always appears as the representative of a system of linguistic terms, which themselves realize discursive and ideological systems. Ideologies are viewed as interpretation frameworks, which organize sets of attitudes about other elements of modern society [3, p.25].

In the end, both the gist of the information and its comprehension conform to the reader's identity, cultural expectations, social position, values and resources. According to

this, he is intended to recognize the problems posed (solved or unsolved); from him, certain qualities are called forth to encourage 'problem solving activities', aimed at bringing out world-view or ideological assumptions. All in all, any kind of writing tends to use cultural codes and the structuring devices of narrative with a high degree of intentionality in order to provide the acute reader with a complex understanding of the raised problems.

5. Making cross-cultural comparison

Language is always used as part of a complex cultural activity based on a framework of references (ideas, beliefs and values) that will accompany the subsequent interpretation of the text. Textual information is shaped historically, socially, intellectually, based on particular intents and perspectives: social, gender, class, ethnic, racial. Hence, reading entails (re) construction of knowledge and ideology looking into the cognitive, social historical, cultural and political contexts, within which texts are created. Comprehension in this direction leads to raising the reader's awareness of socio-cultural factors, namely: culturally-induced values of English-speaking people and original native priorities, dispositions, cultural standpoints [14, p.5-6]. Readers are motivated to develop ability to evaluate and refine generalizations about the source culture with the help of supporting evidence deduced from the narration. Subsequently, ideas and theme of the text are brought into relation with one's own culture.

Through close reading and reflection, it becomes possible to make judgments about the way ideas and feelings are appraised in different cultures, having access to range of socio-cultural items such as: images and symbols; pictures and realia; conventions and behaviour; customs and traditions; stereotypes and expectations; values, beliefs and attitudes. Eventually, the reader is encouraged to make culturally induced connections, which are likely to prompt effective comprehension choices. The major goal of that kind of orientation is to increase the reader's consciousness of cultural similarities and differences in views and attitudes to the issues put forward by the author, and enhance to use acquired socio-cultural knowledge communicating the textual content.

6. Developing vocabulary

Generally speaking, text is constructed by language used in certain genre, socio-cultural conditions and shaped in style as individual peculiarity. A special role is played by the vocabulary in keeping particular register distinct, with the purpose to convey ideas, give commentary, express critical opinion, etc.

Commonly, readers are supposed to record all the words and expressions they come across. However, extensive reading cannot be confined only to these procedures, mainly on account of the fact that command of English is not often sufficient enough to mark off the proper lexicon. Otherwise stated, reading could be considered as carrier of information that should be observed and attended to with subsequent performance around major topical points: if the reader manages to comprehend the text, he begins to understand the proper choice of words, thus acquiring the ability to use vocabulary effectively to the best advantage. As long as we master reading comprehensively, we enlarge and diversify its lexical background: one is bound to familiarize oneself with the variety of expression, and therefore one's own style improves subconsciously. As a result, elaboration of special techniques becomes a must, which consists in separation of the text into ultimate meaningful arrangements (lexical units) enabling the reader to proceed step by step on the way to proper un-

derstanding. Clearly, the goal is not to offer a closed inventory of lexical items but to attract attention to existing association and interactive relationships between different specimens of English vocabulary. In this respect, it is possible to single out the following:

- words of general language functioning, used both in every day situations and professional settings as a means of spoken and written interaction;
- words of general scientific vocabulary, not specialized enough to become terms but occurring in formal context and registers - constituting thematic word maps covering subject areas divided into Arts (education, history, linguistics, politics, psychology, sociology), Commerce (economics, industrial relations, management, marketing, public policy), Law (constitutional law, criminal law, family law, international law), Science (computer science, biology, geography, ecology);
- lexical items like terms of standard use identified with the conceptual foundation of some industries, sciences, professional areas and functions;
- systematic organization of the vocabulary with the focus on associative/paradigmatic relations realized as derivatives, synonymic/antonymic series, pairs of general vs particular, sets of related items around topical areas; - and syntagmatic relations reproduced in recurrent patterns of lexical-phraseological collocation and syntactic colligation;
- words with changed meaning (narrowing/widening) and innovative coinages recently having entered the lexicon to name a new concept, trend, procedure or approach and represented in modern reference books, glossaries, dictionaries as well electronic media; mainly, these are words and expressions questionable from the point of view of the user, requiring comment and explanation, taking into account range of connotations, positive or negative, emotional or neutral;
- expressive variation in functional use represented in metaphors and idioms as part of stylistic interplay.

CONCLUSION

As far as the learner of English is concerned, there is an essential side to his reading: he has to bother himself with an important question of acceptability of certain content in the view of a modern philologist. Thus readers are encountered with the problem of usability of a text as the model to be imitated, i.e. how to carry out their own performance activating covered content on critical thinking basis. It is essential that a reader is able to respond appropriately to the retrieved information, rather than merely describe it but identify oneself with ideas by expressing opinions, giving reasons, speculating, hypothesizing, agreeing/disagreeing, justifying, and in the end assertively negotiating. To put it differently, responses need to go beyond pure description and contain a speculative problem-solving element. So the reader is encouraged to think about implications of the information contained, providing his own point of view on the aspects of the topic discussed.

References

1. Akhmanova O. S., Idzelis R. *What is English We Use?* Moscow, 157 p. (1978).
2. Adams G., *101 helpful hints for IELTS Academic module*, 169 p. (Sydney, 2000).
3. *Curriculum for English language development in Universities and Institutes*. Kyiv, 245 p. (Kyiv State Linguistic University, 2001).
4. Dijk Teun A. van., *Text and context. Explorations in the semantics and pragmatics of discourse*, 282 p. (Longman, 1997).

5. Ворожбитова А. А. Теория текста: Антропоцентрическое направление / А. А. Ворожбитова. – М.: Высшая школа, 2005. – 365 с.
6. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. – СПб. : "Искусство-СПБ", 1998. – С.14-285.
7. Nuttall C., Teaching reading skills in a foreign language, 288 p. (Macmillan, 2000).
8. Harmer J. How to teach English, 212 p. (Longman, 2007).
9. Halliday M., Cohesion in English, Moscow (Vysshaya Shkola, 1991), p. 98-103.
10. Robins R. H., General linguistics. An introduction survey, Moscow (Vysshaya Shkola, 1991), p.108-115.
11. Stephens M., New Proficiency Reading, 205 p. (Longman, 2002).
12. Smith L., Mare N., Topics for today. An advanced reading skills text, 253 p. (Heinle Publishers, 2002).
13. Short J., Marineau Ch., IELTS Graduation, 134 p. (Macmillan, 2008).
14. Tomalin B., Stemplenski S., Cultural awareness, 160 p. (Oxford University Press, 1996).
15. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ang.uiuc.edu/r-li5/ESL project/es/beg.htm> (дата обращения: 13.12.2015)
16. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.nationalreadingpanel.org/publications/summary.htm> (дата обращения: 13.12.2015)

Knyaseva N. A. Reading proficiency as part of philological competence / N. A. Knyaseva // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Foreign Philology.

The article deals with academic reading strategies aimed at developing the reader's ability to decode information embedded in the text. Special attention is paid to the way how adequate comprehension of the content is built up in the view of its genre and register conditioning, structural coherence, semantic cohesion as well as socio-cultural value. The main domains of the research cover methods of interpretation of the textual message communicated through the text as reflecting certain discursive and ideological system. Problems raised in the article appear to be really helpful so as to locate pieces of information, factual or opinionated, main or supportive, being relevant to a framework of inferences around socio-cultural code of the narration. Critical reading in this way increases the reader's awareness of cultural similarities and differences enabling to evaluate and refine generalizations about the source culture and its own.

Keywords: philological competence, cross-cultural communication, comprehension, genre, register, coherence, cohesion, socio-cultural presuppositions, intention, theme structure, gist, issues.

Князева Н. А. Академическое чтение как часть филологической компетенции / Н. А. Князева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Иностранная филология.

Межкультурная парадигма современного гуманитарного образования определяет актуальность исследования специфики филологической компетенции, где особую роль играют полученные через чтение знания, отражающие иную национальную языковую картину мира. В данной статье представлен систематизированный теоретический материал, отражающий современный подход к чтению, основанному на интерпретации текста с точки зрения его информативной интеграции, структурно-семантической когерентности, социо-культурной значимости и языкового регистра. Разработанная автором модель экстенсивного критического чтения ориентирована на развитие дискурсивно-логического понимания англоязычных публицистических текстов (уровень C1, C2) и интерактивную вовлеченность читателя в толкование текстового содержания.

Ключевые слова: филологическая компетенция, межкультурная коммуникация, социо-культурные presuppositions, жанр, регистр, когерентность, когезивность, интенция, импликация, идейная проблематика, тематическая организация.

УДК 378.095

МООС КАК ФОРМА ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Кушнарёва С. Е.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: kushnarevasv92@gmail.com*

Работа посвящена анализу специфики функционирования и эффективности применения дистанционных образовательных технологий в рамках классического учебного процесса ВУЗа. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения особенностей функционирования массовых открытых онлайн-курсов (МООС) как средства подготовки высококвалифицированного и конкурентоспособного специалиста на рынке труда как в Российской Федерации, так и в зарубежных странах.

Ключевые слова: дистанционные образовательные технологии, учебные программы, модернизация, МООС, английский язык.

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе модернизации системы высшего образования в Российской Федерации актуальным становится применение электронного обучения, а также внедрение дистанционных образовательных технологий в учебный процесс. Это позволяет значительно расширить образовательные возможности и обеспечить возможность изучения иностранных языков для широкого круга обучающихся.

Целью исследования является определение роли дистанционных онлайн-курсов в современной парадигме высшего образования, изучение возможности комбинирования традиционных и дистанционных технологий образования и степени их эффективности.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**: сформулировать определение понятия дистанционной образовательной технологии, проанализировать степень применения дистанционных образовательных технологий в отечественных и зарубежных учебных заведениях, определить роль многофункциональных массовых онлайн-курсов в современной системе ВО, провести анализ существующих образовательных Интернет-платформ.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Согласно Федеральному закону Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. N273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» под *дистанционными образовательными технологиями* понимаются «образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников» [3].

На современном этапе можно утверждать, что наиболее популярной формой дистанционного обучения и изучения иностранных языков являются массовые открытые онлайн-курсы (Massive Open Online Courses, МООС).

Их основными характеристиками, заложенными в названии являются:

1. Массовость, т. е. доступность для разных слоев населения независимо от возраста, социального положения, сферы занятости и т. п.

2. Открытость, т. е. открытое размещение на официальных интернет-ресурсах.

3. Сетевой доступ, т. е. возможность обучения посредством сети Интернет в удобное для обучающегося время.

4. Дистанционность, т. е. удаленный доступ без непосредственного взаимодействия преподавателя и обучающегося, что предоставляет возможность для обучения без присутствия на аудиторном занятии.

Эти и другие характеристики способствуют повышению популярности онлайн-курсов среди населения.

Одними из лучших отечественных университетов, предоставляющих абитуриентам и студентам возможность получения высшего образования дистанционно в Российской Федерации являются: Центр дистанционного образования научного парка МГУ им. М. В. Ломоносова; Московский физико-технический институт, Санкт-Петербургский государственный университет; НИУ «Высшая школа экономики»; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Международный банк реконструкции и развития (МБРР), Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), ЮНЕСКО, Европейское Сообщество и Совет Европы играют огромную роль в продвижении реформ, включающих применение дистанционного образования [1].

Фундаментальной базой для развития дистанционной формы высшего образования в Российской Федерации по праву можно считать опыт европейских коллег, создавших Европейскую сеть дистанционного и электронного обучения (*European Distance and E-learning Network*) в рамках Европейской ассоциации университетов дистанционного образования (*European association of Distance Education Teaching Universities*), членами которой являются:

- International Council for Open and Distance Education (сокр.: ICDE);
- Международный совет по открытому и дистанционному образованию, г. Осло);
- United Kingdom Open University (Открытый университет Великобритании);
- организация Virtual University Enterprises;
- университет University for Industry и некоторые другие [2].

Соединённые Штаты Америки предлагают студентам получение высшего образования по дистанционному курсу в Национальном технологическом университете (National Technological University), университете Western Governors University, University of Phoenix (университете Феникса), California Distant Learning Program (Калифорнийская программа дистанционного обучения) и Columbia Network for Engineering Education (Колумбийская сеть для инженерного образования) [2].

Необходимо отметить, что новейшим этапом в развитии дистанционного образования становится открытие многофункциональных массовых онлайн-курсов (Massive Open Online Courses, MOOC) всемирно известных ВУЗов на популярных образовательных платформах, таких как Coursera, Udacity, edX, предлагающие своим слушателям учебные программы (платные и бесплатные) по разным специальностям. Примечательно, что основная часть курсов образовательных порталов представлена

на иностранном языке (английский язык), что является особенно важным для учащихся – появляется дополнительный стимул к изучению иностранного языка студентами языковых и неязыковых специальностей, желающих получить знания из определённых сфер деятельности в зарубежных ВУЗах.

Немаловажной является возможность использования преподавателями МООС в качестве педагогического ресурса при включении дистанционных образовательных технологий в традиционный учебный процесс ВУЗа и комбинировании электронного и фактического материала (концепция смешанного обучения на иностранном языке, называемая *Blended Learning*).

В Российской Федерации на данном этапе сложилась своя система онлайн-обучения. Среди существующих современных отечественных платформ, можно назвать Универсариум, Лекториум, Eduson, Uniweb, Digital October, Univer.tv, Interneturok.ru, Intuit.ru, Хекслет, МФПУ «Синергия», многие из которых успешно функционируют и предлагают огромный спектр выбора онлайн-курсов для студентов, а другие находятся на стадии разработки.

Степень имплементации онлайн-технологий и дистанционных курсов МООС в учебный процесс ВУЗа может варьироваться в зависимости от образовательной политики ВУЗа, специфики образовательных программ подготовки специалистов, а также на усмотрение преподавателя.

Все более популярной становится стратегия использования определённых материалов программы дистанционного обучения в качестве дополнения к основным заданиям курса на иностранном языке. Это расширяет образовательные возможности, воспитывает самодисциплину и организованность, обеспечивает выбор оптимальных форм и методов самостоятельной подготовки, позволяет придерживаться гибкого и оптимального для обучающегося графика работы. Кроме того, существует возможность полного изучения программы студентами на независимой основе. Когда курс завершен, учащийся проходит тестирование в качестве итогового контроля и получает сертификат об окончании онлайн-курса необходимой направленности.

ВЫВОДЫ

Быстрое развитие современных информационных технологий и, как следствие, снижение стоимости дистанционных образовательных услуг делают многофункциональные массовые онлайн-курсы не только доступной, но и весьма привлекательной формой обучения, позволяя студентам и специалистам определенного профиля достигать необходимого уровня общей и профессиональной подготовки в престижных учебных заведениях как Российской Федерации, так и зарубежных стран.

Дистанционное обучение способствует:

- получению качественного образования в ведущих отечественных и зарубежных вузах у лучших преподавателей;
- повышению уровня понимания и владения иностранным языком;
- снижению стоимости обучения, что важно в ситуации резкого сокращения бюджетных мест в вузах, и увеличению доли платного образования (как очного, так и заочного);
- реализации идеи непрерывного образования (от начального профессионального до послевузовского образования, от курсов самообразования до курсов профессиональной переподготовки и повышения квалификации);

- индивидуализации обучения, когда каждому обучающемуся предоставляется возможность построения индивидуальной образовательной траектории, личного расписания занятий;
- возможности организации консультаций с преподавателем с помощью современных электронных средств связи в любое удобное время;
- применению электронного контроля знаний, что усиливает объективность и независимость оценок;
- созданию единой образовательной среды.

Таким образом, в условиях России развитие системы дистанционного обучения представляет важную социально-технологическую проблему, тесно связанную, кроме всего прочего, и с проблемой повышения качества людских ресурсов.

Вопросы внедрения дистанционных форм обучения в высшем профессиональном образовании вновь становятся актуальными в связи с переходом на новые федеральные государственные образовательные стандарты (3+) и внедрением трёхуровневой системы высшего профессионального образования (бакалавриат; специалитет, магистратура; подготовка кадров высшей квалификации).

Список литературы

1. Глобальный контекст – [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.websoft.ru/db/wb/ADCFF938BD8D00BAC3256F240032704C/doc.html> (дата обращения 07.02.2016).
2. Тенденции в дистанционном обучении – [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://www.link-academy.eu/Academy-%D0%A2%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B8_123_15_53 (дата обращения 07.02.2016).
3. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «Об образовании в Российской Федерации» – [Электронный ресурс] – Режим доступа.: <http://www.websoft.ru/db/wb/ADCFF938BD8D00BAC3256F240032704C/doc.html> (дата обращения 07.02.2016).

MOOC AS AN E-LEARNING FORM

Kushnaryova S. E.

Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: kushnarevasv92@gmail.com

The aim of the study is to define the role of online courses in the modern paradigm of education, to explore the possibility of traditional and e-learning technologies of education combination and to determine the degree of their effectiveness. Relevance of the work is specified by the necessity of the massive open online course (MOOC) study as a means of training highly skilled and competitive specialist in the employment market both in the Russian Federation and in countries abroad.

Distance learning is an informational and educational - system with remote access, which is based on modern information technologies. Nowadays e-Learning is one of the fastest growing trends in the sphere of Education. A number of factors contribute to its rapid development, primarily they are: electronic equipment facilities (powerful computers, interactive whiteboards, Skype-access etc.) implemented in the process of study and the development of social Internet networks. Distance learning is gaining prominence among students eager to upgrade themselves for better career prospects. Distance learning is available for a wide spectrum of degree courses. Many forms of distance learning provide students the option to participate whenever they wish, on an individualized basis.

The technology of e-Learning can be used as: 1) an additional support for basic training; 2) a basis for self-education (the students learn independently electronic educational products, such as multimedia courses);

3) the main educational technology. One of the forms of distance learning is presented by modern and popular Massive Open Online Courses, aimed at unlimited participation and open access via the web. This is a free Web-based distance learning program that is designed for the participation of large numbers of geographically dispersed students. MOOC is a model for delivering learning content online to any person who wants to take a course, with no limit on attendance.

Video-based, they offer interaction either through peer review and group collaboration or automated feedback through objective, online assessments (including quizzes and exams). They offer a large number of students the opportunity to study high quality courses online with prestigious universities, often at no cost. They are ideal for independent study and users can select courses from any institution offering them. Universities and other institutions worldwide partner with external providers, the largest including US-based Coursera, Udemy, Udacity, and EdX, and Australian MOOEC. Some providers specialise in particular areas of study. In Russia they are: Универсариум, Лекториум, Eduson, Uniweb, Digital October, Univer.tv, Interneturok.ru, Intuit.ru, Хекслет, МФПУ «Синергия».

There also exists a tendency of *Blended learning* which is considered to be a formal education program in which a student learns at least in part through delivery of content and instruction via digital and online media. While still attending a “brick-and-mortar” school structure, face-to-face classroom methods are combined with computer-mediated activities. Blended learning is also used in professional development and training settings, as it can be used to translate knowledge into a particular skill that is useful and practical for a specific kind of activity. While technology may open doors for students to broader and deeper content, it is really an opportunity for skilled teachers to use online programs to build on and enhance their existing practice.

The degree of implementation of online technologies and remote MOOC courses in the educational process of the university may vary depending on the educational policy of the university, the specificity of educational training programs, as well as at the discretion of the teacher. Increasingly popular is the strategy of using specific distance learning program materials as a supplement to the basic tasks of the course in a foreign language. Nevertheless, it is possible to complete the study program on an independent basis by students, at the end of which they have to pass a test as a final control and receive a certificate of completion of the online course of required orientation.

The rapid development of modern information technologies and as a consequence reduction of distance learning services cost make multifunctional massive online courses are not only affordable, but also a very attractive form of learning, allowing students and professionals a certain profile to achieve the necessary level of general and special training in prestigious institutions of both the Russian Federation and foreign countries.

Implementation of distance learning forms in higher professional education issues once again become relevant in connection with the transition to the new federal state educational standards (3+) and the introduction of the three-level system of higher education (bachelor degree, specialist degree, master degree, PhD courses).

Keywords: distance learning technologies, educational programmes, modernization, MOOC, the English language.

УДК 378.147:811.111

МЕЖПРЕДМЕТНЫЕ СВЯЗИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В МАГИСТРАТУРЕ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА

Кушнарёва Т. И.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация
E-mail: kushnareva_t@mail.ru*

Работа посвящена анализу межпредметных связей, сделаны выводы по поводу целесообразности использования межпредметных связей в преподавании иностранного языка в магистратуре неязыкового высшего учебного заведения.

Ключевые слова: межпредметные связи, федеральные государственные стандарты, компетенции магистров.

ВВЕДЕНИЕ

В педагогике уделяется много внимания межпредметным связям и их использованию в практике преподавания в высшей школе. Они относятся к поиску методов отражения целостности природы в содержании учебного материала, что способствует возникновению идеи предметного синтеза.

Целью данной работы является характеристика межпредметных связей в рамках преподавания иностранного языка в неязыковом ВУЗе. Для достижения поставленной цели нам необходимо определить понятие межпредметных связей, проанализировать целесообразность использования межпредметных связей в преподавании иностранного языка в магистратуре высшего учебного заведения.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Понятие межпредметных связей

Основоположник научной педагогики Я. А. Коменский указывал на то, что преподавателю необходимо учитывать связи, в которых находятся все предметы [1, с. 248]. Педагог-гуманист И. Г. Песталоцци также советовал привести в своем сознании все то, что взаимосвязано по своему существу в природе [5, с. 107].

Основоположник научной педагогики в России К. Д. Ушинский в своей книге «Человек как предмет воспитания» обосновал дидактическую значимость межпредметных связей, которые являются частью более общей проблемы системности обучения. Он опирался на теорию различных ассоциативных связей, отображающих объективные взаимодействия предметов и явлений. Ушинский считал, что «знания и идеи, сообщаемые какими бы то ни было науками, должны органически строиться в светлый и, по возможности, обширный взгляд на мир и его жизнь» [8, с. 115].

Американский профессор Таня Авгсбург [9] рассматривает разновидности связей между предметами следующим образом:

– собственно интердисциплинарность в узком значении (подход, имеющий дело с предметом, который выходит за пределы дисциплины, однако его цель остается

в рамках дисциплинарного исследования и состоит в переносе методов из одной дисциплины в другую); и в широком смысле (подход, объединяющий методы различных отраслей, модифицируя их или создавая новый метод для изучения предмета, который выходит за пределы одной дисциплины);

– мультидисциплинарность – сотрудничество, основанное на одновременном или поочередном изучении сложной проблемы перспектив нескольких отраслей знания без всякого взаимного усвоения, трансформации и согласования методологических инструментариив этих дисциплин;

– кроссдисциплинарность – метод, который выводит исследователя за пределы отдельной дисциплины, но без сотрудничества (кооперации) или объединения (интеграции) с соответствующими дисциплинами. Кроссдисциплинарность изучает предмет с помощью методов, заимствованных из дисциплин, не имеющих непосредственного отношения к этому предмету. В кроссдисциплинарных связях преодолеваются границы дисциплин, но ни методы, ни цели не меняются в то время, как интердисциплинарность смешивает практики и основы всех привлеченных дисциплин;

– трансдисциплинарность – термин, который в 1970 ввел Жан Пиаже, определяет методологическое основание применения интегрированных научных подходов к таким сложным проблемам, которые выходят за пределы устоявшихся академических дисциплин: окружающая среда, энергия, здоровье, культура.

Наша точка зрения базируется на том, что для продуктивного применения на практике знаний из различных дисциплин важным является установление широких связей между ними. В современных условиях потребность в формировании готовности к получению информации (в устной и письменной формах), к общению на иностранном языке с зарубежными партнерами чувствуют, прежде всего, студенты, обучающиеся в магистратуре.

2. Обучение иностранному языку в магистратуре неязыкового высшего учебного заведения

Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку в неязыковых высших учебных заведениях состоит из трех компонентов и происходит по следующим направлениям:

– социокультурное направление – общий курс иностранного языка (общеупотребительный язык, язык для повседневного, бытового общения)

– направление по специальности – курс иностранного языка для специальных целей (для общения специалистов разных отраслей);

– профессиональное направление – курс иностранного языка для делового общения, что является типичным во многих профессиональных сферах деятельности человека (например, резюме, деловая переписка, разговор по телефону и т. п.), в которую также входит и предпринимательская (сферы бизнеса).

В разработанных федеральных государственных стандартах (ФГОС) владение иностранным языком признаётся у магистров обязательной компетенцией. В неязыковом ВУЗе курс английского языка в магистратуре нацелен на развитие и углубление профессионально-ориентированной языковой компетенции. Например, ФГОС предписаны следующие компетенции магистров по направлению подготовки 35.04.01 Лесное дело [4, с. 8-9]:

1) общекультурные: готовность к саморазвитию, самореализации, использованию творческого потенциала (ОК-3);

2) общепрофессиональные: готовность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач профессиональной деятельности (ОПК-1).

Актуальной задачей обучения иностранному языку магистров является формирование у них умений использовать иностранный язык для практической работы по специальности, повышения своего профессионального уровня, продвижения по карьерной лестнице и достижения профессиональных целей, осуществления эффективной деловой и межличностной коммуникации. Будущим специалистам необходимо уметь осмысливать критически и анализировать ситуации, которые могут возникнуть в их профессиональной деятельности, а затем для решения профессиональных задач находить целесообразные решения. Для этого необходимо владеть иноязычной компетенцией на высоком уровне. В результате чего выпускники магистратуры будут на рынке труда востребованы и конкурентоспособны.

Для широкого использования межпредметных связей при формировании профессиональной компетенции необходимо выделить соответствующую информацию по различным дисциплинам на каждом этапе обучения и определить возможность их использования, то есть определить содержание межпредметных связей. В своей практической деятельности мы исходим из анализа языковых потребностей, которые являются фундаментом в определении содержания обучения иностранному языку, включая использование соответствующих знаний по другим дисциплинам. Тесный контакт с кафедрами профилирующих специальностей, консультирование со специалистами и чтение специальной литературы, помогают определить те характеристики коммуникативной деятельности, которые необходимы будущим специалистам для их успешного профессионального общения на иностранном языке.

Следовательно, указанные выше объективные факторы обуславливают разные технологии интегрированного изучения профессионального иностранного языка в профессиональной подготовке магистров. В процессе разработки рабочих программ мы руководствуемся модульным принципом, который способствует гибкой подаче учебного материала. Модульный подход позволяет преподавателю построить курс из необходимых блоков-модулей, принимая во внимание потребности определенной аудитории.

К профессиональным технологиям в учебном процессе принадлежат визуализация, презентация, ведение беседы (дискуссии), анализ профессиональных ситуаций и тому подобное. Указанные технологии находят свое применение в таких формах организации занятий как проектная деятельность и деловые игры. Они открывают возможность для творческой и экспериментальной деятельности. Работа над проектами и деловые игры имеют большое значение для подготовки студентов к решению будущих профессиональных заданий. Студенты используют свои языковые, межкультурные и профессиональные знания для реализации проекта, предусматривающего планирование, поиск, систематизацию, презентацию и тому подобное. Работа магистров над проектами всегда учитывает межпредметные связи.

Организация проектов на занятиях по иностранному языку в неязыковом ВУЗе дает возможность проводить профессиональные исследования и докладывать об их результатах на иностранном языке.

Деловые игры не ограничиваются проектной работой, связанной с будущей профессией. Студенты пытаются решать проблемы, которые могут действительно возникнуть на практике за пределами учебного заведения в контакте с другими инстанциями (например, с сельскохозяйственными предприятиями, государственными учреждениями, коммунальными ведомствами, прессой и т. д.).

ВЫВОДЫ

Итак, межпредметные связи иностранного языка с другими учебными дисциплинами по своим характеристикам являются содержательно-информационными и фактическими. То есть их всестороннее освещение на уровне фактов, событий способствует обобщению и систематизации знаний, обеспечивает повышение конкурентоспособности и мобильности будущих специалистов.

К дальнейшим направлениям исследований по вопросу установления и реализации межпредметных связей относим разработку конкретных планов тем межпредметного характера из различных учебных дисциплин, методических рекомендаций соответствующей тематики на уровне высших учебных заведений различного профиля и уровня аккредитации.

Список литературы

1. Коменский Я. А. Избранные педагогические сочинения: в 2 т. / Я. А. Коменский. – М.: Педагогика, 1975. – Т. 1. – 405 с.
2. Монозон Э. И. Основы педагогических знаний / Э. И. Монозон. – М.: Педагогика, 1986. – 200 с.
3. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Е. С. Полат, М. Ю. Бухаркина, М. В. Моисеева, А. Е. Петров; под ред. Е. С. Полат. – М. : Академия, 2002. – 271 с.
4. Об утверждении федерального образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 35.04.01 Лесное дело (уровень магистратуры) [Текст]: Приказ № 314 от 30 марта 2015 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.mgul.ac.ru/UserFiles/File/MetodUpravlenie/FGOS_VO_i_RrOPOR/FGOS_VO_35_04_01_Lesnoe_delo_Mag.pdf
5. Песталоцци И. Т. Избранные педагогические произведения: в 3 т. / И. Т. Песталоцци. – М.: АПН РСФСР, 1963. – Т. 2. – 212 с.
6. Тадеуш Т. Н. Перспективы использования межпредметных связей при обучении английскому языку / Т.Н.Тадеуш // Даследаванні па германскай і славянскай філалогіі : зборнік навуковых артыкулаў / пад рэд. Я.Я.Іванова. – Магілёў: МДУ імя А.А.Куляшова, 2013. – Вып. 5. – С.187-191.
7. Тарнопольский О. Б. Методика обучения английскому языку для делового общения : учеб. пособие / О. Б. Тарнопольский, С. П. Кожушко. – К. : Ленвіт, 2004. – С. 60-65.
8. Ушинский К. Д. Педагогические сочинения: в 6 т. / К. Д. Ушинский; сост. С. Ф. Егоров. – М.: Педагогика, 1989. – Т. 3. – 512 с.
9. Ausburg T. Becoming Interdisciplinary : An Introduction to Interdisciplinary Studies / Tanya Ausburg. – 2-nd edition. – New York: Kendall / Hunt Publishing, 2006. – 197 p.

**INTERDISCIPLINARY RELATIONSHIP
AT TEACHING A FOREIGN LANGUAGE TO MASTERS
IN NON-LINGUISTIC HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION**

Kushnareva T. I.

Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

E-mail: kushnareva_t@mail.ru

For productive practical application of knowledge from different disciplines, it is important to establish broader links between them. Students in Master's degree need the formation of readiness to get the information and communicate in a foreign language with foreign partners.

"Professionally oriented business foreign language" is the course of a foreign language for business communication, which is typical in many areas of professional human activities (e.g., resumes, business correspondence, talking on the phone, etc.), as well as for business.

The foreign language is recognized by the developers of the federal state standards (FSS) of the higher education of the third generation to be one of the essential competencies of masters. The key competence of masters prescribed by FSS is the willingness to communicate in oral and written forms in Russian and foreign languages to meet the demands of professional activities.

It is necessary to identify the relevant information on various subjects at each stage of teaching and determine the possibility of their use, i.e., to determine the content of interdisciplinary relationship. In our activity, we analyze the language needs that are fundamental in determining the content of teaching a foreign language including the use of relevant knowledge from other disciplines.

Developing programs, we are guided by the module principle that promotes flexible supply of educational material. The module approach allows the teacher to build the course from the required modules taking into account the specific needs of the audience.

The professional technology in the educational process includes the visualization, presentation, conducting conversations (discussion), analysis of professional situations, and others. These technologies are used in such forms of organizing studies as a project activity and business games. They provide the opportunity for creative and experimental activity. Work on projects and business games are very important to prepare students for their future professional tasks. Students use their language, cross-cultural and professional knowledge to develop their projects. Masters always take into account the interdisciplinary relationship.

Organization of projects in classes of a foreign language at non-linguistic higher educational institution gives the opportunity to conduct professional researches in the foreign language.

Business games are not limited by the design activity related to Masters' future profession. Students try to solve problems that can actually occur in practice outside the institution – at agricultural enterprises, public institutions, municipal agencies, etc.).

Thus, interdisciplinary relationship and other aspects of foreign language training are meaningful, informative and factual. That is their in-depth coverage on the level of facts, events that promotes generalization and systematization of knowledge, enhances the competitiveness and mobility of the future specialists.

Keywords: interdisciplinary relationship, federal state standards, competence of masters.

УДК 372.881.111

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Левцова С. А.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: snega_4@mail.ru*

Настоящая статья посвящена анализу перспектив использования современных средств дистанционного обучения иностранному языку, средств электронных инновационных образовательных технологий. В работе рассмотрены различные виды информационных технологий, используемых для дистанционного изучения иностранных языков, определена эффективность, а также преимущества и недостатки каждого из исследуемых видов дистанционной деятельности.

Ключевые слова: дистанционное обучение, иностранные языки, инновационные технологии, современные средства обучения.

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире основным аспектом развития образования является внедрение инновационных информационных технологий в процесс дистанционного обучения иностранным языкам. Развиваясь, современное образование интегрируется в процесс виртуализации, потребность в технологиях дистанционного образования растет, и изучение иностранных языков с использованием электронных ресурсов становится все более популярным. Одним из возможных способов применения инновационных технологий в процессе обучения иностранным языкам является привлечение современных средств дистанционного обучения с применением новейших информационных и коммуникационных технологий.

Целью данной работы является анализ возможностей использования инновационных технологий в системе дистанционного образования для обучения иностранным языкам. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**: проанализировать различные виды информационных технологий, используемых для дистанционного обучения, определить эффективность, а также преимущества и недостатки каждого из исследуемых видов дистанционной деятельности.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Дистанционное обучение иностранным языкам расширяет доступность высшего образования для обучающихся, поскольку его гибкая структура устраняет рамки временных ограничений. Удаленное выполнение определенных задач устраняет вопрос избыточной наполненности учебных заведений, традиционной нагрузки на здания и инфраструктуру университетов [1]. Кроме того, дистанционное обучение иностранным языкам решает вопрос повышенного спроса на изучение иностранных языков у студентов различных географических, социальных, культурных, экономических слоев населения [2]. В связи с увеличением спроса на непрерывное обучение

образовательные учреждения становятся особенно прибыльным при включении элементов дистанционного обучения в учебную программу. Программы дистанционного образования для обучения иностранным языкам стимулируют внедрение инновационных технологий в процесс обучения и становятся такими же эффективными, как и традиционные аудиторные учебные программы.

Дистанционное обучение предоставляет более широкие возможности для коммуникации в сфере образования. С помощью различных инновационных инструментов и программ повышается качество дистанционного информационного взаимодействия между студентами и преподавателями, а также между студентами. Современные средства коммуникации позволяют студентам взаимодействовать с аккредитованными учреждениями и программами по всему миру. Имея возможность получать дистанционное образование в различных лидирующих институтах, студенты получают доступ к разнообразным точкам зрения на различные аспекты. Это благотворно влияет на развитие способностей студентов мыслить критически, так как они могут «сочетать новые мнения с их собственными, и разработать прочную основу для обучения» [3]. Научные исследования доказали, что «по мере того, как обучающиеся узнают о различных вариантах интерпретации у разных преподавателей, они генерируют свои собственные варианты» [3].

Дистанционные образовательные технологии делятся на два способа передачи знаний: синхронного и асинхронного обучения.

При синхронном обучении иностранным языкам все обучающиеся «присутствуют» на занятии в одно и то же время. В связи с этим данный вид обучения схож с традиционным методом аудиторного обучения, несмотря на то, что участники находятся на расстоянии. Необходим согласованный график проведения занятий. Веб-конференции, чат-занятия являются примерами синхронной технологии, равно как и спутниковое вещание (DBS), интернет-радио, потоковое вещание и телефон. Программное обеспечение для веб-конференции, например Adobe Connect, помогает облегчить организацию встреч при дистанционном обучении иностранным языкам, и обычно содержат дополнительные средства взаимосвязи, такие как текстовый чат, опросы, и т. д. [4]. Данные инструменты также поддерживают асинхронное участие студентов, которые смогут прослушать записи синхронных сессий. Интерактивная среда с погружением (в частности, Second Life) также используется для оптимизации присутствия студента на курсах дистанционного образования. Другой формой синхронного обучения, которая разрабатывается в течение последних нескольких лет, является использование прокси-роботов, включая таких роботов, использование которых позволяют студентам с ограниченными способностями посещать занятия [4].

При асинхронном обучении иностранным языкам участники получают доступ к учебным материалам согласно своему индивидуальному графику. Студенты не обязаны находиться на занятии одновременно. Почтовая корреспонденция, которая является самой первой формой дистанционного образования, является асинхронной технологией, равно как и сетевые форумы, электронная почта, видео и аудио записи, печатные материалы, голосовая почта и факс [5]. Веб-занятия и веб-квесты также являются примером асинхронного дистанционного образования. Создаются удаленные занятия, семинары, практические мастерские, где материалы доступны на определенном сайте с установленной программой.

Оба метода получения дистанционного образования для изучения иностранных языков можно комбинировать. Многие курсы дистанционного обучения, предлагаемые традиционными университетами, используют периодические сессии на один или несколько дней обучения для дополнения удаленных курсов. Такой тип сочетания удаленного и аудиторного образования в последнее время стали называть «смешанное образование» или реже «гибридное образование». Многие университеты используют сочетание инновационных технологий и сочетание методов обучения (очное, удаленное, смешанное) под названием «дистанционное обучение».

Дистанционное обучение иностранным языкам также включает в себя такие виды обучения как интерактивное радиообучение (IRI), интерактивное аудиообучение (IAI), виртуальный мир, цифровые игры, вебинары и веб-трансляции, все они являются типами электронного обучения.

По мере возникновения и широкого распространения различных типов и методов дистанционного образования потенциальным студентам дистанционного обучения необходимо рассмотреть некоторые конкретные факторы, определяющие преимущества и недостатки получения дистанционного образования.

Ниже приведены преимущества дистанционного образования для обучения иностранным языкам:

- Комфорт – проходить онлайн-курсы, именно когда студенту это необходимо, а не на основе годовой или семестровой программы учебного заведения. Удаленное обучение находится на расстоянии стационарного компьютера с подключенным Интернет-соединением.

- Гибкость – отсутствие строго определенного времени курса, студент сам принимает решение, когда выполнять практические задания и слушать лекции. Обучающийся самостоятельно выбирает темп обучения.

- Разнообразие – возможности дистанционного обучения существенно увеличились, существует большое количество аккредитованных программ с хорошей репутацией.

- Стоимость – стоимость дистанционного обучения зачастую намного дешевле по сравнению с традиционным обучением в учебных заведениях. При этом нет необходимости беспокоиться о проживании и питании.

- Самостоятельная работа – именно студент устанавливает свой собственный темп и график обучения, соответственно имеется возможность самостоятельного контроля обучения.

- Время, проведенное в аудитории – при дистанционном обучении существует возможность пройти курс по практически любому предмету без необходимости присутствия в аудитории.

- Доступность – дистанционное образование предполагает собой доступ к обучению в любом месте, где имеется доступ к компьютеру.

- Лучший вариант для определенного типа обучающихся – дистанционное обучение является лучшим способом получения образования для людей, которые учатся с помощью визуальных подсказок и тех, кому необходимо больше времени при объяснении.

- Отсутствие необходимости прерывать стаж/работу – благодаря тому, что дистанционное обучение существует в виртуальном пространстве, нет необходимости ни прерывать текущую работу, ни брать отпуск.

При вышеупомянутых преимуществах дистанционного обучения иностранным языкам необходимо отметить также и факторы, которые могут негативно повлиять на успешное получение образования с помощью дистанционного обучения:

- Отсутствие личного контакта с преподавателем – в случае необходимости персонального внимания преподавателя, дистанционное образование зачастую не предоставляет такой возможности.

- Восприятие/репутация – несмотря на то, что постепенно все большее число доминирующих учебных заведений включают в свою программу возможность дистанционного обучения, термин «дистанционное образование» все еще носит репутацию непрестижности.

- Необходимость определенных навыков использования инновационных технологий – дистанционное образование предполагает собой определенную степень владения компьютером.

- Отсутствие социального взаимодействия – несмотря на то, что студенты дистанционного обучения взаимодействуют с коллегами посредством электронной почты, чата или социальных сетей, все же отсутствие личных внеаудиторных встреч может повлиять на положительный имидж дистанционного образования.

- Тайм-менеджмент – дистанционное образование не подходит для студентов, которые любят откладывать выполнение заданий или тех, кому необходимо напоминать о сроках завершения работ.

- Отсутствие поддержки – студентам дистанционного образования приходится полагаться исключительно на себя при выполнении заданий и сдачи экзаменов, что является преимуществом для одних, и недостатком для других.

- Отсутствие атмосферы университета – при дистанционном образовании такая важная часть, как студенческие общегития или территория университета остается недоступной для удаленных студентов.

ВЫВОДЫ

В данной работе рассмотрены возможности использования инновационных технологий в системе дистанционного образования для обучения иностранным языкам. Также проанализированы различные виды информационных технологий, используемых для дистанционного изучения иностранных языков, определена эффективность, а также преимущества и недостатки каждого из исследуемых видов дистанционной деятельности. Достижения в области инновационных технологий при дистанционном образовании для обучения иностранным языкам позволяют значительно расширить контингент обучающихся. При этом цель дистанционного обучения – не полная замена аудиторного образования, а повышение доступности образования. Необходимо отметить, что вопросы о качестве дистанционного обучения продолжают возникать. При этом каждое учебное учреждение, предоставляющее возможность дистанционного образования имеет свои собственные методы оценки качества предоставляемого курса. По мере развития инновационных и коммуникационных технологий, все большее количество курсов будут предоставлены посредством дистанционного обучения.

При этом большинство учебных учреждений комбинируют различные технологии и другие инновационные методы, чтобы предоставить все большее разнообразие дистанционных программ. Тем самым дистанционное образование является началом новой парадигмы обучения и преподавания.

Список литературы

1. Oblinger D. G. The Nature and Purpose of Distance Education / D. G. Oblinger. The Technology Source // Michigan: Michigan Virtual University, 2011. – P. 177–179.
2. Stanton S. Going the distance; Developing shared web-based learning programs/ S. Stanton // Occupational Therapy International, 2001. – №8(2). – P. 96–106.
3. Educational Benefits of Online Learning. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://blackboardsupport.calpoly.edu/content/faculty/handouts/Ben_Online.pdf (дата обращения: 20.04.2016)
4. Brown R. A Swiveling Proxy That Will Even Wear a Tutu / R. Brown [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.nytimes.com/2013/06/08/education/for-homebound-students-a-robot-proxy-in-the-classroom.html?pagewanted=all&_r=1 (дата обращения: 20.04.2016)
5. Lever-Duffy J., McDonald J. B. Teaching and Learning with Technology / J. Lever-Duffy, J. B. McDonald // Allyn and Bacon – Pearson, 2011. – P. 377.
6. Сизова Ю. С., Пригожина К. Б. Современное положение и перспективы развития профессионально ориентированного обучения иностранным языкам / Ю. С. Сизова, К. Б. Пригожина // Педагогическое мастерство: материалы V междунар. науч. конф. – М.: Буки-Веди, 2014. – С. 264–269.
7. Павлова Д. Д. Современные технологии обучения иностранным языкам / Д. Д. Павлова // Молодой ученый. – Казань, 2012. – №11. – С. 471–473.
8. Богданчик Л. В. Инновационные методы обучения иностранному языку в неязыковом вузе / Л. В. Богданчик // Современные тенденции в обучении иностранным языкам и межкультурной коммуникации. Материалы Международной заочной научно-практической конференции. – Электросталь, 2011. – С. 21–23.

PROSPECTS OF APPLICATION OF THE ADVANCED TECHNIQUES AT FOREIGN LANGUAGES DISTANT LEARNING

Levtsova S. A.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: snega_4@mail.ru*

Under the present-day circumstances, the top highlight in the evolution of the learning process is the implementation of innovational information technologies at foreign languages distant learning. As current education evolves it is included in the virtualization process, also the distant learning techniques become strongly sought-for and the foreign language teaching using the Internet becomes more and more widespread.

The introduction of the up-to-date means of distant learning with information and communications technologies is the possible way of innovational and sophisticated technologies application into the process of foreign language teaching.

Current educational system is no longer possible without using of computer tools in the era of society's information evolution, having widespread use of computers and the Internet. On the Internet a variety of tutorial materials are accessible, however students encounter contrasting views on the same issue when searching for information. That is why the distant teaching has a positive impact on the students, as it forms creative thinking, their own activity and shapes their own point of view. During distant learning the innovational technologies offer a chance to absorb the material easily as virtual world has no psychological pressure, which may arise while studying on a full-time basis. Distant education using innovational technologies is a process that leads to mutual cooperation between students and teachers from different cities and even different countries.

The main advantage of foreign languages distant learning is the prospect of on-the-job learning, in any place in the world, and at the same time the quality of the knowledge acquired is at the highest level. The teacher-student interaction happens in the virtual space: both of them are at their own computers and communicate through the Internet.

Thus, the IT techniques of foreign language distant learning consist of the following:

1. On-line conference. This type of studying is held as a scientific and practical training, with pre-set problem and reports system lasting 5-10 minutes. Each student's performance is a logically structured report prepared according to the program previously proposed. Students' different views on the problem will allow considering the issue in details.

2. Chat classes. Training classes are held using chat-technologies. Chat classes are carried out synchronically, when students and teachers have the chat access agreed in time in advance. In such classes, students are able to visually communicate with native speakers in real time. That extremely helps to correct the live speech perception basing on authentic sounds, facial expressions and gestures.

3. Web classes. This type of studying is distant lessons, conferences, seminars, games, workshops and other forms of activities which are held using telecommunications means. For web classes the special web forums are created, where students' reports on a given issue are recorded on a specific site with the installed program. The Web classes differ from chat classes by longer period of work and asynchronous access to the students-teachers forum.

4. Web-quest. This is a task with a special problem having game elements, for completion of which students use the Internet information resources. Web Quest is an Internet site where students work while carrying out some educational tasks.

The above-mentioned means of foreign language distant learning will increase the education flexibility and offer a chance to bear in mind the students' individual needs and not only to stimulate their abilities but to raise students' productivity in class. The e-studying allows learners to replicate not only the particular skills but what is more important the conditions which led to success. The student's involvement in various creative activities increases under such studying circumstances. That encourages the independent and group activeness which is directed toward searching, processing and comprehension of completely new information. Students of distant education who experienced online education realized that this is the beginning of a new paradigm for learning and teaching.

In respect of the foreign language teachers the use of groundbreaking technical means discloses totally new opportunities. Nowadays, when computer technologies have overtaken all spheres of educational activity not only within university there is a need to update the tutorial activity of foreign language studying. Under such update it is understood that the learning process improvement is the use of breakthrough means and methods, such as the introduction of innovational technologies, i.e. computer and Internet sources, into the process of teaching.

The undisputed fact is that the emerging IT technologies use in foreign language distant learning encourages the effectiveness of student learning. Being involved in the distant learning they get the strong idea of the fact that successful learning might be carried out at home, isolated from distractions of the outer world. By such way the learners don't rely on the society around them, also the students obtain a coherent method for learning the language distantly. The advanced IT means provide the motivation to the students for studying and increase their creative thinking and imagination.

It must be pointed out that nowadays we have a non-sufficient volume of tutorial and methodological materials for foreign language e-learning, the deficiency of the methodic recommendations for the innovative technologies implementation. This means that new challenges arise for foreign language teachers in the area of creating and introduction of emerging IT means in foreign language e-learning in education at the university level.

Keywords: distant learning, foreign languages, innovative technologies, IT means.

УДК 378.016:811.111

РЕФЕРАТИВНЫЕ БАЗЫ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА ФАКУЛЬТЕТЕ ПСИХОЛОГИИ: ОТ ПРОСТОГО К СЛОЖНОМУ

Миколайчик М. В.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: margarita8383@mail.ru*

На примере направления подготовки «Психология» в статье рассмотрены возможности использования в качестве средства обучения иностранному языку реферативных баз зарубежных научных публикаций – разновидности онлайн-ресурсов, которые, несмотря на высокое качество, всеобщую доступность и значительный потенциал в деле подготовки высококвалифицированных специалистов мирового уровня, остаются недостаточно интегрированными в учебный процесс и практически не освещаются в научно-методической литературе по преподаванию иностранных языков в высшей школе.

Ключевые слова: реферативные базы данных, аннотация, преподавание иностранных языков, английский язык для профессиональных целей, психология, бакалавриат, магистратура.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие и модернизация высшего образования в целом и преподавание иностранных языков в частности сегодня немыслимы без широкого внедрения в учебный процесс информационных технологий. Число посвященных этому вопросу статей, сборников, пособий и монографий в последние годы растет лавинообразными темпами. Спектр предлагаемых в литературе для повсеместного внедрения в вузовский учебный процесс информационных технологий достаточно широк: интерактивные доски [7], мобильные приложения [8], разнообразные онлайн- и офлайн-ресурсы от электронной почты и скайпа [2] до блогов и сайта телерадиокомпании BBC [1].

Среди всего этого изобилия важно не упустить такой очень ценный именно для высшей школы ресурс, как онлайн-базы научных публикаций. Это прежде всего базы издательств, специализирующихся на выпуске научных журналов, монографий и справочных изданий: Springer, Wiley, Taylor & Francis, Cambridge, Sage, Emerald и др. Кроме того, большую ценность представляют академические базы так называемых агрегаторов, предоставляющих на единой платформе одновременный доступ к ресурсам различных издательств: EBSCO, Scopus, Google Scholar, JSTOR и др.

И те, и другие открывают перед современной высшей школой качественно новые возможности, позволяя готовить будущих специалистов на принципиально ином уровне за счет обеспечения им доступа к широкому спектру самых современных научных исследований мирового уровня по любым отраслям знаний. Однако, как показывает опыт, о возможностях, а иногда даже о самом факте существования столь ценного для исследователя ресурса осведомлен далеко не каждый студент, а наиболее информированной в этом отношении категорией сотрудников вузов продолжают оставаться библиотекари.

Для ликвидации этого упущения представляется необходимой последовательная интеграция данного ресурса в учебный процесс в качестве средства обучения. А поскольку ведущие академические базы данных представлены на английском языке (в меньшей степени – на других иностранных), делать это целесообразно в том числе в контексте курса иностранного (прежде всего английского) языка.

Целью данной работы является рассмотрение возможностей использования в качестве средства обучения иностранному языку такой разновидности онлайн-овых академических баз данных, как реферативные базы, на примере направления подготовки «Психология». В связи с этим представляется необходимым решить следующие **задачи**: раскрыть особенности использования реферативных баз при работе со студентами бакалавриата и магистратуры, а также выделить основные преимущества применения данного ресурса в качестве средства обучения иностранному языку в контексте соответствующих федеральных государственных образовательных стандартов.

Необходимо отметить, что поскольку, в отличие от полнотекстовых, реферативные базы данных содержат только аннотации, последние часто рассматриваются как уступающие по ценности первым. Между тем, существенным преимуществом реферативных баз является их большая доступность: если полнотекстовые версии своей продукции ведущие мировые академические издательства предоставляют на основе платной подписки (а выписывает их далеко не каждый вуз), свой не менее качественный реферативный контент они выставляют в открытом доступе. Благодаря этому на основе реферативных баз исследователь может составить более или менее полное представление о степени изученности той или иной научной проблемы или в целом о современном состоянии интересующей его области исследований. Кроме того, как средство обучения иностранному языку аннотации научных статей и монографий представляют ничуть не меньшую, а в чем-то даже большую ценность, чем полные тексты. Во-первых, за то время, пока учащийся читает полный текст статьи, он может успеть прочитать несколько аннотаций, а, значит, освоить более широкий спектр профессиональной лексики. Во-вторых, читая аутентичные англоязычные аннотации ведущих мировых изданий по своему направлению подготовки, студент рецептивно усваивает лучшие образцы текстов именно того типа, которые с большой долей вероятности придется в дальнейшем продуцировать ему самому (писать на английском языке целые статьи и тем более монографии будут лишь единицы, а вот аннотации к своим работам придется составлять многим).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

На факультете психологии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, где иностранный язык традиционно изучается на всех курсах бакалавриата и магистратуры и в то же время большое внимание уделяется формированию у студентов компетенций, связанных с научно-исследовательской деятельностью, включать в учебный процесс элементы работы с реферативными базами данных можно на всех курсах. Однако делать это нужно постепенно, вводя студентов в пространство мировой психологической науки мягко, руководствуясь сформулированным еще Я. А. Коменским принципом от простого к сложному, от общего к частному, от легкого к трудному [3].

1. Возможности использования реферативных баз данных в качестве средства обучения иностранному языку студентов бакалавриата

На младших курсах бакалавриата, на которых учащиеся еще не проводят самостоятельных исследований, а только осваиваются в пространстве многогранной психологической науки, постепенно определяясь со сферой собственных научных интересов, полезно познакомить их с реферативной базой данных PsycINFO – преемницей хорошо известного отечественным психологам реферативного журнала *Psychological Abstracts*. Этот журнал на протяжении 80 лет печатался Американской психологической ассоциацией, выписывался многими отечественными вузами и в свое время активно рекомендовался первокурсникам для знакомства с современной психологической наукой основателем и первым деканом факультета психологии Таврического национального университета им. В. И. Вернадского профессором В. К. Калиным.

Электронная преемница журнала *Psychological Abstracts*, онлайн-реферативная база PsycINFO, доступна без регистрации через сайт PsyResearch [12], преимущество которого при работе со студентами младших курсов заключается в том, что он имеет очень удобный упрощенный интерфейс, предоставляющий пользователю последние выпуски включенных в базу журналов. Список наименований этих 54 ведущих американских психологических журналов сам по себе уже достаточно познавателен для начинающего психолога, так как приблизительно отражает структуру англоязычной психологической науки. Так, среди наименований мы видим *Developmental Psychology*, *Health Psychology*, *Journal of Abnormal Psychology*, *Journal of Educational Psychology* и многие другие.

При первом знакомстве с ресурсом можно дать учащимся задание подобрать русскоязычный эквивалент названия отрасли психологии, которой посвящен тот или иной журнал. При этом могут возникнуть предсказуемые сложности с некоторыми дисциплинами, например, *educational psychology* или *abnormal psychology*, названия которых учащиеся обычно пытаются перевести буквально как «психология образования» и «аномальная психология», в то время как в русскоязычном терминологическом поле их принято называть «педагогическая психология» и «психология аномального развития». После этого можно надеяться, что в дальнейшем наши выпускники не будут приводить в недоумение иностранных коллег, называя педагогическую психологию “*pedagogical psychology*”, психологию аномального развития – “*psychology of abnormal development*”, а возрастную психологию – “*age psychology*”.

Знакомство с аннотациями статей из представленных в базе PsycINFO журналов удобно интегрировать в такую традиционную для кафедр иностранных языков форму работы, как внеаудиторное чтение.

При этом можно использовать разные подходы к подбору реферативного материала для каждого блока внеаудиторного чтения.

Если преподаватель считает целесообразным унифицировать процесс (дать студентам один и тот же материал, чтобы в дальнейшем обсудить его в группе), можно предложить им проработать все аннотации последнего выпуска конкретного журнала (в выпуске может быть в среднем от 7 до 20 аннотаций). При этом можно ориентироваться на те психологические дисциплины, которые в соответствии с учебным планом

студенты проходят в тех или иных семестрах. Например, в I семестре I курса, когда начинается курс общей психологии, можно предложить им поработать с журналом *Review of General Psychology*, во II семестре, где появляется курс истории психологии – с журналом *History of Psychology*. На II курсе, где диапазон читаемых психологических дисциплин существенно расширяется, можно постепенно вводить журналы по сравнительной психологии (*Journal of Comparative Psychology*), психологии личности и социальной психологии (*Journal of Personality and Social Psychology*), психологии развития и возрастной психологии (*Developmental Psychology* и *Psychology and Aging*). Поскольку по дисциплине «Экспериментальная психология», которая читается в КФУ на II курсе, на сайте PsyResearch представлено 5 журналов (*Canadian Journal of Experimental Psychology*, *Journal of Experimental Psychology: Animal Behavior Processes*, *Journal of Experimental Psychology: Applied*, *Journal of Experimental Psychology: General* и *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*), здесь возможно введение элемента вариативности: студентов можно разделить на 5 подгрупп, каждая из которых прорабатывает аннотации только одного журнала и на занятии делает презентацию для остальных 4 подгрупп с тем, чтобы в целом у группы в конечном итоге сложилось общее представление о всем спектре последних американских исследований в области экспериментальной психологии.

Если преподаватель не ставит задачу унификации учебного процесса, а предпочитает более индивидуальный подход к организации внеаудиторного чтения, студентам может быть предложено проработать определенное количество аннотаций на выбор либо использовать такую доступную в данной базе опцию, как “Random Abstract”: при каждом нажатии на кнопку система методом случайного выбора сама выдает ту или иную аннотацию из какого-либо журнала. В этом случае подключается игровой элемент, что при работе с младшими курсами может представлять дополнительную ценность.

В любом случае, для обеспечения сознательности и активности учащегося – а это, как считает один из ведущих отечественных специалистов по вопросам педагогики профессор И. П. Подласый, является одним из главных принципов качественного обучения [6] – в рамках сдачи внеаудиторного чтения можно предлагать студентам не просто прочитать и перевести определенное количество аннотаций и освоить заданный объем вокабуляра, но и кратко, своими словами, изложить суть каждого из представленных в них психологических исследований, а также, к примеру, определить лучшее исследование месяца и обосновать свое мнение в групповой дискуссии.

2. Возможности использования реферативных баз данных в преподавании иностранного языка в магистратуре

На старших курсах бакалавриата и в магистратуре, где в рамках курсовых и выпускных работ предусмотрено проведение каждым учащимся собственного исследования в выбранной им отрасли психологии, целесообразно интегрировать в курс иностранного языка элементы работы с более сложно организованными базами данных, предоставляющими возможности для расширенного поиска научных публикаций по конкретной теме.

Сравнительный анализ возможностей основных баз такого рода (а это Wiley [9], Cambridge [10], Emerald [11], Springer [13], Taylor & Francis [14], Sage [15], Google

Scholar, Scopus) показывает, что оптимальным вариантом для наших целей является система Google Scholar [17].

Так, поиск литературы по теме курсовой работы «Психологические аспекты агрессивности у подростков» (путем введения в поле “All Fields” ключевых слов “teenage aggression”) в базе издательства Cambridge дал 4203 результатов, в Wiley Online Library – 3725, в Springer – 3484, в Taylor & Francis Online – 2878, в Sage Journals – 2116, в Emerald – 123. При этом все полученные таким образом аннотации оказались доступны и через систему Google Scholar, поиск в которой дал 65000 результатов, включающих как аннотации, так и полные тексты. Использование при формировании поискового запроса булевых операторов может дать еще более внушительный результат. Так, при введении в поисковое поле Google Scholar вместо “teenage aggression” “teenage OR teenager AND aggression” мы получаем уже 85100 достаточно релевантных результатов.

Следует отметить, что поиск в реферативной базе-агрегаторе Scopus [16], которая, в отличие от всех вышеперечисленных, является платной и в большинстве случаев доступна студентам лишь на территории вуза, дал 4464 результата, многие из которых также оказались доступны через Google Scholar.

Как и на младших курсах, работу с реферативными базами на старших курсах и в магистратуре уместно проводить в форме внеаудиторного чтения, только теперь уже предлагая каждому учащемуся произвести поиск и отбор аннотаций, релевантных теме его собственного курсового (выпускного) исследования. Опыт показывает, что какие-то из проработанных таким образом зарубежных изысканий часто переосмысливаются студентом в контексте собственного исследования и интегрируются в собственную работу с указанием выходных данных в списке литературы. Логическим завершением этого процесса может быть составление учащимся англоязычной аннотации к своей курсовой (выпускной) работе.

ВЫВОДЫ

В целом, использование реферативных баз научных публикаций позволяет успешно решать в курсе иностранного языка широкий круг учебных задач. С одной стороны, интенсифицируя работу с аннотациями как аутентичными научными текстами по направлению подготовки, мы решаем непосредственно возложенные на преподавателей иностранного языка задачи по формированию предусмотренных ФГОС и учебными планами коммуникативных компетенций ОК-5 [4] и ОПК-1 [5]: у учащихся совершенствуются навыки чтения и понимания, пополняется запас специализированной научной лексики, которая в дальнейшем может активно использоваться при составлении англоязычных аннотаций к собственным работам и подготовки к выступлениям на научных конференциях, рецептивно усваиваются наиболее употребительные в научном дискурсе грамматические конструкции.

Наряду с этим, работа с реферативными научными базами не может не способствовать формированию у бакалавров общепрофессиональной компетенции ОПК-1, связанной с решением задач профессиональной деятельности на основе информационной и библиографической культуры с применением информационно-коммуникаци-

онных технологий, а также в какой-то мере профессиональных компетенций, относящихся к научно-исследовательской деятельности (от ПК-6 до ПК-9) [4].

Использование реферативных баз данных в качестве средства обучения иностранному языку студентов магистратуры направления подготовки «Психология» содействует формированию у них общепрофессиональной компетенции ОПК-3 (способности к поиску, критическому анализу, систематизации и обобщению научной информации) и в какой-то мере профессиональных компетенций ПК-1 – ПК-4 [5].

Рассмотренные в данной работе на примере направления подготовки «Психология» возможности использования реферативных баз данных в курсе иностранного языка, в целом, применимы и для других направлений, что открывает достаточно широкие перспективы для интеграции данного вида ресурса в учебный процесс в качестве одного из универсальных средств обучения иностранному языку в вузе.

Список литературы

1. Артамонова Л. А. Инновации в обучении английскому языку студентов неязыковых вузов / А. Л. Артамонова, М. В. Архипова, Е. В. Ганюшкина, Л. К. Делягина, М. В. Золотова, Т. В. Марьянова // Инновации в образовании. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 2 (1). – С. 28-33.
2. Гитман Е. К. Информационные технологии в процессе обучения иностранному языку в вузе : Монография / Е. К. Гитман, Ю. Ю. Тимкина. – Пермь: Пермская ГСХА, 2014. – 136 с.
3. Коменский Я. А. Дидактические принципы (Отрывки из «Великой дидактики») / Я. А. Коменский. – М. : Учпедгиз, 1940. – 91 с.
4. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 37.03.01 Психология (уровень бакалавриата): приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 07.08.2014 № 946 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [М., 2014]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170164 (дата обращения: 05.03.2016)
5. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 37.04.01 Психология (уровень магистратуры): приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 23.09.2015 № 1043 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [М., 2015]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_187579/2ff7a8c72de3994f30496a0ccb1ddafdadf518 (дата обращения: 05.03.2016)
6. Подласый И. П. Педагогика: 100 вопросов – 100 ответов : Учебное пособие для вузов / И. П. Подласый. – М. : ВЛАДОС-пресс, 2004. – 365 с.
7. Попова В. В. Инновационные формы обучения иностранному языку / В. В. Попова // Наукоедение. – 2015. – Т. 7. – № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/175PVN315.pdf> (дата обращения 05.03.2016)
8. Титова С. В. Мобильное обучение иностранным языкам : Учебное пособие / С. В. Титова, А. П. Авраменко. – М.: Икар, 2013. – 224 с.
9. <http://onlinelibrary.wiley.com/advanced/search> (дата обращения 03.04.2016)
10. <http://journals.cambridge.org/action/advanceSearch?sessionId=9E74DEEC18E8B9DF05911ED1049648E5journals> (дата обращения 03.04.2016)
11. <http://www.emeraldinsight.com/search/advanced> (дата обращения 03.04.2016)
12. <http://psyresearch.org/abstracts> (дата обращения 03.04.2016)
13. <http://www.springer.com> (дата обращения 03.04.2016)

14. <http://www.tandfonline.com/search/advanced> (дата обращения 03.04.2016)
15. <http://online.sagepub.com/search> (дата обращения 03.04.2016)
16. www.scopus.com (дата обращения 03.04.2016)
17. <https://scholar.google.com> (дата обращения 03.04.2016)

ACADEMIC ABSTRACT DATABASES IN TEACHING ENGLISH TO PSYCHOLOGY STUDENTS: FROM SIMPLE TO COMPLEX

Mikolaychik M. V.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: margarita8383@mail.ru*

The paper highlights some benefits and strategies of using academic abstract databases in teaching English for special purposes (ESP) to university students studying for a bachelor's or master's degree in psychology.

Providing easy access to an almost exhaustive spectrum of the latest academic research across the world and therefore highly valuable in terms of upgrading academic research training in our country, international academic abstract databases are still largely underused in the educational process at universities and heavily underrepresented in instructional academic literature in Russia. Since most of the abstracts in the world's leading academic databases are available solely in English, one of the ways to close the gap is to integrate this type of online resources into the university ESP course.

The focus is made on the benefits and strategies of using authentic academic abstracts retrieved from international databases such as PsycINFO, Springer, Wiley Online Library, Taylor & Francis Online, Cambridge Journals, Sage Journals, Emerald, Scopus, Google Scholar etc as reading materials within such a traditional ESP teaching format as monthly outside reading.

As well as being more easily available than up-to-date high quality authentic academic full texts, academic abstracts have some other important advantages. Specifically, reading a number of abstracts takes as much time as perusing one full text article while exposing a student to a much wider range of research and therefore to much more diverse professional vocabulary. In addition, reading authentic abstracts in English from the world's leading editions in their areas of studies, students are exposed to the best examples of the text type which they are likely to have to produce in their future academic careers, an English abstract being nowadays a compulsory requirement for any academic paper contributed to any Russian publication.

Guided by J. A. Comenius's principle of going from simple to complex and from general to specific, the author proposes different strategies for using academic abstracts while teaching ESP to bachelor and master students of psychology.

The PsyResearch website, which has a simplified user friendly interface featuring PsycINFO database abstracts from the latest issues of 54 American Psychological Association journals, is suggested as one of the best online resources for first- and second-year bachelor students. Two alternative approaches can be applied to selecting abstracts for outside reading. If the English instructor prefers to use the same reading material with all the students in order to have a subsequent group discussion, they can be asked to study abstracts from the latest issue of a particular journal. A journal choice for each outside reading assignment could be guided by the academic curriculum. For example, first-year students studying psychology at Crimean Federal University could focus on *Review of General Psychology* in the first term and on *History of Psychology* in the second term, the range of materials for the second year expanding to include journals on comparative psychology, personality and social psychology, developmental psychology as well as experimental psychology. Alternatively, a more individual approach could be preferred with each student studying a certain number of abstracts at his/her own choice or those randomly selected by the search engine. Whichever approach is favoured, it is essential to make

sure that the students are actively involved in the process as conscious learners by asking them not only to read and translate a certain number of abstracts and learn a certain number of professional vocabulary items but also to explain the gist of research findings highlighted in the abstracts and select the best psychological research of the month giving reasons for their choice in the group discussion.

With third- and fourth-year bachelor students as well as master students, whose curriculum includes doing their own research in a chosen area of psychology, a different outside reading material selection strategy should be used based on individual search by keywords related to their own research paper topics. Tentative comparative analysis of different databases with advanced search options suggests that, for the purposes of the ESP course, by far the best option is Google Scholar, which covers the databases of all the leading academic publishers such as Springer, Wiley, Taylor & Francis, Cambridge, Sage, Emerald etc and largely overlaps with the subscription-based Scopus database. Experience shows that international research findings available in the abstract form and discovered by our students owing to this type of ESP assignments often give them new insights related to their own research and are usually cited in their own papers. As a finishing touch to the ESP assignment at this level, asking every student to write an English abstract for his/her own research paper is strongly recommended.

On the whole, integrating academic abstract databases into the ESP course helps to develop not only the purely linguistic and communicative competences entrusted to ESP instructors by the federal standards for both bachelor's and master's degree level educational programmes in psychology but also a number of broader competences related to information search and academic research.

Much of what is proposed in this article for psychology students applies almost equally to any other area of undergraduate and master studies, opening up new prospects for using international academic abstract databases as a universal ESP teaching tool.

Keywords: academic database, abstract, foreign language teaching, English for special purposes, psychology, bachelor, master.

УДК 378.095

РОЛЬ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

Склярченко А. В., Семёнова Д. И.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: sklyarenko_alla@mail.ru; 75sdiana@gmail.com*

В работе анализируются существующие направления использования Интернет-ресурсов в современных методах обучения иностранному языку для специальных целей. Актуальность исследования обусловлена необходимостью формировать новые подходы в обучении. Описываются некоторые интернет-технологии и предлагаются методические рекомендации по их внедрению в процесс обучения английскому языку в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: английский язык для специальных целей (ESP), мотивация, коммуникация, информационные технологии.

ВВЕДЕНИЕ

Информационные и коммуникационные технологии стали неотъемлемой частью множества сфер современного мира. Они проходят постоянную апробацию, претерпевают изменения, совершенствуются одновременно с прогрессом. Во многих странах уже достаточно давно обмен информационными технологиями и услугами является неотъемлемой частью образовательных программ. В настоящее время в России данный процесс запущен и стремительно становится необходимым, а в некоторых аспектах и обязательным. Сфера образования, являющаяся отражением объективных потребностей общества, должна постоянно модернизироваться. В постановлении Правительства Российской Федерации от 7.02.2011 «О Федеральной целевой программе высшего образования» отмечалась необходимость сформировать новые модели управления образованием в условиях широкомасштабного использования информационно-телекоммуникационных технологий [4].

Несмотря на высокие требования к практическому владению иностранным языком, которые выдвигает федеральный государственный образовательный стандарт к бакалаврам и, тем более, магистрам, количество обязательных часов на изучение иностранного языка для специальных целей остается крайне незначительным: 2-3 часа в неделю на 1-2 курсах. Проанализировав учебные планы специальностей технического направления, мы пришли к выводу, что значительное количество часов (не менее 50%) отводится на самостоятельное изучение, и, как правило, этот объем работы остается нереализованным. Одним из самых эффективных средств оптимизации самостоятельной работы студентов неязыковых ВУЗов является использование Интернет-ресурсов. **Цель** нашей работы – проанализировать существующие образовательные ресурсы, их достоинства и недостатки.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Самым значимым источником информационного обмена при изучении иностранному языку можно назвать Интернет, предоставляющий свободную навигацию и широкий выбор иностранных языков. Интернет, обладающий богатым потенциалом, не только источник дополнительной мотивации в изучении иностранного языка, но и инструмент, способный сделать этот процесс обучения лёгким и простым [5, с. 42]. Кроме мотивации можно отметить высокую познавательную активность студентов неязыковых ВУЗов, для которых иностранный язык должен найти отображение в их профессиональной деятельности. Посредством информационно-коммуникационных технологий в неязыковом ВУЗе возможно решение таких основных педагогических задач, как: совершенствование языковых навыков, развитие умений иноязычного общения в профессиональной сфере, развитие навыков самостоятельной и исследовательской работы с возможностью межнациональных дискуссий, обмена опытом и приобретения новых знаний.

В дидактическом плане Интернет включает в себя, по меньшей мере, два основных компонента: формы телекоммуникации и информационные ресурсы [3, с. 2]. Такие популярные формы коммуникации как электронная почта, видеоконференции, чат, форум и социальные сети только недавно стали использоваться в изучении иностранных языков. В настоящее время большая часть общения молодёжи приходится на различные социальные сети. Альтернативой общения на родном языке могут стать разнообразные сети с иностранным языком общения. Interpals специально создавалась для обучения иностранным языкам. Здесь можно пообщаться с представителем любой профессии. В сети Livemocha вы получите задание от носителя языка, который в дальнейшем проверит его выполнение и прокомментирует допущенные ошибки. Сервисы Mylanguageexchange и Omegle предлагают общение по интересам в группах. Здесь можно читать онлайн книги и участвовать в словарных играх.

К информационным ресурсам можно отнести множество аудио- и видеоматериалов, справочные и библиографические данные, инфографику (Gramer.net), а также специально разработанные учебные материалы (Webquest, Hotline, Subject Sampler и др.). Ресурс Activities for ESL/EFI Students, где собрана разнообразная информация, полезен не только студентам, но и преподавателям. Learnenglish.de – это обширный ресурс, на котором можно найти тематический словари. Огромным преимуществом Интернет-ресурсов является их простота, бесплатный доступ, актуальность и информативность и, конечно же, возможность межнациональной коммуникации.

Возможность и частота использования информационных технологий в изучении иностранного языка зависит от педагогической и методологической цели их применения на конкретном этапе обучения. Такая технология как “paperless education” (обучение без бумаги) будет очень эффективна в организации самостоятельной и дистанционной работы студентов. Такой вид работы нацелен не просто на передачу информации, а на её обработку и конструирование. Студент получает модель, по которой работает в удобное для него время, обсуждает спорные моменты или задаёт вопросы в режиме онлайн, формирует мнение и делает выводы.

Томским институтом физики и высоких технологий было разработано сетевое электронное учебно-методическое пособие (СЭУМК), предназначенное для студентов электротехнических специальностей, изучающих профессиональный английский язык. Комплекс представляет собой систему упражнений, выполняемых соответствен-

но рабочей программы дисциплины в определённом количестве. Режим прохождения модулей регулируется, обучающий материал может корректироваться, а процесс быстро и объективно оценивается автоматически. Каждый модуль в программе рассчитан на формирование и совершенствование навыков чтения технической литературы, развитие умений профессионально-ориентированной письменной речи при ведении деловой переписки, выступлении с докладами на международных конференциях, написании статей на иностранном языке и т.д. Используя СЭУМК, преподаватель получает новую роль менеджера и модератора, а студент – роль активного проектировщика с возможностью контроля своей учебной деятельности [2, с. 159].

В организации аудиторных занятий, практическое применение могут найти разнообразные Интернет-технологии (вебинары, вики-технологии, подкасты, блоги и аудиоблоги). Сервис Online Teachers UK (OTUK) предлагает курс специального английского, который поможет уверенно и свободно использовать иностранный язык в рабочих целях. BBC-learning English предлагает различные аудиотексты на интересные темы и скрипты, которые можно распечатать и практиковаться в удобное время. Программа Anki станет незаменимым помощником в расширении словарного запаса.

Мы видим, что в настоящее время существует множество сайтов, программ, сетей и ресурсов, которые можно использовать в обучении иностранному языку. Однако перед преподавателем возникает проблема достоверности, научно-образовательной и содержательной значимости найденной информации [1, с. 160]. В первую очередь, необходимо определить, насколько она эффективна для реализации коммуникативных целей обучения профессиональному иностранному языку и ключевых компетенций, определённых программой, а также на её соответствие уровню подготовки студента. Кроме того материал должен предполагать индивидуальный и творческий подход и давать возможность моделировать отдельные аспекты. Не стоит забывать, что информационные технологии не заменяют традиционный подход к обучению, поэтому должны применяться только тогда и там, где они станут более эффективными, по сравнению с традиционными методами. Преподаватель определяет цели, место и время использования Интернет-ресурсов и заранее разрабатывает план занятия. Выполнение каждого вида работы должно сопровождаться чёткими инструкциями и предусматривать итоговый контроль, например, тест, который может проверяться коллективно или самостоятельно (подразумеваются тесты с ключами).

Используя Интернет-ресурсы в процессе обучения иностранному языку в неязыковых ВУЗах, можно организовать живое межнациональное общение в форме:

- онлайн конференций;
- дискуссионных клубов и чатов;
- различных творческих проектов;
- презентаций, докладов;
- исследовательских работ.

ВЫВОДЫ

Обучающий потенциал компьютерных технологий многогранен и предназначен для решения не только лингводидактической задачи совершенствования навыков иноязычной речи, но и специализированных задач обучения. У студента формируется совер-

шенно новое видение общения, способность работать с огромным объёмом иноязычной информации, анализировать и выделять профессионально-значимую и применять полученные знания для решения поставленных задач. При организации самостоятельной работы у студента формируется познавательная компетентность – активность в приобретении необходимых знаний и развитие поисковых качеств, а также инициативность, креативность и аналитическое мышление. Также, постоянная работа с актуальными аутентичными материалами способствует формированию общекультурной компетенции.

Однако, рациональность и эффективность Интернет-ресурсов – это вопрос методической целесообразности, использование образовательного контента в ВУЗах проводится в соответствии с программой обучения, а также этот процесс должен носить четкий структурированный характер.

Список литературы

1. Ботвенко М. А. Компьютерная лингводидактика : Учебное пособие / М. А. Ботвенко. – М. : Флинта : Наука, 2005. – 216 с.
2. Соколова Э. Я. Практика использования СЭУМК по модулю «Электрические машины и привод» / Э. Я. Соколова // Вестник ТГПУ. – 2013. – №7 (135) – С. 159-162.
3. Сысоев П. В., Евстигнеев М. Н. Современные учебные Интернет-ресурсы в обучении иностранному языку / П. В. Сысоев, М. Н. Евстигнеев. // ИЯШ. – 2008. – №6 – С. 2-9.
4. Федеральный портал «Российское образование». – [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.edu.ru>. (дата обращения 27.05.2016).
5. Owoeye S. T. L'apport de l'Internet au cours de francais sur objectifs spécifiques : le Cas de Covenant University / S. T. Owoeye. // RANEUF. – 2008. – vol. 1 no.5. – P. 33-49.

ROLE OF INTERNET RESOURCES IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES FOR SPECIFIC PURPOSES

Sklyarenko A. V., Semenova D. I.

Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: sklyarenko_alla@mail.ru; 75sdiana@gmail.com

The paper analyzes the current use of Internet resources in the modern methods of teaching foreign languages for specific purposes. The relevance of the study is the need to create new approaches in teaching and learning. It describes some of the Internet technology and offers guidelines for their implementation in the English language learning in higher education establishments.

Information and communication technologies have become an integral part of the set areas of the modern world. They are a constant approbation, are changing, improving at the same time progress. In spite of the high demands on the practical knowledge of a foreign language, which brings federal state educational standard for bachelors and, moreover, masters, the number of mandatory hours for learning a foreign language for specific purposes is negligible: 2-3 hours per week for 1-2 years. After analyzing the curricula of specialties of technical direction, we came to the conclusion that a significant number of hours (at least 50%) is given to an independent study, and, as a rule, the amount of work remains unfulfilled. One of the most effective means of optimizing the independent work of students of high schools is the use of Internet resources. The aim of our work is to analyze the existing educational resources, their advantages and disadvantages.

The most significant source of information exchange in the study of a foreign language is the Internet, which offers free navigation and a wide range of foreign languages. In terms of didactic Internet includes at least two main components: the forms of telecommunications and information resources.

Information resources include a plurality of audio and video materials, reference and bibliographic data, infographics (Grammar.net), as well as a specially designed training materials (Webquest, Hotline, Subject Sampler et al.). Resource Activities for ESL / EFL Students, which collected a variety of information, useful not only to students, but also teachers. Learnenglish.de - a comprehensive resource where you can find a thematic dictionaries.

In the organization of classroom instruction, practical application can be found in a variety of Internet-based technologies (webinars, wiki technology, podcasts, blogs and audioblogs). Service Online Teachers UK (OTUK) offers a special course of English that will help confidently and freely use a foreign language for business purposes. BBC-learning English offers a variety of Audio Texts on topics of interest and the scripts that you can print out and practice at your convenience.

We see that at the present time there are a lot of sites, programs, networks and resources that can be used in foreign language teaching. However, before the teacher there can exist a problem of reliability, scientific and educational content and significance of the information found. First of all, you need to determine how effective it is to implement the communicative goals of training professional foreign language and core competencies, specific program, as well as its compliance with the level of training of the student. In addition the material must assume individual and creative approach and provide the ability to simulate some aspects. It is important that information technologies do not replace the traditional approach to training, so should only be used when and where they will be more effective than traditional methods. Teacher defines the objectives, place and time of use of the Internet-resources and developing a lesson plan in advance. Execution of each type of work should be accompanied by clear instructions and provide total control, for example, a test that can be checked collectively or independently (refers to tests with keys).

Training potential of computer technology and versatile solutions for not only lingvodidactic task of improving foreign language speaking skills, but also specialized training tasks. The student forms an entirely new vision of communication, the ability to work with a large volume of foreign language information, analyze and allocate the significant one and apply this knowledge to the task. The organization of independent work of the student leads to formation of cognitive competence – activity in the acquisition of the necessary knowledge and the development of search quality, as well as initiative, creativity and analytical thinking. Also, constant work with current authentic materials contributes to the formation of common cultural competence.

However, rationality and efficiency of Internet resources is a matter of methodological appropriateness. The use of learning content in high schools is carried out in accordance with the training program and the process itself should be well-structured.

Keywords: English for specific purposes (ESP), motivation, communication, information technology.

УДК 81'366.5=124:811.133.1]:378.147

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕЖПРЕДМЕТНЫХ СВЯЗЕЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ЛАТИНСКОМУ ЯЗЫКУ КАК СРЕДСТВА ОПТИМИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ОВЛАДЕНИЯ ГРАММАТИКОЙ ИЗУЧАЕМЫХ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Чекалина Т. В., Саитхалилова Л. Р.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: tatyanchekalina@rambler.ru*

В статье рассматриваются перспективы интеграции преподавания латинского и изучаемых иностранных языков. Анализируются лингво-методические основы обучения грамматическим конструкциям латинского и французского языков, обладающих структурной аналогией.

Ключевые слова: сознательно-сопоставительный метод, латино-французские грамматические аналоги, Accusativus cum infinitivo, Ablativus absolutus, взаимопроникающее межъязыковое обучение (ВМО).

ВВЕДЕНИЕ

Целью данной работы является анализ латино-французских грамматических явлений-аналогов для выявления возможности их включения в систему упражнений взаимопроникающего межъязыкового обучения (ВМО). Для достижения поставленной цели следует решить следующие **задачи**: проанализировать перспективы использования в учебном процессе Института иностранной филологии методических концепций ВМО, разработанных в рамках синтеза сознательно-сопоставительного и сознательно-коммуникативного обучения иностранным языкам; обосновать предрасположенность к применению ВМО латино-французских грамматических аналогов Accusativus cum infinitivo (лат. Audio cum cantare) и инфинитивного предложения (фр. Je l'entends chanter).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В рабочий учебный план для I курса Института иностранной филологии КФУ им. В. И. Вернадского помимо курса практической грамматики латинского языка включены новые дисциплины, заметно усиливающие лингвистический уклон в преподавании классических языков: «Введение в классическую филологию», «Язык античных письменных источников».

Также следует отметить, что студенты французского отделения данного института изучают латинский язык не только как общеобразовательную лингвистическую дисциплину, но и как специальность «Второй иностранный язык».

Таким образом, проблема специфики организации обучения латинскому языку, повышающей эффективность преподавания, является крайне актуальной.

Студент современного языкового факультета представляет собой формирующегося в процессе обучения полиглота, осваивающего не менее трёх иностранных языков. Поэтому, на наш взгляд, более активное использование межпредметных свя-

зей в институте иностранной филологии позволило бы сделать значительный шаг в решении данной проблемы.

Известно, что идея интеграции преподавания латинского и изучаемых иностранных языков не нова. Вопросы межъязыковых параллелей широко отражены в трудах отечественных и зарубежных учёных – сторонников сознательно-сопоставительного метода в обучении иностранным языкам (И. В. Рахманов, В. С. Цетлин, А. А. Миролубов, Н. Л. Кацман, А. Болен, М. Русле и др.). Не потеряло актуальность высказывание по этому вопросу академика Л. В. Щербы: «Старая латынь и её серьёзное изучение открывают двери во все языки» [1, с. 90].

В работах известного методиста Нины Лазаревны Кацман последовательно развит и научно обоснован принцип сопоставительного изучения языковых явлений при обучении латинскому языку:

«... важное значение имеет сравнительно-сопоставительный анализ на всех уровнях языка: фонетическом, лексическом, грамматическом...

Исторические параллели помогают обнаруживать причинные связи и раскрыть многие языковые закономерности» [2, с. 4-5].

1. Методическая концепция взаимопроникающего межъязыкового обучения грамматическим аналогам латинского и изучаемых иностранных языков

В рамках синтеза сознательно-сопоставительного и сознательно-коммуникативного методов в конце XX века была разработана концепция взаимопроникающего межъязыкового обучения (ВМО).

Методическая концепция ВМО адресно направлена изучающим параллельно несколько иностранных языков. ВМО предполагает при параллельном изучении использование языковых аналогов для переключения с языка на язык в ходе объяснения и выполнения упражнений на любой стадии овладения соответствующими языковыми явлениями:

«Переключение с языка на язык в практически совместном взаимопереплетающемся обучении иностранным языкам и конкретно выражается чередованием объяснительных действий и упражнений для усвоения языкового знака одного иностранного языка и упражнений, направленных на овладение соответствующим аналогом в другом языке, а также упражнений, в которых фигурируют аналогичные явления обоих языков» [3, с. 4].

Методика взаимопроникающего межъязыкового обучения, теоретически обоснованная и апробированная экспериментально в работе А. Л. Алтонена, к сожалению, не нашла широкого применения в высших учебных заведениях России. Между тем она представляет реальный путь повышения эффективности усвоения основ латинского языка, как в пределах отобранных явлений, так и за их пределами.

ВМО будет также способствовать более высокому уровню владения соответствующими грамматическими явлениями изучаемых современных иностранных языков. Результаты исследования А. Л. Алтонена убеждают в том, что обучение грамматическим аналогам в их неразрывной связи значительно интенсифицируют умственные действия учащихся по построению грамматических конструкций необычных для русскоязычной аудитории. Система упражнений ВМО создаёт исключительно благоприятный форум для возникновения и сохранения межъязыковых ассоциаций. Таким

образом, данная методика способна ускорить, упростить, оптимизировать процесс овладения грамматикой изучаемых иностранных языков.

Положительные результаты применения методики ВМО латино-английским грамматическим аналогам, разработанной А. Л. Алтоненом, дали основания для дальнейшего развития предложенного подхода и его применения в практике параллельного обучения латинскому и французскому языкам.

2. Латино-французские грамматические аналоги-объекты ВМО

Критериями отбора грамматических явлений при разработке конкретной методики ВМО латино-французским грамматическим аналогам является структурная аналогия данных грамматических явлений и их сравнительно высокая частотность функционирования во французском языке.

На предмет включения в систему упражнений ВМО нами были проанализированы латино-французские грамматические конструкции-аналоги – *Accusativus cum infinitivo/ Proposition Infinitive* и *Ablativus Absolutus/ Participle Absolu*. Эти латинские полупредикативные обороты с неличными формами глагола представляют собой «синтаксические латинизмы» [4, с. 278] во многих романских, в том числе, французском, языках. Как справедливо отмечает В. И. Щетинкин, французский язык унаследовал от латыни не только базовую структуру коммуникации – простое предложение, но и многочисленные средства, которые усложняют эту исходную единицу [5, с. 123].

Необходимым звеном при разработке конкретной методики ВМО латинскому и французскому языкам видится анализ латино-французских грамматических явлений-аналогов с целью выявления их предрасположенности к применению ВМО. В настоящей статье в этом аспекте рассматриваются *Accusativus cum infinitivo* в латинском языке и инфинитивное предложение – рефлексия латинского оборота – во французском языке.

Предложения с инфинитивными оборотами составляют специфику и своеобразие синтаксиса латинского языка, равно как и синтаксиса других древних языков: итальянских (оборот *Accusativus cum infinitivo* засвидетельствован в осских и умбрских текстах), а также древнегреческого языка.

В нормативных грамматиках латинского языка *Accusativus cum infinitivo* определяется как характерное явление латинского синтаксиса, которое представляет собой употребление инфинитива в составе двучленного оборота. Этот оборот состоит из винительного падежа существительного или местоимения и инфинитива глагола, которые соотносятся между собой как логическое подлежащее (*accusativus*) и логическое сказуемое (*infinitivus*). *Accusativus cum infinitivo* служит сложным дополнением к управляющему глаголу. Предложение с инфинитивным оборотом называют осложненным, т.к. оно содержит более одной субъектно-предикатной связи, но самостоятельное синтаксическое оформление в виде подлежащего и сказуемого получает только одна из них; другие обретают вид сложных членов предложения.

Лексический состав латинских глаголов, присоединяющих инфинитивные обороты весьма широк. Это глаголы группы *verba putandi, verba dicendi, verba sentiendi, verba affectuum, verba voluntatis*. Такой широкий спектр лексических значений во мно-

гом определяет высокую частотность функционирования в латинском языке этих синтаксических структур.

В научной и учебной литературе по истории французского языка представлены примеры употребления инфинитивной конструкции-рефлексии *Accusativus cum infinitivo* в различные исторические периоды французского языка. Однако, как и в зарубежной, так и в отечественной романистике имеются противоречивые мнения по поводу функционирования инфинитивных конструкций в современном французском языке.

Ж. Гугнем считает, что инфинитивное предложение (этот термин наиболее часто встречается для обозначения синтаксических конструкций-рефлексий латинского *Accusativus cum infinitivo* (примеч. автора)) является лишь стилистическим вариантом придаточных предложений. Употребление инфинитивных предложений – большая редкость [6, с. 205].

По мнению Ф. Брюно, придаточное дополнительное предложение после глаголов восприятия более характерно для французского языка, нежели инфинитивное предложение [7, с. 93].

Ж. и Р. Ле Бидуа полагают, что употребление инфинитивных предложений после глаголов восприятия необязательно, но довольно распространено [8, с. 109].

Отечественный романист Т. Н. Добровольская рассматривает инфинитивное предложение в современном французском языке как архаизм, который противоречит тенденции французского языка к аналитизму [9].

Интересное исследование по изучению структурных типов инфинитивных предложений в зависимости от распространенности конструкций, их второстепенных членов, наличия сочинительной или подчинительной связи было проведено Н. В. Соколовой.

Н. В. Соколова на основе примеров из произведений современных французских авторов делает, на наш взгляд, обоснованный вывод о том, что инфинитивные предложения после глаголов восприятия являются живым развивающимся явлением современного французского языка [10].

Итак инфинитивное предложение, рассматриваемое как рефлексия латинского *Accusativus cum infinitivo* / *Audire eum venire*. лат.: *Je le vois venir*. фр. / – узуальное языковое средство выражения синтаксических отношений в современном французском языке или отмирающий архаизм? Только узуальность данной синтаксической конструкции позволит рассматривать инфинитивное предложение как объект взаимопроницающего межъязыкового обучения.

Нами был проведен анализ количественных параметров употребления инфинитивных предложений на материале произведений современных французских авторов Р. Роллан, Ж.-П. Сартр, Э. Труая, М. Эме. и др.

Результаты исследования показывают, что 65% предложений, употребленных после глаголов восприятия, являются инфинитивными предложениями. Среди глаголов, которые вводят инфинитивное предложение, наиболее частотными оказались глаголы *voir* (92,2%) и *entendre* (75,5%).

ВЫВОДЫ

Таким образом, инфинитивное предложение-рефлексия латинской конструкции *Accusativus cum infinitivo* – представляет собой узуальное средство выражения синтаксических отношений в современном языке и, следовательно, может выступать

объектом ВМО. Accusativus cum infinitivo в латинском языке и инфинитивное предложение во французском характеризуются значительной аналогией и большой предрасположенностью к применению ВМО. Количественные параметры позволили определить французские глаголы восприятия для их включения в систему упражнений взаимопроницающего межъязыкового обучения.

На данном этапе ведется разработка серии упражнений ВМО для латино-французских грамматических аналогов.

На наш взгляд, методическая концепция ВМО вполне заслуживает внимания и широкого применения в практике обучения грамматике иностранных языков в высшей школе, т.к. оказывает положительное влияние на мотивационный настрой студентов в усвоении латинского и других изучаемых языков.

Список литературы

1. Щерба Л. В. Преподавание иностранного языка в средней школе. Общие вопросы методики / Л. В. Щерба. – М.: Высшая школа, 1974. – 50 с.
2. Кацман Н. Л. Методика преподавания латинского языка / Н. Л. Кацман. – М.: Владос, 2003. – 255 с.
3. Алтонен А. Л. Взаимопроницающее обучение грамматическим аналогам латинского и английского языков на I курсе языковых факультетов / А. Л. Алтонен. – Владимир: ВГПУ, 1998. – 45 с.
4. Алисова Т. Б. Введение в романскую филологию / Т. Б. Алисова, Т. А. Репина, М. А. Таривердиева. – М.: Высшая школа, 1987. – 144 с.
5. Щетинкин В. Е. История французского языка: Учебное пособие / В. Е. Щетинкин. – М.: Высшая школа, 1984. – 188 с.
6. Gougenheim G. Etudes de grammaire et de vocabulaire française / G. Gougenheim. – P.: Editions A. et J. Picard, 1970.
7. Brunot F. La pensée et la langue / F. Brunot. – P.: Masson et Cie éditeurs, 1922. – 956 p.
8. Le Bidois G. et R. Syntaxe du français moderne. – 2ème éd. entièrement revue / G. et R. Le Bidois. – Leiden: Université Pers Leiden, 1954. – 282 p.
9. Добровольская Т.Н. Инфинитив в функции личного глагола во французском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук / Т.Н. Добровольская. – Тбилиси, 1949.
10. Соколова Н.В. Структурные типы инфинитивных оборотов после глаголов восприятия в современном французском языке // Ученые записки. – Л.: ЛГПИ им. М.Н. Покровского, 1957.

USING INTERSUBJECT CONNECTIONS WHILE TEACHING LATIN AS A MEANS OF OPTIMIZING THE PROCESS OF MASTERING GRAMMAR OF THE STUDIED FOREIGN LANGUAGES

Chekalina T. V., Sayitkhalilova L. R.

***Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: tatyanchekalina@rambler.ru***

The problem of specifics of the organization of training increasing efficiency in teaching Latin is extremely actual.

The work is devoted to the analysis of linguistic and methodical basis of teaching the grammatical constructions of the Latin and French languages having structural analogy. The object of the research is the methodical concept of interpenetrating interlinguistic teaching (IIT). The object of the research is the Latin and

French grammatical construction «Accusativus cum infinitivo» in Latin and an infinitive construction in French. The purpose of this work is the analysis of the Latin-French grammatical analog phenomena to identify the possibility of their inclusion into the system of exercises of the IIT. To achieve the purpose it is necessary to solve the following tasks: to analyse the prospects of using in the educational process of the Institute of Foreign Philology of methodical concepts of the IIT developed within the framework of the synthesis of the conscious and comparative as well as conscious and communicative teaching the foreign languages; to ground the inclination to using by the IIT the Latin - French grammatical analogs of the «Accusativus cum infinitivo» (Latin *Audio cum cantare*) and the infinitive clause (фр. *Je l'entends chanter*).

The methodical concept of the IIT is addressly meant for those learning in parallel several foreign languages. The IIT assumes that during parallel studying the use of the language analogs for switching from one language to another during explaining and doing , i.e. at any stage of mastering the corresponding language phenomena.

Positive results of using the technique of the IIT for the Latin and English grammatical analogs developed by A. L. Altonen have given the grounds for further development of the offered approach and its application in practice of parallel training in Latin and French languages.

As the selection criteria of the grammatical phenomena when developing a concrete technique of the IIT for the latin and english grammatical analogs there have been selected the structural analogy of these grammatical phenomena and their rather high rate of functioning.

The results of the research show that the infinitive clause which is the reflection of the Latin construction «Accusativus cum infinitivo» represents the usual means of expressing the syntactic relations in the modern language and, therefore, can act as the object of the IIT. The «Accusativus cum infinitivo» in Latin and the infinitive clause in French are characterized by considerable analogy and big inclination to the application of the IIT. The statistical analysis has allowed to define the French verbs of perception for inclusion (taking into consideration their frequency) into the system of exercises of the interpenetrating interlinguistic teaching.

The methodical concept of IIT quite deserves attention and broad application in practice of training in grammar of foreign languages at the higher school since it exerts positive impact on a motivational spirit of students in assimilation Latin and other target languages.

Keywords: conscious and comparative method, Latin-French grammatical analogs, Accusativus cum infinitivo, Ablativus absolutus, interpenetrating interlinguistic teaching (IIT).

УДК 378.811; 81'24

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ У СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА

Черезова М. В., Шестакова Е. С.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: marjana_cheresov@mail.ru; shestackov@ya.ru*

В статье обосновывается необходимость создания и реализации комплекса педагогических условий формирования иноязычной коммуникативной компетентности студентов неязыкового вуза. С опорой на определение иноязычной коммуникативной компетентности и актуальные подходы к ее формированию приводится характеристика педагогических условий согласно их подразделению на выделенные группы.

Ключевые слова: иноязычная коммуникативная компетентность, педагогические условия, неязыковой вуз.

ВВЕДЕНИЕ

Процесс изучения иностранного языка, постоянно изменяющийся, совершенствующийся и лабильный, требует как соответствия новым стандартам и целям, так и учета и оптимизации накопившегося опыта формирования иноязычной коммуникативной компетентности у студентов. В центре этого процесса находится личность студента – человек со своими личностными и индивидуальными характеристиками, системой ценностей и отношений. Это значит, что система подходов в обучении и изучении иностранного языка никогда не остановится в своем развитии, учитывая потребности современных отношений человека и окружающего мира. Студент высшего учебного заведения – это специалист в самом ближайшем будущем, который поставлен в условия жесткой конкурентной борьбы и профессионального развития, что предполагает ориентацию на его перспективные потребности использования иностранного языка для достижения профессиональных целей и решения профессиональных задач. В этой связи вопросы повышения эффективности обучения иностранным языкам в вузе не теряют своей актуальности, отвечая требованиям времени и человека.

Обучение студентов неязыковых специальностей иностранному языку осуществляется в соответствии с федеральным государственным стандартом высшего образования третьего поколения (ФГОС ВО), ориентированным на конечный результат, выраженный в компетенциях (общекультурной – ОК и профессиональной – ПК). В результате освоения дисциплины «иностранное языки» у студентов должен быть сформирован определенный вид компетентностей из разряда общекультурных (ОК) и профессиональных (ПК), коррелирующий с компетенциями, заложенными в основной образовательной программе (ООП) [1].

Помимо основных целей, состоящих в формировании определенного уровня иноязычной компетентности и компетенций, изучение иностранного языка повышает уровень общей культуры человека, тренирует мышление, внимание, память, учит

работать с информацией и развивает коммуникативные навыки. Поэтому вопросы повышения эффективности обучения иностранным языкам в вузе не теряют своей актуальности, отвечая требованиям времени и человека.

Целью статьи является выявление педагогических условий формирования иноязычной коммуникативной компетентности в высшей школе неязыкового профиля, для чего анализируется понятие иноязычной коммуникативной компетентности, определяются основные направления и соответствующие им подходы формирования иноязычной коммуникативной компетентности, выявляются основные характеристики педагогических условий ее формирования.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Иноязычная коммуникативная компетентность и современные педагогические подходы к ее формированию

Современная личностно ориентированная педагогика – это педагогика действия, реформирования и инноваций. Система знаний, умений и навыков, приобретаемых студентами в вузе, должна быть ориентированной, прежде всего, на скорейшее практическое применение в профессии. В период обучения в вузе студент проходит (по Е. Климову) стадию адепта, то есть стадию профессиональной подготовки, когда происходят существенные изменения самосознания, направленности личности, информированности, других сторон индивидуальности, происходит целостное усвоение ценностных представлений о профессиональной общности, овладение профессионально значимыми знаниями, умениями, навыками, развиваются профессионально значимые качества, складываются их системы [2, с. 167-169]. Путем воздействия на мотивационную сферу личности студента необходимо развивать в нем интерес к освоению иностранного языка и с учетом его значения в будущей профессиональной деятельности.

Важнейшие современные педагогические подходы к обучению – личностный, деятельностный, прогностический – учитывают основные способности личности будущего специалиста, развитию которых способствует инновационная педагогика: коммуникативная, способность к самоопределению, деятельностная, рефлексивная, проблемно-исследовательская, имитационно-моделирующая [3, с. 39].

Этим обусловлена необходимость в выявлении, учете и создании педагогических условий наиболее эффективного обучения, которые позволяют обеспечить систему форм и методов обучения и изучения иностранного языка таким образом, чтоб стало возможным решение не только дидактических, но и деятельностных и прогностических задач развития личности студента. Педагогические условия – это действенный, реальный механизм включения максимального количества возможностей для оптимизации педагогического процесса, который стимулирует и активизирует деятельность обучающего и обучающегося и помогает находить наиболее эффективные формы их взаимодействия.

Прежде чем говорить о педагогических условиях и их предпосылках, необходимо еще раз обратиться к понятию иноязычной коммуникативной компетентности для его уточнения.

Проблема иноязычной коммуникативной компетентности студента неязыкового вуза является хорошо изученной в современной педагогической науке. За истек-

шие 10 лет она разносторонне анализировалась в диссертационных исследованиях, например, М. А. Исаевой с позиции контекстного подхода в подготовке менеджеров (2013), А. В. Малаевой в контексте использования кейс-методов (2012), И. А. Зайцевой с проблемой технологии уровневой дифференциации (2007), Л. П. Кистановой с исследованием ситуативно-тезаурусного подхода (2006) и др. Исследовались возможности формирования иноязычной коммуникативной компетенции в процессе вузовской подготовки у будущих юристов (И. В. Касьянова, 2005), экологов (Э. В. Бибикова, 2006), педагогов-психологов (С. С. Киржинова, 2010), специалистов туристической индустрии (Л. П. Кистанова, 2006), финансистов (Е. И. Клименко, 2004), менеджеров (И. В. Чичикин, 2010), студентов технических специальностей (А. И. Курпешева, 2013; И. В. Шукурова, 2006) и др. [4].

Такой интерес и внимание исследователей объясняется сменой парадигмы преподавания и изучения иностранного языка, ставящей во главу угла коммуникативные цели, подразумевающие живое владение языком, противопоставленное статичному объему знаний, когда выполнение учебной программы и соответствие учебному плану становится самоцелью для обучающего и обучающегося. Иностраный язык становится действенным инструментарием для достижения профессиональных и личных целей, а личностный и деятельностный подход в обучении помогают выработать у студента ценностное отношение и к процессу изучения иностранного языка, и к результатам своей деятельности, минимизируя привычное формальное отношение к иностранному языку, только как дисциплине, внесенной в учебный план.

Однако возможность окончательного определения иноязычной коммуникативной компетентности по-прежнему носит характер дискуссии, что обусловлено некоторыми факторами: сложный компонентный состав, субъективность, личностно ориентированный характер, индивидуализация по отношению к каждому отдельному пользователю языка, широкий диапазон реализации (бытовая, профессиональная, научная, техническая сфера), многоплановость процесса общения, реализация целевого назначения, спорный характер понимания слов «коммуникация», «компетентность», «компетенция» и пр.

Иноязычная коммуникативная компетентность является многокомпонентным понятием, включающим в себя разнонаправленные компетенции по выполнению различных речевых и неречевых действий для достижения определенных целей общения: связанные со знанием окружающего мира и личностной системой ценностей и собственно лингвистические, то есть общие и коммуникативные речевые.

В принятых Советом Европы Общеευропейских Рекомендациях по языковому образованию коммуникативные речевые компетенции включают в себя лингвистические, социолингвистические, прагматические компетенции [5, с. 108-130].

Компетенции – это содержательный компонент обучения. Собственно, они являются тем, чему следует учить и учиться. «Применительно к изучению иностранного языка компетенция характеризует определенный уровень владения языком и включает взаимосвязанные компетенции: языковую (или лингвистическую), дискурсивную, речевую и коммуникативную» [6, с. 117-118]. В современной литературе перечень иноязычных компетенций дополняется социокультурной, аналитической, стратегической, профессиональной, социальной и другими компетенциями. Однако

все они не могут рассматриваться без прогноза их дальнейшего использования, т. е. вне деятельностной реализации.

Австрийские исследователи С. Буттарони и А. Паула рассматривают язык с одной стороны как компетенцию, с другой – как перформацию. Компетенция основывается на словарном запасе, грамматике и прагматике, регулирующих употребление языка, а также неречевых коммуникационных средствах. Язык как перформация связан с коммуникацией, действием и взаимодействием. Ключевым остается вопрос, какие продукты говорения (слова, предложения, диалоги, тексты) используются, и какое влияние они в себе несут [7].

Это еще раз подтверждает тесную связь языка, действия и деятельности. Компетентность можно рассматривать только в единстве знаниевой и деятельностной компоненты, когда речевые компетенции, приобретенные в результате изучения иностранного языка, становятся инструментом реальной деятельности по их использованию, принимают прагматический характер и могут быть применены в различных сферах, а личность, достигшую того или иного уровня иноязычной компетентности, можно считать действительным пользователем языка.

Иноязычную коммуникативную компетентность мы понимаем как совокупность знаний, умений и навыков, необходимых для реализации деятельности по восприятию и продуцированию текстов в заданной ситуации общения (контексте) на языке, которым владеет пользователь, и который не является его родным языком. При этом необходимо учитывать основные функции общения, которые выражаются не только в обмене информацией, но и во взаимодействии и перцепции, а также субъект-субъектный характер общения.

С учетом разницы между понятиями «компетентность» и «компетенции» компетенции являются частью целого, формирующие его единство и составляющие деятельностную сторону пользования иностранным языком, а компетентность – личностным качеством, включающим эмоционально-ценностное отношение к выполняемым действиям. Собственно, владение иностранным языком может быть компетентностью как отдельно рассматриваемое свойство личности и компетенцией как часть общепрофессиональной подготовки будущего специалиста. Компонентами компетентности являются компетенции, обеспечивающие речевые и неречевые виды деятельности пользователя языка, которые формируются и развиваются в ходе обучения в вузе.

Компетентность не является закрытой, устоявшейся системой, во-первых, потому, что овладение и совершенствование знаний иностранного языка – это непрерывный процесс, который при условии его актуальности не завершается и не ограничивается изучением иностранного языка в вузе, во-вторых, потому, что для различных пользователей языка она имеет свое наполнение и определяется прогнозируемыми целями иноязычного общения.

Сужая понятие иноязычной коммуникативной компетентности до понятия профессиональной иноязычной коммуникативной компетентности, подчеркнем, что профессиональная иноязычная коммуникативная компетентность входит в сферу готовности к профессиональной деятельности и предполагает способность оперировать иностранным языком в профессиональной сфере общения. Для выпускника неязыкового вуза это касается, в первую очередь, готовности воспринимать тексты на другом языке с целью получения профессионально значимой информации. Однако текст и

работа с ним – это не единственный объект реализации иноязычной коммуникативной компетентности. Целесообразно готовить студента к тому, что в условиях профессиональной деятельности возникнет необходимость в устной коммуникации, деловой переписке, аналитической обработке иностранных источников, публичных выступлениях, переводе с помощью компьютерных систем автоматизации перевода и электронных словарей. И если подготовка ко всем этим формам профессиональной коммуникации в условиях неязыкового вуза представляет собой сложность, то необходимо, по крайней мере, ознакомить студента с возможными видами и формами использования иноязычных знаний, умений и навыков, пролонгируя процесс освоения иностранного языка в форме самообразования.

Нами выделено шесть основных направленностей формирования иноязычной коммуникативной компетентности студента и соответствующие им подходы:

- личность студента – личностный подход;
- система знаний, приобретенных в процессе изучения иностранного языка – компетентностный подход;
- навыки устной и письменной коммуникации в бытовой и профессиональной сфере – коммуникативный подход;
- деятельность, которую может осуществлять личность, применяя полученные знания – деятельностный подход;
- прогнозирование возможной деятельности и готовность к ней – прогностический подход;
- культура носителей изучаемого языка как аутентичная среда реализации иноязычной коммуникативной компетентности – социокультурный подход.

2. Характеристика педагогических условий формирования иноязычной коммуникативной компетентности в педагогическом процессе высшей школы

Многовекторность учебного процесса требует тщательного подхода к педагогическим условиям, в которых происходит формирование иноязычной коммуникативной компетентности. Т. И. Левченко подчеркивает, что разработка новой модели гуманитарного образования актуализируется условиями обучения, формирования мотивации, которая влияет на определение промежуточной и конечной цели, на построение педагогического процесса, отвечающего интересам, целям, потребностям, мотивационным ориентирам учащегося. В этом процессе обратная связь, побуждение, стимулирование, подкрепление становятся его важными компонентами [8, с. 418].

Педагогический процесс является устойчивой системой взаимодействия обучающего, обучаемого и условий такого взаимодействия, имеет свою структуру, характеризующуюся целями, содержанием, методами, средствами и формами его организации, промежуточными и конечными результатами. Структурно-функциональные связи в нем строятся с учетом его закономерностей и принципов.

Педагогический процесс в целом и его компоненты, представленные различными формами и видами работы, является управляемым, специально организуемым, программируемым и прогнозируемым. Управление процессом формирования иноязычной коммуникативной компетентности студентов предполагает, что в нем создают

ся такие условия, которые имеют на него непосредственное влияние. Таким образом, процесс формирования иноязычной коммуникативной компетентности нуждается в обеспечении определенными педагогическими условиями, которые позволяют достичь желаемого результата, реализации ближних и дальних целей. Поскольку образование является открытой системой, в ходе развития и изменения образовательных процессов изменяется также система обеспечивающих их педагогических условий, а в качестве образовательных средств применяются новые технологии и методики. Планомерное, систематическое, осознанное вмешательство в процесс формирования иноязычной коммуникативной компетентности с целью повышения его эффективности является необходимым. Умелое конструирование учебного процесса обеспечивает реализацию его задач и функций: образовательной, воспитательной, развивающей и профессиональной.

Условиями в педагогике выступают явления, которые обуславливают протекание педагогического процесса. Прежде всего, это методы, формы организации обучения и педагогического общения в их соединении и целостности. Педагогические условия влияют на содержательную и организационную сторону педагогического процесса и касаются всех его структурных элементов: обучаемого и обучающего, содержания обучения, целей обучения, средств педагогической коммуникации. Они связаны со всеми структурными компонентами педагогического процесса: целевым, содержательным, результативным, но в наиболее полной мере с его организационной и деятельностной сторонами.

В педагогике доминирующую роль приобретает человеческий фактор, потому что все формы организации учебного процесса можно признать эффективными только тогда, когда они прошли субъективное оценивание со стороны обучающихся и обучающихся. Учитывая субъект-субъектный характер обучения, условия могут создаваться и выбираться по инициативе преподавателя и студентов, однако регулятивная и управленческая функция в создании и отборе педагогических условий принадлежит преподавателю. Условия являются внешними (объективными) по отношению к студенту, но подлежат его субъективному восприятию. Их комбинации зависят от субъективных факторов (уровня развития, готовности к обучению, мышления, памяти, рефлексии, мотивационной сферы, предыдущего опыта и пр.) и объективных факторов (содержание обучения, профессионального мастерства и опыта преподавателя, системы контроля и оценок и пр.). Педагогические условия создаются организаторами учебного процесса и подлежат тщательному отбору с точки зрения целесообразности и эффективности. Разработка педагогических условий ставит перед собой цель максимально увеличить эффективность педагогического процесса, найти пути его наиболее эффективного протекания. Поэтому педагогические условия должны носить целенаправленный характер для достижения результатов в преподавании, обучении, усвоении и воспитании, доказывать свою эффективность. Личностно ориентированный характер обучения предполагает, что педагогические условия создаются, прежде всего, для студента, и каждое из них предполагает учет его интересов. Это не значит, что они направлены на то, чтобы сделать процесс усвоения иностранного языка максимально легким. Напротив, студенту необходимо осознавать его трудность и многогранность. Учет интересов студента состоит в актуализации его мотивационных ресурсов и максимальном усилении интереса

к предмету деятельности, оптимизации его внутреннего и внешнего поведения для достижения осознаваемых и реальных целей в формировании результата изучения иностранного языка.

Формирование иноязычной коммуникативной компетентности студентов неязыкового вуза представляет собой научно обоснованный, управляемый процесс усвоения и присвоения иноязычных компетенций, в котором соблюдается внутренняя логика их развития. На всех этапах студент становится непосредственным участником педагогического процесса. Его активная роль, привлечение его к совместному или самостоятельному решению педагогических задач является залогом стабильного интереса, мотивации и чувства собственной значимости в достижении результатов, а значит, и ответственности за них. Командный и индивидуальный стили работы, чередование и интеграция различных форм и видов работы активизируют психические когнитивные, эмоциональные, речевые процессы. Взаимодополняемость трудности и посильности ее преодоления обуславливают динамизм и эмоциональную выраженность процесса обучения. Прагматичный характер усваиваемых компетенций усиливается наглядным опытом и приближенностью к ситуации реального общения. Процессуальный характер изучения иностранного языка, в котором учитывается уровень исходных знаний, умений и навыков, предполагает выраженную этапность и соблюдение логических связей в содержательном и организационном компоненте педагогической системы. Новизна каждого нового этапа опирается на ранее изученные явления и предполагает поступательное движение от знания к умению и навыку, что в единстве формирует определенную компетенцию, а в сочетании компетенций – иноязычную коммуникативную компетентность как интегрированное личностное качество, включающее эмоционально-ценностное отношение к выполняемым действиям и деятельности. Таким образом, процесс формирования иноязычной коммуникативной компетентности отвечает всем общедидактическим принципам.

В проводимых нами ранее исследованиях мы обращались к анализу факторов, тормозящих педагогический процесс, и предлагали альтернативные компенсирующие факторы, среди которых выделяем: системность; прогностическое целеполагание; диалогичность; профессиональную (прагматическую) направленность учебного процесса; рефлексивность; эмоциональное подкрепление, событийность; интерес, мотивированность; интеграцию традиционных и инновационных форм и методов работы; фасилитативную и партнерскую позицию преподавателя; индивидуальный и личностный подход; средовой подход к обучению: общность целей, действий, результатов; возможность апробации коммуникативной деятельности (деятельностный, компетентностный подход) [9, с. 128-129].

Педагогические условия формирования иноязычной коммуникативной компетентности студента неязыкового вуза должны носить постоянный и системный характер, внедряться на протяжении всего срока изучения иностранного языка и вести к тому, что:

1) субъекты процесса формирования иноязычной коммуникативной компетентности включены в совместную деятельность, которая охватывает различные формы организации учебного процесса и регулируется общей целью – достичь максимально высокого уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетентности;

2) формы организации учебного процесса включают в себя традиционные и инновационные методики, предполагающие формирование навыков поведения в ситуациях, связанных с использованием иностранного языка;

3) формы аудиторной и самостоятельной работы организуются таким образом, чтобы они вызвали интерес и положительные эмоции со стороны студентов;

4) преподаватель становится партнером, помощником, соратником для студента в процессе развития его иноязычной коммуникативной компетенции;

5) студент становится полноправным участником педагогического процесса и приобретает свой равноправный голос в решении задач;

6) студенты включены не только в аудиторную, но и в активную самостоятельную работу, компенсирующую дефицит времени, отведенного для изучения иностранного языка;

7) учитываются индивидуальные и личностные характеристики студентов;

8) индивидуальная работа ведется через коллективную деятельность с учетом стимулирующей роли среды;

9) студенты могут апробировать результаты своей деятельности в ходе контрольных мероприятий.

Ориентируясь на личностные характеристики, к развитию которых стремится современная инновационная педагогика, направленности формирования иноязычной коммуникативной компетентности студента неязыкового вуза и соответствующие им подходы, факторы, стимулирующие учебный процесс, учитывая общедидактические принципы, предлагаем разделить педагогические условия на такие группы в зависимости от их целевого назначения:

1) мотивационные – педагогические действия, направленные на повышение мотивации;

2) содержательные – формы и методы формирования и закрепления компетенций;

3) партисипативные – активная включенность студента в педагогический процесс;

4) деятельностные – создание ситуаций деятельности, приближенной к ситуации реального общения.

К **мотивационным** педагогическим условиям относим следующие условия:

1. Наглядность, которую мы трактуем как: а) аутентичность текстов (для чтения, письма, прослушивания, воспроизведения), используемых на аудиторных занятиях и для домашней и самостоятельной работы; б) приближенность моделируемых учебных ситуаций к ситуациям реального общения и возможность присвоить полученные знания путем апробации и формирования личного опыта иноязычной коммуникации; в) сознательность как осознание естественности и непринужденности процесса коммуникации на иностранном языке, межкультурное осознание; г) опору на родной язык; д) ситуации достижения, позволяющие сравнивать предыдущий и новый опыт.

2. Доступная сложность, предполагающая активизацию мыслительных и познавательных процессов, затрату усилий и достижение результата.

3. Проблемность, под которой мы понимаем такую постановку педагогической задачи, когда существует возможность не только отрабатывать лексические и грамматические явления по заданному алгоритму, но и выполнять дополнительные поисковые задания. В зависимости от этапа обучения они могут варьироваться от самостоятельно составленных предложений, микродиалогов и текстов до выполненных проек-

тов и творческих заданий. Предполагается, что элемент проблемности будет включен в каждое занятие по иностранному языку.

4. Эмоциональность, которая предполагает открытый, мажорный, позитивный характер общения преподавателя со студентом и студенческой группой, искреннюю заинтересованность преподавателя и студентов в таком общении.

5. Рефлексивный компонент каждого занятия, позволяющий наладить эффективную обратную связь, включающий в себя оценочные суждения (не обязательно оценки) преподавателя и студента, систематическая фиксация (возможно в виде письменного или устного сообщения) достижений и успехов, анализ трудностей.

К **содержательным** педагогическим условиям относим следующие условия:

1. Динамика, темп, чередование, взаимозаменяемость и логическая связь между формами и видами работы, видами речевой деятельности, командной и индивидуальной работой.

2. Модульное изучение разделов с опорой на единый основной учебник с интеграцией дополнительного материала, активизирующего восприятие.

3. Отказ от излишней теоретизации в пользу практического освоения знаний, умений и навыков.

4. Самостоятельная работа студентов, организованная таким образом, чтобы охватить максимально возможный объем текстового материала, который студент в состоянии обработать без помощи преподавателя, но с опорой на ранее сформированные навыки, заданные алгоритмы, методические рекомендации по выполнению того или иного вида работы и с возможностью использовать как заучивание, так и творческую обработку используемого текстового материала.

5. Упражнения на опережение, содержащие новые грамматические и лексические явления, о которых студент самостоятельно может получить первое представление, сравнив их с ранее изученными, друг с другом и выявив их закономерность, прежде чем они будут объяснены преподавателем.

6. Психологическая готовность студента к контрольным мероприятиям на каждом занятии. Такие контрольные мероприятия целесообразно проводить в форме неподготовленного письменного перевода, содержащего лексические и грамматические явления, изученные на предыдущих занятиях, отработанные дома, когда предложения для перевода диктуются на родном языке, а их запись производится на иностранном. Эта форма контроля представляется нам наиболее эффективной, поскольку позволяет задействовать всю группу, исключает списывание и проводится в высоком темпе, позволяющем экономить аудиторное время.

К **партиципативным** педагогическим условиям относим:

1. Групповая (командная) работа, предполагающая объективное распределение сил и ролей участников группы, дискуссию, сотрудничество и соревнование. Роль преподавателя при этом: наблюдатель, фасилитатор или модератор.

2. Участие преподавателя в моделируемых ситуациях на правах действующего лица.

3. Диалогическое взаимодействие преподавателя и студента, отказ от авторитарного, а также либерального стиля педагогического общения в пользу делового стиля.

4. Самостоятельный выбор студентом определенных заданий и путей их решения.

К **деятельностным** педагогическим условиям относим:

1. Сочетание традиционных методов, подтвердивших свою эффективность, с технологиями, направленными на формирование профессионально-ориентированных навыков и умение адаптироваться в профессиональной среде и стремительно меняющемся мире.

2. Использование современных информационных технологий на занятиях иностранного языка.

3. Дозированное использование аутентичных, «живых» текстов для чтения и аудирования таким образом, чтобы студент получал возможность максимального приближения к культуре и социальной действительности стран изучаемого языка.

4. Разработка и целенаправленное использование на занятиях иностранного языка коммуникативно-деятельностных ситуаций: имитационно-ролевое моделирование, кейсы, фреймы, проектные методы и пр.

5. Стимулирование поисковой деятельности студентов и формирование навыков дискутировать, синтезировать, анализировать и интерпретировать информацию, критически мыслить, принимать решения.

Все названные педагогические условия функционируют во взаимодействии и единстве, усиливая эффективность друг друга, а предложенная система является открытой и потенциально расширяемой с учетом реальных педагогических ситуаций, задач и целей.

ВЫВОДЫ

Иноязычная коммуникативная компетентность представляет не только педагогический, но и социальный и личностный интерес, поскольку изучение иностранного языка способствует как личностному развитию, так и будущей профессиональной конкурентоспособности молодого специалиста. Она является сложнокомпонентным понятием и явлением и включает в себя разнонаправленные компетенции по выполнению различных речевых и неречевых действий для достижения определенных целей общения. В процессе формирования иноязычной коммуникативной компетентности студентов неязыковых специальностей при существующем дефиците аудиторного времени, а также наблюдающемся низком уровне базовой школьной подготовки важна максимально эффективная организация обучения таким образом, чтобы были учтены и использованы все возможные пути его оптимизации. В современных условиях изучения и преподавания иностранного языка существует необходимость учитывать все наличествующие субъект-объектные факторы, сопровождающие этот процесс. В учебном процессе современная педагогическая наука уделяет значительное внимание активным, интерактивным и деятельностным методам и формам работы, при которых связь формируемых компетенций с практическим их применением наиболее выражена. Поэтому проектирование педагогических условий предполагает максимальное усиление активности студента как субъекта педагогического процесса, его участника и соавтора. В направлении превращения мотивации обучающихся из внешней во внутреннюю, которое является средством и целью современной педагогики в поиске модернизированных оптимальных путей организации учебного процесса, происходит формирование и обоснование новых технологических решений современной педагогической науки, закладка фундаментальных основ педагогики будущего, исследова-

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ У СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА

тельский педагогический поиск и воплощение полученных теоретических знаний в практические инновации, внедренные в процесс формирования иноязычной коммуникативной компетентности.

Список литературы

1. Федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования по направлениям подготовки бакалавриата [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Российской Федерации. – Режим доступа : <http://xn--80abucjiihbv9a.xn--p1ai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/924>
2. Климов Е. А. Введение в психологию труда : учеб. для вузов / Е. А. Климов. – М. : Культура и спорт : ЮНИТИ, 1998. – 350 с.
3. Пимчев С. П. Профессиональный конкурс «Учитель года Москвы». Я учусь будущему / С. П. Пимчев, А. С. Сиденко. – М. : МИОО, 2005. – 72 с.
4. [Иноязычная коммуникативная компетентность] // disserCat – электронная библиотека диссертаций. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com/search?keys=%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D1%87%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D1%83%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C>
5. Загальноєвропейські Рекомендації з мовної освіти : вивчення, викладання, оцінювання / наук. ред. С. Ю. Ніколаєва. – К. : Ленвіт, 2003. – 273 с.
6. Щукин А. Н. Лингводидактический энциклопедический словарь / А. Н. Щукин. – М. : Астрель : АСТ : Хранитель, 2007. – 746 с.
7. Buttaroni S. Ehe, Berge und schwarze Katzen : Interkulturelle Kommunikation im Fremdsprachenunterricht / S. Buttaroni, A. Paula. – Österreich ; Deutschland ; Italien : ALPHA&BETA, 1999. – 200 s.
8. Левченко Т. І. Розвиток освіти та особистості в різних педагогічних системах / Т. І. Левченко. – Вінниця : Нова кн., 2002. – 512 с.
9. Черезова М. В. Формування культури професійного спілкування майбутніх фахівців сфери туризму у навчально-виховному процесі коледжу : дис... канд. пед. наук / М. В. Черезова. – Луганськ, 2010. – 245 с.

PEDAGOGICAL CONDITIONS OF FORMING STUDENTS' FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE AT A NON-LINGUISTIC UNIVERSITY

Cherezova M. V., Shestakova E. S.

*Institute of Foreign Philology, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: marjana_cheresov@mail.ru; shestackov@ya.ru*

Current research is focused on theoretical analysis of process of formation of communicative competences for foreign language learners at non-linguistic universities. The authors analyze the concept of foreign language communicative competence and define the pedagogical conditions of forming students' foreign language communicative competence at of non-linguistic university. The paper gives a comprehensive overview of the complex of pedagogical conditions of formation of foreign language competences from the point of view of their importance in the pedagogical process of teaching and learning a foreign language at university education level.

Teaching foreign languages for specific purposes at non-linguistic universities is carried out in accordance with the competency-based Federal State Standard of Tertiary Education (third generation). Foreign language for specific purposes courses are a part of University curricula which should result in mastering a

certain kind of competencies – both cultural and professional competencies that correlate with the competencies involved in the basic educational program.

The aim of this study is to identify pedagogical conditions for forming foreign language communicative competence at non-linguistic universities. To achieve the objective the authors analyze the concept of foreign language communicative competence, identify key areas and corresponding approaches of formation of foreign language communicative competence and describe pedagogical conditions of its formation.

Foreign language communicative competence is a complex concept concerned with mastery of linguistic code (both verbal and non-verbal) for certain purposes of communication. Communicative competences can be divided into competences associated with knowledge of the surrounding world and personal system of values (socio-cultural, intercultural, pragmatic) and the linguistic competences, that deal with formal characteristics of a language, such as phonology, morphology, lexicon and syntax alongside with capacity to build and organize an oral discourse.

Foreign language communicative competence can be interpreted as a combination of knowledge, skills and abilities necessary for foreign language learners for implementation of perception and production of texts in a given situation of communication (the context) in the language which is not a speaker's native one. It is necessary to highlight the subject-subject character of communication and the basic functions of communication expressed not only in sharing information but also in interaction and perception.

Professional foreign language communicative competence is an imperative and an integral component of different profiles specialists' professional training. It can be considered one of criteria of professional education and implies the ability to communicate in a foreign language in a professional field.

Pedagogical process as a whole and its components, presented by various forms and types of work, are manageable, especially organized, programmable and predictable. The process of forming foreign language communicative competence requires the provision of certain pedagogical conditions which allow to achieve the desired result and to accomplish short-term and long-term goals.

Pedagogical conditions of forming students' foreign language communicative competence at a non-linguistic universities are subdivided into 4 groups depending on their purpose: 1) motivational conditions – i.e. pedagogical actions directed on increase of motivation; 2) content-related conditions – i.e. forms and methods of formation and consolidation of competences; 3) participatory conditions – i.e. active involvement of the student in the pedagogical process; 4) activity-related conditions – i.e. – creation of situations, close to a situation of real communication. Pedagogical conditions take into account fundamental principles of didactics; personal features of foreign language learners; professional emphases of foreign language communicative competence for language for specific purposes learners at non-linguistic Universities and corresponding approaches and factors stimulating the learning process.

All of these pedagogical conditions operate in cooperation and unity, reinforcing efficiency of each other.

Keywords: foreign language communicative competence, pedagogical conditions, non-linguistic University.

УДК 378.4:81'243

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ-МАГИСТРОВ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Чернышова Т. Г.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: margomarina2003@mail.ru*

В статье обосновывается необходимость междисциплинарного подхода в обучении студентов-магистров неязыкового вуза иностранным языкам как компонента лингвистической подготовки в магистратуре, определены наиболее важные принципы междисциплинарного подхода к обучению в магистратуре. Такими принципами являются: 1) принцип сознательности; 2) принцип научности; 3) принцип учета и опоры на родной язык; 4) принцип использования аутентичного текста как единицы коммуникации; 5) принцип самостоятельности во владении иностранным языком.

Ключевые слова: междисциплинарный подход, студент-магистр, профессиональная деятельность, принципы, лингвистическая подготовка, компетенция.

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях важность лингвистической подготовки студентов-магистров неязыкового вуза не вызывает сомнения. В наши дни с развитием научных технологий и ростом международных контактов современному человеку необходимо знание иностранных языков. Это, прежде всего, относится к выпускникам высших учебных заведений, получившим степень магистра. Специалист такого уровня должен владеть современными информационными технологиями, методами получения научной информации, а также обладать навыками иноязычного межкультурного общения, так как в настоящее время необходимо активное сотрудничество представителей разных стран и культур, поскольку в научном сообществе происходит широкое международное сотрудничество и активный обмен информацией. Следовательно, особую значимость приобретает иноязычная подготовка кадров высшей квалификации в магистратуре, целью которой является формирование способности осуществлять межкультурную коммуникацию в рамках своей профессиональной и научной деятельности.

Целью статьи является показать необходимость междисциплинарного подхода в обучении студентов-магистров неязыкового вуза иностранным языкам. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**: 1) обосновать необходимость междисциплинарного подхода в обучении студентов-магистров неязыкового вуза иностранным языкам как компонента лингвистической подготовки в магистратуре; 2) определить наиболее важные принципы междисциплинарного подхода к обучению иностранным языкам в магистратуре.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Целью обучения студентов-магистров иностранному языку в неязыковом вузе является приобретение и развитие учебно-познавательных профессиональных языковых компетенций, а также практических навыков межкультурной коммуникации на иностранном языке при использовании межпредметных связей с другими дисциплинами, которые они изучают в магистратуре.

Междисциплинарный подход в обучении студентов-магистров неязыкового вуза иностранным языкам способствует, по мнению многих специалистов, развитию не только общепредметных, но и ключевых компетенций, т. е. готовности и способности действовать для решения определенных задач и проблем, поскольку с точки зрения требований к уровню подготовки выпускников вузов, особенно студентов-магистров, образовательные компетенции представляют собой интегральные характеристики качества подготовки обучающихся, которые непосредственно связаны с их способностью целевого осмысления комплекса знаний, умений и навыков в отношении определенного междисциплинарного круга вопросов.

В период растущих международных связей, открытых границ студенты осознают необходимость владения иностранным языком, а иногда и двумя иностранными языками. Однако практика и собственный опыт доказывают, что такое осознание необходимости изучения иностранных языков происходит только на старших курсах, когда они начинают четко осознавать, что работа с иноязычной информацией по специальности будет способствовать углублению их знаний в избранной ими области научного исследования, что практическое владение иностранным языком является для них средством получения информации по профилирующим предметам [1]. На этом этапе обучения, на наш взгляд, первостепенное значение имеет функция иностранного языка как средства формирования профессиональной направленности. Владение иностранным языком обеспечивает возможность знакомства с достижениями в профессиональной области за рубежом и здесь очень важно подчеркнуть воспитательную функцию иностранного языка [2].

В настоящее время существует большое количество разработок, проектов, методик в области междисциплинарного подхода (П. З. Абдуллаева, В. Н. Максимова, Л. В. Краевский, А. В. Хуторская и др.) «Междисциплинарный метод обучения – это интеграция учебных дисциплин с целью многостороннего рассмотрения отдельно взятой темы, понятия, проблемы» [3]. Общая направленность междисциплинарного подхода в образовании состоит в том, что она позволяет сохранять и отстаивать в обществе культуру мышления и культуру формирования целостного мировоззрения. Этот подход основан на нахождении общих констант в рамках определенных учебных дисциплин.

Так как междисциплинарный подход к обучению является, на наш взгляд, наиболее эффективным способом повышения качества подготовки студентов-магистров неязыкового вуза, то на данном этапе необходимо разработать ряд принципов, помогающих реализовать данную идею. Мы считаем, что можно выделить следующие основные принципы:

- сознательности;
- научности;
- учета и опоры на родной язык;

- использование аутентичного текста как единицы коммуникации;
- самостоятельности во владении иностранным языком.

Все эти принципы связаны между собой и в то же время каждый из них имеет своё специфическое значение в методике преподавания иностранных языков.

Принцип сознательности предполагает усвоение всякого нового явления осмысленно. Этот принцип требует, чтобы изучение иностранного языка велось на сопоставлении его с родным языком, так как способы и приемы использования знаний родного языка в изучении иностранного активизируют и систематизируют знания в области родного языка [4]. Ярким примером этого является тема «видовременные формы глагола». Если мы возьмем два предложения «Я выполняю эту работу ежедневно» и «Я выполняю работу. Не мешай мне.», то не трудно заметить, что форма глагола в русском языке одинакова в обоих предложениях, тогда как в английском языке в первом случае глагол стоит в Present Indefinite Tense, а во втором – в Present Continuous Tense. Очень точно по этому вопросу высказывается В. И. Ярцева [5]. Она считает, что при сравнении надо исходить из специфики изучаемого языка, т. е. все явления следует объяснять исходя из фактов иностранного языка, и для лучшего усвоения ссылаться на факты родного.

Не менее важным является принцип научности, при котором факты и явления языка следует рассматривать не раздробленно, а в системе научно-обоснованной последовательности. Так как степень магистра подразумевает наличие умений и навыков, присущих научному работнику, то специалист, обладающий магистерской степенью, должен быть широко эрудирован, владеть методологией научного творчества, современными методами получения, обработки и фиксации научной информации. Студенты-магистры могут получить важную для их дальнейшего роста информацию из аутентичных текстов, следовательно, в качестве одного из основных средств обучения в магистратуре выступает аутентичный текст, как фрагмент лингвокультурологической общности. Он является носителем языковой, речевой, социокультурной информации. Соответственно одним из приоритетных направлений и является работа с текстом. Нередко студентам-магистрам приходится читать тексты, содержащие неизученный материал. В этом случае они сталкиваются с проблемой перевода, так как практические знания по иностранному языку у них весьма ограничены и недостаточны. Следует также принимать во внимание и тот факт, что в непрофильной магистратуре (неязыковые вузы) у студентов существует двухлетний перерыв после изучения иностранного языка в бакалавриате, и, поэтому им необходимо прежде всего восстановить ранее приобретенные навыки, особенно грамматические. Преодолению трудностей перевода может помочь сознательная работа со словарём и умение проанализировать непонятные грамматические явления. Но практика и собственный опыт показывают, что при работе со словарём студенты случайно выбирают одно из многих значений слово, чаще всего первое по списку, выписывают незнакомые слова, подставляя к каждому незнакомому слову, одно-два русских значений, не принимая во внимание контекст. Когда приходит время контроля навыков чтения (при помощи перевода), выясняется, что значения данных слов не подходят по смыслу и это приводит к неверному пониманию всего текста или отдельных абзацев. Поэтому основной задачей лексического анализа является

выбор правильной лексической единицы для смысла всего высказывания, а также установления значения данного слова от его окружения. В этом случае приходится прибегать к грамматическому анализу.

Очень важной составляющей текстологического направления является реферирование и аннотирование научного текста по специальности. Использовать и развивать навыки реферирования в непрофильной магистратуре чрезвычайно важно, так как эта работа в полной мере реализует возможности дисциплинарного подхода в обучении иностранным языкам. Междисциплинарность обучения реферированию проявляется и в том, что при написании обзора магистерской работы каждому студенту необходимо владеть навыками составления реферата. Работа с иноязычной информацией по специальности также способствует углублению знаний студентов-магистров в той области науки, которую они избрали. Здесь очень важным, по нашему мнению, является выбор текстового материала и обучение может быть успешным только в том случае, если в процессе обучения последовательно осуществляется ориентированный отбор текстового материала, учитывающий профессиональную направленность студентов-магистров [1; 2]. Такой отбор невозможен без тесного контакта с профилирующими кафедрами. Мы считаем необходимым давать свободу студентам в выборе текстового материала для индивидуального чтения. Однако, преподавателю следует дать им краткий обзор основных видов статей, публикуемых в научных журналах, Интернете, сообщить алгоритмы поискового чтения, структуры аннотации и реферата научной статьи. Такого рода информация поможет им выбрать интересующий их вид текстового материала, а не брать первую попавшуюся статью.

Совершенно ясно, что, со всеми вышеупомянутыми принципами, принцип самостоятельности в овладении иностранным языком очень тесно связан.

ВЫВОДЫ

Таким образом, организация обучения иностранному языку предполагает учет потребностей, интересов и личностных особенностей каждого обучаемого, при этом осуществляется развитие его творческой активности и личной ответственности за результативность обучения, совершенствование обучения студентов-магистров необходимо реализовывать в процессе общей коммуникативной направленности и междисциплинарного подхода.

Список литературы

1. Виленский В. Я., Образцов П. И., Уман А. И. Технологии профессионально-ориентированного обучения в высшей школе: Учебное пособие / Под ред. В. А. Сластенина. – М. : Педагогическое общество России, 2004. – 192 с.
2. Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Е. П. Белозерцев, А. Д. Гонеев, А. Г. Пашков и др.; Под. ред. В. А. Сластёнина. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 368 с.
3. Максимова В. Н. Межпредметные связи в процессе обучения / В. Н. Максимова. – М. : Просвещение, 1988. – 192 с.
4. Кузьмин С. С. Идиоматический перевод с русского языка на английский (Теория и практика) : учебник / С. С. Кузьмин. – 3-е изд., испр. – М. : Наука, 2006. – 312 с.
5. Ярцева В. Н. Взаимоотношения грамматики и лексики в системе языка / Исследования по общей теории грамматики. – М. : Наука, 1968. – 296 с.

INTERDISCIPLINARY APPROACH IN TEACHING OF FOREIGN LANGUAGES
OF MASTER'S DEGREE STUDENTS IN NON-LINGUISTIC UNIVERSITIES

Chernyshova T. G.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: margomarina2003@yahoo.com*

The article proves the necessity of interdisciplinary approach in teaching of foreign languages of Master's Degree students in non-linguistic universities as the component of linguistic training in MA courses, the most important principles of interdisciplinary approach for training in MA courses were proved.

There is no doubt that linguistic training of MA students in non-linguistic universities is very important. The specialists must be able to use modern informational technologies, methods of getting scientific information, as well as have skills of language belonging to another intercultural communication.

At present time the active cooperation of the representatives of different countries and cultures is necessary, because there is active international cooperation and exchange of information.

The purpose of training of MA students in non-linguistic universities is gaining and development of perceptive professional language competences in foreign language while using interdisciplinary connections with other disciplines which they study in MA courses.

To our opinion in MA courses the main significance is the function of foreign language as means of formation of professional orientation. The knowledge of a foreign language gives the opportunity to study different achievements in professional sphere abroad.

Interdisciplinary method of teaching is the integration of academic disciplines aimed to versatile consideration of one taken theme, notion, and problem. As interdisciplinary approach to the teaching is the most important means of increasing the quality of training of MA students in non-linguistic universities, it is necessary to elaborate a number of principles helping to realize the given idea. We consider that the principles must be the following:

- the principle of consciousness;
- the principle of scientific content;
- the principle of taking into account of the native language;
- the principle of using of authentic text as the unit of communication;
- the principle of independency in mastering of a foreign languages.

All principle are related with each other and at the same time each of them has its specific meaning in methodology of teaching of foreign languages.

The principle of consciousness supposes that mastering of any new phenomenon must be conscious. It demands the using of native language while learning the foreign one. And taking into account the use of the native language is the third main principle. The principle of scientific content is considered to be one of the most important too. All the phenomena must be considered not independently but in scientific consequence.

MA student can get important information from the authentic text. So, the principle of using authentic text as the unit of communication is the main means of sociocultural information.

It is quite evident that the work with foreign information referring to MA students' speciality promotes the deepening of their knowledge in this or that sphere which they have chosen. So, we can see the importance of the principle of independence in mastering of a foreign language.

In conclusion we can state that mastering of MA students' teaching should be realized during the process of general communicative orientation and interdisciplinary approach.

Keywords: interdisciplinary approach, Master's Degree student, professional activity, MA courses, principle, linguistic training, competence.

УДК 378.811; 81'24

ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОРПУСНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Чернявская О. Г.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: olesyablack@list.ru*

В статье рассматривается эффективность использования корпусных технологий в преподавании иностранных языков. Приводится характеристика корпусно-ориентированного подхода; описываются роли и функции студента и преподавателя, виды заданий для обучения иностранному языку в рамках данного подхода. Сделан вывод, что корпусные технологии способствуют развитию коммуникативной компетенции студента и имеют большой потенциал в преподавании иностранных языков.

Ключевые слова: информационные технологии, корпус, конкорданс, корпусно-ориентированный подход, обучение иностранным языкам, коммуникативная компетенция.

ВВЕДЕНИЕ

Новые информационные технологии активно внедряются в процесс обучения иностранным языкам, расширяя рамки образовательного процесса. Преподавание иностранных языков ставит своей целью формирование коммуникативной компетенции, а информационные и коммуникационные технологии активно помогают ее достижению. Электронные источники языковых знаний (интернет, компьютерные программы, онлайн-ресурсы) в настоящее время играют в процессе обучения иностранному языку все более важную роль наряду с традиционными источниками (учебники, словари, художественная литература, периодические издания). Использование современных информационных технологий повышает эффективность обучения, помогает развивать исследовательские и творческие навыки обучаемого в рамках личностно-ориентированного подхода. В последние годы достижения корпусной лингвистики активно используются в преподавании иностранных языков. По мнению профессора В. А. Плунгяна, «теперь для овладения языком человеку нужны не две, а три вещи: словарь, грамматика и корпус текстов данного языка. Потому что и словарь, и грамматика, в общем-то, бесполезны вне этого живого пространства, где язык, собственно, и функционирует» [7].

Целью данной статьи является обзор корпусно-ориентированного подхода к преподаванию иностранных языков и выявление потенциала непосредственного использования лингвистических корпусов в качестве инструмента обучения иностранному языку, информационного поля для проведения самостоятельной работы студента в рамках образовательной парадигмы студент-исследователь.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Корпусная лингвистика: потенциал для лексикографов, исследователей и разработчиков учебных материалов

Корпусная лингвистика является достаточно молодым, но уже сформировавшим свою теорию и методологию направлением прикладной лингвистики. Корпусная лингвистика включает в себя два основных аспекта: разработка, аннотирование корпусов текстов, средств поиска по корпусам и экспериментальные исследования на основе корпусов. Под корпусом мы, вслед за В. П. Захаровым, понимаем большой, (не менее 100 млн. словоупотреблений) массив языковых данных, представленный в электронном виде, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный, предназначенный для решения конкретных лингвистических задач [3, с. 17]. Корпусные данные активно используются авторами учебной литературы, словарей, программ по обучению иностранным языкам. В. П. Захаров и А. С. Герд подчеркивают, что «Корпуса могут служить источником и инструментом многоаспектных лексикографических работ, использоваться для уточнения существующих грамматик и составления новых» [1, с. 122].

Среди известных учебных пособий на основе корпусных технологий можно выделить грамматическое пособие издательства Лонгмэн «Longman Student Grammar of Spoken and Written English», изданное в 2002 году. Данное учебное пособие составлено на основе корпуса LSWE (Longman Spoken and Written English Corpus). Авторам удалось проанализировать более 40 миллионов слов из устного и письменного корпуса английского языка; в тексте приводится более 3000 примеров, иллюстрирующих то или иное грамматическое явление. На основе корпуса CIC (North America, Cambridge International Corpus), который содержит более 1 миллиарда слов, было разработано пособие по грамматике устного и письменного английского языка «Cambridge Grammar of English». Среди известных словарей английского языка, созданных на основе лингвистического корпуса, выделим словарь «Oxford Dictionary of English, 3rd edition», который был издан в 2010 году. В ходе исследований на основе корпуса Oxford English Corpus были выявлены тысячи новых значений слов. Частотный словарь английского языка «Word Frequencies in Written and Spoken English» создан на основе корпуса BNC (The British National Corpus). Популярная серия словарей Collins Бирмингемского университета разработана на основе корпуса английского языка The Bank of English, включающего более 520 миллионов слов.

Корпусные технологии произвели революцию в области лексикографии. Было сформировано новое направление – корпусная лексикография. Лексикографы получили возможность в короткие сроки проводить лингвистические исследования на основе богатого эмпирического материала и разрабатывать методики для компьютерного анализа текстов. В. П. Захаров отмечает, что все современные лингвистические исследования и работы по составлению словарей и грамматик так или иначе ориентированы на использование представительных корпусов текстов [3, с. 10].

2. Прямое использование корпусных технологий в методике преподавания иностранных языков

Вслед за коренными изменениями в области лексикографии изменения последовали и в преподавании иностранных языков. Наряду с другими информационными и коммуникативными технологиями корпус становится одним из средств формирования коммуникативной компетенции студента. В настоящее время активно исследуются теоретические аспекты использования лингвистических корпусов в преподавании

иностранных языков, проводятся разнообразные экспериментальные корпусные исследования в рамках образовательных проектов. В европейских университетах с 1994 года проводится конференция, посвященная дидактическим аспектам использования корпусных технологий *TaLC Conference on Teaching and Language Corpora* – конференция по вопросам преподавания с помощью языковых корпусов. Проблемам использования корпусных технологий в преподавании иностранных языков посвящен ряд работ таких исследователей, как В. П. Сысоев, Т. А. Чернякова, Дж. Астон, П. Бейкер, С. Бернардини, Т. Джонс, Дж. Синклер и многих других.

Одним из первых использование корпусных технологий в преподавании иностранного языка предложил Т. Джонс в 1991 году [8]. Впервые лингвистический корпус был представлен как материал обучения иностранному языку, а в качестве инструмента обучения выступала программная оболочка корпуса. Такой подход получил название *Data Driven Learning (DDL)* (обучение с помощью базы данных). Т. Джонс первым стал применять корпусы на уроках грамматики и лексики на занятиях по английскому языку со студентами международного факультета (*English for International Students Unit*) в Бирмингемском университете. Т. Джонс предложил студентам выступить в роли исследователей, которые с помощью компьютерных технологий и корпусов должны были проводить собственные мини-исследования языка. В дальнейшем использование корпусно-ориентированного подхода к преподаванию иностранных языков получило широкое распространение.

В рамках данного подхода роли преподавателя и студента кардинально изменяются. Основная задача преподавателя состоит в том, чтобы составлять задания на основе корпусов и мотивировать студента проводить собственное исследование, задавать направление исследования, направлять студента в поиске собственных методов выполнения заданий. Сложность заданий на основе корпуса зависит от уровня владения иностранным языком самого студента. Прежде чем разрабатывать упражнения на основе корпуса, преподаватель должен убедиться в том, что уровень владения иностранным языком студента достаточен для того, чтобы прочитать и понять тексты, которые входят в корпус. На начальном этапе обучения не рекомендуется использовать задания на основе репрезентативного корпуса. Если уровень знаний студентов недостаточно высок для непосредственной работы с корпусом, то преподаватель при составлении заданий должен тщательно отбирать примеры из корпуса и адаптировать их к уровню студента. Также преподаватель с помощью специального программного обучения может самостоятельно создавать корпус из адаптированных текстов. Задания на основе корпуса могут быть представлены как в печатном виде (распечатанные конкордансы из лингвистического корпуса), так и предполагающими непосредственную работу студента с корпусом. Такие задания могут быть направлены на определения значения слов или изучение близких по значению слов, на выявление случаев изучения полисемии, определение значения терминов и т. д. Задания могут включать непосредственное использование конкорданса, поисковых возможностей корпуса и использование результатов корпусной статистики. Преподаватель должен в первую очередь овладеть корпусными технологиями сам и должен быть готовым самостоятельно разрабатывать задания на основе корпуса, при необходимости упрощать задания, иначе процесс обучения может привести к затруднениям у обучаемых [9, с. 12].

Основная задача студента – «научиться учиться» (learn how to learn) [9, с. 19]. Во время выполнения заданий с помощью корпуса студент проводит свое исследование языка, переходя от общего к частному: студент выявляет закономерности, приходит к пониманию формы и значения, наблюдая определенное языковое явление на примерах, предложенных в корпусе. Как отмечает Дж. Лич, «корпусные задания позволяют обучаемому примерить на себя роль экспериментатора, который проводит свое уникальное исследование, а не компилирует чужие идеи» [9, с. 14]. Благодаря построению конкордансов на основе корпуса студент получает большое количество примеров употребления слова или грамматического явления в естественном языковом окружении. Грамматические структуры представлены в корпусе в лексических контекстах, а лексические единицы – в грамматических структурах. Таким образом, для студента сокращается разрыв между лексикой и грамматикой. Исследователи отмечают, что мотивация студента, проводящего самостоятельное исследование, заметно возрастает. Скорость выполнения заданий на основе корпусов также индивидуальна. Студент может работать над выполнением заданий как самостоятельно, так и в группе. Следует отметить, что, так как студент прибегает непосредственно к данным корпусов, он в первую очередь должен овладеть основными принципами корпусных методов в лингвистических исследованиях, чтобы в дальнейшем самостоятельно отбирать, систематизировать и анализировать языковые данные.

Выбор корпуса для непосредственной работы со студентами является немаловажным фактором для эффективности обучения иностранному языку. Среди самых репрезентативных корпусов английского языка, в которых представлены устные и письменные аутентичные тексты, находится Британский национальный корпус (British National Corpus) (сайт: <http://natcorp.ox.ac.uk>), который считается эталонным, так как по его образцу создавалось большинство современных корпусов. Его объем составляет более 100 млн. словоупотреблений. Самым большим корпусом английского языка является Оксфордский корпус (Oxford English Corpus), который содержит более 2 млрд. словоупотреблений. Корпус современного американского английского (The Corpus of Contemporary American English, COCA) является самым большим корпусом английского языка (сайт <http://corpus.byu.edu/coca/>). Корпус современного американского английского содержит 445 млн. словоупотреблений и включает тексты с 1990 года по настоящее время. Этот корпус является динамическим. Он обновляется два раза в год. «Банк английского языка» (The Bank of English) используется для создания словарей Collins (сайт <http://collins.co.uk/CorpusCorpusSearch.aspx>.) Интернет может рассматриваться как корпус, так как является по своей сути собранием случаев употребления слов и словосочетаний. Как отмечает В. П. Захаров, Интернет как корпус может быть использован для изучения лексического материала, а грамматические исследования на базе Интернета без предварительной металингвистической разметки сводятся к минимуму [4].

ВЫВОДЫ

Корпусные технологии активно внедряются как в лексикографию, так и в процесс преподавания иностранных языков. Дидактический аспект использования корпусных технологий представляется одним из перспективных и обладающих большим потенциалом направлений в методике преподавания иностранных языков, направлен-

ных на формирование коммуникативной компетенции студента. Благодаря использованию корпусных технологий студент получил возможность проводить собственные исследования в процессе обучения иностранному языку, анализируя большие массивы текстов, выявлять закономерности использования лексических единиц. Студент, проводящий собственное исследование языка, делающий свои «открытия» в процессе овладения иностранным языком, безусловно, более заинтересован и мотивирован. Преподаватель иностранного языка получил новый инструмент формирования коммуникативной компетенции студента, и этот новый инструмент должен быть активно использован наряду с традиционными.

Список литературы

1. Герд А. С. Национальный корпус русского языка в свете проблем современной филологии [Электронный ресурс] / А. С. Герд, В. П. Захаров // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика-2004». – СПб., 2004. – С. 122-131. – Режим доступа : http://corpora.phil.spbu.ru/Works2004/Gerd_Zakharov_art.pdf
2. Дикарева С. С. Корпусные технологии в методике преподавания лингвистических дисциплин / С. С. Дикарева // Теория и технология иноязычного образования : Материалы IV международной научно-методической конференции 29-30 сентября 2010 г. – Симферополь : ЧП «Предприятие Феникс», 2010. – С. 86-90.
3. Захаров В. П., Богданова С. Ю. Корпусная лингвистика : учебник для студентов гуманитарных вузов / В. П. Захаров, С. Ю. Богданова. – Иркутск : ИГЛУ, 2011. – 161 с.
4. Захаров В. П. Веб-пространство как языковой корпус [Электронный ресурс] / В. П. Захаров. – Режим доступа : <http://www.dialog-21.ru/media/2438/zakharovv.pdf>
5. Соснина Е. П. Корпусная лингвистика и корпусный подход в обучении иностранному языку [Электронный ресурс] / Е. П. Соснина // Прикладная лингвистика : официальный сайт Ульяновского государственного технического университета. – Режим доступа : http://ling.ulstu.ru/linguistics/resources/literature/articles/corpus_linguistics_language_teaching/
6. Синклер Д. Предисловие к книге «Как использовать корпуса в преподавании иностранного языка» [Электронный ресурс] / Д. Синклер. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/corpora-info.html>
7. Плуныян В. А. Лекция : Почему современная лингвистика должна быть лингвистикой корпусов. Прочитана 1 октября 2009 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.polit.ru/lectures/2009/10/23/corpus.html>
8. Johns T. Should you be persuaded – Two samples of data-driven learning materials / T. Johns // In T. Johns & P. King (Eds.), Classroom Concordancing. – Birmingham University [ELR Journal, 4], 1991. – P. 1-16.
9. Leech G. Teaching and language corpora : A convergence / G. Leech // Wichmann A., Fligelstone S., McEnery A. M., Knowles G. (Eds.). Teaching and Language Corpora. – London : Longman, 1997. – P. 1-23.

CORPUS-BASED TECHNOLOGY DIDACTIC POTENTIAL IN FOREIGN LANGUAGES TEACHING

Chernyavskaya O. G.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: olesyablack@list.ru*

New information technology has become one of the main aspects of human life. Linguistic corpus technology has revolutionized lexicography and has already influenced teaching/learning a foreign language.

A linguistic corpus is a large unified, structured, tagged collection of texts presented in electronic form. Corpus linguistics includes developing corpora, their search tools and data annotation on the one hand and experimental research based on corpora on the other. In modern lexicography electronic corpora has become irreplaceable. Lexicographers can examine a word in detail by looking at all the different contexts in which it occurs.

Direct use of corpus-based activities in the foreign language classroom is quite challenging but very useful and effective way of learning a foreign language. Corpus-based approach makes it possible to show learners how native speakers use vocabulary items, expressions or certain language forms as corpus provides a great number of examples in natural context.

Tim Johns pioneered direct corpus applications in grammar and vocabulary classes in the English for International Students Unit at the University of Birmingham in the 1980s.

This method is now known as “data-driven learning” or DDL. Data driven approach is learner-centered. It gives students the chance to work with the real language in the classroom. It includes the element of discovery which makes learning more motivating. Students’ role changes: they become researchers. They examine language patterns and come to their own conclusions. Students are described as “travelers” by Bernardini, “researchers” by Johns, or even “detectives” by John’s. They conduct their own research with the help of corpus-based tasks offered by their teacher. Students observe corpus data, make hypotheses and formulate rules. Through the use of corpus-based activities students acquire a number of learning skills. The teacher is a facilitator of this process. His/her role is to help the students, to assist them in their research. Teachers create their own materials for classroom activities adopted for the needs of their student. They need to have access to a computer, a corpus and a concordance. Creating own materials, however, requires extra time.

The choice of corpora for corpus-based activities is crucial. It should be relevant to the learners, their level and needs. It is recommended to use representative corpora for upper-intermediate and advanced learners and adopted or tailor-made corpora for beginners and pre-intermediate students. Some of the most popular representative corpora of the English language are the following: British National Corpus, The Oxford English Corpus, The Corpus of Contemporary American English, and The Bank of English.

The first and best-known national corpus is the British National Corpus (BNC), which is designed to represent as wide a range of modern British English. The Oxford English Corpus is a text corpus of 21st century English, used by the makers of the Oxford English Dictionary and by Oxford University Press’s language research program. The Corpus of Contemporary American English (COCA) is the largest freely-available corpus of English, and the only large and balanced corpus of American English. The Bank of English is a representative subset of the 4.5 billion words COBUILD corpus, a collection of English texts.

Corpus-based foreign language teaching is a promising approach which has great potential. It motivates students as they get in contact with authentic language and the process of learning contains the element of discovery. Corpus-based approach helps to develop important cognitive skills. Foreign language teachers have received a new tool of formation of communicative competence of the student, to be used along with traditional instruments.

Keywords: information technology, corpus, concordance, corpus-based approach, communicative competence.

УДК 811.133.1

О ПРИМЕНЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ В ОБУЧЕНИИ ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ

Шibaева И. В.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: irich_97@mail.ru*

Исследование посвящено актуальной проблеме использования цифровых образовательных ресурсов (ЦОР) в обучении французскому языку в ВУЗе. Рассматривается определение и уточняется понятие «цифровые образовательные ресурсы», представлена классификация ЦОР. Определены функции и проанализированы возможности использования образовательных ресурсов в обучении французскому языку. Рассмотрена роль каждой категории ЦОР в формировании всех видов речевой деятельности и коммуникативной компетенции. Осуществлен обзор интернет-сайтов, содержащих коллекции цифровых образовательных ресурсов по французскому языку. Проанализированы преимущества и недостатки ЦОР в преподавании иностранного языка.

Ключевые слова: цифровые образовательные ресурсы, деятельностный подход, информационно-коммуникационные технологии, речевая деятельность, коммуникативная компетенция.

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе успешное применение компьютерных технологий в обучении иностранному языку (ИЯ) свидетельствует о стремлении совершенствовать самообразование, изменяя требования к содержанию и методам обучения.

Актуальность выбранной темы определяется тем, что формирование основных компетенций в процессе реализации нового методологического деятельностного подхода при обучении ИЯ вызывает необходимость в использовании и создании цифровых образовательных ресурсов (ЦОР).

Основной **целью** данного исследования является рассмотрение возможностей использования ЦОР в процессе обучения французскому языку.

Для достижения поставленной цели были поставлены следующие **задачи**: рассмотреть определение и уточнить содержание понятия «цифровые образовательные ресурсы»; представить классификации ЦОР и их категории в трудах отечественных и зарубежных ученых; составить список аутентичных ЦОР для работы над всеми видами речевой деятельности; описать методические рекомендации по их применению.

Теоретико-методологической основой исследования являются: принципы практического использования интернет-технологий в процессе обучения (И. Г. Захарова, Е. С. Полат, А. Д. Гарцов, Ф. Манжено, Э. Луво), новая парадигма образования с применением компьютерных коммуникационных технологий (В. А. Красильникова, К. Девелотт), формы интеграции электронных ресурсов в учебный процесс (А. Н. Богомолов), классификация электронных образовательных ресурсов и их применение в обучении французскому языку (Р. Бибо).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Определение ЦОР и цели их использования

Толкование термина «цифровые образовательные ресурсы» не однозначно. Определение ЦОР, как «совокупность данных в цифровом виде, применимая для использования в учебном процессе» [1], является неполным и носит общий характер. В учебном пособии под редакцией Е. С. Полат понятие «цифровые образовательные ресурсы» трактуется как «представленные в цифровой форме фотографии, видеофрагменты, статические и динамические модели, объекты виртуальной реальности и интерактивного моделирования, картографические материалы, звукозаписи, символные объекты и деловая графика, текстовые документы и иные учебные материалы, необходимые для организации учебного процесса» [6]. Наиболее подходящим к данному исследованию можно считать определение канадского исследователя Робера Бибо, который рассматривает «цифровые образовательные ресурсы» как «комплекс интернет-услуг, программного обеспечения по управлению, редактированию и коммуникации (инструменты программного обеспечения, учебные платформы и порталы, поисковые системы, образовательные приложения, портфели), а также данных (статистических, географических, социологических, демографических т. д.), информации (газетные статьи, телепередачи, аудио-, видео-материалы) и различных текстов (справочных, литературных, художественных, учебных) в электронном виде, полезных преподавателю или учащимся в рамках учебной или проектной деятельности с информационно-коммуникационными технологиями» [12, с. 3].

Анализ методических функций трех типов (информационных, практических, модулей контроля) электронных учебных модулей позволяет считать, что основной дидактической целью использования ЦОР в обучении ИЯ является «реализация активно-деятельностных форм обучения благодаря высокой интерактивности и мультимедийности контента» [4, с. 43]. А именно: «предоставление информации, формирование и закрепление полученных знаний, формирование и совершенствование умений и навыков во всех аспектах речевой деятельности, повышение мотивации студента к обучению, формирование и развитие навыков самостоятельной работы обучающихся, контроль усвоения, обобщение» [7].

2. Классификация цифровых образовательных ресурсов и их применение в обучении французскому языку

Существует большое количество классификаций ЦОР. Наиболее широкое распространение получила классификация С. Г. Григорьева и В. В. Гришкуна «по образовательно-методическим функциям (электронные учебники, электронные учебные пособия, электронные учебно-методические комплексы, электронные издания контроля знаний, умений, навыков) и по типу информации (ЦОР с текстовой, визуальной, комбинированной, аудио, аудио-визуальной информацией, интерактивные модели, ЦОР со сложной структурой)» [10]. И. Г. Захарова выделяет следующие «категории ЦОР, ориентированные на применение в учебном процессе: обучающие, контролируемые и тренировочные системы; системы для поиска информации; моделирующие программы; микромиры; инструментальные средства познавательного характера; инструментальные средства универсального характера; инструментальные средства для обеспечения коммуникаций» [3, с. 25-26]. При проведении данно-

го исследования за основу была принята классификация, разработанная известным канадским исследователем Р. Бибо. Ученый разделяет 2 группы основных и образовательных ресурсов (ресурсы, размещенные на оптических носителях (Cédérom или DVD) и ресурсы, размещенные в интернете или в интранете, которые, в свою очередь, могут быть комбинированными продуктами (сеть/ диск), на 6 категорий [12, с. 6-7]:

1. Порталы, поисковые системы: информационные, транзакционные; каталоги Web-сайтов и CD-Rom, сведения о персональных ресурсах, консультационных услугах, культурных, национальных и спортивных событиях. Французские лингводидакты Ф. Манжено и Э. Луво полагают, что портал «Le point du FLE» <http://www.lerpointdufle.net> вполне отражает классификацию педагогических ресурсов [13, с. 24]. Обзор данного сайта и портала сайтов для студентов и преподавателей французского языка «Methodologis» <http://methodologis.pagesperso-orange.fr/>, где широко представлена методическая документация и собрано достаточно большое количество интересных ссылок на Интернет-сайты, позволяет добавить, что они способствуют формированию и развитию всех видов коммуникативной компетенции как на занятиях, так и во внеаудиторное время. Индивидуальный сайт-портал преподавателя французского языка М. Оверманна <http://portail-du-fle.info/> и специализированный интернет-сервис www.rfi.fr предлагают разнообразный дидактический и учебный материал, разработанный для всех видов речевой деятельности, в соответствии с уровнем владения языком. На сайте иностранных и региональных языков образовательного портала Франции <http://eduscol.education.fr/lettres/pratiques/tice-fls-fle/portails-sites> «публикуются научные доклады и практические руководства по применению новых технологий в обучении французскому языку», что способствует повышению самообразования преподавателей [11, с. 99].

2. Программные инструменты, службы коммуникации и обмена: обработка текста, программное обеспечение презентации и управления форумом, портфолио, электронная почта, чат, платформа дистанционного обучения. Такие средства асинхронной коммуникации, как форум и электронная почта, позволяют: обмениваться информацией; организовывать он-лайн дискуссии; отрабатывать навыки чтения и письма; формировать лингво-культурологическую компетенцию. В качестве примера можно привести форум преподавателя на сайте [francparler \(http://www.francparler.info/forum2/\)](http://www.francparler.info/forum2/). В современном образовательном процессе «существуют различные виды языкового портфолио, в зависимости от его целевой направленности. Меняются и формы его исполнения, на смену бумажной формы портфолио приходят электронные и веб-портфолио» [5, с. 5]. Технология «языковое портфолио» позволяет студенту самостоятельно определять уровень владения языком. Проведение занятий в чате способствует «практике говорения, аудирования и письма на французском языке; позволяет преподавателю проводить нетрадиционные виды уроков (чат-семинар или мастер-класс с использованием презентации, чат-проекты со студентами из других стран); консультации; осуществлять контроль и оценку степени усвоения студентами изученного материала» [11, с. 97]. При дистанционном обучении «чат создает виртуальный класс для проведения занятий с помощью группового текстового общения и рабочей доски» [9]. Воспользовавшись этой ссылкой, студенты из разных стран смо-

гут осуществить общение в чате на различные темы: <http://www.studentsoftheworld.info/menumentreamis.php>.

3. Общие справочные материалы: географическая информационная система, словари, тематическая лексика, виртуальные музеи, энциклопедии, антологии, биографии знаменитостей. Для совершенствования понимания устной и письменной речи, а также для отработки навыков говорения преподаватель может использовать сайты: биографий знаменитостей <http://www.stars-celebrites.com/>, виртуальных музеев Лувра и д'Орсе <http://www.louvre.fr/>, <http://www.musee-orsay.fr/>. Наиболее известны электронные словари: www.lexilogos.com, <http://www.larousse.fr/dictionnaires>; энциклопедии: <https://www.fr.wikipedia.org>, <http://www.universalis.fr/>.

4. Базы данных и защищенные материалы: фотографии, видео, комиксы, музыкальные и художественные произведения, архивы радио- и телепередач, периодические издания, различные карты, официальные документы, учебники, руководства для преподавателя, статистические базы данных, каталоги. Хотя сайты для широкой публики и не предназначены специально для обучения, но они могут применяться в педагогической практике в качестве аутентичных материалов. В рамках самостоятельной работы на заданную тему студент имеет возможность получить доступ к информации на французском языке в соответствии с его индивидуальными интересами. Электронные периодические издания на сайтах <http://www.journauxfrancais.net> и <http://www.press-directory.com/> позволяют обучающимся использовать более широкий спектр периодических изданий независимо от их географического положения, а преподавателю «экономить время при подготовке занятия (к некоторым текстам составляются словари, вопросы и задания)» [2]. К возможности «работать с новостями в Интернете, а также в режиме радио, прибавляется возможность совершенствовать навыки чтения и аудирования» [11, с. 99]. Кроме того, посещение таких сайтов, как <http://tv5.org/>, <http://www.ina.fr/>, <http://www.artetv.fr/> позволяет найти значительное разнообразие тем, встретиться с известными деятелями культуры, быть свидетелем социальных дискуссий, что способствует осуществлению социо-культурной компетенции. В формировании всех составляющих коммуникативной компетенции представляется возможным использовать сайты: со сведениями об авторах и их произведениях <http://lirenligne.net/>; видеосюжетами программ TF 1 <http://www.tf1.fr/> и «За или против» («Pour ou contre») по созданию социальных опросов <http://pouroucontre.com/>. К данной категории ЦОР относят и базы данных электронных библиотек. Например, <http://www.bnf.fr/fr/acc/x.accueil.html> — веб-сайт Национальной библиотеки Франции, в приложении которого имеется педагогический сайт <http://classes.bnf.fr/index.php>. На данном сайте представлен широкий спектр методических разработок, полезных для всех аспектов речевой деятельности.

5. Образовательные приложения, предназначенные для обучения вне учебного класса и вне режима «он-лайн»: образовательные и познавательно-развлекательные игры, ролевые игры, кроссворды, головоломки, приложения для самооценки. Игровая технология позволяет развивать следующие компетенции: языковую (отработка определенных грамматических и лексических конструкций; изучение интернациональных моделей); речевую (совершенствование навыков говорения и аудирования). Для повышения мотивации и развития новой деятельности у студентов можно рассмотреть сайты: ролевых игр, <http://lewebpedagogique.com/jeuLangue/ressources>

pour-la-classe-de-fle/ и <http://eduscol.education.fr/numerique/dossier/apprendre/jeux-serieux/cadre-educatif>, тематических кроссвордов <http://www.clicmaclasse.fr/francais/mots-croises/>. Сайты <http://lewebpedagogique.com/ressources-fle/tag/niveaux-a1/> и <http://www.lepointdufle.net/tests-de-francais.htm> позволяют студентам осуществлять самоконтроль и самооценку.

6. Образовательные приложения, используемые в учебных заведениях или при дистанционном обучении: обучающие программы, дистанционное обучение, домашние задания, интерактивные диктанты, кроссворды, головоломки, практические и контрольные работы, средства для контроля и самооценки, банк данных по методическим разработкам, веб-квесты или *cyber-rallye*, виртуальные и коллективные письма, электронные кейсы и учебники. На сайте <http://flenet.rediris.es/actipedago.html> собраны вышеизложенные приложения, содержащие педагогические разработки и позволяющие формировать и развивать навыки письма, аудирования, говорения, чтения. Технология использования компьютерных программ способствует эффективному обучению французскому языку на всех уровнях. «Мультимедийные программы предназначены как для аудиторной, так и самостоятельной работы студентов и направлены на развитие лексико-грамматических навыков» [5, с. 6]. Образовательный веб-квест представляет собой сайт в интернете, предназначенный для выполнения исследовательской проектной деятельности учащегося. Данная технология направлена на развитие продуктивных видов деятельности и творческих способностей студентов. Педагогический опыт по использованию данной технологии представлен на сайтах <http://leonardofrances.en.eresmas.com/webquete/sisley.htm> и <http://flenet.rediris.es/acti/nadineB/volmuseeNB.html>.

Подводя итоги, следует сказать о преимуществах и недостатках использования ЦОР на уроке иностранного языка. Применение интернет-ресурсов способствует качественному обучению всем видам и аспектам речевой деятельности; расширению потока информации; развитию социо-культурной компетенции учащихся; повышению у студентов устойчивой мотивации; осуществлению индивидуального подхода в обучении и развитию самостоятельной работы студентов. Однако, наряду с положительными моментами, существуют и недостатки использования образовательных ресурсов в процессе обучения: не у всех студентов есть компьютер; не все преподаватели владеют компьютерной грамотностью; недостаточность оборудования аудитории компьютерными средствами. Поэтому, учитывая вышесказанное, при организации урока необходимо учитывать критерии целесообразности применения компьютера и полезности применения технологии ЦОР.

ВЫВОДЫ

Таким образом, можно сделать вывод, что использование ЦОР в обучении французскому языку позволяет более эффективно решать дидактические задачи, осуществлять деятельностный подход в обучении, восполнять отсутствие иноязычной среды, создавать наилучшие условия для программирования и контроля, повышать мотивацию и автономность студентов.

В дальнейшем видится перспективным рассмотрение вопроса о применении компьютерных средств обучения при овладении различными аспектами языка.

Список литературы

1. Глоссарий. Единая коллекция ЦОР [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://school-collection.edu.ru/glossary/> (дата обращения: 03.05.2016)
2. Донецкая О. И. Интернет-технологии в образовании: обзор / О. И. Донецкая [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ksu.ru/f21/k2/posob/index1.htm> (дата обращения: 03.05.2016)
3. Захарова И. Г. Информационные технологии в образовании: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / И. Г. Захарова. – М.: Академия, 2003. – 192 с.
4. Методология использования ЭОР нового поколения в учебном процессе [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://student-madi.ru/METODIKA/22.doc> (дата обращения: 03.05.2016)
5. Мидова В. О. Акмелингвистика «Продуктивные технологии в обучении иностранному языку» / В. О. Мидова [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://sdo.rea.ru/cde/Conference/20/ile.php?fileId=41> (дата обращения: 03.05.2016)
6. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / Е. С. Полат, М. Ю. Бухаркина, М. В. Моисеева, А. Е. Петров; [Под ред. Е. С. Полат]. – М.: Академия, 2009. – 269 с.
7. Педагогические аспекты формирования коллекций цифровых образовательных коллекций [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.orenedu.ru/files/koncept/obraz_vzr/cor.doc (дата обращения: 03.05.2016)
8. Полякова Н. В. Использование метода веб-квест в процессе обучения французскому языку / Н. В. Полякова [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.nop-dipo.ru/ru/node/442> (дата обращения: 03.05.2016)
9. Технология проведения учебных занятий в чате [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://connect.vyatsu.ru/content/tehnologiya-provedeniya-uchebnykh-zanyatii-v-chate> (дата обращения: 03.03.2016)
10. Цифровые образовательные ресурсы [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://mirznani.com/info/tsifrovye-obrazovatelnye-resursy_310086 (дата обращения: 03.03.2016)
11. Шибеева И. В. К вопросу о применении информационно-коммуникативных технологий в обучении французскому языку / И. В. Шибеева // Культура народов Причерноморья. – 2012. – № 226 – С. 96-100.
12. Bibeau R. Taxonomie des ressources numériques et des projets éducatifs et quelques difficultés d'intégration des TIC en classe / R. Bibeau [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.robertbibeau.ca/taxonomie.doc> (дата обращения: 03.03.2016)
13. Louveau E., Mangenot F. Internet et la classe de langue / E. Louveau, F. Mangenot. – Paris: CLE international, 2006. – 160 p.

ABOUT USING MODERN DIGITAL EDUCATIONAL RESOURCES IN TEACHING THE FRENCH LANGUAGE IN AN INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION

Shibaeva I. V.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimea Federal University, Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: irich_97@mail.ru*

The research is devoted to the problem of using digital educational resources (DERs) in teaching the French language in an institution of higher education. Using computer technologies leads to considerable changes in the content, forms and methods of teaching a foreign language. The Internet-resource involving provides realizing a new methodological activity approach to teaching foreign languages. The main aim of the stage of work was to reveal the opportunities of using DERs in the process of teaching the French language. To achieve the aim the following subaims were formulated: to analyze the definition and make more exact the meaning of the notion «digital educational resources»; to submit the classifications of the DERs and their categories in the works of the domestic and foreign scientists; to make up the list of the authentic DERs for work at all the aspects of mastering the foreign (French) speech; to describe the methodic recommendations as for their using.

The object of the work is the process of teaching the French language under the conditions of «computerizing» the educational process. During the work there were used the scientific such methods: critical analysis of the scientific and methodical literature and summing up the experience of the domestic and foreign researchers. Having analyzed the theoretical workouts of such modern Russian and foreign scientists as for the problem of the research: V. A. Krasilnikova, I. G. Zakharova, A. N. Bogomolova, A. D. Gartsova, F. Mangenot, E. Louveau, Ch. Develotte, R. Bibeau. in the article one analyzes the definition and outlines the notion «digital educational resources». There have been defined the purposes of using DER in teaching the foreign language. One represents the types of the DERs as for the educational and methodic functions (electronic text-books, electronic manuals, electronic educational and methodic complexes, electronic editions of controlling knowledge, abilities and skills) and as for the information type (DERs with text, visual, combined, audio, audio-visual information, interactive models, DERs with complex structure). As the core of the research there is adopted the classification of the teaching and educational resources (according to their nature, characteristics, and kinds of using), submitted by a famous Canadian researcher R. Bibeau: 2 main groups of the DERs (the resources, downloaded on the optical carriers and the resources, downloaded in the Internet of Intranet) are subdivided into 6 categories (1. Portals, searching systems. 2. Program tools, the services of the communication and exchange. 3. General reference materials. 4. Databases and protected materials. 5. Educational supplements meant for teaching out-of-classroom and off-line. 6. Educational supplements used in the educational establishment and during the distant teaching. One has defined the functions and has analyzed the possibilities of using the educational resources in teaching the French language. One has analyzed the role of each category of the DERs in forming all the types of the speech activities (listening comprehension, speaking, reading, writing) and communicative competence (speech, language, sociocultural, compensatory, educational and cognitive). The review of the Internet sites containing the collections of the digital educational resources on the French language has been made. One has analyzed the DERs advantages and disadvantages in teaching the foreign language.

Keywords: digital educational resources, activity approach, information and communication technologies, speech activities, communicative competence.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Александрова
Ольга Николаевна кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
- Андрюхина
Светлана Владимировна ассистент кафедры теории и практики перевода Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
- Аникеева
Елена Александровна старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2 Института филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
- Арбузова
Наталья Васильевна старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1 Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
- Банах
Лилия Сергеевна кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
- Бондаренко
Лидия Валериевна кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Брудик
Лариса Викторовна

старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1 Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Гавришева
Галина Петровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры романской и классической филологии Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Гаврюшина
Екатерина Александровна

преподаватель кафедры иностранных языков № 1 Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Гайдаш
Анна Александровна

специалист по учебно-методической работе кафедры иностранных языков № 3 Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Георгиади
Александр Константинович

старший преподаватель кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Георгиади
Александра Анатольевна

кандидат педагогических наук, ассистент кафедры английской филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Гуменюк Виктор Иванович	доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой украинской филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Дещенко Марина Геннадьевна	старший преподаватель кафедры иностранных языков №1 Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Дружинина Татьяна Александровна	ведущий библиотекарь ГБУК РК «КРУНБ», г. Симферополь
Емельянова Татьяна Анатольевна	ассистент кафедры романской и классической филологии Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Еримизина Екатерина Николаевна	студентка Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Князева Наталья Андреевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь
Кравинская Юлия Юрьевна	старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2 Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Кушнарёва Светлана Евгеньевна	преподаватель кафедры иностранных языков №1; аспирант кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Кушнарёва Татьяна Ивановна	кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков № 4 Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Левцова Снежана Анатольевна	преподаватель кафедры иностранных языков № 2 Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Лесова-Юзефович Надежда Сергеевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры романской и классической филологии Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Литинская Евгения Петровна	кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет», г. Петрозаводск
Ломакина Ирина Николаевна	ассистент кафедры английской филологии Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Мазина Елена Николаевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Миколайчик Маргарита Владимировна	кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 3 Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Никитина Мария Сергеевна	специалист кафедры иностранных языков № 4 Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Пападимитриу Христина Παπαδημητρίου Δ. Χριστίνα	Διδάκτωρ Νεοελληνικής Φιλολογίας, Φιλολογικός σύλλογος Σερρών, Μουσικό Σχολείο Σερρών, Ελλάδα
Пилипей Наталья Анатольевна	преподаватель кафедры иностранных языков № 2 Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Полховская Елена Васильевна	кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Посохова Екатерина Васильевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков №2 Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Путинцев
Алексей Николаевич

студент 1 курса магистратуры факультета восточной филологии Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, г. Москва

Радченко
Татьяна Анатольевна

ассистент кафедры английской филологии Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Саитхалилова
Ленияра Рустемовна

ведущий специалист кафедры романской и классической филологии Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Сдобнова Светлана
Викторовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь.

Семенова
Диана Иосифовна

старший преподаватель кафедры иностранных языков №1 Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Сердюк
Елена Николаевна

ассистент кафедры английской филологии Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Силин Владимир Васильевич	кандидат филологических наук, доцент кафедры романской и классической филологии Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Скляренко Алла Викторовна	старший преподаватель кафедры иностранных языков №1 Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Старовойтова Оксана Владимировна	заведующая библиотекой им. О. И. Домбровского, ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН», г. Симферополь
Чекалина Татьяна Владимировна	старший преподаватель кафедры романской и классической филологии Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Черезова Марьяна Владимировна	кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1 Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Чернышова Татьяна Георгиевна	кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков № 4 Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Чернявская Олеся Григорьевна	старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1 Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Шевченко
Светлана Александровна

заведующая отделом иностранной литературы Государственного бюджетного учреждения культуры Республики Крым «Крымская республиканская универсальная научная библиотека им. И. Я. Франко», г. Симферополь

Шестакова
Елена Сергеевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1 Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Шibaева
Ирина Вадимовна

старший преподаватель кафедры романской и классической филологии Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Александрова О. Н.	
Влияние европейского сюрреализма на творчество Одиссеаса Элитиса	3
Андрюхина С. В.	
«Идея Испании» в творчестве Артуро Переса-Реверте.....	10
Аникеева Е. А.	
Интертекстуальные игры Патрика Зюскинда: «Парфюмер» как «роман воспитания»	17
Банах Л. С.	
Художественный дневник как композиционный центр в романах Маро Дука	22
Бондаренко Л. В.	
Этническое своеобразие нарратива в романе Салмана Рушди «Дети полуночи»	29
Гавришева Г. П.	
Категория времени во французском автобиографическом романе: компаративный анализ	35
Гайдаш А. А.	
Семантика фразеологических единиц как зеркало менталитета британского и русского народов XX века (на материале романа У. Голдинга «Повелитель мух»)	43
Гуменюк В. И.	
Пьеса Вильяма Шекспира «Ричард III» на крымской сцене	52
Дещенко М. Г.	
Литературная сказка Нила Геймана: переосмысление традиции как основа творческого метода писателя (на материале повести «Звездная пыль»)	59
Дружинина Т. А.	
Итоги республиканского исследования «Краеведческие фонды крымских библиотек: проблемы и перспективы»	64
Еримизина Е. Н., Полховская Е. В.	
Специфика создания сенсорного напряжения в творчестве Дженет Уинтерсон	69

Кравинская Ю. Ю.	
Вити Ихимаэра «Дорогая мисс Мэнсфилд»: деконструкция новозеландского бикультурализма	74
Лесова-Юзефович Н. С.	
Проблема семейных отношений в романе «Просто вместе» Анны Гавальда	82
Литинская Е. П.	
Некоторые аспекты перевода лексики романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди» на новогреческий язык	94
Ломакина И. Н.	
Специфика синергетических моделей в прозе Дона Делилло	100
Никитина М. С.	
Специфика французских народных сказок	108
Παπαδημητρίου Δ. Χριστίνα	
Οι ρωσοί ηρωες στη νεοελληνική λογοτεχνία: τυπολογία - ιστορικές συναρτήσεις – ιδεολογικά αποτυπώματα	114
Пилипей Н. А.	
Творчество Джулиана Барнса в литературоведческо-критическом осмыслении: проблемы и перспективы	123
Полховская Е. В., Мазина Е. Н.	
Способы реализации категории метафикциональности в драматическом тексте	129
Посохова Е. В.	
Авторская дистанция в эстетике диалогизма: «Меня зовут красный» Орхана Памука	135
Радченко Т. А.	
Гетеротопии в романе М. Эмиса «Беременная вдова»	140
Сдобнова С. В.	
Экфрастический концепт повести Г. Гессе «Нарцисс и Гольдмунд»	151
Сердюк Е. Н.	
Конфликт героя и среды в университетском романе Тома Вулфа «Я – Шарлотта Симмонс»	156

Силин В. В.	
Функции символического образа книги в романе Мишеля Бютора «Изменение» (1957)	162
Старовойтова О. В.	
Эпиграфия Крыма и коллекция Э. И. Соломоник: ресурс для развития	168
Шапошник Н. А., Емельянова Т. А.	
Концепт «музыка» в романе М. Дюрас «Модерато кантабиле»	173
Шевченко С. А.	
Роль библиотеки в сохранении и развитии языка и литературы как части культуры народа. Из опыта работы ГБУК РК «Крымская республиканская универсальная научная библиотека им. И. Я. Франко»	181

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Брудик Л. В., Арбузова Н. В., Гаврюшина Е. А.	
Особенности формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыковых вузов	188
Георгиади А. А., Георгиади А. К.	
К вопросу об организации и проведении учебной практики бакалавров-филологов	195
Кнышева Н. А.	
Reading proficiency as part of philological competence	202
Кушнарёва С. Е.	
МООС как форма дистанционного образования	209
Кушнарёва Т. И.	
Межпредметные связи при обучении иностранным языкам в магистратуре неязыкового вуза	214
Левцова С. А.	
Перспективы использования современных средств дистанционного обучения иностранному языку	219

СОДЕРЖАНИЕ

Миколайчик М. В.

Реферативные базы научных публикаций
в преподавании английского языка на факультете
психологии: от простого к сложному225

Скляренко А. В., Семёнова Д. И.

Роль интернет-ресурсов в обучении
иностранному языку для специальных целей233

Чекалина Т. В., Саитхалилова Л. Р.

Использование межпредметных связей при обучении
латинскому языку как средства оптимизации процесса
овладения грамматикой изучаемых иностранных языков238

Черезова М. В., Шестакова Е. С.

Педагогические условия формирования иноязычной
коммуникативной компетентности у студентов неязыкового вуза244

Чернышова Т. Г.

Междисциплинарный подход в обучении
студентов-магистров неязыкового вуза
иностранным языкам256

Чернявская О. Г.

Дидактический потенциал корпусных технологий
в преподавании иностранных языков261

Шибеева И. В.

О применении современных цифровых образовательных
ресурсов в обучении французскому языку в вузе267

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ274

